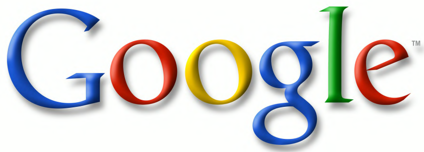
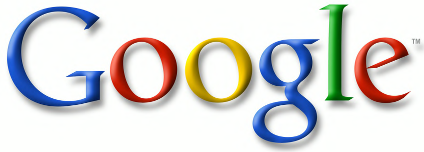




КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ И РАСПОЛОЖЕННЫЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

МЫСЛИ МНОГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБЪ ИСТИНѢ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНІИ.

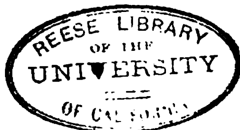
Изданіе „ПОСРЕДНИКА“,

напечатанное подъ личнымъ наблюденіемъ Л. Н. Толстого.

№ CXXXII.

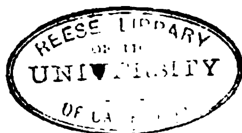
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Пименовская ул., соб. д.

Москва — 1910.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысли, собранныя здѣсь, взяты мною изъ очень большого количества сочиненій и сборниковъ мыслей, списокъ которыхъ приложенъ въ концѣ книги.

Мысли безъ подписи или взяты мною изъ сборниковъ, въ которыхъ не обозначены ихъ авторы, или принадлежатъ мнѣ.

Остальныя мысли подписаны ихъ авторами, но, къ сожалѣнію, когда я выписывалъ ихъ, я не обозначалъ точно, изъ какого именно сочиненія онѣ взяты.

Часто я переводилъ мысли авторовъ не съ подлинниковъ, а съ переводовъ на другіе языки, и потому переводы мои могутъ оказаться не вполнѣ вѣрны подлинникамъ. Другая причина, по которой мысли эти могутъ не вполнѣ соотвѣтствовать подлинникамъ, въ томъ, что, выбирая часто отдѣльныя мысли изъ длиннаго разсужденія, я долженъ былъ, для ясности и цѣльности впечатлѣнія, выпускать нѣкоторыя слова и предложенія и иногда, хотя и очень рѣдко, замѣнять одни слова другими.

Надѣюсь, что читатели извинятъ меня—какъ за то, что я не указываю такихъ сочиненій и изданій, изъ

1*

которыхъ взяты мысли, также и за нѣкоторую неточность переводовъ, принявъ во вниманіе то, что желающіе и могущіе прочесть выбранныя мною мѣста въ подлинникахъ всегда могутъ найти ихъ или въ оригиналѣ, или въ точныхъ переводахъ, а, главное, въ виду того, что *цѣль моей книги состоитъ* не въ томъ, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а *въ томъ, чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневный кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства.*

Я желалъ бы, чтобъ читатели испытали при ежедневномъ чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечитываніи.

Левъ Толстой.

Декабрь 1904 г. Ясная Поляна.

КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

1-е января.

Ни въ чемъ такъ, какъ въ знаніи, не важно предпочтеніе немногаго хорошаго большому количеству не только дурного, но даже посредственнаго.

1.

Размышляйте о томъ, что у васъ есть въ вашей маленькой избранной библіотекѣ. Общество мудрѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей, которое можетъ быть избрано изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ на протяженіи тысячи лѣтъ, предоставило вамъ въ лучшемъ порядкѣ результаты своего изученія и своей мудрости. Сами люди скрыты и недоступны, уединены и были бы нетерпѣливы, если бы ихъ прервали, были бы удалены отъ васъ этикетомъ, но мысль, которую они не открывали даже лучшимъ своимъ друзьямъ, написана здѣсь ясными словами для насъ, постороннихъ людей иного вѣка. Мы обязаны книгамъ тѣми главными благодѣяніями, которыя исходятъ отъ высокихъ, разумныхъ дѣйствій.

Эмерсонъ.

2.

Мы изъ породы жвачныхъ, и недостаточно только набивать себя разными коллекціями книгъ: если только мы не пережуемъ всего хорошенько, книги намъ не дадутъ силы и питанія.

Локкъ.

3.

Слѣди за тѣмъ, чтобы чтеніе многихъ авторовъ и всякаго рода книгъ не произвело смутности и неопредѣленности въ умѣ. Слѣдуетъ останавливаться и питать свой умъ писателями несомнѣннаго генія и достоинства, если желаемъ извлечь что-нибудь, могущее съ пользою быть усвоеннымъ. Излишнее обиліе книгъ развлекаетъ умъ. Поэтому читай всегда книги, заслужившія добрую славу. Если когда-нибудь явится желаніе перейти на время къ другого рода сочиненіямъ, не забывай никогда возвращаться опять къ прежнимъ.

Сенека.

4.

Читайте прежде всего лучшія книги, а то вы и совсѣмъ не успѣете прочесть ихъ.

Торо.

5.

Читать слѣдуетъ тогда только, когда изсякъ источникъ собственныхъ мыслей, что нерѣдко случается и съ самымъ умнымъ человѣкомъ. Но спугнуть, ради книги, собственную, неокрѣпшую мысль—это значитъ совершить преступленіе противъ духа.

Шопенгауэръ.

6.

Въ литературѣ повторяется то же, что въ жизни. Куда ни обернешься, наталкиваешься на неисправимую чернь человѣчества,—имя же ей легіонъ,—всюду кишащую и все загаживающую, словно лѣтнія мухи. Отсюда такое размноженіе плохихъ книгъ, такой необычайный урожай литературныхъ плевелъ, заглушающій хорошее зерно. Подобныя книги крадутъ у публики время, деньги и вниманіе, которыя, по-настоящему, должны бы доставаться на долю отборныхъ произведеній и честныхъ задачъ.

Плохія книги не только безполезны, но положительно вредны. Вѣдь девять десятыхъ текущей литературы только затѣмъ и публикуются, чтобы выманить изъ кармана довѣрчивой публики пару лишнихъ талеровъ; ради этого же авторы, издатели и типографщики умышленно утолщаютъ книжки.

Еще болѣе вредный, наглый и безсовѣстный обманъ совершаютъ построчные писаки: взимая по грошу за строчку своей стряпни, эти поденщики извращаютъ вкусъ читателя и уничтожаютъ истинную культуру.

Въ противовѣсъ этой пагубѣ необходимо отвыкать читать, т.-е., выражаясь другими словами, не слѣдуетъ вовсе читать книгъ, которыя занимаютъ общественное вниманіе или производятъ шумъ. Нужно, попросту говоря, отплевываться отъ всѣхъ тѣхъ изданій, первый годъ существованія которыхъ будетъ и послѣднимъ ихъ годомъ.

Нельзя, впрочемъ, не оговориться, что кто пишетъ для глупцовъ, тотъ всегда найдетъ обширный кругъ читателей; а между тѣмъ человѣчеству слѣдовало бы употреблять коротко и скупо отмѣренныя существованія на ознакомленіе съ первоклассными мастерами всѣхъ вѣковъ и національностей, съ геніальными художниками, поднимающимися, словно башни, надъ массою, съ именами, увѣнчанными безсмертною славою. Только писатели этого сорта способны *образовывать и поучать*.

Плохихъ книгъ никогда не прочтемъ мы слишкомъ мало, а хорошихъ никогда не удастся прочесть слишкомъ много. Плохія книги—нравственный ядъ, притупляющій умъ.

Вслѣдствіе того, что толпа упорствуетъ читать не лучшія книги всѣхъ временъ, но лишь новѣйшія произведенія современной литературы, теперешніе писаки вертятся въ тѣсномъ кругѣ все тѣхъ же повторяемыхъ идей, всѣ твердятъ одно и то же, и нашъ вѣкъ не вылѣзаетъ изъ собственной грязи.

Шопенгауэръ.

Различіе между ядами вещественными и умственными въ томъ, что большинство ядовъ вещественныхъ противны на вкусъ, яды же умственные въ видѣ газетъ и дурныхъ книгъ часто привлекательны, и тѣмъ болѣе привлекательны, чѣмъ вкусъ болѣе извращенъ.

2-е января.

Одно изъ самыхъ грубыхъ суевѣрій есть суевѣріе научныхъ людей о томъ, что человѣкъ можетъ жить безъ вѣры.

1.

Всегда, во всѣ вѣка люди жаждали знать или имѣть, по крайней мѣрѣ, какое-нибудь понятіе о началѣ или конечной цѣли своего земного существованія, и религія являлась, чтобы научить ихъ и дать общій принципъ, руководящій человѣчествомъ, и чтобы освѣтить ту связь, которая соединяетъ всѣхъ людей, какъ братьевъ, имѣющихъ одинъ общій источникъ происхожденія, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цѣль.

Іосифъ Мадзини.

2.

Истинная религія есть такое установленное человѣкомъ отношеніе къ окружающей его безконечной жизни, которое связываетъ его жизнь съ этою безконечностью и руководитъ его поступками.

3.

Сущность всякой религіи состоитъ только въ отвѣтѣ на вопросъ, зачѣмъ я живу и какое мое отношеніе къ окружающему меня безконечному міру. Нѣтъ ни одной религіи, отъ самой возвышенной и до самой грубой, которая не имѣла бы въ основѣ своей этого установленія отношенія человѣка къ окружающему его міру или первопричинѣ его.

4.

Религія есть высшій и благороднѣйшій дѣятель въ воспитаніи человѣка, величайшая сила цивилизаціи, между тѣмъ какъ внѣшнія проявленія вѣры и политическая, эгоистическая дѣятельность суть главныя препятствія прогресса человѣчества. Сущность религіи, вѣчная и божественная, одинаково наполняетъ сердце человѣка вездѣ, гдѣ только оно чувствуетъ и бьется. Логическій

выводъ нашихъ изслѣдованій указываетъ намъ на единую основу всѣхъ великихъ религій, на единое ученіе, развивающееся съ самаго начала жизни человѣчества до настоящаго дня.

Въ глубинѣ всѣхъ вѣръ течетъ потокъ единаго вѣчнаго откровенія, единой религіи слова Божія, обращеннаго къ человѣку.

Пускай парсы носятъ свои таовиды, евреи свои филактеріи, христіане свой крестъ, мусульмане свой полумѣсяцъ, но пусть всѣ они помнятъ, что это только формы и эмблемы, тогда какъ основная сущность всѣхъ религій—любовь къ ближнему — одинаково требуется Іисусомъ, Павломъ, Ману, Зароастромъ, Буддой, Моисеемъ, Сократомъ, Гиллелемъ, Магометомъ.

Морисъ Флюгель.

5.

Не содержаніе извѣстныхъ ученій какъ божественныхъ откровеній (ибо это называется теологіей), но содержаніе всѣхъ нашихъ обязанностей вообще, какъ Божьихъ заповѣдей, составляетъ религію.

Кантъ.

Жизнь человѣка безъ вѣры—жизнь животнаго.

3-е января.

Пища моя въ томъ, чтобы творить волю Пославшаго меня и совершить дѣло Его. У каждаго изъ насъ это дѣло Его. Мы можемъ не знать, въ чемъ это дѣло, но не можемъ не знать, въ чемъ должно состоять наше участіе въ немъ.

1.

Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго.

Мѳ. VII, 21.

2.

Если нѣтъ силъ горѣть и разливать свѣтъ, то хоть не застить его.

3.

Тотъ, кто знаетъ правила здраваго разума, ниже того, кто ихъ любитъ. Тотъ, кто ихъ любитъ, ниже того, кто ихъ исполняетъ.

Китайская мудрость.

4.

„То ли ты дѣлалъ, что нужно дѣлать"—получаетъ огромную важность, потому что единственный смыслъ жизни твоей только въ томъ, то ли ты дѣлаешь въ этотъ короткій, данный тебѣ срокъ жизни, чего хочетъ отъ тебя Тотъ, Кто послалъ тебя въ жизнь. То ли ты дѣлаешь?

Талмудъ.

5.

Мнѣ тяжело, я прошу Бога помочь мнѣ. Да вѣдь мое дѣло служить Богу, а не Ему служить мнѣ. Стоитъ вспомнить это, и тяжесть облегчится.

6.

Нѣтъ антагонизма между землей и небомъ, и было бы кощунствомъ думать, что то созданіе Божіе, та обитель, которую онъ намъ далъ, можетъ быть презираема и предоставлена во власть зла, эгоизма и тиранніи. Земля не есть мѣсто искупленія, это то наше жилище, въ которомъ мы должны трудиться для достиженія идеала правды и справедливости, идеала, зародыши котораго каждый человѣкъ таитъ въ своей душѣ.

Мадзини.

7.

Человѣческій нашъ трудъ мы должны выполнять честно и безукоризненно, независимо отъ того, надѣемся ли мы со временемъ стать ангелами или вѣря въ то, что мы когда-то были слизняками.

Джонъ Рёскинъ.

Вообрази себѣ, что цѣль жизни — твое счастіе — и жизнь тогда жестокая безсмыслица. Признай то, что говоритъ преданіе, разумъ и

сердце, что жизнь есть служеніе Тому, Кто послалъ тебя въ міръ, и жизнь становится разумнымъ и радостнымъ—не состояніемъ, а прохожденіемъ.

4-е января.

Если бы мы и не хотѣли этого, мы не можемъ не чувствовать нашей связи со всѣмъ міромъ людей: насъ связываетъ и промышленность, и торговля, и искусства, и знанія, и, главное, единство нашего положенія, нашего отношенія къ міру.

1.

Добрые люди другъ другу пособляютъ, даже не подозрѣвая того; а злые умышленно противодѣйствуютъ одинъ другому.

Китайская пословица.

2.

У всякаго свое бремя, свои недостатки; никому нельзя обойтись безъ помощи другихъ; а потому мы должны помогать другъ другу утѣшеніемъ, совѣтами и взаимными предостереженіями.

3.

Устройство міра, въ которомъ мы живемъ, таково, что тысяча людей, работая вмѣстѣ, могутъ произвести во много разъ больше, чѣмъ сколько могла бы произвести та же тысяча человѣкъ, работая порознь. Однако это не доказываетъ еще необходимости того, чтобы девятьсотъ девяносто девять человѣкъ дѣлались, въ сущности, рабами одного.

Генри Джорджъ.

4.

Хорошій человѣкъ учитель дурного; дурной человѣкъ то самое, надъ чѣмъ долженъ работать хорошій человѣкъ. Тотъ, кто не уважаетъ своего учителя и не любитъ того, надъ чѣмъ долженъ работать, хотя бы и былъ очень уменъ, ошибается.

Лао-Тсе.

Вся исторія человѣчества съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ ее, есть движеніе человѣчества все къ большему и большему единенію. Единеніе это совершается самыми разнообразными средствами, и служатъ ему не только тѣ, которые работаютъ для него, но даже тѣ, которые противятся ему.

5-е января.

Одинъ человѣкъ крикнетъ въ наполненномъ народомъ зданіи: „горитъ!"—и толпа бросается, и убиваются десятки, сотни людей. Таковъ явный вредъ, производимый словомъ. Но вредъ этотъ не менѣе великъ и тогда, когда мы не видимъ людей, погибшихъ отъ нашего слова.

1.

Рана, нанесенная огнестрѣльнымъ оружіемъ, еще можетъ быть излѣчена, но рана, нанесенная языкомъ, никогда не заживаетъ.

Персидское изреченіе.

2.

Ибо всѣ мы много согрѣшаемъ. Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло. Вотъ, мы влагаемъ удила въ ротъ конямъ, чтобы они повиновались намъ, и управляемъ всѣмъ тѣломъ ихъ; вотъ и корабли, какъ ни велики они и какъ ни сильными вѣтрами носятся, небольшимъ рулемъ направляются, куда хочетъ кормчій; такъ и языкъ небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ; и языкъ—огонь, прикраса неправды. Языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ воспаляемъ отъ геенны... Мудръ ли и разуменъ кто изъ васъ? докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостью.

Посл. Іакова III, 2—6, 13.

3.

Когда услышишь клевету на людей, не [redacted].

Когда услышишь лесть людямъ, не [redacted] радости. Если услышишь, какъ люди гово[redacted]ности человѣка, не раздѣ[redacted].

Слушай [redacted] о добродѣтели людей, [redacted] подражай и [redacted]дуйся при видѣ добродѣтельнаго. Радуйся [redacted] добрыхъ дѣлахъ. Радуйся распространенію началъ справедливости.

Радуйся распространенію дѣлъ добра. Когда же услышишь о злѣ людей, пусть это будетъ для тебя такъ же больно, какъ иглы, впивающіяся въ спину. Когда же услышишь о добрыхъ дѣлахъ, облекись ими, какъ вѣнками цвѣтовъ.

Китайская мудрость.

4.

Къ спорамъ прислушивайся, но въ споры не вмѣшивайся. Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи. Гнѣвъ вездѣ неумѣстенъ, а больше всего въ дѣлѣ правомъ, потому что затемняетъ и мутитъ его.

Гоголь.

5.

Я сказалъ: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрѣшать мнѣ языкомъ моимъ, буду обуздывать уста мои, доколѣ нечестивый предо мною. Псал. XXXVIII, 2.

Бойся быть нарушителемъ единенія людей, вызвать въ нихъ словами недобрыя чувства другъ противъ друга.

6-е января.

Усиліе нужно для дѣланія добра, но еще нужнѣе для воздержанія отъ зла, для укрощенія страсти и похоти.

1.

Для достиженія святости нѣтъ ничего важнѣе воздержанія. Воздержаніе же должно быть раннею привычкою. Если оно ранняя привычка, то оно пріобрѣтетъ много добродѣтелей. Для того, кто пріобрѣлъ много добродѣтелей, нѣтъ ничего, чего бы онъ не могъ превозмочь. Лао-Тсе.

2.

Все то, чѣмъ люди такъ восхищаются, все, ради пріобрѣтенія чего они такъ волнуются и хлопочутъ, все это не приноситъ имъ ни малѣйшаго счастія. Покуда люди хлопочутъ, они думаютъ, что благо ихъ въ томъ, чего они домогаются. Но лишь только они получаютъ желаемое, они опять начинаютъ волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у нихъ еще нѣтъ. И это очень понятно, потому что не удовлетвореніемъ своихъ праздныхъ желаній достигается свобода, но, наоборотъ, избавленіемъ себя отъ такихъ желаній.

Если хочешь увѣриться въ томъ, что это правда, то приложи къ освобожденію себя отъ своихъ пустыхъ желаній хоть на половину столько же труда, сколько ты до сихъ поръ тратилъ на ихъ исполненіе, и ты самъ скоро увидишь, что такимъ способомъ получишь гораздо больше покоя и счастія. Эпиктетъ.

3.

Претерпѣвшій же до конца спасется.

Мѳ. XXIV, 13.

4.

Слава человѣку, не поддающемуся искушенію. Богъ испытываетъ всякаго: одного богатствомъ, другого бѣдностью, богатаго — от-

кроетъ ли онъ руку нуждающемуся, бѣднаго же—снесетъ ли онъ безропотно, съ покорностью Провидѣнію свои страданія.

Талмудъ.

5.

Лишь того я назову вѣрнымъ возничимъ, кто сдерживаетъ свой гнѣвъ, несущійся подобно стремительной колесницѣ; другіе же, безсильные, только держатся за поводья.

Буддійская мудрость.

6.

Если, обремененный непріятными дѣлами, ты чувствуешь приступъ гнѣва или возмущенія, то спѣши уйти отъ самого себя и не поддавайся впечатлѣніямъ, могущимъ лишить тебя самообладанія. Чѣмъ болѣе мы упражняемся въ томъ, чтобы силою воли вернуться къ спокойному настроенію души, тѣмъ способность удерживать спокойствіе духа усиливается. Маркъ Аврелій.

Сколько бы разъ ни пришлось тебѣ падать, не достигнувъ побѣды надъ своими страстями, не унывай. Всякій періодъ борьбы между двумя паденіями уменьшаетъ силу страсти и облегчаетъ побѣду надъ ней.

7-е января.

Доброта въ отношеніяхъ съ людьми обязательна. Если ты не добръ къ человѣку, ты золъ и возбуждаешь въ немъ злобу.

1.

Живя среди людей, не слѣдуетъ презирать никакую личность, даже самую низкую, жалкую или смѣшную. Необходимо считаться со всякой личностью, признавая въ ней все ей присущее и не-

измѣнное, какъ слѣдствіе вѣчнаго, высшаго закона. Даже въ тяжелыхъ случаяхъ слѣдуетъ думать такъ: „Да, на свѣтѣ должны быть и такіе уроды“. Если же мы относимся къ нимъ враждебно, то мы не только совершаемъ несправедливость, но и вызываемъ такихъ отвергнутыхъ личностей на войну не на животъ, а на смерть. Вѣдь никто не можетъ передѣлать своей индивидуальности, т.-е. своего характера, способностей, темперамента, физіономіи и т. д. Для той личности, сущность которой нами осуждается, остается только бороться съ нами, какъ со смертельнымъ врагомъ: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, самое право ея на существованіе признается нами лишь подъ однимъ условіемъ, что она измѣнится, тогда какъ она неизмѣнима.

А потому, чтобы имѣть возможность жить среди людей, мы должны выносить всякую личность съ присущей ей индивидуальностью, нисколько не разсчитывая на ея измѣненіе и не осуждая ея за то, что она остается такою, какова она есть.

Шопенгауэръ.

2.

Не будьте жестокосерды къ тому, кто подвергается искушенію, но старайтесь утѣшить его такъ, какъ бы вы сами желали быть утѣшены.

3.

1) Не откладывай до завтра, что можешь сдѣлать нынче.

2) Не заставляй другого дѣлать то, что можешь сдѣлать самъ.

3) Покупать ненужное потому только, что оно дешево, не слѣдуетъ.

4) Гордость обходится дороже, чѣмъ все, что нужно для ѣды, питья, жилища, одежды.

5) Рѣдко приходится раскаиваться, что сдѣлалъ слишкомъ мало.

6) Сколько мы перемучились изъ-за того, что̀ не случилось, но лишь могло бы случиться.

7) Если разсердишься, сочти десять; очень разсердишься, сочти сто.

Джеферсонъ.

4.

Никого не презирайте, подавляйте въ своемъ сердцѣ дерзновенныя осужденія, обидныя подозрѣнія на ближняго, объясняйте себѣ съ сердечной простотой чужіе поступки и слова. Искренно предпочитайте другихъ самому себѣ.

Доброта украшаетъ жизнь, разрѣшая всѣ противорѣчія, запутанное дѣлаетъ яснымъ, трудное—легкимъ, мрачное—радостнымъ.

Недѣльное чтеніе.

Бѣдные люди.

Темная, бурная ночь. Въ бѣдной рыбачьей хижинѣ сидитъ у огня Жанни и чинитъ старый парусъ изъ грубаго холста. Она слышитъ, какъ свиститъ и воетъ вѣтеръ, какъ барабанитъ въ окна дождь, какъ гудятъ, плескаясь и разбиваясь о берегъ, волны... На дворѣ шумитъ непогода—темно, холодно. Въ бѣдной рыбачьей хижинѣ тепло и уютно. Земляной полъ чисто выметенъ; въ печи трещитъ хворостъ и пылаетъ огонь; на полкѣ блеститъ чисто вымытая посуда. Въ глубинѣ комнаты старая кровать съ опущеннымъ бѣлымъ пологомъ, а на большомъ тюфякѣ, разостланномъ на полу, сладко спятъ пятеро маленькихъ ребятишекъ, убаюкиваемые гуломъ океана. Мужъ Жанни теперь въ морѣ: онъ отправился на рыбную ловлю. Страшно выѣзжать въ море въ такую темную, холодную, ненастную ночь, да что жъ дѣлать? Не пустить же семью по-міру. Слышитъ Жанни гулъ океана и ревъ вѣтра; изрѣдка долетаетъ пронзительный крикъ чайки. А дождь все идетъ да идетъ. Жутко Жанни. Ей чудятся страшныя картины кораблекрушеній: разбившійся объ утесы корабль, тонущіе матросы... Страшно!..

Старые деревянные часы съ хриплымъ боемъ мѣрно тикаютъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ... Дѣти спятъ.

Жанни задумывается. Да, не легко имъ живется! Мужъ, не жалѣя себя, въ холодъ и бурю пускается въ море, подвергаетъ себя ежеминутно тысячѣ опасностей. Она сидитъ съ утра до вечера за работой. И что жъ? Велики ли ихъ заработки? Маленькіе ребятишки

ея бѣгаютъ босикомъ и лѣтомъ и зимою; о пшеничномъ хлѣбѣ нечего и думать,—хорошо, когда хватаетъ ржаного. Правда, бываетъ иногда и рыба. Слава Богу еще, что дѣти здоровы. О Господи, какъ реветъ океанъ, какъ воетъ вѣтеръ! Гдѣ-то онъ теперь? Сохрани его, Господи, спаси и помилуй!

Спать еще рано. Жанни встаетъ, накидываетъ толстый платокъ, зажигаетъ фонарь и выходитъ на улицу посмотрѣть, не возвращается ли мужъ, не тише ли стало море, не свѣтаетъ ли, и горитъ ли лампа на маякѣ.

Темно. Идетъ мелкій, частый дождь. На краю деревни, на самомъ берегу океана, стоитъ старая, полуразвалившаяся лачуга съ покосившимися черными стѣнами, съ ветхою дверью. Дверь скрипитъ и стучитъ при каждомъ порывѣ вѣтра. Вѣтеръ особенно яростно нападаетъ на эту убогую лачужку, точно хочетъ снести ее; а дверь скрипитъ и стонетъ, и гнилая солома на крышѣ шуршитъ, словно молитъ о пощадѣ. Жанни остановилась у порога лачужки и заглянула въ кривое окошечко. Въ хижинѣ темно. „Надо взглянуть на бѣдную больную,—подумала Жанни.—Я совсѣмъ забыла о ней. Мужъ говорилъ, что ей вчера было хуже. Да и она совсѣмъ одна. Некому приглядѣть за ней“.

И Жанни постучала въ дверь; прислушалась... Въ хижинѣ тишина. Никто не отвѣчаетъ.

„Бѣдная! — думаетъ Жанни, стоя у порога. — Каково хворать, когда надо самой содержать семью! Положимъ, у нея только двое дѣтей; но зато она вдова, и всѣ работы и хлопоты лежатъ на ней одной. А тутъ еще болѣзнь! Эхъ, плохо!“

Она постучала еще и еще. Все нѣтъ отвѣта.

— Эй, сосѣдка! — крикнула Жанни, и подумала: „Вотъ заснула-то, и не добудишься!“

Вѣтеръ завываетъ попрежнему, Жанни начинаетъ уже вздрагивать отъ холода и сырости. Она хочетъ уже идти домой, вдругъ сильный порывъ вѣтра, чуть не сорвавшій съ нея платокъ, потрясъ старую дверь, и она сама распахнулась. Жанни переступила порогъ и вошла. Фонарь ея освѣтилъ внутренность мрачной безмолвной лачуги. Здѣсь было такъ же сыро и холодно, какъ и на улицѣ; видно, давно уже комната не топлена; во многихъ

мѣстахъ крыши дождь льетъ, какъ сквозь сито. У стѣны, прямо противъ двери, на кучѣ грязной соломы, лежитъ трупъ умершей вдовы. Голова закинута назадъ; на холодномъ посинѣвшемъ лицѣ съ незакрытымъ ртомъ застыло выраженіе ужаса и отчаянія... Блѣдная мертвая рука, будто протянувшаяся за чѣмъ-то, упала и свѣсилась съ соломы. Въ двухъ шагахъ отъ трупа матери, въ убогой колыбелькѣ, двое маленькихъ дѣтей, блѣдненькихъ, но кудрявыхъ и толстощекихъ, скорчившись и прижавшись другъ къ другу бѣлокурыми головками, спятъ крѣпко и безмятежно, несмотря на близость мертвеца и ревъ бури. Умирая, мать успѣла закутать имъ ножки большимъ старымъ платкомъ и накрыть ихъ своимъ платьемъ. Одинъ мальчикъ подложилъ подъ щеку пухленькую ручонку; другой — уткнулся личикомъ въ шею брата. Дыханіе ихъ ровно и спокойно, казалось, они спятъ такъ сладко и крѣпко, что ничто не разбудитъ ихъ. А буря все не унимается, завываетъ, реветъ... Вотъ капля дождя сквозь крышу упала на лобъ покойницы и скатилась на холодную щеку—точно слеза на ея тоскливо-искаженномъ лицѣ.

Жанни бѣжитъ домой бѣгомъ. Она несетъ что-то подъ плащомъ. Сердце ея сильно бьется; она не смѣетъ оглянуться назадъ, точно кто гонится за нею. Ужъ не украла ли она чего у покойницы?

Дома она кладетъ свою ношу на кровать и торопливо задергиваетъ пологъ. Потомъ она беретъ стулъ, ставитъ его у кровати и садится, склонясь головой къ изголовью. Она блѣдна и взволнована. Точно мучитъ ее совѣсть, упрекаетъ въ чемъ-то. Изрѣдка вырываются у нея отрывистыя восклицанія: „Что-то онъ скажетъ!.. Что я надѣлала! Шутка ли,—пятеро своихъ ребятишекъ—мало еще ему было съ ними заботы... Это онъ?.. Нѣтъ, нѣтъ еще!.. И зачѣмъ было брать!.. Если онъ прибьетъ меня за это—по дѣломъ, такъ мнѣ и надо... Вотъ онъ!.. Нѣтъ... Ну, тѣмъ лучше!“

Дверь скрипнула, будто кто вошелъ. Жанни вздрогнула и приподнялась со стула.

„Нѣтъ. Опять никого! Господи, зачѣмъ я это сдѣлала?.. Какъ ему теперь въ глаза взгляну?..“ и Жанни задумывается и долго сидитъ молча у кровати, погруженная въ раздумье.

Дождь пересталъ; разсвѣло, но вѣтеръ гудитъ, и океанъ реветъ попрежнему. Вдругъ дверь распахнулась, въ комнату ворвалась струя свѣжаго морского воздуха, и высокій смуглый рыбакъ, волоча за собой мокрыя разорванныя сѣти, входитъ въ хижину, со словами:

— Вотъ и я, Жанни!

— Ахъ, это ты!—говоритъ Жанни и останавливается, не смѣя поднять на него глаза.

— Ну, ужъ ночка! Страхъ!

— Да, да, погода была ужасная! Ну, а какъ ловля?

— Дрянь, совсѣмъ дрянь! Ничего не поймалъ. Только сѣти разорвалъ. Плохо, плохо!.. Да, я тебѣ скажу, и погодка жъ была! Кажется, такой ночи и не запомню. Вѣтеръ ревѣлъ какъ дьяволъ, кидалъ мою лодку какъ мячикъ. Я ужъ думалъ, что канатъ порвался и лодка идетъ ко дну. Какая тамъ ловля! Слава Богу, что живъ домой добрался... Ну, а ты что тутъ безъ меня дѣлала?—рыбакъ втащилъ сѣти въ комнату и сѣлъ у печки.

— Я?..—сказала Жанни, блѣднѣя.—Да что жъ я... Сидѣла, шила... Вѣтеръ такъ завывалъ, что страшно становилось. Боялась за тебя.

— Да, да,—пробормоталъ мужъ,—погода чертовски скверная! Да что подѣлаешь!

Оба помолчали.

Потомъ Жанни, нерѣшительно, дрожа и робѣя, какъ виноватая, сказала:

— А знаешь: сосѣдка Симонъ умерла. Не знаю, когда она умерла; вѣрно, еще вчера, послѣ того, какъ ты заходилъ къ ней. Тяжело ей было умирать. Да и за дѣтей-то, должно быть, какъ сердце болѣло! Вѣдь у нея осталось двое дѣтей крохотныхъ... Одинъ еще не говоритъ, а другой чуть начинаетъ ползать...

Жанни замолчала. Рыбакъ нахмурился; доброе открытое лицо его сдѣлалось серьезно и озабоченно.

— Вотъ такъ штука!—проговорилъ онъ, наконецъ, почесывая въ затылкѣ.—Ну, да что дѣлать! Придется взять, а то проснутся,

каково имъ съ покойницей? Ну, да что ужъ, какъ-нибудь перебьемся! Ступай же скорѣй!

Но Жанни не двигалась съ мѣста.

— Что жъ ты? Не довольна? Боишься, не хочешь взять ихъ? Что съ тобой, Жанни?

Жанни встала, молча подвела мужа къ кровати и отдернула пологъ...

Тамъ лежали дѣти умершей сосѣдки и спали все такъ же крѣпко и безмятежно...

Викторъ Гюго. Изложила В. Микуличъ.

8-е января.

Христіанское ученіе такъ ясно, что младенцы понимаютъ его въ его настоящемъ смыслѣ. Только люди, желающіе казаться и называться христіанами, но не быть ими, могутъ не понимать его.

1.

Будда сказалъ: человѣкъ, посвятившій себя религіи, подобенъ человѣку, который вноситъ свѣтъ въ темный домъ. Темнота тотчасъ же разсѣивается, и становится свѣтло. Только упорствуй въ исканіи мудрости, старайся пріобрѣсти познаніе истины, и въ тебѣ совершится полное просвѣтлѣніе.

2.

Народъ, освобожденный отъ того, что Христосъ называетъ ослѣпленіемъ богатства, довольный хлѣбомъ насущнымъ, просящій у Отца небеснаго лишь того, что Онъ даетъ малымъ птицамъ, которыя не сѣютъ и не жнутъ, народъ живетъ истинной жизнью, жизнью сердца больше, чѣмъ прочіе люди, погруженные въ желанія и заботы міра сего. Вотъ почему геройскихъ подвиговъ, самопожертвованія надо искать въ немъ, въ народѣ. Откиньте народъ—что станется съ завѣтами долга, съ тѣмъ, чѣмъ единственно держится общество, съ тѣмъ, что составляетъ величіе и силу націй? Когда націи слабѣютъ, кто ихъ обновляетъ, оживляетъ ихъ, какъ не простой народъ? А если болѣзнь неизлѣчима, если надо, чтобы они умерли, изъ чего выходитъ молодой стебель, предназначенный замѣнить старое дерево, какъ не опять-таки изъ народа? И потому къ народу обращается Христосъ, и потому народъ признаетъ въ Немъ посланца Отца, славитъ имя Его, провозглашаетъ Его власть, покоряясь ей. Князья же церкви, книжники, проклинаютъ Его и убиваютъ. Но, несмотря на ихъ насиліе и хитрости, несмотря на казнь, Онъ восторжествовалъ въ народѣ; народъ основалъ Его царство въ мірѣ, и народомъ Онъ будетъ въ немъ распространяться; на-

родомъ будетъ рождена новая эра, божественный зародышъ которой такъ хотѣли бы задушить власти прошлаго, уже объятыя паническимъ страхомъ за близкій конецъ свой. Ламенэ.

3.

Нужно остерегаться двухъ, одинаково пагубныхъ, суевѣрій: того, что сущность Божества можетъ быть выражена словами, и суевѣрія науки, полагающей, что божественная сила можетъ быть объяснена научнымъ анализомъ. Джонъ Рёскинъ.

4.

Послѣдняя заповѣдь Христа выражаетъ все Его ученіе: „Любите другъ друга, какъ Я полюбилъ васъ, и потому всѣ узнаютъ, что вы Мои ученики, если вы будете имѣть любовь другъ къ другу". Онъ не говоритъ: „Если вы вѣрите въ то или въ это", но „если вы любите". Вѣра присоединяется къ тому, что развивается, измѣняется вмѣстѣ съ прогрессивнымъ измѣненіемъ взглядовъ и знаній; она связана съ временемъ и измѣняется вмѣстѣ съ временемъ. Любовь не временна; она неизмѣнна, вѣчна.

5.

Моя религія—это любовь ко всему живому.

Ибрагимъ Кордовскій.

Для осуществленія христіанства недостаетъ только уничтоженія его извращенія.

9-е января.

Истинное знаніе самостоятельно.

1.

Только, когда мы совсѣмъ забудемъ то, чему учились, мы начинаемъ истинно познавать. Я ни на волосъ не приближусь къ по-

знанію предмета до тѣхъ поръ, пока буду предполагать, что мое отношеніе къ нему установлено ученымъ человѣкомъ. Чтобы познать предметъ совершенно, я долженъ подойти къ нему, какъ къ чему-то совершенно чуждому. Торо.

2.

Непрерывный притокъ чужихъ мыслей долженъ задерживать и заглушать собственныя, а за долгій періодъ времени—даже парализовать силу мысли, если она не обладаетъ въ высокой мѣрѣ упругостью, чтобы сопротивляться этому неестественному притоку. Вотъ чѣмъ постоянное чтеніе и изученіе разстраиваетъ голову; а также еще и тѣмъ, что система нашихъ собственныхъ мыслей и познаній утрачиваетъ свою цѣльность и непрерывную связь, если мы такъ часто произвольно прерываемъ ее, чтобы удѣлить мѣсто совершенно чуждому ходу мысли. Разгонять свои мысли, чтобы дать мѣсто книжнымъ,—по-моему, все равно, что продавать свою землю, чтобы повидать чужія,—въ чемъ Шекспиръ упрекалъ туристовъ своего времени.

Вредно даже читать о предметѣ прежде, чѣмъ самъ не пораздумалъ о немъ. Ибо вмѣстѣ съ новымъ матеріаломъ въ голову прокрадывается чужая точка зрѣнія на него и чужое отношеніе къ нему, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что лѣность и апатія внушаютъ избавиться отъ усилій мышленія и принимать готовыя мысли и давать имъ ходъ. Эта привычка затѣмъ вкореняется, и тогда мысли все ужъ идутъ обычной дорожкой, подобно ручейкамъ, отведеннымъ въ канавы: найти собственную, новую мысль тогда уже вдвойнѣ трудно. Это въ значительной мѣрѣ обусловливаетъ недостатокъ оригинальности у ученыхъ. Шопенгауэръ.

3.

Знаніе подобно ходячей монетѣ. Человѣкъ имѣетъ отчасти право гордиться обладаніемъ ею, если онъ самъ поработалъ надъ ея золотомъ и пробовалъ ее чеканить, или, по крайней мѣрѣ, честно пріобрѣлъ ее уже испробованною. Но когда онъ ничего этого не дѣлалъ, а получилъ отъ какого-то прохожаго, который бросилъ ее ему въ лицо, то какое же основаніе имѣетъ онъ гордиться ею?

Джонъ Рёскинъ.

4.

Для человѣческаго ума менѣе вредно совсѣмъ не учиться, чѣмъ учиться слишкомъ рано и слишкомъ много.

5.

Заслуга величайшихъ мыслителей состоитъ именно въ томъ, что они, независимо отъ существовавшихъ до нихъ книгъ и преданій, выражали то, что сами думали, а не то, что думали прежде жившіе или окружавшіе ихъ люди.

Такъ же точно и каждый изъ насъ долженъ подстерегать и улавливать тѣ свѣтлыя мысли, которыя, подобно искрамъ, отъ времени до времени вспыхиваютъ и разгораются въ нашемъ сознаніи: для каждаго изъ насъ подобныя внутреннія просвѣтлѣнія имѣютъ гораздо больше значенія, нежели созерцаніе и изученіе цѣлаго созвѣздія поэтовъ и мудрецовъ.

Эмерсонъ.

Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей и въ книгахъ только тому, что вамъ нужно и хочется знать.

10-е января.

Религіозное ученіе есть основа воспитанія.

1.

А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской.

Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ.

Мѳ. XVIII, 6—7.

2.

Въ основѣ искусства воспитанія долженъ лежать слѣдующій принципъ, который въ особенности должны имѣть тѣ, которые составляютъ заранѣе планы воспитанія: надо воспитывать дѣтей примѣнительно не къ настоящему, а къ будущему, возможно лучшему состоянію человѣческаго рода, то-есть примѣнительно къ идеѣ человѣчества и къ его полному назначенію. Этотъ принципъ въ высшей степени важенъ. Обыкновенно же родители воспитываютъ своихъ дѣтей только такъ, чтобы они годились для настоящаго міра, хотя и испорченнаго. Но имъ слѣдовало бы воспитывать дѣтей лучше, чтобы такимъ путемъ создать будущее лучшее состояніе людей.

Кантъ.

3.

Для того, чтобы воспитать человѣка, годнаго для будущаго, стоящаго впереди настоящаго поколѣнія, надо воспитывать его, имѣя въ виду идеально совершеннаго человѣка,—только тогда воспитанникъ будетъ достойнымъ членомъ того поколѣнія, въ которомъ ему придется жить.

4.

Довести ребенка до сознанія божественной природы въ себѣ представляется мнѣ высшей обязанностью родителей и воспитателей.

Чаннингъ.

5.

Предметъ истиннаго воспитанія не только въ томъ, чтобы заставлять людей дѣлать добрыя дѣла, но и находить въ нихъ радость; не только быть чистыми, но и любить чистоту; не только быть справедливыми, но и алкать и жаждать справедливости.

Джонъ Рёскинъ.

Религіозное ученіе—основа воспитанія, а между тѣмъ въ нашемъ христіанскомъ мірѣ притворяются, что серьезно учатъ тому, во что никто не вѣритъ. Дѣти проницательны и видятъ и не вѣрятъ не только тому, чему ихъ учатъ, но и тѣмъ, которые ихъ учатъ.

11-е января.

Смиреніе есть необходимое условіе совершенствованія. „Зачѣмъ мнѣ совершенствоваться, когда я и такъ хорошъ?“

1.

Дитя мое, дѣлай съ кротостью твое дѣло и тогда заслужишь любовь. Чѣмъ ты выше, тѣмъ больше смиряйся. Многіе живутъ на высотѣ и въ славѣ, но тайны открываются только низкимъ. Не ищи вещей слишкомъ трудныхъ и сверхъ своихъ силъ. Но то, что предписано тебѣ, о томъ помышляй съ уваженіемъ. Не будь любопытенъ въ томъ, чего тебѣ не нужно. Тебѣ открыто и такъ больше того, что ты можешь понимать.

Многіе бываютъ обмануты своимъ тщеславнымъ мнѣніемъ; и поэтому не хвастайся знаніемъ, котораго нѣтъ у тебя.

Экклезіастъ (апокрифическій).

2.

Іисусъ же, подозвавъ ихъ, сказалъ: вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ; а кто хочетъ между вами быть бóльшимъ, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ; такъ какъ Сынъ Человѣческій не для *того* пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ. Мѳ. XX, 25—28.

3.

Тотъ, кто оскорбленъ и можетъ спокойно перенести оскорбленіе и не возвращаетъ его, тотъ одержалъ великую побѣду въ дѣлѣ жизни. Женевіо-Ланъ.

4.

Часть друзей твоихъ порицаетъ тебя, а часть хвалитъ; приближайся къ порицающимъ и удаляйся отъ восхваляющихъ.

Талмудъ.

5.

Займи мѣсто ниже, чѣмъ тебѣ подобаетъ.

Лучше, если тебѣ скажутъ: взойди выше, нежели: сойди внизъ.

Кто возвышаетъ себя, того Богъ унижаетъ, а кто себя смиряетъ, того Богъ возвышаетъ.

Талмудъ.

6.

Старайтесь неотступно уничтожать въ себѣ всякое желаніе властвовать, остерегайтесь суетности, не ищите славы и похвалъ,— все это можетъ лишь погубить вашу душу. Остерегайтесь мысли, что вы лучше другихъ и что васъ украшаютъ добродѣтели, которыхъ вы не встрѣчаете въ подобныхъ себѣ.

7.

Хотя мудрецъ строгъ къ себѣ, но отъ другихъ онъ ничего не требуетъ. Онъ бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ и никогда не жалуется на Небо, не обвиняетъ другихъ за свою участь,—поэтому, находясь въ низкой долѣ, онъ покоряется судьбѣ. Простой же смертный, ища земныхъ благъ, впадаетъ въ опасности.

Когда стрѣла не попадетъ въ цѣль, стрѣляющій винитъ въ этомъ себя самого, а не другого. Такъ поступаетъ и мудрецъ.

Конфуцій.

8.

И не надеженъ для Царствія Божія взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ.

9.

Бо́льшій изъ васъ да будетъ вамъ слуга: ибо кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ; а кто унижаетъ себя, тотъ возвысится. Мѳ. XXIII, 11—12.

Вспоминай все дурное, сдѣланное тобой. Это поможетъ тебѣ не дѣлать дурного. Если же будешь вспоминать сдѣланное тобою хорошее, это помѣшаетъ тебѣ дѣлать доброе.

12-е января.

Есть люди, которые берутъ на себя право рѣшать за другихъ ихъ отношеніе къ Богу и къ міру, и есть люди, огромное большинство, которые отдаютъ это право другимъ и слѣпо вѣрятъ тому, что говорятъ имъ.

1.

Есть люди, которые, узнавъ, что всѣ религіозные вопросы должны быть разрѣшены и всѣ религіозные законы установлены, тотчасъ же отдаются въ руки тѣхъ людей, которые берутся за такое разрѣшеніе и установленіе.

Зачѣмъ имъ заботиться о томъ, что другіе такъ рѣшительно признаютъ своимъ неотъемлемымъ дѣломъ? На ихъ долю остается пріятно проводить время, заполняя сутки удовольствіями и развлеченіями и такимъ образомъ укачивая себя на цѣлые годы въ пріятныхъ снахъ.

Плодомъ такого тупого довольства и является отсутствіе въ народѣ стремленій къ познанію.

Боюсь, что рабскій отпечатокъ отъ желѣзнаго ярма, созданнаго религіознымъ догматизмомъ, надолго останется на нашей шеѣ.

Мильтонъ.

2.

Съ той минуты, въ которую человѣкъ отказался отъ своей нравственной независимости, съ той минуты, съ которой человѣкъ сталъ опредѣлять свою обязанность не по внутреннему голосу, но по выгодамъ извѣстнаго сословія или партіи, съ той минуты, съ которой онъ стряхнулъ съ себя свою личную отвѣтственность потому, что онъ только одинъ изъ милліоновъ,—съ этой минуты онъ лишился своей нравственной силы, онъ ожидаетъ уже отъ людей то, что можетъ совершить одинъ Богъ, онъ ставитъ на мѣсто божественной силы грубыя орудія человѣческой мудрости.

Чаннингъ.

3.

Всѣ мы похожи на дѣтей, сперва повторяющихъ неопровержимыя истины своихъ бабушекъ, потомъ учителей, а по мѣрѣ возраста,—и другихъ замѣчательныхъ людей, попадающихся намъ навстрѣчу.

Съ какимъ трудомъ стараемся мы вытвердить наизусть слова, слышанныя нами! Когда же сами доходимъ до той ступени, на которой стояли эти предшественники, и понимаемъ смыслъ этихъ словъ, то разочарованіе наше настолько сильно, что мы бы съ охотой забыли все, что отъ нихъ слышали. Эмерсонъ.

4.

А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель — Христосъ, всѣ же вы—братья. Мѳ. XXIII, 8.

5.

Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные: по плодамъ ихъ узнáете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые: не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итакъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.

Мѳ. VII, 15—20.

Человѣкъ можетъ пользоваться тѣмъ преданіемъ, которое перешло къ нему отъ мудрыхъ и святыхъ людей прошедшаго, но отъ него зависитъ провѣрить своимъ разумомъ то, что передается, и откинуть одно и избрать другое.

Каждый человѣкъ долженъ самъ устанавливать свое отношеніе къ міру и Богу.

13-е января.

Вѣра даетъ душевный миръ.

1.

Одно необходимо: отдаться Богу. Будь самъ въ порядкѣ и предоставь Богу распутывать мотокъ міра и его судебъ. Пусть будетъ уничтоженіе или безсмертіе. То, что должно быть—будетъ. То, что будетъ—будетъ благомъ. Чтобы совершить путь жизни, можетъ-быть ничего болѣе не нужно для человѣка, кромѣ вѣры въ добро.

Аміель.

2.

Религія имѣетъ болѣе высокія цѣли, чѣмъ образованіе хорошаго человѣка. Она предполагаетъ, что онъ уже есть, и главная цѣль ея въ томъ, чтобы поднять этого хорошаго человѣка на высшую степень пониманія.

Лессингъ.

3.

Есть двоякій покой. Покой отрицательный: это отсутствіе шума, грызущихъ заботъ. Это спокойствіе послѣ борьбы, послѣ бурь. Но есть другой, болѣе совершенный покой души, которому этотъ первый покой только предшествуетъ,—то Божественное спокойствіе, которое все понимаетъ, истинное названіе котораго „Царство Божіе внутри насъ“. Къ этому покою души принадлежитъ то спокойствіе, которое даетъ намъ религія. Это сознательное единеніе съ Богомъ и вселенной, союзъ любви со всѣми существами, любовь ко всему чистому и невинному, умѣнье жертвовать своими желаніями и интересами, участье въ духѣ и жизни вселенной, полное согласіе причины съ ея безконечнымъ источникомъ. Въ этомъ спокойствіе и счастіе человѣка.

Чаннингъ.

4.

О, другъ, зачѣмъ заботиться о тайнахъ существованія? Зачѣмъ мучить сердце и душу трудными размышленіями? Живи счастливо,

проводи время въ радости; при концѣ тебя не спросятъ о томъ, зачѣмъ міръ таковъ, каковъ онъ есть.

Взгляни на утро, вставай, юноша, и дыши радостью зари. Придетъ время, что ты будешь искать и не найдешь той минуты жизни, которая такъ удивила насъ въ этомъ обманчивомъ мірѣ. Утро сбросило покровъ мрака,—о чемъ же печалиться? Вставай, будемъ пользоваться утромъ, потому что многія утра будутъ еще дышать, когда въ насъ не будетъ уже дыханія.

5.

Говорятъ, что въ послѣдній день будетъ общій судъ, и что добрый Богъ будетъ гнѣваться. Но отъ самой доброты не можетъ произойти ничего, кромѣ добра. Не бойся: конецъ будетъ полонъ радости. Различіе вѣръ раздѣлило человѣчество на семьдесятъ два народа,—изъ всѣхъ ихъ догматовъ я избралъ одинъ: божественную любовь.

Персидская Кейямъ.

6.

Кто добрый человѣкъ? Добръ только религіозный человѣкъ. Но что такое доброта? Прежде и важнѣе всего это согласіе воли съ совѣстью (разумомъ).

Китайскій буддизмъ.

7

Если я точно сердцемъ говорю: да будетъ воля Твоя какъ на землѣ, такъ и на небѣ, т.-е. какъ во временной этой жизни, такъ и въ вѣчной, то мнѣ не нужно никакихъ ни утвержденій, ни доказательствъ безсмертія. Отдаюсь волѣ Безконечнаго Существа, благословляя эту волю, знаю, что она есть любовь,—такъ чего же мнѣ еще?

...Христосъ, умирая, сказалъ: „Отецъ, въ руки Твои отдаю духъ Мой“. Для того, кто можетъ сказать эти слова, разумѣя ихъ во всемъ ихъ значеніи, ничего больше не нужно: вѣра, истинная вѣра разрѣшаетъ все.

А чтобы имѣть эту вѣру, надо воспитывать ее въ себѣ. А чтобы воспитывать, надо творить дѣла вѣры.

Сущность дѣлъ вѣры не въ подвигахъ, а въ дѣлахъ,—можетъ-

быть, иногда незамѣтныхъ, ничтожныхъ, но творимыхъ исключительно для Бога.

Умирать придется одному, сказалъ Паскаль, и жить надо одному передъ Богомъ, а не передъ людьми.

Не думайте, что вы можете найти душевный миръ безъ вѣры.

14-е января.

Любовь къ своему плотскому „я“ есть извращеніе любви къ Богу.

Любить въ себѣ Того, Кто одинъ во всѣхъ, значитъ любить Бога.

1.

Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки. Мѳ. XXII, 36—40.

2.

Живы всѣ люди не тѣмъ, что они сами себя обдумываютъ, а тѣмъ, что есть любовь въ людяхъ.

Какъ будто бы Богъ не хотѣлъ, чтобы люди врозь жили, и затѣмъ не открылъ имъ того, что каждому для себя нужно, а хотѣлъ, чтобы они жили заодно, и затѣмъ открылъ имъ то, что имъ всѣмъ для себя и для всѣхъ нужно.

Людямъ кажется, что они заботой о себѣ живы, а живы они одною любовью. Кто въ любви, тотъ въ Богѣ и Богъ въ немъ, потому что Богъ есть любовь.

3.

Люди живы любовью: любовь къ себѣ—начало смерти, любовь къ Богу и людямъ—начало жизни.

4.

Если человѣкъ не можетъ простить брата, онъ не любитъ его. Истинная любовь безконечна, и нѣтъ количества тѣхъ оскорбленій, которыя она не простила бы, если она истинная любовь.

5.

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ и любовь Его совершенна есть въ насъ. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ? Братья, будемъ любить другъ друга, ибо любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ.

1-е посланіе Іоанна, изъ гл. 4.

6.

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь—послѣдствіе, а не причина. Причина любви—сознаніе въ себѣ Божескаго духовнаго начала. Это сознаніе требуетъ любви, производитъ любовь.

Любить того, кто намъ пріятенъ, не значитъ любить Бога, не значитъ вообще любить.

Любовь истинная достигается усиліемъ. Вспомни о томъ, что тотъ, съ кѣмъ ты общаешься, любитъ себя такъ же, какъ и ты себя, и ты поймешь, какъ тебѣ надо отнестись къ нему.

Недѣльное чтеніе.

Кающійся грѣшникъ.

И сказалъ Іисусу: помяни меня, Господи, когда пріидешь въ Царствіе Твое! И сказалъ ему Іисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю. (Лк. XXIII, 42, 43.)

Жилъ на свѣтѣ человѣкъ семьдесятъ лѣтъ и прожилъ онъ всю жизнь въ грѣхахъ. И заболѣлъ этотъ человѣкъ и не каялся. И когда пришла смерть, въ послѣдній часъ заплакалъ онъ и сказалъ: „Господи! какъ разбойнику на крестѣ, прости мнѣ!“ Только успѣлъ сказать—вышла душа. И возлюбила душа грѣшника Бога и повѣрила въ милость Его и пришла къ дверямъ рая.

И сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И услыхалъ онъ голосъ изъ-за двери: „Какой человѣкъ стучится въ двери райскія? И какія дѣла совершилъ человѣкъ этотъ въ жизни своей?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя и перечислилъ всѣ грѣшныя дѣла человѣка этого. И не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „Не могутъ грѣшники войти въ царство небесное. Отойди отсюда“.

И сказалъ человѣкъ: „Господи! голосъ твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю“.

И отвѣчалъ голосъ: „Я—Петръ апостолъ“.

И сказалъ грѣшникъ: „Пожалѣй меня, Петръ апостолъ, вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Не ты ли былъ ученикъ Христовъ, не ты ли изъ самыхъ устъ Его слышалъ ученіе Его и

видалъ примѣръ жизни Его? А вспомни,—когда Онъ тосковалъ и скорбѣлъ душою, и три раза просилъ тебя не спать, а молиться, и ты спалъ, потому глаза твои отяжелѣли, и три раза Онъ засталъ тебя спящимъ. Также и я".

„А вспомни еще, какъ обѣщалъ Ему самому до смерти не отречься отъ Него, и какъ ты три раза отрекся отъ Него, когда повели Его къ Каіафѣ. Также и я".

„И вспомни еще, какъ запѣлъ пѣтухъ, и ты вышелъ вонъ и заплакалъ горько. Также и я. Нельзя тебѣ не впустить меня".

И затихъ голосъ за дверьми райскими.

И постоявъ не долго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И послышался изъ-за дверей другой голосъ и сказалъ: „Кто человѣкъ этотъ, и какъ жилъ онъ на свѣтѣ?"

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и опять повторилъ всѣ худыя дѣла грѣшника, и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „Отойди отсюда, не могутъ такіе грѣшники жить съ нами вмѣстѣ въ раю".

И сказалъ грѣшникъ: „Господи! голосъ твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю".

И сказалъ ему голосъ: „Я—царь и пророкъ Давидъ". И не отчаялся грѣшникъ, не отошелъ отъ двери рая и сталъ говорить: „Пожалѣй меня, царь Давидъ, и вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Богъ любилъ тебя и возвеличилъ передъ людьми. Все было у тебя: и царство, и слава, и богатство, и жены, и дѣти, а увидѣлъ ты съ крыши жену бѣднаго человѣка, и грѣхъ вошелъ въ тебя, и взялъ ты жену Урія и убилъ его самого мечомъ амонитянъ. Ты, богачъ, отнялъ у бѣднаго послѣднюю овечку и погубилъ его самого. То же дѣлалъ и я".

„И вспомни потомъ, какъ ты покаялся и говорилъ: я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грѣхѣ своемъ. Также и я. Нельзя тебѣ не впустить меня".

И затихъ голосъ за дверьми.

И постоявъ не долго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное. И послышался изъ-за дверей третій голосъ и сказалъ: „Кто человѣкъ этотъ? И какъ прожилъ онъ на свѣтѣ?"

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и въ третій разъ перечислилъ худыя дѣла человѣка, и не назвалъ добрыхъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „Отойди отсюда. Не могутъ грѣшники войти въ царство небесное“.

И отвѣчалъ грѣшникъ: „Голосъ твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю“.

И отвѣчалъ голосъ: „Я — Іоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Христа“.

И обрадовался грѣшникъ и сказалъ: „Теперь нельзя не впустить меня: Петръ и Давидъ впустятъ меня за то, что они знаютъ слабость человѣческую и милость Божію. А ты впустишь меня потому, что въ тебѣ любви много. Не ты ли, Іоаннъ Богословъ, написалъ въ книгѣ своей, что Богъ есть любовь, и что, кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога? Не ты ли при старости говорилъ людямъ одно слово: „Братья, любите другъ друга!“ Какъ же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Иль отрекись отъ того, что сказалъ ты самъ, или полюби меня и впусти въ царство небесное“.

И отворились врата райскія, и обнялъ Іоаннъ кающагося грѣшника и впустилъ его въ царство небесное.

Л. Толстой.

15-е января.

Смерть и рожденіе два предѣла. За этими предѣлами одинаковое что-то.

1.

Человѣкъ можетъ умереть благородной или подлой смертью, точно такъ же, какъ можетъ прожить благородной или подлой жизнью. Внутреннее *я*, будучи неспособно удерживать власть надъ силами, порученными ему, отказываясь отъ этого высокаго призванія, одолѣваемое паразитами и, отчасти подпавши власти своихъ непримиримыхъ враговъ, можетъ подъ конецъ со срамомъ и мученіемъ быть выгнано изъ этого храма, въ которомъ оно должно бы царствовать. Или, напротивъ, исполнивъ святое и здоровое призваніе, просвѣтивъ божественной жизнью и любовью свое тѣло и душу, это внутреннее *я*, какъ хорошій работникъ, тратящій на работѣ свои орудія, можетъ разумно истратить всѣ порученные ему матеріалы, спокойно и мирно отложить ихъ и, не перемѣнившись (совершенно не перемѣнившись для всякаго нематеріальнаго взгляда), перейти въ другія предназначенныя ему сферы.

Эдвардъ Карпентеръ.

2.

Только немногіе люди думали надлежащимъ образомъ о значеніи несуществованія. Подъ несуществованіемъ послѣ смерти представляю я себѣ такое состояніе, въ которомъ я находился до рожденія. Это не есть собственно апатія, потому что и апатію можно чувствовать; но это ничто.

Какъ только я попадаю въ это состояніе, слова „я“ и „состояніе“ уже не подходятъ къ этому положенію. Я думаю, что это есть нѣчто совершенно равновѣсное вѣчной жизни. Я думаю, что человѣку одинаково хорошо въ томъ и въ другомъ состояніи. Быть и ждать и поступать по своему разуму—это нашъ долгъ, такъ какъ мы не можемъ охватить цѣлаго. Лихтенбергъ.

3.

Когда душа хорошо занята, вопросъ безсмертія не интересуетъ ее. Все такъ хорошо теперь, что она увѣрена, что хорошо будетъ и въ будущемъ. Надо вѣрить, что то, что нужнѣе всего для насъ, то и будетъ съ нами, и что если лучше, чтобы мы жили, мы будемъ жить. Гораздо лучше и спокойнѣе для души быть убѣжденнымъ въ этомъ, чѣмъ въ томъ, что предъ нами еще милліоны лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій...

4.

Пока мы живы, души наши мертвы и погребены въ нашемъ тѣлѣ; а когда мы умираемъ, онѣ оживаютъ.

Гераклитъ эфесскій.

5.

Нѣтъ смерти, а есть рядъ перемѣнъ, которыя я пережилъ уже, и лучшія переживу еще.

6.

Человѣческая душа не можетъ совершенно разрушиться вмѣстѣ съ тѣломъ, но отъ нея остается нѣчто такое, что вѣчно.

Спиноза.

Думая о безсмертіи, нельзя ограничиться мыслью о будущемъ,— невольно возникаетъ мысль и о таинственномъ прошедшемъ.

16-е января.

Главная причина дурного устройства жизни есть ложная вѣра.

1.

Жизнь человѣка въ томъ, чтобы приводить неразумное въ своей жизни къ разумному. И для этого нужны два дѣла:

1) видѣть во всемъ его значеніи неразуміе жизни и не отвращать отъ него вниманія;

2) сознавать во всей чистотѣ разумность возможной жизни.

Сознавая всю неразумность и всегда вытекающую изъ нея бѣдственность жизни, человѣкъ невольно отвращается отъ нея; и съ другой стороны, ясно сознавая разумность возможной жизни, человѣкъ невольно стремится къ ней. Не скрывать поэтому зла неразумія и выставлять во всей ясности благо разумной жизни должно бы составлять задачу всѣхъ учителей человѣчества.

Но тутъ-то на сѣдалище Моисеево всегда садятся тѣ, которые не идутъ къ свѣту, потому что дѣла ихъ злы; и потому всегда люди, выставляющіе себя учителями, не только не стараются уяснить неразуміе жизни и разумность идеала, а напротивъ, скрываютъ неразуміе жизни и подрываютъ довѣріе къ разумности идеала.

Это совершается въ нашей жизни. Вся дѣятельность людей міра состоитъ изъ скрыванія неразумія жизни: съ этою цѣлью существуютъ и дѣйствуютъ:

1) полиція, 2) войска, 3) уголовные законы, тюрьмы, 4) филантропическія учрежденія: пріюты для дѣтей, богадѣльни для стариковъ, 5) воспитательные дома, 6) дома терпимости, 7) сумасшедшіе дома, 8) больницы, въ особенности сифилитическія и чахоточныя, 9) страховыя общества, 10) всѣ обязательныя и устраиваемыя на насильственно собираемыя средства образовательныя учрежденія, 11) учрежденія для малолѣтнихъ преступниковъ и многія другія.

Если бы только 0,001 той энергіи, которая употребляется на устройство всего этого, имѣющаго цѣлью скрыть зло и только увеличивающаго его *), была бы употреблена на противодѣйствіе тому, для скрыванія чего служатъ всѣ эти учрежденія, зло бы, теперь явное намъ и мучащее насъ, зло бы это быстро уничтожилось.

*) Интересно прослѣдить, какъ роковымъ образомъ каждое изъ этихъ учрежденій, кромѣ скрыванія зла, порождаетъ новое зло и увеличиваетъ неудержимо, какъ снѣжный комъ, то зло, которое оно предполагаетъ уничтожить: осмотрите воспитательные, сумасшедшіе, сиротскіе дома, тюрьмы, войска.

2.

Мы должны съ глубокимъ вниманіемъ относиться къ нашимъ общественнымъ дѣламъ; мы должны быть готовы измѣнять наши мнѣнія, отказываться отъ старыхъ взглядовъ, усваивать новые. Мы должны бросать предразсудки и разсуждать съ совершенно свободнымъ умомъ. Морякъ, который будетъ ставить одни и тѣ же паруса, не взирая на перемѣны въ вѣтрѣ, никогда не достигнетъ своей гавани. Генри Джорджъ.

3.

Если вы заглянете въ исторію, то найдете, что одной изъ главныхъ причинъ постоянныхъ бѣдствій человѣчества было то, что люди служатъ или тѣмъ, кого они видѣть уже не могутъ и которые уже не нуждаются въ ихъ помощи, или гордымъ и злымъ, которые слишкомъ ослѣпляютъ глаза и помогать которымъ не слѣдуетъ.

4.

Стоитъ прямо и просто принять ученіе Христа, чтобы ясенъ былъ тотъ ужасный обманъ, въ которомъ живемъ всѣ мы и живетъ каждый изъ насъ.

Подчиненіе требованіямъ ложной вѣры главная причина бѣдствія людей.

17-е января.

Исполняя свое внутреннее назначеніе, исполняя по отношенію своей души законъ Бога, человѣкъ невольно служитъ улучшенію общественной жизни.

1.

Мы въ мірѣ подобны ребенку, который вошелъ въ комнату, гдѣ ученый человѣкъ говоритъ о своей наукѣ. Ребенокъ не слышалъ

начала и уходитъ прежде конца. Онъ услыхалъ кое-что, но не понялъ того, что услыхалъ. Великая рѣчь Бога начата много вѣковъ прежде, чѣмъ мы начали свое ученіе, и будетъ продолжаться и тогда, когда мы будемъ прахомъ. Мы слышали только часть ея и не поняли большую часть того, что слышали. Но все-таки, хотя и немного и смутно, но мы поняли что-то великое, торжественное, внушающее, освящающее кое-что, показывающее нашу способность воспринимания. Давидъ Томасъ.

2.

Мечтатель часто вѣрно опредѣляетъ будущее, но онъ не хочетъ дожидаться его. Онъ хочетъ, чтобы будущее тотчасъ же наступило, будучи ускорено имъ. То, на что природѣ нужны тысячи лѣтъ, онъ хочетъ видѣть совершоннымъ во время своей жизни.

Лессингъ.

3.

Зачѣмъ напрасно мучаете вы себя въ своемъ бѣдственномъ положеніи? Желаніе ваше добро, но вы не знаете, какъ его достигнуть. Знайте, что только тотъ, кто отдастъ жизнь, можетъ дать ее. Вы ничего не достигнете безъ Бога. Вы ворочаетесь на вашемъ ложѣ страданій и что же вы нашли? Вы уничтожили нѣсколько тирановъ, явились другіе, худшіе, чѣмъ прежніе. Вы уничтожили законы рабства, и вамъ дали новые законы крови и еще новые законы рабства. Не вѣрьте людямъ, которые становятся между вами и Богомъ, чтобы тѣнь ихъ не скрыла Его отъ васъ. Люди эти имѣютъ только дурныя намѣренія. Потому что отъ Бога исходитъ сила освобождающая, потому что только отъ Бога исходитъ любовь соединяющая. Что можетъ сдѣлать для васъ человѣкъ, который руководится только своею мыслью и закономъ своей воли? Если онъ имѣетъ добрыя намѣренія и желаетъ только добра, онъ все-таки дастъ вамъ свою волю вмѣсто закона и свою мысль вмѣсто правила. Это дѣлаютъ всѣ тираны. Не стоитъ того разрушать для того, чтобы замѣстить одну тираннію другою. Свобода состоитъ не въ томъ, чтобы властвовалъ этотъ, а не тотъ, а въ томъ, чтобы властвовалъ одинъ только Богъ. Тамъ же, гдѣ Богъ не властвуетъ, властвуетъ человѣкъ. Царство Бога есть царство спра-

ведливости въ умахъ и милосердія въ сердцахъ: основа этому вѣра въ Бога и вѣра въ ученіе Христа, Который провозгласилъ законъ Бога, законъ милосердія, законъ справедливости. Законъ справедливости учитъ тому, что всѣ равны передъ Отцомъ Богомъ и единымъ учителемъ Христомъ. Законъ милосердія учитъ любви и помощи другъ другу, какъ сыновьямъ одного Отца и ученикамъ одного учителя.

Но тѣ, которые говорятъ вамъ: „до насъ никто не зналъ, что такое справедливость; справедливость отъ насъ, вѣрьте намъ, и мы устроимъ вамъ такую справедливость, которая удовлетворитъ васъ“,—люди эти обманываютъ васъ или, если искренно обѣщаютъ вамъ свободу, сами обманываются,—потому что они хотятъ, чтобы вы признали ихъ господами, и тогда свобода ваша будетъ только послушаніемъ новымъ господамъ этимъ. Отвѣчайте имъ, что господинъ вашъ одинъ Богъ, и вы не хотите другого, и Богъ освободитъ васъ.

Ламенэ.

4.

Хорошо бы было, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться изъ того лица, который полонъ ею, въ того, въ которомъ ея нѣтъ, какъ вода переливается черезъ шерсть изъ одного сосуда въ другой до тѣхъ поръ, пока оба будутъ равны. Но для воспринятія чужой мудрости нужна прежде всего самостоятельная работа.

5.

Если вы можете научить человѣка добру и не дѣлаете этого— вы теряете брата. Если человѣкъ не расположенъ принять ваши поученія, а вы все-таки передаете ихъ ему—вы теряете слова.

Мудрый, просвѣщенный человѣкъ не теряетъ ни братьевъ, ни свои слова.

Китайская мудрость.

Дѣлай свое дѣло жизни, исполняя волю Бога, и будь увѣренъ, что только этимъ путемъ ты будешь самымъ плодотворнымъ образомъ содѣйствовать улучшенію общей жизни.

18-е января.

Просвѣщенный человѣкъ тотъ, который знаетъ свое назначеніе въ жизни и по мѣрѣ силъ старается исполнять его.

1.

Ученый тотъ, кто много знаетъ изъ книгъ; образованный тотъ, кто усвоилъ себѣ всѣ самыя распространенные въ его время знанія и пріемы; просвѣщенный тотъ, кто понимаетъ смыслъ *своей* жизни.

2.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

Предметовъ наукъ *безчисленное* количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и дѣлались у насъ, праздной и вредной забавой.

3.

Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ труднымъ предметамъ: о состояніи небесныхъ тѣлъ, о состояніи земли за милліоны лѣтъ, о происхожденіи организмовъ и т. п. Не обучаютъ только одному, что одно нужно, тому, какой смыслъ человѣческой жизни, что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди древности. Не только не обучаютъ, но вмѣсто этого обученія внушаютъ молодымъ поколѣніямъ, подъ названіемъ

закона Бога, самый явный вздоръ, въ который не вѣрятъ обучающіе и обучаемые. Подъ все зданіе нашей жизни вмѣсто камня подложены надутые воздухомъ пузыри. Какъ же не валиться этому зданію?

4.

Самое обычное явленіе нашего времени—видѣть то, что люди, считающіе себя учеными, образованными и просвѣщенными, коснѣютъ въ самомъ мрачномъ и смрадномъ невѣжествѣ, не только не знаютъ смысла своей жизни, но гордятся этимъ незнаніемъ, и наоборотъ, не менѣе обычное явленіе встрѣчать среди малограмотныхъ и безграмотныхъ людей, ничего не знающихъ о химической таблицѣ, паралаксахъ и свойствахъ радія, людей истинно просвѣщенныхъ, знающихъ смыслъ своей жизни и не гордящихся этимъ и только жалѣющихъ о тѣхъ мнимо просвѣщенныхъ людяхъ, которые безграничной самоувѣренностью дѣлаютъ неразрушимымъ свое невѣжество.

Единое на потребу въ наукѣ — знаніе того, что есть истинное добро.

Знаніе это доступно всѣмъ.

19-е января.

Общественная жизнь можетъ быть улучшена только самоотреченіемъ людей.

1.

Говорятъ: одна ласточка не дѣлаетъ весны, но неужели отъ того, что одна ласточка не дѣлаетъ весны, не летѣть той ласточкѣ, которая уже чувствуетъ весну, а дожидаться? Если такъ дожидаться всякой почкѣ и травкѣ, то весны никогда не будетъ. Также и намъ для установленія царства Божія не надо думать о томъ, первая ли я, или тысячная ласточка.

2.

Небо и земля вѣчны. Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для себя. Вотъ почему они вѣчны.

Поэтому святой мужъ отрѣшается отъ себя и этимъ спасается. Это происходитъ оттого, что онъ не ищетъ ничего для себя. Поэтому-то онъ и совершаетъ все, что ему нужно.

3.

Въ частной и общей жизни одинъ законъ: хочешь улучшить жизнь, будь готовъ отдать ее.

4.

Въ тѣ времена, когда народы ждутъ только знака для того, чтобы начать величайшее, когда-либо бывшее на землѣ сраженіе между добромъ и зломъ,—когда во всѣхъ частяхъ свѣта уже слышатся глухіе раскаты грома, когда всякій чувствуетъ, что близко время, когда столкнутся между собой оба войска,—войско Бога и войско сатаны, и что будущая судьба человѣчества—освобожденіе или порабощеніе его зависитъ отъ этого столкновенія, въ эти торжественныя времена надо прежде всего твердо знать, что званіе воина Божьяго войска можно заслужить, только слѣдуя примѣру его вождя, уподобившагося бѣднымъ, которыхъ онъ пришелъ спасти: отречься отъ всего по образу Сына человѣческаго, не имѣть мѣста, куда преклонить голову, чтобы не разнѣживаться, чтобы имѣть полную возможность быть сегодня здѣсь, завтра тамъ, быть вездѣ, гдѣ есть опасность, гдѣ идетъ борьба и предоставить мертвымъ погребать мертвыхъ. Мертвые же тѣ, которые, погрузившись въ заботы о преходящемъ и въ хлопоты о вещественномъ, не знаютъ даже, что въ нихъ есть душа, требующая освобожденія, что жить значитъ бороться, значитъ умирать для того, чтобы это великое освобожденіе совершилось.

Ламенэ.

5.

Самое важное въ исторіи человѣка то, къ чему онъ стремился. Все, совершонное имъ, всегда въ значительной степени зависѣло

отъ случайныхъ обстоятельствъ и въ лучшемъ случаѣ являлось только далеко неполнымъ исполненіемъ его намѣреній. И жизнь всѣхъ величайшихъ людей выражалась больше въ ихъ стремленіяхъ и усиліяхъ, чѣмъ въ осуществленіи этихъ стремленій; а потому справедливо оцѣнивать ихъ можно по ихъ стремленіямъ и чувствамъ, а не по тому, что имъ удалось совершить.

Джонъ Рёскинъ.

Тщетны всѣ попытки улучшенія жизни безъ жертвы. Попытки эти только отдаляютъ возможность улучшенія.

20-е января.

Христіанство устанавливаетъ непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ.

1.

Вы спрашиваете, въ чемъ главная сущность характера Христа, Спасителя міра; я отвѣчаю, что это Его увѣренность въ величіе человѣческой души. Онъ видѣлъ въ человѣкѣ отраженіе и образъ божества и потому жаждалъ его искупленія и любилъ человѣка, кто бы онъ ни былъ, какія бы ни были условія его жизни и характера. Іисусъ смотрѣлъ на людей взоромъ, пронизывающимъ матеріальную оболочку,—тѣло исчезало передъ нимъ. Онъ смотрѣлъ сквозь наряды богатаго и лохмотья нищаго въ душу человѣка; и тамъ, среди мрака невѣжества и пятенъ грѣха, Онъ находилъ духовную безсмертную природу и зачатки силы и совершенства, которыя могутъ развиваться безконечно. Въ самомъ низко падшемъ, развращенномъ человѣкѣ Онъ видѣлъ существо, которое могло бы превратиться въ ангела свѣта. Чаннингъ.

2.

Для народовъ, какъ и для личностей, освобожденіе отъ предразсудковъ не уменьшаетъ нравственныхъ преградъ, но только замѣняетъ грубыя препятствія болѣе тонкими. Многія бѣдныя души теряютъ при этомъ свою поддержку. Но въ этомъ нѣтъ ничего дурного или опаснаго. Это только ростъ. Ребенокъ долженъ выучиться ходить одинъ. Сначала человѣкъ, лишившійся привычнаго суевѣрія, чувствуетъ себя потеряннымъ, бездомнымъ... Но это отнятіе отъ него внѣшнихъ поддержекъ загоняетъ его внутрь себя, и онъ чувствуетъ себя окрѣпшимъ. Онъ чувствуетъ себя лицомъ къ лицу съ величественнымъ присутствіемъ Бога. Онъ читаетъ не по книгѣ, а въ душѣ самый оригиналъ 10-ти заповѣдей, евангелія и посланій. И его маленькая часовня расширяется до величественнаго собора небеснаго свода. Эмерсонъ.

3.

Познаніе Бога можетъ быть или умозрительнымъ, и такое познаніе ненадежно и подвержено опаснымъ ошибкамъ, или нравственнымъ, вытекающимъ изъ вѣры, и такое познаніе не мыслитъ никакихъ другихъ качествъ Бога, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливаютъ нравственность. Такая вѣра естественна и сверхъестественна. Кантъ.

4.

Ищите не только нравственной жизни, но стремитесь къ тому, что выше нравственности. Торо.

Бойтесь всего, что становится между вами и Богомъ—духомъ, образъ, подобіе котораго живетъ въ вашей душѣ.

21-е января.

Человѣкъ духовно совершенствуется по мѣрѣ укрѣпленія разума и затиханія страстей. Счастливъ человѣкъ, когда онъ сознательно помогаетъ этому совершенствованію и видитъ въ немъ свое благо.

1.

Человѣкъ видитъ передъ собою подвиги, за которые наградою— всеобщее рукоплесканіе, ему мерещится радужная даль, имѣющая такую заманку для юноши. Угаснула передъ нимъ даль и подвиги, угаснула и сила стремящая. Но передъ христіаниномъ сіяетъ вѣчно даль и видятся вѣчные подвиги. Онъ, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать и гдѣ подвизаться, потому что взглядъ его на самого себя, безпрестанно просвѣтляющійся, открываетъ ему новые недостатки въ себѣ самомъ, съ которыми нужно производить новыя битвы. Оттого и всѣ силы его не только не могутъ въ немъ заснуть или ослабѣть, но еще возбуждаются безпрестанно. А желаніе быть лучшимъ придаетъ ему такіе шпоры, какихъ не можетъ дать наисильнѣйшему честолюбцу его ненасытимѣйшее честолюбіе. Вотъ причина, почему христіанинъ тогда идетъ впередъ, когда другіе назадъ, и отчего становится онъ чѣмъ дальше, тѣмъ умнѣе.

Гоголь.

2.

Намъ кажется, что настоящая работи — это работа надъ чѣмъ-нибудь внѣшнимъ: производить, собирать что-нибудь—имущество, домъ, скотъ, плоды; а работать надъ своей душой—это не важно; а между тѣмъ всякая другая, кромѣ какъ работа надъ своей душой,—всякая другая работа пустяки.

3.

Пусть ошибка и ложные пріемы не смущаютъ тебя. Ничто такъ не научаетъ, какъ сознаніе своей ошибки. Это одно изъ главныхъ средствъ самовоспитанія.

Карлейль.

4.

Охраняйте ваше сердце отъ чуждыхъ вамъ заботъ; не вмѣшивайтесь въ то, что до васъ не касается; старайтесь лучше о томъ, чтобы исправиться и преуспѣвать на пути къ совершенству.

5.

Наши жизни составляютъ для насъ нравственное преданіе, какъ жизнь человѣчества составляетъ преданіе для рода. Совершонный нами великій поступокъ представляется намъ побудительной причиной къ тому, чтобы вся жизнь наша была всегда благородна.

Джоржъ Элліотъ.

6.

Не говорите никогда: „этотъ поступокъ незначителенъ, я могу себѣ позволить его безъ опасенія". Не говорите никогда: „эта добродѣтель такъ незначительна, что я могу безъ нея обойтись".

Ужасно положеніе человѣка, который, не сознавая свою растущую духовную жизнь, сознаетъ только жизнь животную. Чѣмъ дальше онъ подвигается въ жизни, тѣмъ все слабѣетъ и исчезаетъ то, что онъ считаетъ своей жизнью, и ничто не замѣняетъ ему ее.

Недѣльное чтеніе.

Совершенствованіе.

Человѣку невозможно достигнуть совершенства Бога, но онъ постоянно долженъ дѣлать усилія для того, чтобы все больше и больше къ нему приближаться. Это тотъ путь, идти по которому было отъ вѣка предписано человѣческому роду. Это—путь тернистый и тяжелый по тѣмъ трудностямъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу его. Но это путь утѣшительный и отрадный по тѣмъ плодамъ, которыми онъ усѣянъ и изъ которыхъ послѣдній плодъ—братскій миръ, царство мира и любви на землѣ. Тогда наступитъ и конечное великое единство. Но единство вѣдь есть не что иное, какъ болѣе тѣсное общеніе объединившихся существъ, сліяніе жизни каждаго съ жизнью всѣхъ, и потому для осуществленія этого единства нѣтъ другого средства, какъ отрѣшеніе отъ самого себя постольку, поскольку этого требуетъ единство,—вольный отказъ отъ всего, что раздѣляетъ и уединяетъ. Въ этомъ—все евангельское ученіе. Оно все въ милосердіи, во всеобщей любви, включающей въ себя Бога и всѣ Его творенія. И во всѣхъ твореніяхъ Бога все измѣняется прежде всего въ этомъ направленіи. Изъ личнаго эгоизма вытекали гордость, любостяжаніе, чувственныя вожделѣнія, зависть, гнѣвъ, непріязнь; изъ чувства общности жизни, центръ которой есть Богъ, рождаются самозабвеніе, кротость, самоотреченіе, внутренній миръ; чистыя радости, надежды, превращающія земныя страданія въ вѣрный залогъ будущаго блаженства.

Но помните: чѣмъ дальше вы будете подвигаться по этому пути истиннаго порядка, чѣмъ больше вы будете стремиться навести на

этотъ путь другихъ людей, тѣмъ бóльшія препятствія вы встрѣтите отъ дѣтей вѣка, подданныхъ царя прошлаго. Они васъ будутъ ненавидѣть и преслѣдовать,—таскать по судамъ и ввергать въ темницы для того, чтобы заглушить добро въ зародышѣ, — то добро, сѣмена котораго вы разсѣваете вокругъ васъ, — для того, чтобы продолжить зло, которому они служатъ. Утвердитесь въ сердцахъ вашихъ, укрѣпитесь въ мужествѣ вашемъ, чтобы не пасть въ этой священной борьбѣ. Завѣщайте эту борьбу, какъ самую завѣтную часть вашего наслѣдства, тѣмъ, кто слѣдуетъ за вами. Отдыхъ будетъ послѣ битвы; битва же продолжится до того дня, когда будетъ сказано: Богъ побѣдилъ, царствіе Его установлено на землѣ, и у дѣтей Его есть отечество.

Ламенэ.

Вся цивилизація заключается въ замѣнѣ физическихъ факторовъ умственными и умственныхъ нравственными.

Законъ нравственный—„любить ближняго, какъ самого себя",—есть законъ вѣчный, который не прейдетъ, пока не будетъ исполненъ этотъ законъ, такой же неизбѣжный, какъ законъ тяготѣнія, химическихъ соединеній и другіе физическіе законы.

Можно предположить, что и законы физическіе когда-то колебались, были не общи всѣмъ явленіямъ природы, вырабатывались, но, наконецъ, стали необходимостью. То же и съ нравственнымъ закономъ: онъ нами вырабатывается.

Цѣлью жизни міра представляется разумному человѣку безконечное просвѣтлѣніе и единеніе существъ міра, къ которому идетъ жизнь, и въ которомъ сначала люди, а потомъ и всѣ существа, все болѣе и болѣе подчиняясь закону разума, будутъ понимать то, что дано понимать теперь одному человѣку,—что благо жизни достигается не стремленіемъ каждаго существа къ своему личному благу, а стремленіемъ, согласно съ закономъ разума, каждаго существа къ благу всѣхъ другихъ.

22-е января.

Нельзя взвѣсить того нравственнаго зла, которое производятъ войны.

1.

Всякій молодой человѣкъ долженъ повѣрить, что благородство и величіе состоятъ въ томъ, чтобы отказаться отъ своей воли и сдѣлаться орудіемъ воли другого, рубить и быть рубимымъ, страдать отъ голода, жажды, дождя и холода, быть искалѣченнымъ, не зная зачѣмъ, и удовольствоваться такой наградой, какъ обѣщаніе неосязаемой и фиктивной вещи—безсмертія послѣ смерти и славы, которую даетъ или въ которой отказываетъ газетчикъ своимъ перомъ, сидя въ теплой комнатѣ.

Выстрѣлъ. Онъ раненый падаетъ. Товарищи доканчиваютъ его, топча ногами. Его закапываютъ полуживого, и тогда онъ можетъ наслаждаться безсмертіемъ. Товарищи, родные забываютъ его; тотъ, кому онъ отдалъ свое счастіе, свое страданіе и свою жизнь, никогда не зналъ его. И послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кто-нибудь отыскиваетъ его побѣлѣвшія кости, и изъ нихъ дѣлаетъ черную краску и англійскую ваксу, чтобы чистить сапоги его генерала.

Альфонсъ Карръ.

2.

Война образуетъ людей, перестающихъ быть гражданами и дѣлающихся солдатами. Ихъ привычки выдѣляютъ ихъ изъ общества, ихъ главное чувство есть преданность начальнику, они въ лагеряхъ пріучаются къ деспотизму, къ тому, чтобы достигать своихъ цѣлей насиліемъ и играть правами и счастіемъ ближнихъ; ихъ главное удовольствіе: бурныя приключенія, опасности. Мирные труды имъ противны.

Война сама собой производитъ войну и продолжаетъ ее безъ конца. Побѣдившій народъ, опьяненный успѣхомъ, стремится къ новымъ побѣдамъ; пострадавшій же народъ, раздраженный пораженіемъ, спѣшитъ возстановить свою честь и свои потери.

Народы, озлобленные другъ противъ друга взаимными обидами, желаютъ другъ другу униженія, разоренія, радуются тому, что болѣзни, голодъ, нужда, пораженія постигаютъ враждебную страну.

Убійство тысячъ людей вмѣсто состраданія вызываютъ въ нихъ восторженную радость: города освѣщаются иллюминаціями, и вся страна празднуетъ.

Такъ огрубѣваетъ сердце человѣка, и воспитываются его худшія страсти. Человѣкъ отрекается отъ чувствъ симпатіи и гуманности.

Чаннингъ.

3.

Гдѣ Христосъ? Гдѣ Его ученье? Гдѣ Его можно найти у христіанскихъ народностей? Въ учрежденіяхъ — Его тамъ нѣтъ; въ законахъ, проникнутыхъ духомъ неправаго неравенства? Нѣтъ Его и тамъ; въ нравахъ, проникнутыхъ эгоизмомъ, — Его тамъ нѣтъ. Гдѣ же ученье Христа? Оно въ грядущемъ, подготовляемомъ работой въ глубинахъ человѣческой природы; оно въ движеніи, волнующемъ народы изъ края въ край земли; оно въ стремленіяхъ чистыхъ душъ и праведныхъ сердецъ; оно въ сознаніи всѣхъ, ибо всѣ сознаютъ, что существующее не можетъ длиться, потому что оно есть зло, отрицаніе милосердія, братства, есть наслѣдіе каинова племени, есть нѣчто уже отринутое, подлежащее разсѣянію отъ дуновенія Бога.

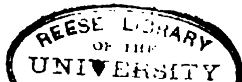
Ламенэ.

23-е января.

Злость безобразна и отталкиваетъ людей.

1.

Первое средство освободиться отъ гнѣва состоитъ въ томъ, чтобы, подобно тому, какъ освобождаются отъ тирана, не подчиняться ему, отказывать въ повиновеніи тогда, когда онъ велитъ быть разгоряченными, грозно озираться вокругъ и наносить себѣ удары, а, напротивъ,



оставаться спокойнымъ и не усиливать страсти безпокойными движеніями и криками, что лишь усиливаетъ болѣзнь...

Ни одна страсть, ни любовь, ни зависть, ни страхъ—не простираются на всѣхъ; въ гнѣвѣ же набрасываешься на всѣхъ, не оставляя въ покоѣ никого—все равно, враговъ или друзей, дѣтей или взрослыхъ, даже боговъ и дикихъ звѣрей и бездушные предметы...

Я начиналъ свой курсъ лѣченія,—не знаю, правильно ли, нѣтъ ли,—съ того, что старался изучить гнѣвъ на другихъ людяхъ, какъ спартанцы изучали опьянѣніе на илотахъ. Вспоминалъ я прежде всего про Гиппократа, признававшаго болѣзнь самой тяжелой, какъ только больной становился самъ на себя не похожъ. Такъ и я, видя, что нѣкоторые люди до того выходятъ изъ себя отъ гнѣва, что мѣняются въ выраженіи, цвѣтѣ лица, походкѣ и голосѣ, я запечатлѣвалъ въ душѣ какъ бы картину, образъ этой страсти и съ отвращеніемъ думалъ: что если мои друзья, жена, дочери вдругъ когда-нибудь увидятъ меня такимъ страшнымъ и обезображеннымъ, не только съ дикимъ, злобнымъ взглядомъ, но и съ противнымъ, хриплымъ голосомъ...

Извѣстно, что море, бушуя отъ вѣтра и выбрасывая водоросли и другія травы, очищается.

Говорятъ, что, подобно морю, и гнѣвъ во время душевной бури даетъ надлежащій выходъ непристойнымъ, рѣзкимъ и пошлымъ словамъ, каждую минуту готовымъ изойти изъ устъ человѣка, переполненнаго и оскверненнаго ими...

Но внимательное наблюденіе за собой во время приступа гнѣва, знакомя насъ съ природой гнѣва вообще, не только не приводитъ къ такимъ мыслямъ, но, наоборотъ, производитъ то, что несостоятельность ихъ обнаруживается сама собой.

Прежде всего это самонаблюденіе показываетъ намъ, что гнѣвъ вовсе не благороденъ и не мужественъ и что въ немъ нѣтъ ни возвышеннаго настроенія, ни величія, какъ это склонны думать темные люди, принимающіе его безпокойство за активность, его угрозы за смѣлость, а непокорство за силу и считающіе жестокость признакомъ силы, неумолимость—твердостью и угрюмость—ненавистью къ злу.

Напротивъ, поступки и движенія гнѣвающагося обнаруживаютъ его слабость и мелочность, не только когда онъ въ гнѣвѣ колотитъ своихъ дѣтей, желчно обращается съ своей женой, но даже когда думаетъ, что надо наказать собакъ или лошадей.

Какъ жестокій ударъ вызываетъ на тѣлѣ опухоль, такъ у очень слабыхъ душъ боль, причиненная другими, вызываетъ вслѣдствіе большей слабости болѣе сильный гнѣвъ. Поэтому-то женщины гнѣвливѣе мужчинъ, больные гнѣвливѣе здоровыхъ.

Такъ что гнѣвъ есть признакъ не сильной души, какъ замѣтилъ кто-то, а наоборотъ, слабой души, которая въ напряженіи и конвульсіи не только не очищается отъ своей мстительности наподобіе бурнаго моря, выбрасывающаго свой соръ, а еще больше омрачается и оскверняется ею. Сенека.

2.

Скупецъ стремится завладѣть имуществомъ другихъ, въ надеждѣ самому обогатиться; онъ вредитъ людямъ ради своей пользы. Злой же гораздо менѣе понятенъ: онъ вредитъ другимъ, не извлекая никакой выгоды изъ своихъ пороковъ; онъ наноситъ зло другимъ, но себѣ еще большее. Не самое ли это ужасное безуміе заодно разорять и свой домъ, и тѣло, и душу?

Бесѣды Сократа.

3.

Не тотъ мужественъ, кто отдается взрывамъ гнѣва, а тотъ, кто владѣетъ кротостью и мягкостью.

Маркъ Аврелій.

4.

Какъ ни непріятенъ для другихъ гнѣвъ, онъ болѣе всего тяжелъ для того, кто его испытываетъ.

То, что начато въ гнѣвѣ, кончается въ стыдѣ.

Гнѣвъ часто болѣе вреденъ, чѣмъ та обида, которая его вызвала.

5.

Тотъ, чья злоба не имѣетъ границъ, — тотъ, кто обвитъ ею, какъ повиликой, скоро приведетъ самъ себя туда, куда хотѣлъ бы втолкнуть его только злѣйшій врагъ.

Не киснетъ свѣже нацѣженное молоко, не дастъ немедленно плода злое дѣло, но какъ огонь, зарытый въ теплѣ, оно исподволь жжетъ и мучитъ безумца. Буддійская мудрость.

6.

Зломъ воздастъ тебѣ твой врагъ, больно отплатитъ ненавистникъ, но несравненно горшее зло принесетъ тебѣ заблуждающійся умъ.

Ни отецъ, ни мать, ни родные, ни близкіе не сдѣлаютъ тебѣ такъ много добраго, какъ твой умъ, избравшій вѣрный путь.

Буддійская мудрость.

Когда люди злобно спорятъ другъ съ другомъ, ребенокъ сейчасъ же вѣрно оцѣниваетъ положеніе: онъ не разбираетъ того, кто правъ и кто виноватъ, а со страхомъ и отвращеніемъ бѣжитъ отъ такихъ людей.

24-е января.

Куда идетъ человѣчество, это не дано знать людямъ. Высшая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы знать, куда тебѣ идти. А это ты знаешь: идти къ Богу, къ высшему совершенствованію.

1.

Узокъ путь, ведущій въ жизнь, и немногіе находятъ его, ибо путь этотъ въ самомъ человѣкѣ и лишь немногіе ищутъ свой путь. Большинство ищетъ пути для другихъ, а потому-то и не находятъ для себя пути жизни. Люси Малори.

2.

Есть только три разряда людей: одни обрѣли Бога и служатъ Ему; люди эти разумны и счастливы. Другіе не нашли и не ищутъ Его; эти безумны и несчастны. Третьи не обрѣли, но ищутъ Его; эти люди разумны, но еще несчастны. Блезъ Паскаль.

3.

Гдѣ начинается исканіе истины, тамъ всегда начинается жизнь; какъ только прекращается исканіе истины, прекращается и жизнь.

Джонъ Рёскинъ.

4.

Видѣть всѣ вещи въ Богѣ, сдѣлать изъ своей жизни движеніе къ идеалу, жить благодарностью, сосредоточеніемъ, кротостью и мужествомъ: въ этомъ удивительная точка зрѣнія Марка Аврелія. Какое плохое христіанство то, которое злословитъ мудрость и обходится безъ нея! Во всякомъ случаѣ я предпочитаю мудрость, довольствующуюся царствомъ Божьимъ только на землѣ, мудрости, признающей его лишь за гробомъ.

Признакъ ложной религіозной жизни это откладывать жизнь до другого времени и отличать святого человѣка отъ добродѣтельнаго.

Аміель.

5.

Человѣка, который ищетъ мудрости, можно назвать умнымъ, но если онъ думаетъ, что нашелъ ее, онъ безумецъ.

Персидскій Албитисъ.

6.

Важно не то мѣсто, которое мы занимаемъ, а то направленіе, въ которомъ мы движемся.

Гольмсъ.

Не цѣли общія должны опредѣлять твою дѣятельность, а назначеніе твоей жизни, одинаковое съ назначеніемъ всѣхъ людей, опредѣляетъ ее.

25-е января.

Есть знанія, необходимыя каждому человѣку. Пока онъ не усвоилъ этихъ знаній, всѣ другія знанія будутъ во вредъ ему.

1.

Сократъ постоянно указывалъ своимъ ученикамъ на то, что при правильно поставленномъ образованіи въ каждой наукѣ надо доходить только до извѣстнаго предѣла, который не слѣдуетъ переступать. По геометріи, говорилъ онъ, достаточно знать настолько, чтобы при случаѣ быть въ силахъ правильно измѣрить кусокъ земли, который продаешь или покупаешь, или чтобъ раздѣлить на части наслѣдство, или чтобъ сумѣть распредѣлить работу рабочимъ. „Это такъ легко,—говорилъ онъ,—что при небольшомъ стараніи не будешь затрудняться ни надъ какимъ измѣреніемъ, хотя бы пришлось размѣрять всю землю". Но онъ не одобрялъ увлеченія большими трудностями въ этой наукѣ, и хотя самъ лично зналъ ихъ, но говорилъ, что онѣ могутъ занять всю жизнь человѣка и отвлечь его отъ другихъ полезныхъ наукъ, тогда какъ онѣ ни къ чему не нужны. По астрономіи онъ находилъ желательнымъ знать настолько, чтобъ по небеснымъ примѣтамъ узнавать часы ночи, дни мѣсяца и времена года, умѣть не потерять дорогу, держать направленіе въ морѣ и смѣнять сторожей. „Эта наука настолько легка, — прибавлялъ онъ, — что она доступна всякому охотнику, всѣмъ мореплавателямъ, вообще всякому, кто хочетъ сколько-нибудь ею заняться". Но доходить въ ней до того, чтобъ изучать различныя орбиты, описываемыя небесными тѣлами, высчитывать величину планетъ и звѣздъ, ихъ отдаленность отъ земли, ихъ движенія и измѣненія,—это онъ крайне осуждалъ, потому что не видѣлъ въ такихъ занятіяхъ никакой пользы. Онъ былъ такого низкаго мнѣнія о нихъ не по невѣдѣнію, такъ какъ самъ изучилъ эти науки довольно глубоко, а потому, что не хотѣлъ, чтобъ на излишнія занятія тратилось время, которое могло быть употреблено съ бóльшей пользой.

2.

Горе ученымъ, которые собираютъ знанія, горе самодовольнымъ философамъ, ненасытимымъ изслѣдователямъ, которые хранятъ свой свѣтъ, какъ скупой свои сокровища. Эти дурные богачи ежедневно празднуютъ на своихъ умственныхъ пирахъ, тогда какъ Лазарь непрестанно голодаетъ. Люди эти наполнены тѣмъ, что есть

ничто, потому что это пустое знаніе не содѣйствуетъ ни внутреннему, ни общественному совершенствованію. Фенелонъ.

3.

Бойся незнанія, но еще больше бойся ложнаго знанія. Отврати твое зрѣніе отъ міра, обмана и не довѣряй своимъ чувствамъ, они лгутъ, но въ тебѣ самомъ ищи во внѣличномъ вѣчнаго человѣка.

Буддійская мудрость.

4.

Кому уподобить человѣка ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ любящаго Бога? Мастеру съ орудіемъ своего мастерства въ рукахъ; человѣка же знаній, сердце котораго не согрѣто любовью къ Богу,—мастеру безъ орудія; любящаго же Бога, но чуждающагося знаній — человѣку съ орудіемъ, но мастерства не знающему. Талмудъ.

5.

Опытныя науки, когда ими занимаются ради нихъ самихъ, разрабатывая ихъ безъ философской тенденціи, подобны лицу безъ глазъ. Онѣ представляютъ одно изъ занятій, подходящихъ для среднихъ способностей, лишенныхъ однако высшихъ дарованій, которыя были бы только помѣхой при этихъ кропотливыхъ изысканіяхъ. Люди съ такими средними способностями сосредоточиваютъ всѣ свои силы и все свое умѣнье на одномъ единственномъ отграниченномъ научномъ полѣ, гдѣ они и могутъ поэтому достигнуть возможно полнаго знанія, при условіи совершеннаго невѣжества во всѣхъ другихъ сферахъ. Ихъ можно сравнить съ рабочими въ женевскихъ мастерскихъ, изъ которыхъ одни дѣлаютъ только колеса, другіе—только пружины, третьи—только цѣпи, или еще—съ музыкантами въ оркестрѣ, изъ которыхъ каждый знаетъ только свой инструментъ. Шопенгауэръ.

6.

Умственныя занятія не могутъ насытить.

Въ садъ пришли два человѣка: ученый и живущій по Богу. Ученый началъ тотчасъ же повѣрять количество деревьевъ, считать

плоды и опредѣлять цѣну сада. Богобоязненный же тотчасъ же познакомился съ хозяиномъ сада, подошелъ къ одному изъ деревьевъ и насытился его плодами.

Пользуйся плодами. Считанье листьевъ и праздные расчеты не утолятъ твоего голода. Не дѣятельность разсудка, но жизнь въ Богѣ дастъ тебѣ полноту высшаго блаженства.

Браминская мудрость.

7.

Полезнѣе знать нѣсколько мудрыхъ правилъ, которыя всегда могли бы служить тебѣ, чѣмъ выучиться многимъ вещамъ, для тебя безполезнымъ. Сенека.

Какъ во всемъ, такъ въ особенности въ знаніи, то, что не нужно, всегда вредно.

26-е января.

Люди, поставившіе свою жизнь на угнетеніи ближняго,—какова жизнь всѣхъ богатыхъ,—не могутъ быть милосердны.

1.

Не крайняя ли несообразность въ томъ, что мы сами сидимъ за трапезою въ смѣхѣ и пресыщеніи, а между тѣмъ, слыша, какъ другіе плачутъ, проходя по улицѣ, не только не обращаемъ на ихъ плачъ вниманія, но еще негодуемъ на нихъ и называемъ ихъ обманщиками?.. Что ты говоришь, человѣкъ?.. Ужели изъ-за одного хлѣба станетъ кто-нибудь обманывать?.. Да, скажешь ты. Въ такомъ случаѣ тѣмъ скорѣе надо сжалиться надъ нимъ, тѣмъ скорѣе нужно избавить его отъ нужды. Если же ты не хочешь

подать—по крайней мѣрѣ, не оскорбляй; если не хочешь спасти отъ потопленія—по крайней мѣрѣ не ввергай въ пропасть.

Наставленія Іоанна Златоуста.

2.

И въ томъ случаѣ, если бы ты подавалъ отъ своего, тебѣ не слѣдовало бы скупиться, но ты подаешь принадлежащее Господу,—зачѣмъ же скряжничаешь? Хотите ли, я скажу причину такого безчеловѣчія?.. Ты нажилъ имѣніе любостяжаніемъ и отъ того скупъ на милостыню. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, тому, кто привыкъ къ хищничеству, расположить себя къ противному? Какъ будетъ давать другому свое тотъ, кто беретъ чужое? И песъ, коль скоро привыкъ питаться мясомъ, уже не можетъ охранять стадо, почему пастухи и убиваютъ такого рода псовъ. Чтобы и съ нами не случилось того же, будемъ воздерживаться отъ такой пищи; ибо тѣ бываютъ причиною голодной смерти, которые питаются плотью. „Дадите, сказалъ Господь, милостыню и се вся чиста вамъ будутъ" (Лук. XI, 41). Но я разумѣю милостыню не отъ неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, что за польза обнажить одного и одѣть другого? Милостыня должна происходить отъ состраданія, а это—безчеловѣчіе. И хотя бы мы отдали все, что похитили у другихъ,—для насъ не будетъ никакой пользы.

Наставленія Іоанна Златоуста.

3.

Прежде отстань отъ хищенія, а потомъ давай милостыню. Удержи руки отъ лихоимства и тогда простирай ихъ на милостыню. Если же мы тѣми же самыми руками однихъ будемъ обнажать, а другихъ одѣвать, то милостыня будетъ поводомъ къ преступленію. Лучше не оказывать милосердіе, чѣмъ оказывать такое милосердіе.

Наставленія Іоанна Златоуста.

4.

Поразительный примѣръ извращенія милосердія—это устроенная одной герцогиней выставка брильянтовъ на десятки милліоновъ въ *пользу бѣдныхъ*.

5.

Ни на чемъ такъ не видна жестокость жизни богатыхъ, какъ на ихъ попыткахъ милосердія.

Когда получающій перестаетъ притворно благодарить, а начинаетъ требовать, это признакъ, что начинаются отношенія человѣка съ человѣкомъ, при которыхъ начинается возможность истиннаго милосердія.

6.

У богатаго на 3-хъ человѣкъ 15 комнатъ, и нельзя пустить согрѣться и переночевать нищаго.

У крестьянина 7-ми аршинная изба на 7 душъ, и онъ охотно пускаетъ странника.

7.

Мы любимъ предметы за ихъ несовершенство, которое божественно предопредѣлено для того, чтобы закономъ человѣческой жизни было усиліе, а закономъ человѣческаго суда милосердіе. Только у Бога законченность, и чѣмъ совершеннѣе становится человѣческій умъ, тѣмъ лучше онъ чувствуетъ безпредѣльную въ этомъ отношеніи разницу между дѣломъ Божескимъ и человѣческимъ.

Джонъ Рёскинъ.

8.

Какъ первое правило мудрости состоитъ въ познаніи самого себя, — хотя это всего труднѣе, — такъ и первое правило милосердія состоитъ въ томъ, чтобы довольствоваться собою, хотя и это также трудно; и только такой довольный и умиротворенный человѣкъ и явится опоясаннымъ и сильнымъ для оказанія милосердія другимъ.

Джонъ Рёскинъ.

9.

Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое,—какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. I Іп. III, 17—18.

Для того, чтобы богачъ былъ милосердъ, ему надо прежде всего сдѣлать то, что сказалъ Христосъ богатому юношѣ.

Нельзя служить маммонѣ и увѣрять себя и другихъ, что служишь Богу.

27-е января.

Любовь къ людямъ даетъ истинное внутреннее неотъемлемое благо, потому что любовь соединяетъ человѣка и съ другими и съ Богомъ.

1.

Никто не можетъ помѣшать духовному развитію человѣка, кромѣ его самого. Ни физическая слабость, ни умственная неспособность не могутъ быть препятствіями къ развитію духовной природы, ибо всѣ они превозмогаются умноженіемъ любви въ душѣ; если же препятствія эти остаются у кого-нибудь, то только потому, что у него мало любви.

Люси Малори.

2.

Разумный человѣкъ любитъ не потому, что это ему выгодно, а потому, что онъ въ самой любви находитъ счастіе.

Паскаль.

3.

Не говорите мнѣ о раскаяніи: какая польза въ сожалѣніи? Ложь говоритъ: раскаивайся; правда говоритъ: только люби. То, что удалено отъ Бога, то не пребываетъ. Удали отъ себя всѣ воспоминанія. Мы смущены преданіями на пути своемъ. Не говори о прошедшемъ; живи въ тѣни любви, и пусть проходитъ все остальное.

Персидская мудрость.

4.

У мудреца спросили: „Что такое наука?“ Онъ сказалъ: „То, чтобы знать людей“. У него спросили также: „Въ чемъ состоитъ добродѣтель?“ Онъ сказалъ: „Въ томъ, чтобы любить людей“.

Китайская мудрость.

5.

Съ точки зрѣнія счастія вопросъ жизни неразрѣшимъ, такъ какъ самыя высокія наши стремленія мѣшаютъ намъ быть счастливыми. Съ точки зрѣнія долга то же затрудненіе, такъ какъ исполненный долгъ даетъ миръ, а не счастіе.

Только божественная святая любовь и сліяніе съ Богомъ вѣрою уничтожаютъ это затрудненіе, потому что если жертва стала радостью, постоянной, растущей, ненарушимой радостью, то душа обезпечена достаточнымъ, хотя и неопредѣленнымъ питаніемъ.

Аміель.

6.

Полюби, полюби того, кто дѣлалъ тебѣ больно, кого ты осуждалъ, не любилъ, — и все то, что скрывало отъ тебя его душу, исчезнетъ, и ты, какъ сквозь свѣжую воду на днѣ, увидишь Божественную сущность его любви, и тебѣ не нужно и нельзя будетъ прощать его, тебѣ нужно будетъ прощать только себя за то, что ты не любилъ Бога въ томъ, въ комъ Онъ былъ, и изъ-за своей нелюбви не видалъ Его.

7.

Я сознаю въ себѣ силу, которая со временемъ преобразитъ міръ. Она не толкаетъ и не давитъ, но я чувствую, какъ она понемногу и неудержимо влечетъ меня. И я вижу, что меня что-то притягиваетъ, такъ же какъ я безсознательно притягиваю другихъ. Я увлекаю ихъ, и они увлекаютъ меня, и мы сознаемъ стремленіе къ новому соединенію. Стань въ прикосновеніе съ центральнымъ магнитомъ и ты самъ станешь магнитомъ; и чѣмъ больше мы всѣ сознаемъ свое назначеніе и свои силы, тѣмъ очевиднѣе образовывается новый міръ. Мы становимся законодателями божественнаго закона, получая его отъ Самого Бога, и человѣческіе законы вянутъ и ссыхаются передъ нами.

И я спросилъ ту силу, которая была во мнѣ: — кто ты?

И она отвѣчала: я — любовь, владыка неба, и хочу быть любовью, владыкой земли.

Я могущественнѣйшая изъ всѣхъ силъ небесныхъ, и я пришла, чтобы образовать государство будущаго.

Кросби.

8.

Какъ мать, рискуя своей жизнью, воспитываетъ и оберегаетъ свое дѣтище, свое единственное дѣтище, такъ пусть каждый человѣкъ воспитываетъ и оберегаетъ въ себѣ дружелюбное чувство ко всему живущему.

Меттасутта.

9.

Кто истинно любитъ Бога, тотъ не будетъ стремиться къ тому, чтобы Богъ любилъ его.

Спиноза.

Безстрашіе, спокойствіе, радость, которыя даетъ любовь, такъ велики, что блага мірскія, даваемыя любовью (любовь людей), незамѣтны для человѣка, познавшаго внутреннее благо любви.

28-е января.

Для того, чтобы человѣку узнать тотъ законъ, которому онъ подчиненъ и который даетъ ему свободу, ему надо подняться изъ тѣлесной жизни въ духовную.

1.

Пославшій Меня есть истиненъ, и что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру.

Не поняли, что Онъ говорилъ имъ объ Отцѣ.

Итакъ Іисусъ сказалъ имъ: когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнàете, что это Я и что ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ Мой, такъ и говорю.

Ін. VIII, 26—28.

2.

Христосъ былъ истинный пророкъ. Онъ видѣлъ тайну души. Онъ видѣлъ величіе человѣка. Онъ былъ вѣренъ тому, что живетъ въ васъ и во мнѣ. Онъ видѣлъ Бога воплощеннымъ въ человѣкѣ.

И въ состояніи величественнаго восторга Онъ сказалъ: „Я божествененъ, Богъ дѣйствуетъ черезъ меня, черезъ меня говоритъ. Хочешь видѣть,—смотри на себя, когда ты думаешь и чувствуешь такъ же, какъ я теперь думаю и чувствую“.

Познавъ тотъ повелѣвающій законъ, который живетъ въ сердцахъ людей, Онъ не подчинялъ этотъ законъ никакому другому. Онъ призналъ этотъ законъ самимъ Богомъ. Эмерсонъ.

3.

Я и Богъ—одно!—сказалъ учитель.—Но если вы считаете за Бога мое тѣло, то ошибаетесь. Если принимаете за Бога мое нетѣлесное существо, особое отъ другихъ существъ, тоже ошибаетесь. Не ошибетесь только тогда, когда сумѣете проникнуть до истиннаго моего *я*, которое дѣйствительно едино съ Богомъ. Путь же къ обрѣтенію этого моего *я* есть только одинъ—это обрѣтеніе каждымъ изъ васъ своего *я*, которое едино и съ моимъ *я*, и съ Богомъ. Когда вы это сдѣлаете, т.-е. возвысите въ себѣ человѣка, то увидите, что между тѣмъ человѣкомъ, котораго вы въ себѣ возвысите, и тѣмъ, котораго уже возвысилъ въ себѣ *я*, нѣтъ никакой разницы по существу. Углубитесь въ нѣдра вашего существа и вы встрѣтитесь тамъ и соединитесь съ тѣмъ же Богомъ, съ какимъ встрѣтился и соединился *я*.

Это только такъ кажется, что мы представляемъ изъ себя отдѣльныя, обособленныя одна отъ другой личности, какъ кажется и то, что каждый изъ вулкановъ, далеко разбросанныхъ другъ отъ друга по земной поверхности, дышитъ своимъ особымъ пламенемъ.

Ѳедоръ Страховъ.

4.

Надо жить короткій срокъ этой жизни по закону вѣчной жизни. Торо.

5.

Душа человѣческая по природѣ своей христіанка.

Христіанство воспринимается людьми всегда, какъ что-то забытое, вдругъ вспомнившееся. Христіанство поднимаетъ человѣка на такую высоту, съ которой ему открывается радостный міръ, под-

чиненный разумному закону. Чувство, испытываемое человѣкомъ, узнающимъ истину христіанства, подобно тому, которое испыталъ бы человѣкъ, запертый въ темной душной башнѣ, когда бы онъ поднялся на высшую открытую площадку башни, съ которой онъ увидалъ бы, невидный прежде, прекрасный міръ.

Сознаніе подчиненія закону человѣческому порабощаетъ; сознаніе подчиненія божескому закону освобождаетъ.

Недѣльное чтенiе.

Законъ.

Жизнь человѣческая начинается только съ проявленія разумнаго сознанія,—того самаго, которое открываетъ человѣку одновременно и свою жизнь, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, и жизнь другихъ личностей, и все неизбѣжно вытекающее изъ отношеній этихъ личностей, страданія и смерть,—то самое, что производитъ въ немъ отрицаніе блага жизни личной и противорѣчіе, которое, ему кажется, останавливаетъ его жизнь...

Человѣкъ, въ которомъ проснулось разумное сознаніе, но который вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ свою жизнь только какъ личную, находится въ томъ же мучительномъ состояніи, въ которомъ находилось бы животное, которое, признавъ своею жизнью движеніе вещества, не признавало бы своего закона личности, а только видѣло бы свою жизнь въ подчиненіи себя законамъ вещества, которые совершаются и безъ его усилія. Такое животное испытывало бы мучительное внутреннее противорѣчіе и раздвоеніе. Подчиняя себя однимъ законамъ вещества, оно видѣло бы свою жизнь въ томъ, чтобы лежать и дышать, но личность требовала бы отъ него другого: кормленія себя, продолженія рода, и тогда животному казалось бы, что оно испытываетъ раздвоеніе и противорѣчіе. Жизнь, думало бы оно, въ томъ, чтобы подчиняться законамъ тяжести, т.-е. не двигаться, лежать и подчиняться происходящимъ въ тѣлѣ химическимъ процессамъ, и вотъ я дѣлаю это, а еще надо двигаться, питаться, размножаться.

Животное страдало бы и видѣло бы въ этомъ состояніи мучи-

тельное противорѣчіе и раздвоеніе. То же происходитъ и съ человѣкомъ, наученнымъ признавать низшій законъ своей жизни—животную личность—закономъ своей жизни. Высшій законъ жизни, законъ его разумнаго сознанія, требуетъ отъ него другого; вся же окружающая жизнь и ложныя ученія удерживаютъ его въ обманчивомъ сознаніи, и онъ чувствуетъ противорѣчіе и раздвоеніе.

Для животнаго дѣятельность, имѣющая своей цѣлью не благо личности, а прямо противоположное этому благу, есть отрицаніе жизни, но для человѣка это какъ разъ наоборотъ. Дѣятельность человѣка, направленная на достиженіе только блага личности, есть полное отрицаніе жизни человѣческой.

Жизнь человѣческая представляется неразрывно связанной съ двумя видами существованія, которые она включаетъ въ себя: существованіе животныхъ и растеній (организмовъ) и существованіе вещества.

Жизнь свою истинную человѣкъ дѣлаетъ самъ, самъ проживаетъ ее; но въ тѣхъ двухъ видахъ существованія, связанныхъ съ его жизнью, человѣкъ не можетъ принимать участія. Тѣло и вещество, его составляющее, существуютъ сами собой.

Эти виды существованія представляются человѣку какъ бы предшествовавшими, прожитыми жизнями, включенными въ его жизнь,—какъ бы воспоминаніями о прежнихъ жизняхъ.

Въ истинной жизни человѣка эти два вида существованія представляютъ для него орудіе и матеріалъ его работы, но не самую работу его.

Животная личность есть не преграда, а средство, которымъ человѣкъ достигаетъ цѣли своего блага, животная личность для человѣка есть то орудіе, которымъ онъ работаетъ. Животная личность для человѣка—это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать, и, копая, тупить и точить, тратить, а не хранить. Это талантъ, данный ему для прироста, а не для храненія. И кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее. И кто потеряетъ жизнь свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее.

Человѣку полезно изучать и матеріалъ и орудіе своей работы. Чѣмъ лучше онъ познаетъ ихъ, тѣмъ лучше онъ будетъ въ со-

стоянiи работать; но не можетъ и не долженъ человѣкъ смѣшивать матерiалъ и орудiе своей работы съ самой своей работой.

Жизнь человѣческую мы не можемъ понимать иначе, какъ подчиненiе животной личности закону разума.

Жизнь эта обнаруживается во времени и пространствѣ, но опредѣляется не временными и пространственными условiями, а только степенью подчиненiя животной личности разуму.

Опредѣлять жизнь временными и пространственными условiями — это все равно, что опредѣлять высоту предмета его длиной и шириной.

Движенiе въ высоту предмета, движущагося вмѣстѣ съ тѣмъ и въ плоскости, будетъ точнымъ подобiемъ отношенiя истинной жизни человѣческой къ жизни животной личности, или жизни истинной къ жизни временной и пространственной. Движенiе предмета кверху не зависитъ и не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться отъ его движенiя въ плоскости.

Есть это движенiе въ высоту, это большее и большее подчиненiе разуму, — и между двумя силами, пространственной и временной, и одной, устанавливается отношенiе и совершается большее или меньшее движенiе по равнодѣйствующей, поднимающей существованiе человѣка въ область жизни.

Человѣкъ начинаетъ жить истинной жизнью, т.-е. поднимается на нѣкоторую высоту надъ жизнью животной, и съ этой высоты видитъ призрачность своего животнаго существованiя, неизбѣжно кончающагося смертью, видитъ, что существованiе его въ плоскости обрывается со всѣхъ сторонъ пропастями и, не признавая, что этотъ подъемъ въ высоту и есть сама жизнь, ужасается передъ тѣмъ, что онъ увидалъ съ высоты. Вмѣсто того, чтобы, признавъ своей жизнью силу, поднимающую его на высоту, идти по открывшемуся ему направленiю, онъ ужасается передъ тѣмъ, что открылось ему съ высоты, и нарочно спускается внизъ, ложится какъ можно ниже, чтобы не видать обрывовъ, открывающихся ему. Но сила разумнаго сознанiя опять поднимаетъ его, опять онъ видитъ, опять ужасается и, чтобъ не видѣть, опять припадаетъ къ землѣ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ наконецъ, что для того, чтобы спастись отъ ужаса передъ

увлекающимъ его движеніемъ погибельной жизни, ему надо понять, что его движеніе въ плоскости—его пространственное и временное существованіе—не есть его жизнь, а что жизнь его только въ движеніи въ высоту, что только въ подчиненіи его личности закону разума и заключается возможность жизни и блага. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающія его надъ бездной, что, если бъ не было этихъ крыльевъ, онъ никогда не поднимался бы въ высоту и не видалъ бы бездны. Ему надо повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда они влекутъ его.

Л. Толстой.

29-е января.

Нѣтъ такихъ незначительныхъ условій, въ которыхъ не могла бы проявиться мудрость.

1.

Тремя путями можемъ мы придти къ мудрости: во-первыхъ, путемъ размышленій, это—путь самый благородный; во-вторыхъ, путемъ подражанія, это—путь самый легкій, и, въ-третьихъ, путемъ опыта, это—путь самый тяжелый. Конфуцій.

2.

Судить о нашемъ времени съ точки зрѣнія всемірной исторіи, исторію съ точки зрѣнія геологическихъ періодовъ, геологію съ точки зрѣнія астрономіи, вотъ что дѣлаетъ мысль свободной. Когда продолжительность жизни человѣка или народа намъ представляется такой же микроскопической, какъ и жизнь мушкарки, и наоборотъ, жизнь эфемерида такъ же безконечна, какъ жизнь небеснаго тѣла со всей своей пылью народовъ, мы чувствуемъ себя и очень малыми и очень великими, и мы со всей высоты небесныхъ сферъ можемъ разсматривать наше собственное существованіе и тѣ маленькіе вихри, которые волнуютъ нашу маленькую Европу. Аміель.

3.

Понимать вещи—значитъ побывать въ нихъ и потомъ выйти изъ нихъ. Нужно, стало-быть, плѣненіе и потомъ освобожденіе; очарованіе и потомъ разочарованіе; увлеченіе и охлажденіе. Тотъ же, который находится еще подъ очарованіемъ, такъ же какъ и тотъ, который не былъ очарованъ,—одинаково не компетентны. Мы знаемъ хорошо только то, чему прежде повѣрили и потомъ обсудили. Чтобы понимать, надо быть свободнымъ, но прежде этого быть плѣненнымъ. Аміель.

4.

Хочешь себя изучить—посмотри на людей и дѣла ихъ.
Хочешь людей изучить—въ сердце къ себѣ загляни.

Шиллеръ.

5.

Изнутри или сзади свѣтитъ черезъ насъ свѣтъ,—мы познаемъ, что мы ничто, а что все этотъ свѣтъ. Человѣкъ есть только фасадъ того храма, въ которомъ живетъ вся мудрость и все добро. То, что мы обыкновенно называемъ человѣкомъ—ѣдящее, пьющее, сажающее, считающее существо не представляетъ намъ человѣка въ его истинномъ свѣтѣ, но, напротивъ, показываетъ намъ его въ ложномъ. Мы уважаемъ не его, но ту душу, которой онъ есть органъ. Если бы онъ только проявилъ ее своимъ дѣломъ, мы бы преклонялись передъ ней. Когда эта душа проявляется черезъ его умъ,—это геній; когда она проявляется черезъ его волю,—это добродѣтель, когда черезъ его чувство,—это любовь.

Мудрая пословица говоритъ: „Богъ приходитъ къ намъ безъ звона“,—это значитъ, что нѣтъ перегородки между нами и безконечностью, нѣтъ стѣны между человѣкомъ—послѣдствіемъ и Богомъ—причиною. Стѣны приняты,—мы съ одной стороны открыты всѣмъ глубокимъ воздѣйствіямъ божественныхъ свойствъ.

Эмерсонъ.

6.

Душа сама въ себѣ есть и свой судья и свое прибѣжище. Не оскорбляй твою сознающую душу—высшаго внутренняго судью.

Ману.

7.

Чему уподобить того, чья мудрость преобладаетъ надъ дѣлами его?—Дереву со многими вѣтвями, но малыми корнями: первый случившійся вѣтеръ вырываетъ его съ корнемъ и опрокидываетъ. А чему уподобить того, чьи дѣла преобладаютъ надъ его мудростью?—Дереву съ немногими вѣтвями, но глубокими корнями: забушуй всѣ вѣтры міра—они не сдвинутъ его съ мѣста.

Благочестивые люди мало обѣщаютъ и много дѣлаютъ; злые—много обѣщаютъ, да ничего не дѣлаютъ. Талмудъ.

8.

Достоинство человѣка измѣряется не той истиной, которой онъ владѣетъ, а тѣмъ трудомъ, который онъ приложилъ для ея пріобрѣтенія.

Лессингъ.

9.

Жизнь—школа, въ которой неудача лучшій учитель, чѣмъ удача.

Сулейманъ Гранадскій.

Не думай, чтобы мудрость представляла изъ себя свойство только особенныхъ людей. Мудрость необходима всѣмъ людямъ и потому свойственна всѣмъ людямъ.

Мудрость въ томъ, чтобы знать свое назначеніе и средство исполнять его.

30-е января.

Земля не можетъ быть предметомъ собственности.

1.

Когда Сократа спросили, откуда онъ родомъ, онъ сказалъ, что онъ гражданинъ всего міра; онъ считалъ себя жителемъ и гражданиномъ всей вселенной.

Цицеронъ.

2.

Если предположить, что вся обитаемая земля можетъ быть собственностью землевладѣльцевъ, и что они имѣютъ право на ея поверхность, то всѣ неземлевладѣльцы не имѣютъ на нее права. Такъ что неземлевладѣльцы могутъ существовать на землѣ только подъ условіемъ согласія на то землевладѣльцевъ. Они получаютъ право на мѣсто, занимаемое ихъ ногами, только подъ условіемъ согласія на то землевладѣльцевъ. Такъ что, если бы эти не пожелали дать имъ мѣсто отдыха, они должны бы были быть свержены съ земного шара.

Гербертъ Спенсеръ.

3.

Собственность на землю, подобно собственности на рабовъ, по самому существу своему отличается отъ собственности на предметы, созданные трудомъ.

Отнимите у человѣка или у народа деньги, товары, скотъ, и вашъ грабежъ окончится вмѣстѣ съ вашимъ уходомъ. Теченіе времени, конечно, не сдѣлаетъ вашего преступленія дѣломъ хорошимъ, но оно уничтожитъ его послѣдствія. Если оно не было вскорѣ же исправлено, то оно быстро уходитъ въ даль прошлаго вмѣстѣ съ людьми, которые участвовали въ немъ, и требовалось бы чуть ли не всевѣдѣніе для того, чтобы прослѣдить его послѣдствія; даже пытаясь потомъ исправить его, мы подвергались бы опасности совершить новыя преступленія. Прошедшее навсегда уходитъ изъ нашей власти. Мы не можемъ ни наказывать, ни награждать мертвецовъ.

Но отнимите у народа землю, и вашъ грабежъ будетъ продолжаться вѣчно. Онъ будетъ новымъ грабежомъ для каждаго новаго ряда смѣняющихся поколѣній, для каждаго новаго года, для каждаго новаго дня.

Генри Джорджъ.

4.

Мы занимаемъ островъ, на которомъ живемъ трудами рукъ своихъ. Разбитый въ кораблекрушеніи морякъ выброшенъ на нашъ берегъ. Въ чемъ его право? Можетъ ли онъ сказать: я тоже человѣкъ, я тоже имѣю естественное право обрабатывать землю; я могу, на томъ же основаніи, какъ и вы, занимать частицу земли для того, чтобы кормиться своимъ трудомъ.

Лавелэ.

5.

Основное заблужденіе лежитъ въ грубомъ и чудовищномъ утвержденіи, что земля, которая дана Богомъ всѣмъ людямъ, можетъ быть чьей-нибудь частной собственностью. Это такое же насиліе, какъ и рабство.

Ньюманъ.

6.

Если есть человѣкъ, не имѣющій права на землю, то незаконно право на землю—мое, ваше, всякаго человѣка.

Эмерсонъ.

7.

Земля—общая наша мать, она кормитъ насъ, даетъ намъ пріютъ, радуетъ и любовно обогрѣваетъ насъ; съ минуты рожденія и пока

мы не успокоимся вѣчнымъ сномъ на ея материнской груди, она постоянно своими нѣжными объятіями лелѣетъ насъ. Что можетъ замѣнить намъ тѣ холмы, надъ которыми я впервые увидѣлъ восходъ солнца, пробуждавшаго все къ новой жизни? Таинственны и глубоки тѣ корни, которые соединяютъ насъ съ родной землей, и ни одно дерево не коренится такъ прочно. И вотъ, несмотря на это, люди толкуютъ объ ея продажѣ. И дѣйствительно, въ нашъ продажный вѣкъ земля представляется на рынокъ для оцѣнки и для такъ называемой продажи, но продажа земли, созданной небеснымъ творцомъ, является дикой нелѣпостью. Собственно говоря, земля можетъ принадлежать только всемогущему Богу и всѣмъ сынамъ человѣческимъ, работающимъ на ней, или тѣмъ, что будутъ на ней работать. Она представляетъ собственность не одного какого-либо поколѣнія, но всѣхъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ поколѣній, работающихъ на ней. Карлейль.

8.

Забавно подумать, что на свѣтѣ есть люди, которые, отрекшись отъ всѣхъ божескихъ и естественныхъ законовъ, создали сами себѣ законы и строго повинуются имъ, какъ, напримѣръ, воры и прочіе.

Никто не можетъ имѣть *права* собственности па землю.

31-е января.

Высшая степень деспотизма, неправды и насилія есть установленіе одними людьми такого закона, который не подлежитъ обсужденію другихъ и долженъ быть принятъ на вѣру.

Для чего это можетъ быть нужно людямъ?

1.

„Что, развѣ мы не правы? Надо же держать народъ въ обманѣ: посмотри-ка, какъ онъ неразвитъ и дикъ!“

— Нѣтъ, неразвиты и дики всѣ грубо-обманутые; будьте лишь сами-то искренни и тѣмъ ведите его къ человѣчности!

Гёте.

2.

Если что правда, то давайте вѣрить въ это всѣ: бѣдные, богатые, мужчины, женщины и дѣти. Если же что неправда, то не будемъ вѣрить никто, ни богатые, ни бѣдные, ни толпы людей, ни женщины, ни дѣти. Истину надо провозглашать съ крышъ...

Постоянно нашептываютъ, что опасно открывать нѣкоторыя вещи массамъ. Говорятъ: мы знаемъ, что это неправда, но это такъ полезно для народа; можно сдѣлать много зла, поколебавъ его вѣру.

Но кривые пути остаются кривыми, хотя бы они были предназначены для обмана большихъ массъ народа, а не отдѣльныхъ личностей. И потому мы признаемъ только одно побужденіе: слѣдованіе истинѣ, которую знаемъ, куда бы она ни привела насъ.

Клиффордъ.

3.

Остерегайтесь книжниковъ, которые любятъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и любятъ привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, предсѣданія въ синагогахъ и предвозлежанія на пиршествахъ, которые поѣдаютъ домы вдовъ и лицемѣрно долго молятся; они примутъ тѣмъ бо́льшее осужденіе.

Лк. XX, 46—47.

4.

Странное дѣло! Во всѣ времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересамъ религіи, морали и патріотизма.

Гейне.

5.

А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель — Христосъ, всѣ же вы — братья; и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ — Христосъ.

Мѳ. XXIII, 8—10.

Не допускай посредниковъ между твоей душой и Богомъ. Ближе тебя никто не можетъ быть къ Богу.

1-е февраля.

Никакія разсужденія не могутъ свести духовное къ вещественному и объяснить происхожденіе духовнаго отъ вещественнаго.

1.

Я не знаю, можетъ ли собака выбирать, помнить, любить, бояться, воображать, думать; такъ что когда мнѣ говорятъ, что все это въ ней не страсти, не чувства, но естественное и необходимое дѣйствіе устройства ея организма, который составленъ изъ различныхъ сочетаній частей матеріи, то я могу согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Но я мыслю, и я знаю, что я мыслю. Что же можетъ быть общагō между тѣмъ, что̀ думаетъ и тѣмъ или другимъ сочетаніемъ частей матеріи, т.-е. пространства, поддающагося дѣленію во всѣхъ своихъ направленіяхъ и измѣреніяхъ,—въ длину, ширину и глубину?

Ла-Брюйеръ.

2.

Душа и плоть—вотъ что человѣкъ считаетъ своимъ, о чемъ безпрестанно печется. Но знай, что самъ ты, что сущность твоя—въ духѣ. Проникайся этимъ сознаніемъ, вознеси свой духъ выше плоти, соблюдай его отъ всякой житейской внѣшней грязи, не давай плоти подавлять его, не отождествляй своей жизни съ плотью, а слейся съ жизнью духа твоего,—тогда исполнишь всякую правду и безмятежно проживешь во власти Бога, исполняя призваніе свое.

Маркъ Аврелій.

3.

Пускай ученые, философы придумываютъ свои случайности, свои предопредѣленія, свои необходимыя движенія и создаютъ міръ изъ ряда киданій игральныхъ костей. Я вижу въ мірѣ то единство замысла, которое, несмотря на ихъ утвержденія, заставляетъ меня признать Единое Начало. Все равно, какъ если бы они мнѣ сказали, что Иліада составилась изъ случайно брошеннаго типографскаго шрифта. Я бы не колеблясь сказалъ имъ: да, это можетъ быть, но это не правда, хотя у меня нѣтъ никакой другой причины не вѣрить въ это, кромѣ той, что *не вѣрю въ это*. „Все это предразсудокъ",—говорятъ они. Можетъ-быть, и предразсудокъ,—отвѣчаю я,—однако, что можетъ сдѣлать вашъ столь неясный разумъ противъ предразсудка, который убѣдительнѣе его? Вы говорите: „Нѣтъ двухъ субстанцій, духовной и тѣлесной". Я говорю, что нѣтъ ничего общаго между моей мыслью и деревомъ. И, что забавнѣе всего, это то, что они сами себя взаимно разбиваютъ своими софизмами и готовы присвоить душу скорѣе камнямъ, чѣмъ признать ее въ человѣкѣ. Руссо.

4.

Если все матерія, и если мысль во мнѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, есть только слѣдствіе сочетаній частицъ матеріи, то кто же зародилъ въ мірѣ идею о какихъ-либо другихъ вещахъ, кромѣ матеріальныхъ? Имѣетъ ли матерія въ своемъ основаніи такую же чистую, единую, нематеріальную идею, какъ идея духа? Какъ можетъ быть матерія причиной того, чтó ее отрицаетъ и исключаетъ изъ своего существованія? Какъ можетъ она быть въ человѣкѣ тѣмъ, что мыслитъ, то-есть тѣмъ, что и служитъ убѣжденіемъ человѣку, что онъ не матерія? Ла-Брюйеръ.

5.

Метафизика существуетъ въ дѣйствительности, если и не какъ наука, то какъ природная склонность, ибо человѣческій разумъ, подвигаясь неудержимо впередъ, побуждаемый къ тому не однимъ только тщеславнымъ желаніемъ многознайства, а и собственной

потребностью, доходитъ до такихъ вопросовъ, на которые не можетъ дать отвѣта никакая опытная дѣятельность разума и выведенные изъ нея принципы. Такимъ образомъ, дѣйствительно, у всѣхъ людей, у которыхъ разумъ расширился до умозрѣнія, всегда была какая-нибудь метафизика; и она всегда будетъ у нихъ.

Кантъ.

6.

Все дѣло въ томъ: вѣрить или не вѣрить въ дѣйствительность духа. Люди раздѣляются въ духовномъ отношеніи на живыхъ и мертвыхъ, т.-е. на вѣрующихъ и невѣрующихъ.

Невѣрующій говоритъ: „Какой тамъ духъ... А вотъ, что съѣлъ, насладился, то и мое!“ И онъ, много не думая, заботится только о внѣшности, дѣлаетъ свои плотскія и злыя дѣла, лжетъ, величается, рабствуетъ, не чувствуетъ въ себѣ потребностей высшихъ: свободы, правды, любви, и хоронится отъ свѣта разума, потому что мертвъ и потому что свѣтъ только живому даетъ жизнь, а мертвое сушитъ и гноитъ. Вѣра въ дѣйствительность духовной жизни даетъ другое направленіе мыслямъ человѣка.

Вѣрующій, побуждаемый вѣрою къ высшей жизни, обращаетъ вниманіе свое во внутрь, старается разобраться въ своихъ чувствахъ, въ своихъ мысляхъ, старается направить свою жизнь сообразно съ высшими требованіями: сдѣлать ее свободной, правдивой, любовной; старается своими поступками, дѣлами жизни слагать душу свою изъ такихъ мыслей и чувствъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлямъ добра; поэтому онъ ищетъ истину и тянется къ свѣту, потому что жизнь духа невозможна безъ свѣта разума, какъ жизнь міра видимаго невозможна безъ свѣта солнца. Свѣтъ же разума есть то, что выше всего; это есть то, что сказано въ заповѣди: „Я есмь Господь Богъ твой“.

Среди людей нѣтъ ни совершенныхъ жителей тьмы, ни совершенныхъ жителей свѣта, а всѣ на распутьи, и каждый, имѣя въ себѣ власть идти, идетъ туда или сюда. Но всякій, вѣрующій въ дѣйствительность духа, живущій подъ свѣтомъ разума, пребываетъ въ царствѣ Бога и имѣетъ жизнь вѣчную. И придетъ время, когда не будетъ мертвыхъ, всѣ будутъ слышать голосъ духа. Бука.

Различіе духовнаго отъ вещественнаго одинаково ясно самому простому, дѣтскому уму и самому глубокому уму мудреца. Безполезны разсужденія и споры о духовномъ и матеріальномъ. Разсужденія эти ничего не объяснятъ, а только затемнятъ то, что ясно и безспорно.

2-е февраля.

Жизнь съ забвеніемъ смерти и жизнь съ сознаніемъ ежечаснаго приближенія къ смерти — два совершенно различныя состоянія.

1.

Легче перенести смерть, не думая о ней, чѣмъ мысль о смерти, даже не угрожающей намъ. Паскаль.

2.

Когда ты твердо убѣжденъ и помнишь, что съ часу на часъ тебѣ предстоитъ сбросить свою внѣшнюю оболочку, тебѣ легче соблюдать справедливость и поступать по правдѣ, легче покоряться судьбѣ своей. Тогда ты встрѣтишь невозмутимо всякіе людскіе толки, пересуды, покушенія, ты даже не станешь думать о нихъ. Весь поглощенный лишь двумя задачами, ты поступишь справедливо въ каждомъ предстоящемъ тебѣ сегодня дѣлѣ и безропотно снесешь сегодняшнее бремя свое. Такъ человѣкъ можетъ достигнуть внутренняго мира, ибо всѣ желанія его сольются въ одно — пребывать во власти Бога. Маркъ Аврелій.

3.

Думайте чаще о смерти и живите такъ, какъ бы вы должны были скоро умереть.

Какъ бы ты ни сомнѣвался въ томъ, какъ поступить, представь себѣ, что ты умрешь къ вечеру, и сомнѣніе тотчасъ же разрѣшается; тотчасъ же ясно, что̀ дѣло долга и что̀ личныя желанія.

4.

Ты завидуешь, негодуешь, сердишься, хочешь отомстить человѣку. Подумай о томъ, что нынче, завтра человѣкъ этотъ умретъ,— и отъ твоихъ дурныхъ чувствъ къ нему не останется слѣда.

5.

Ничто такъ не вѣрно, какъ то, что мысль о близости смерти распредѣляетъ всѣ наши поступки по степени ихъ истинной важности для нашей жизни. Приговоренный къ немедленной казни не станетъ заботиться объ увеличеніи, сохраненіи своего состоянія, ни объ установленіи о себѣ доброй славы, ни о торжествѣ своего народа передъ другими, ни объ открытіи новой планеты и т. п., но за минуту передъ казнью постарается утѣшить огорченнаго, подниметъ упавшаго старика, перевяжетъ рану, починитъ игрушку ребенку и т. п.

6.

Я люблю свой садъ, люблю читать книжку, люблю ласкать дѣтей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мнѣ не хочется умирать, и я боюсь смерти.

Можетъ случиться, что вся моя жизнь составлена изъ такихъ временныхъ мірскихъ желаній и ихъ удовлетворенія. Если такъ, то мнѣ нельзя не бояться того, что прекращаетъ эти желанія. Но если эти желанія и ихъ удовлетвореніе измѣнились во мнѣ и замѣнились другимъ желаніемъ—исполнять волю Бога, отдаться Ему въ томъ видѣ, въ которомъ я теперь и во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ которыхъ буду,—то чѣмъ больше замѣнились мои желанія, тѣмъ меньше не только страшна мнѣ смерть, но тѣмъ меньше существуетъ для меня смерть. А если замѣнятся мои желанія совсѣмъ, то и нѣтъ ничего, кромѣ жизни, нѣтъ смерти.

Замѣнять мірское, временное, вѣчнымъ, это—путь жизни, и по немъ-то надо идти. А какъ?—Это въ своей душѣ знаетъ каждый изъ насъ.

Вспоминать о смерти значитъ жить безъ мысли о ней. О смерти нужно не вспоминать, а спокойно, радостно жить съ сознаніемъ ея постояннаго приближенія.

3-е февраля.

Доброта для души то же, что здоровье для тѣла: она незамѣтна, когда владѣешь ею, и она даетъ успѣхъ во всякомъ дѣлѣ.

1.

Люди высшей добродѣтели не считаютъ себя добродѣтельными, поэтому они добродѣтельны. Люди низшей добродѣтели никогда не забываютъ о добродѣтели, и потому не имѣютъ ея. Высшая добродѣтель не утверждаетъ сама себя и не выказывается. Низшая добродѣтель утверждаетъ сама себя и выказывается.

Высшее добродушіе дѣйствуетъ, но не старается выказаться. Низшее добродушіе утверждаетъ само себя и старается выказаться.

Высшая справедливость дѣйствуетъ, но не старается выказаться. Низшая справедливость дѣйствуетъ и старается выказаться.

Высшее приличіе дѣйствуетъ и не старается выказаться. Низшее приличіе дѣйствуетъ, но когда никто не отвѣчаетъ на него, силою заставляетъ исполнять его правила.

Такимъ образомъ, когда потеряна высшая добродѣтель, является добродушіе; когда потеряно добродушіе, является справедливость; когда же потеряна справедливость, является приличіе.

Правила приличія суть только подобія правды и начало всякаго безпорядка. Остроуміе есть цвѣтъ разума, но начало невѣжества; поэтому святой человѣкъ держится плода, а не цвѣтка, откидываетъ послѣднее и держится перваго. Лао-Тсе.

2.

Человѣкъ высшей добродѣтели старается идти прямымъ путемъ до конца. Сдѣлать половину дороги и потомъ ослабѣть, это—то, чего надобно бояться. Китайская мудрость.

3.

Добродѣтель въ человѣкѣ должна имѣть свойство драгоцѣннаго камня, который неизмѣнно сохраняетъ свою природную красоту, что бы съ нимъ ни приключилось. Маркъ Аврелій.

4.

Сознаніе своей доброй жизни—достаточная за нее награда.

Научись радости творить добро. Дѣлай добро тайно и краснѣй, когда про него узнають.

5.

Человѣкъ увеличиваетъ свое счастіе въ той мѣрѣ, въ какой онъ доставляетъ его другимъ. Бентамъ.

6.

Воля Бога въ томъ, чтобы мы жили счастіемъ и жизнью другъ друга, а не взаимнымъ несчастіемъ и смертью. Люди помогаютъ другъ другу своей радостью, а не горемъ.

Джонъ Рёскинъ.

7.

Какъ благо растенія—въ свѣтѣ, и потому, какъ ничѣмъ не закрытое растеніе не можетъ спрашивать и не спрашиваетъ, въ какую сторону ему расти, и хорошъ ли свѣтъ, не подождать ли ему другого, лучшаго, и беретъ тотъ единственный свѣтъ, который есть въ мірѣ, и тянется къ нему,—такъ и отрекшійся отъ блага личности человѣкъ не разсуждаетъ о томъ, что ему отдать изъ отнятаго у другихъ людей и какимъ любимымъ существамъ, и нѣтъ ли какой еще лучшей любви, чѣмъ та, которая заявляетъ требованіе, а отдаетъ себя, свое существованіе той любви, которая доступна ему и есть передъ нимъ. И нѣтъ иной любви, какъ та, чтобъ положить душу свою за други своя, любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только, когда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, когда онъ отдаетъ ему свою жизнь—только это мы всѣ признаемъ любовью и только въ такой любви мы всѣ находимъ благо, награду любви. И только тѣмъ, что есть такая любовь въ людяхъ, только тѣмъ и стоитъ міръ.

Ничто такъ не украшаетъ жизнь, какъ установившаяся привычка быть добрымъ.

4-е февраля.

Въ области разума нѣтъ стѣсненія. Свободенъ человѣкъ только тогда, когда онъ въ истинѣ.

Истина же открывается разумомъ.

1.

Вспомни, что отличительное свойство разумнаго существа есть свободное подчиненіе своей судьбѣ, а не постыдная борьба съ нею, свойственная животнымъ. Маркъ Аврелій.

2.

Человѣкъ, который не зналъ бы, что глаза могутъ видѣть, и который никогда не раскрывалъ бы ихъ, былъ бы очень жалокъ. Но еще болѣе жалокъ тотъ человѣкъ, который не понимаетъ, что ему данъ разумъ для того, чтобы спокойно переносить всякія непріятности. Съ помощью разума мы можемъ справиться со всѣми непріятностями. Непереносимыхъ непріятностей разумный человѣкъ не встрѣтитъ въ жизни: для него ихъ нѣтъ. А между тѣмъ какъ часто, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ глаза какой-нибудь непріятности, мы малодушно стараемся увернуться отъ нея. Не лучше ли радоваться тому, что Богъ далъ намъ власть не огорчаться тѣмъ, что съ нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Онъ подчинилъ нашу душу только тому, что отъ насъ самихъ зависитъ. Онъ вѣдь не подчинилъ нашей души ни родителямъ нашимъ, ни братьямъ, ни богатству, ни тѣлу нашему, ни смерти. Онъ, по благости Своей, подчинилъ ее одному тому, что отъ насъ зависитъ,—разумѣнію нашему. Эпиктетъ.

3.

Разбросайте на улицѣ орѣхи и пряники—сейчасъ же прибѣгутъ дѣти, станутъ подбирать ихъ, подерутся между собою. Взрослые же не станутъ драться изъ-за этого. А пустыя скорлупки и дѣти не станутъ подбирать.

Для меня деньги, должности, почести, слава—тѣ же скорлупки и дѣтскія сласти. Пусть дѣти подбираютъ ихъ, пусть бьютъ ихъ и гоняютъ изъ-за этого, пусть они цѣлуютъ руки богачей, сановниковъ и ихъ прислужниковъ, для меня все это скорлупки. Если случайно ко мнѣ въ руки попадетъ какой-нибудь орѣхъ, почему же и не съѣсть его. Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться изъ-за него, свалить кого-нибудь съ ногъ или самому свалиться—не стоитъ изъ-за такихъ пустяковъ.

Эпиктетъ.

4.

Только сокровища ума дѣйствительны. Ими можно дѣлиться, ничего не теряя; они даже умножаются, когда ими дѣлятся. Чтобы пріобрѣсти такое богатство, надо трудиться.

Демофилъ.

Мы не свободны и подчинены своимъ страстямъ и другимъ людямъ въ той степени, въ какой отступаемъ отъ требованій разума. Истинное освобожденіе совершается только разумомъ, разрушающимъ заблужденіе.

Недѣльное чтеніе.

Разумъ.

I.

Какъ во всѣхъ вещахъ этого міра каждое новое средство, новое преимущество и каждое новое превосходство тотчасъ же вноситъ съ собой и свои невыгоды; такъ и разумъ, давши человѣку такое великое преимущество передъ животными, приноситъ съ собой свои особыя невыгоды и открываетъ ему такіе пути соблазна, на которые никогда не можетъ попасть животное. Черезъ нихъ пріобрѣтаютъ власть надъ его волей новаго рода мотивы, которымъ животное недоступно, именно *отвлеченные* мотивы,—просто мысли, которыя далеко не всегда извлечены изъ собственнаго опыта, а часто порождаются рѣчами и примѣрами другихъ, традиціей и литературой. Съ возможностью *разумѣнія* тотчасъ же открывается ему и возможность *заблужденія*. А каждое заблужденіе, рано или поздно, причинитъ вредъ, и тѣмъ большій, чѣмъ крупнѣе оно было. За личное заблужденіе когда-нибудь придется заплатить и, нерѣдко, дорогой цѣной; то же, въ крупномъ масштабѣ, и съ заблужденіями цѣлыхъ народовъ. Поэтому нельзя достаточно часто напоминать, что надо преслѣдовать и искоренять, какъ врага человѣчества, всякое заблужденіе, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, и что не можетъ быть привилегированныхъ, и тѣмъ болѣе, санкціонированныхъ заблужденій. Мыслящій человѣкъ долженъ вступить съ ними въ борьбу, долженъ, даже если бы человѣчество громко вопило при этомъ, какъ больной, которому докторъ вскрываетъ нарывъ...

Для массы мѣсто настоящаго образованія заступаетъ своего рода дрессировка. Производится она примѣромъ, привычкой и вбиваніемъ накрѣпко съ ранняго дѣтства извѣстныхъ понятій, прежде чѣмъ накопится настолько опыта, разсудка и силы сужденія, чтобы бороться противъ этого. Такъ-то и прививаются мысли, которыя потомъ сидятъ такъ крѣпко и остаются столь непобѣдимыми для какого бы то ни было поученія, какъ если бы онѣ были *врожденными*; да ихъ часто и считаютъ таковыми даже философы. Такимъ путемъ можно съ одинаковымъ успѣхомъ привить людямъ и справедливое, и разумное, и самое нелѣпое, пріучить ихъ, напримѣръ, приближаться къ тому или другому идолу не иначе, какъ проникшись священнымъ трепетомъ, и при произнесеніи его имени повергаться впрахъ не только тѣломъ, но и всей своей душой; класть добровольно свою жизнь и имущество за слова, за имена, на защиту самыхъ причудливыхъ пустяковъ; считать за величайшую честь или за величайшій позоръ, по произволу, то или это, и сообразно съ этимъ, уважать или презирать человѣка отъ глубины души; воздерживаться отъ всякой мясной пищи, какъ въ Индостанѣ, или ѣсть еще теплые и трепещущіе куски, вырѣзанные у живого животнаго, какъ въ Абиссиніи; пожирать людей, какъ въ Новой Зеландіи, или отдавать своихъ дѣтей въ жертву Молоху; оскоплять самихъ себя, добровольно бросаться въ костеръ, на которомъ сжигаютъ покойника, — словомъ, можно ихъ пріучить *къ чему угодно*. Отсюда крестовые походы, распутства фанатическихъ сектъ, отсюда хиліасты и хлысты, преслѣдованія еретиковъ, ауто-да-фэ (костры инквизиціи), и все то, что можно найти въ длинномъ свиткѣ человѣческихъ заблужденій... Трагизмъ заблужденій и предразсудковъ—въ практической ихъ сторонѣ, комизмъ—въ теоретической: нѣтъ нелѣпости, которая, если она внушена сначала хотя троимъ, не могла бы стать всенароднымъ убѣжденіемъ.

Таковы невыгодныя стороны, которыя связаны съ присутствіемъ въ насъ разума.

Шопенгауэръ.

II.

Заблужденія и несогласія людей въ дѣлѣ исканія и признанія единой истины происходятъ не отъ чего иного, какъ отъ ихъ не-

довѣрія къ разуму; вслѣдствіе этого жизнь человѣческая, руководимая обычаями, преданіями, модами, суевѣріями, предразсудками, насиліемъ и всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ разума, течетъ сама по себѣ, а разумъ существуетъ самъ по себѣ. Если же органъ разума—мышленіе—примѣняется къ чему-нибудь, то не къ дѣлу исканія и распространенія истины, а къ тому, чтобы во что бы то ни стало оправдать и поддержать тѣ самые обычаи, преданія, моды, суевѣрія, предразсудки, а также обусловленное всѣмъ этимъ насиліе.

Заблужденія и несогласія людей въ дѣлѣ исканія и признанія единой истины—не отъ того, что разумъ у людей—не одинъ или не можетъ показать имъ единую истину, а отъ того, что они не вѣрятъ въ него.

А если бы они повѣрили въ свой разумъ, то нашли бы способъ свѣрять показанія разума въ себѣ съ показаніями его же въ другихъ. А нашедши этотъ способъ взаимной провѣрки, убѣдились бы, что разумъ одинъ, несмотря на то, что по нѣкоторымъ причинамъ, вслѣдствіе различныхъ степеней силы органа разума—мышленія, онъ показываетъ разное.

Съ разумомъ тоже, что и съ зрѣніемъ. Какъ органы зрѣнія,—глаза,—открываютъ людямъ различные по величинѣ радіусовъ физическіе горизонты не вслѣдствіе отсутствія единства законовъ оптики, а благодаря различію степеней дальнозоркости, или точекъ зрѣнія (въ прямомъ смыслѣ), такъ и органъ разума—мышленіе—открываетъ людямъ различные умственные и нравственные горизонты не вслѣдствіе отсутствія единства законовъ мышленія, а вслѣдствіе различія или степеней, такъ сказать, умственной дальнозоркости, или точекъ зрѣнія (въ переносномъ смыслѣ).

И какъ въ дѣлѣ обозрѣнія физическаго горизонта односторонность отдѣльныхъ, частныхъ точекъ зрѣнія исправляется объединеніемъ ихъ въ одну общую, напримѣръ, высочайшую точку зрѣнія (въ прямомъ смыслѣ этого слова), а различіе въ степеняхъ дальнозоркости уравнивается оптическими приборами: очками, биноклями, телескопами,—такъ и въ дѣлѣ изученія нравственнаго и духовнаго горизонтовъ та же односторонность единичныхъ точекъ зрѣнія исправляется подобнымъ же объединеніемъ ихъ въ одну общую,

высшую точку зрѣнія; различіе же въ степеняхъ умственной дальнозоркости уравновѣшивается при помощи просвѣщенія, при чемъ лучшимъ органомъ такого уравненія является слово, исходящее изъ устъ мудрѣйшихъ людей.

Мудрецъ *помогаетъ самостоятельному рожденію въ людяхъ ихъ собственныхъ идей и чувствъ*, вложенныхъ въ нихъ отъ вѣчности. Его роль вполнѣ уподобляется роли зрительной трубы, которая не даруетъ зрѣнія слѣпому, а лишь усиливаетъ зрѣніе хотя бы самыхъ плохихъ глазъ. Сократъ уподоблялъ мудреца повивальной бабкѣ, которая не даруетъ женщинѣ ребенка, а лишь помогаетъ ей произвести на свѣтъ своего собственнаго.

Но не въ одномъ различіи точекъ зрѣнія и степеней разумѣнія лежитъ причина разногласія людей въ дѣлѣ признанія единой истины. Причина такого разногласія кроется еще въ самолюбіи людей, благодаря которому сплошь да рядомъ человѣкъ, уже признавшій внутренно разумность доводовъ своего собесѣдника, всетаки продолжаетъ отстаивать уже разъ высказанное имъ мнѣніе.

Ѳедоръ Страховъ.

5-е февраля.

Все, что совершается въ области вещественнаго міра, имѣло свое начало въ области мысли. И потому объясненіе событій—не въ предшествующихъ событіяхъ, а въ предшествовавшихъ событіямъ мысляхъ.

1.

Едва ли не важнѣе знать то, о чемъ не надо думать, чѣмъ то, о чемъ надо думать.

2.

Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она исходитъ изъ нашихъ мыслей. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ со злою мыслью — страданіе неотступно слѣдуетъ за нимъ, какъ колесо за пятою вола, влекущаго повозку.

Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она творится нашею мыслью. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ съ доброю мыслью — радость слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, никогда не покидающая.

Буддійская мудрость.

3.

Человѣкъ не измѣнится оттого, что выбѣлится его обиталище. Народъ не возродится вслѣдствіе того, что ему укажутъ возможность бо́льшихъ удовольствій и матеріальныхъ наградъ. Душа творитъ свое тѣло. Только идея устраиваетъ достойное для себя жилище.

Мадзини.

4.

Наши привычныя мысли придаютъ въ нашемъ умѣ свойственную имъ окраску всему, съ чѣмъ мы приходимъ въ соприкосновеніе. Ложны эти мысли—и онѣ извратятъ наиболѣе возвышенныя истины. Атмосфера, создаваемая вокругъ насъ нашими привычными мыслями, представляетъ изъ себя для каждаго изъ насъ нѣчто

болѣе твердое, чѣмъ домъ, въ которомъ мы живемъ. Она является чѣмъ-то въ родѣ раковины улитки, которую она всюду носитъ съ собой.

Люси Малори.

5.

Наша мысль, хорошая или дурная, отправляетъ насъ въ рай или въ адъ, не на небѣ и подъ землей, а въ этой жизни.

Люси Малори.

6.

Мысль кажется свободною, но въ человѣкѣ есть нѣчто могущественнѣе ея, могущее управлять ею.

Для того, чтобы измѣнить установившійся ходъ жизни въ себѣ или въ людяхъ, надо бороться не съ событіями, а съ тѣми мыслями, которыя произвели ихъ.

6-е февраля.

Самыя захватывающія насъ желанія это—желанія похотливыя, такія желанія, которыя никогда не удовлетворяются, и чѣмъ больше удовлетворяются, тѣмъ больше разрастаются.

1.

Посмотрите на то, какъ хочетъ жить рабъ. Прежде всего онъ хочетъ, чтобы его отпустили на волю. Онъ думаетъ, что безъ этого онъ не можетъ быть ни свободнымъ, ни счастливымъ. Онъ говоритъ такъ: если бы меня отпустили на волю, я сейчасъ же былъ бы вполнѣ счастливъ: я не былъ бы принужденъ угождать и прислуживаться моему хозяину, я могъ бы говорить съ кѣмъ угодно, какъ съ равнымъ себѣ, я могъ бы идти куда хочу, не спрашиваясь ни у кого.

А какъ только отпустятъ его на волю, онъ сейчасъ же разыскиваетъ, къ кому бы подольститься, чтобы пообѣдать, потому что хозяинъ больше не кормитъ его. Для этого онъ готовъ идти на всякія мерзости. А лишь только онъ нашелъ себѣ квартиру и продовольствіе, такъ онъ попалъ опять въ рабство, болѣе тяжелое, чѣмъ прежде.

Если такой человѣкъ начнетъ богатѣть, то онъ сейчасъ заводитъ себѣ любовницу, какую-нибудь распутную женщину. И вотъ онъ начинаетъ страдать и плакать. Когда ему приходится особенно трудно, онъ вспоминаетъ о прежнемъ своемъ рабствѣ и говоритъ:

— А вѣдь мнѣ не дурно было у моего хозяина! Не я о себѣ заботился, а меня одѣвали, обували, кормили; и когда я боленъ бывалъ, заботились обо мнѣ. Да и служба была не трудная. А теперь сколько бѣдъ! Былъ у меня одинъ хозяинъ, а теперь сколько ихъ стало у меня! Сколькимъ людямъ долженъ я угождать, чтобы разбогатѣть!

Но рабъ не образумится. Онъ хочетъ разбогатѣть и для этого онъ терпитъ всякія невзгоды. А когда получитъ то, чего хотѣлъ, то опять оказывается, что онъ оплелъ себя разными непріятными заботами.

Все-таки онъ не берется за разумъ. Онъ думаетъ: вотъ, если бы я сталъ великимъ полководцемъ, всѣ мои несчастія кончились бы: меня стали бы носить на рукахъ! И онъ отправляется въ походъ. Онъ терпитъ всякія лишенія, страдаетъ, какъ каторжный, и все-таки просится въ походъ во второй и въ третій разъ. Если онъ хочетъ избавиться отъ всѣхъ своихъ бѣдъ и несчастій, пусть онъ опомнится. Пусть онъ узнаетъ, въ чемъ истинное благо жизни. Пусть онъ на каждомъ шагу своей жизни поступаетъ согласно законамъ правды и добра, начертаннымъ въ его душѣ, и онъ обрѣтетъ истинную свободу.

Эпиктетъ.

2.

Все растетъ жажда безумца, все тянется она, подобно повиликѣ; она переходитъ отъ жизни къ жизни, какъ обезьяна, ищущая въ лѣсу плодовъ, прыгаетъ съ дерева на дерево.

Кто охваченъ этой низменной жаждой,—этой жаждой, полной

отравы, вокругъ того обовьются страданія, подобно вьющейся повиликѣ.

Кто побѣждаетъ эту жажду,—эту жажду, побѣдимую въ мірѣ, отъ того отпадаютъ всѣ страданія, какъ съ листка лотоса скатываются дождевыя капли. Буддійская мудрость.

3.

Желаютъ, волнуются, страдаютъ изъ-за дурного. Хорошее совершается безъ волненія.

4.

Есть люди, которые гордятся силою своихъ желаній, а не силою власти надъ желаніями.

Вспомни, какъ страстно желалъ ты въ прошедшемъ многаго, что теперь вызываетъ въ тебѣ если не отвращеніе, то пренебреженіе. Тоже будетъ и съ тѣми желаніями, которыя теперь волнуютъ тебя. Вспомни, какъ много ты потерялъ, стараясь удовлетворить ихъ. То же будетъ и теперь. Смиряй, утишай ихъ, это всегда самое выгодное и всегда возможное.

7-е февраля.

Самосовершенствованіе есть и внутренняя работа и внѣшняя. Человѣкъ не можетъ совершенствоваться безъ общенія съ людьми и безъ воздѣйствія на нихъ.

1.

У человѣка есть три соблазна: грубыя вожделѣнія тѣла, надменная гордость и жадное и тщеславное любостяжаніе. Отсюда всѣ бѣдствія, изъ вѣка въ вѣкъ тяготѣющія надъ человѣческимъ родомъ. Безъ похоти, гордости и любостяжанія на землѣ царствовалъ бы совершенный порядокъ. Какое же есть средство противъ

этихъ ужасныхъ болѣзней, зародыши которыхъ въ самой природѣ нашей? Нѣтъ другого средства, какъ работа каждаго надъ самимъ собою. Законы помочь не могутъ, ибо законы вѣдь пишутся чаще всего лишь для выгоды тѣхъ, кто ихъ создаетъ. Во всемъ свѣтѣ мы только и видимъ, какъ люди, имѣющіе власть повелѣвать, обращаютъ эту власть въ свою пользу. А если бываютъ добрые и святые законы, то въ чемъ же ихъ сила? Вѣдь только въ совѣсти тѣхъ людей, для которыхъ эти законы созданы.

Итакъ вы,—стремящіеся къ лучшему положенію, страдающіе отъ похоти, гордости и любостяжанія тѣхъ, кто угнетаетъ васъ, тѣхъ, кто давитъ васъ, какъ прессъ давитъ грозди винограда, — уничтожьте прежде всего въ самихъ себѣ эти три глубокихъ корня зла. Пока они живы въ вашемъ сердцѣ, какъ можете вы надѣяться на то, что они умрутъ въ сердцахъ другихъ людей? Если же эти корни зла живы въ сердцахъ всѣхъ людей, то не будутъ ли они вѣчно приносить все тѣ же горькіе плоды, все тѣ же ядовитыя сѣмена—тиранію и рабство, эгоизмъ и жестокость, всевозможныя бѣдствія и развратъ? Никакое улучшеніе невозможно, пока каждый не начнетъ это улучшеніе съ самого себя. Когда же многіе дойдутъ до той ступени самосовершенствованія, до которой имъ это позволитъ ихъ человѣческое убожество, тогда эти люди, сблизившись, образуютъ какъ бы ядро истиннаго общества, вокругъ котораго послѣдовательно будутъ ютиться другіе. И когда ихъ число, постоянно увеличиваясь, перерастетъ число тѣхъ, кто одержимъ похотью, гордостью и любостяжаніемъ, тогда власть будетъ въ ихъ рукахъ и тогда придетъ время устроить міръ согласно вѣчнымъ законамъ Бога.

Ламенэ.

2.

Чтобы научиться терпѣнію, нужно практиковаться почти столько же, какъ и при изученіи музыки, а мы, между тѣмъ, почти всегда манкируемъ, когда учитель приходитъ.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Никогда не лишне научиться переносить глупость невѣждъ.

4.

Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный.

Мѳ. V, 48.

5.

Совершенное безъ всякой примѣси—это законъ Неба; совершенствованіе, т.-е. употребленіе всѣхъ своихъ силъ на познаніе закона Неба,—законъ человѣка. Тотъ, кто постоянно стремится къ своему совершенствованію, тотъ — мудрецъ, умѣющій отличать добро отъ зла. Онъ избираетъ добро и крѣпко прилѣпляется къ нему, чтобы никогда не потерять его. Конфуцій.

6.

Какъ бы я ни былъ мало образованъ, я могу идти по пути разума. Одно, чего мнѣ нужно бояться, это самомнѣнія. Высшій разумъ очень простъ, но люди любятъ не прямой путь, а обходныя дорожки. Лао-Тсе.

7.

Каждый изъ насъ, отъ императора до простолюдина, прежде всего долженъ заботиться о нравственномъ самосовершенствованіи, такъ какъ это есть источникъ всеобщаго блага. Ибо если начало не совершенно, то какъ же можетъ быть конецъ совершенъ?

Конфуцій.

8.

Какъ стрѣлокъ выпрямляетъ стрѣлу, такъ выпрямляетъ мудрецъ свою неустойчивую и колеблющуюся мысль, строптивую и непокорную. Буддійская мудрость.

9.

Странно! Человѣкъ возмущается зломъ, исходящимъ извнѣ, отъ другихъ,—тѣмъ, чего устранить не можетъ, а не борется съ своимъ собственнымъ зломъ, хотя это въ его власти.

Маркъ Аврелій.

10.

Если бы то время и тѣ силы, которыя расходуются теперь на нападки на богатыхъ и на попытки придумать средства къ уста-

новленію справедливаго раздѣла богатствъ, расходовались на дѣло самоусовершенствованія, то быстро наступила бы перемѣна къ лучшему въ нашихъ государственныхъ, общественныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ. Научись человѣчество правильно мыслить, и нашъ міръ сдѣлался бы настолько же счастливымъ, насколько теперь онъ несчастенъ. Но народъ не хочетъ знать той истины, которая освобождаетъ, потому что она противна тѣмъ государственнымъ и религіознымъ заблужденіямъ, съ которыми онъ такъ свыкся. Чѣмъ вызывалось разстройство кооперативныхъ колоній разнаго рода? Отнюдь не недостаткомъ системы или замысла, а просто недостатками людей.

Люси Малори.

11.

Самый обычный, безсознательный, а иногда и сознательный обманъ, препятствующій людямъ направлять свои силы на единственно нужное человѣку дѣло самосовершенствованія, состоитъ въ разсужденіи о томъ, что полное совершенство недостижимо, и потому всѣ мои усилія приблизиться къ нему ничтожны и безполезны.

Цѣль совершенствованія не есть достиженіе совершенства,—достиженіе это невозможно, и совершенство есть только идеалъ, путеводная звѣзда. Цѣль совершенствованія есть измѣненіе своего душевнаго состоянія отъ худшаго къ лучшему. И совершенствованіе потому и есть общее назначеніе всѣхъ людей, что оно безконечно всегда, вездѣ возможно для всѣхъ людей.

Нѣтъ ничего вреднѣе для себя и другихъ—дѣятельности, исключительно направленной на улучшеніе своей животной жизни, и нѣтъ ничего благотворнѣе для себя и другихъ—дѣятельности, направленной на улучшеніе своей души.

8-е февраля.

Злословіе такъ нравится людямъ, что очень трудно удержаться отъ того, чтобы сдѣлать пріятное своимъ собесѣдникамъ не осудить человѣка.

1.

Когда два человѣка ссорятся—всегда оба виноваты.

2.

Кто за глаза поноситъ меня, тотъ боится меня; а кто въ глаза хвалитъ,—презираетъ меня. Китайская пословица.

3.

Итакъ неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другого; ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, дѣлаешь то же.

Послан. Римл. II, 1.

4.

Не судите, да не судимы будете; ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ, въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего. Мѳ. VII, 1—5.

5.

Легко замѣчать заблужденія другихъ, но трудно замѣчать свои; любятъ разбираться въ ошибкахъ близкихъ, но скрываютъ свои, какъ плутъ старается спрятать свою фальшивую игральную кость.

Человѣкъ склоненъ постоянно порицать другихъ: онъ взираетъ

только на ихъ ошибки, но его собственныя страсти разрастаются все болѣе и болѣе, удаляя его отъ улучшенія.

Буддійская мудрость.

6.

Не оскверняй уста свои злословіемъ, такъ какъ таковое хотя и направлено для того, чтобы повредить другимъ, возвратится на тебя же и тѣмъ больнѣе, чѣмъ сильнѣе задумано тобою. Если языкъ твой заставляетъ тебя обидѣть другого, постарайся наложить замокъ на двери твоихъ устъ, не бойся даже погубить тѣло твое; ибо злословіе губитъ людей, но губитъ не тѣхъ, противъ которыхъ оно направлено, а того, отъ кого оно исходитъ.

Еврейская мудрость.

7.

Постоянно наблюдайте за собою, и прежде, чѣмъ осуждать другихъ, подумайте о собственномъ исправленіи.

8.

Если вы чувствуете желаніе осуждать своего ближняго, подумайте о вредѣ, который отъ того произойдетъ для вашей души, и насколько это противно Богу; тогда сердце ваше успокоится.

9.

Много вреда можно нанести неосторожной похвалой и осужденіемъ, но главный вредъ наносится осужденіемъ.

Джонъ Рёскинъ.

10.

Отвращайтесь злословія и лжесвидѣтельства. Да будетъ языкъ вашъ всегда служить вамъ орудіемъ истины.

11.

Злословіе вредитъ сразу тремъ: тому, о комъ говорятъ дурно, тому, кому говорятъ дурно, но болѣе всего тому, кто злословитъ.

Василій Вел.

Попробуйте перестать осуждать людей и вы испытаете чувство подобное тому, которое испытываетъ пьяница, оставившій вино, или курильщикъ табакъ: особенно пріятное ощущеніе чистоты, и точно такъ же въ первое время изрѣдка позывы возвращенія къ оставленной дурной привычкѣ.

9-е февраля.

Вещественное зло, производимое войной, какъ оно ни огромно, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ зломъ извращенія понятій о добрѣ и злѣ, которое оно вноситъ въ души простыхъ малодумающихъ людей рабочаго народа.

1.

Страсти, возбуждаемыя войной, международная ненависть, благоговѣніе предъ военной славой, жажда побѣды или мщенія, заглушаютъ народную совѣсть, превращаютъ высшіе общественные инстинкты въ низменное, безразсудное себялюбіе, ошибочно называемое патріотизмомъ, убиваютъ любовь къ свободѣ, доводятъ людей до подчиненія тиранамъ и узурпаторамъ изъ-за дикаго желанія перерѣзать горло другимъ людямъ, или изъ боязни, чтобы другіе люди не перерѣзали горла имъ. Онѣ такъ извращаютъ религіозное чувство людей, что признанные послѣдователи Христа благословляютъ отъ Его имени принадлежности убійства и грабежа и возносятъ благодаренія князю мира за побѣды, при которыхъ земля покрывается горами искалѣченныхъ труповъ и печаль наполняетъ сердца неповинныхъ людей. Генри Джорджъ.

2.

Ребенокъ, встрѣчая ребенка улыбкой, выражаетъ доброжелательную радость, также и всякій неразвращенный человѣкъ. А

между тѣмъ человѣкъ одного народа, не видя даже иноплеменника, ужъ ненавидитъ его и готовитъ и наноситъ ему страданія и смерть. Какіе же великіе преступники тѣ, кто вызываютъ въ людяхъ эти чувства и поступки!

3.

Самое прекрасное оружіе есть неблагословенное оружіе.

И потому разумный человѣкъ не полагается на него. Онъ больше всего дорожитъ миромъ и спокойствіемъ. Онъ побѣждаетъ, но не радуется.

Радоваться побѣдѣ значитъ радоваться убійству людей, а тотъ, кто радуется убійству людей, не можетъ достигнуть цѣли.

Лао-Тсе.

4.

„Раздѣляй и царствуй"—вотъ золотое правило человѣческихъ притѣснителей разнаго рода. Только возбуждая расовую вражду, національную ненависть и мѣстные предразсудки, только возстановляя одни народы противъ другихъ, могутъ устраиваться и поддерживаться аристократія и деспотизмъ. Итакъ, кто хочетъ освободить людей, долженъ поднять ихъ выше ненавистническихъ чувствъ, иначе онъ не будетъ имѣть успѣха.

Генри Джорджъ.

Война есть такое состояніе людей, въ которомъ получаютъ власть и славу самые низкіе и порочные люди.

10-е февраля.

Смиреніе ставитъ человѣка на твердую почву, стоя на которой, онъ можетъ совершить предназначенное ему дѣло. Чѣмъ больше онъ поднимается, тѣмъ положеніе его ненадежнѣе.

1.

Вотъ чѣмъ надо быть: надо быть какъ вода. Нѣтъ препятствій—она течетъ; плотина—она остановится; прорвется плотина—она снова потечетъ; въ четыреугольномъ сосудѣ она четыреугольна; въ кругломъ – она кругла. Оттого-то она нужнѣй всего и сильнѣй всего.

Лао-Тсе.

2.

Смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы признавать себя грѣшникомъ и не вмѣнять себѣ въ достоинство свои добрыя дѣла.

3.

Чѣмъ больше человѣкъ углубляется въ себя, тѣмъ ничтожнѣе онъ представляется себѣ. Въ чемъ же первый урокъ мудрости? Въ смиреніи. Смиреніе, о которомъ говорятъ христіане и которое человѣкъ такъ мало знаетъ, есть первое чувство, которое рождается въ немъ, когда онъ пытается познать себя. Будемъ смиренными, чтобы быть мудрыми. Будемъ знать свою слабость, и это дастъ намъ силу.

Чаннингъ.

4.

Ученіе Божіе уподобляется водѣ: какъ вода, оставляя высоты, скопляется въ низинахъ, такъ и ученіе Божіе воспринимается только людьми скромными.

Талмудъ.

5.

Знаніе, какъ и вода, не собирается на вершину, не бываетъ у гордыхъ. И то и другое ищетъ низкаго мѣста.

Персидская мудрость.

6.

Мудрый человѣкъ огорчается своимъ безсиліемъ сдѣлать то добро, котораго онъ желаетъ, но не огорчается тѣмъ, что люди не знаютъ его или ложно судятъ о немъ.

Китайская мудрость.

7.

Когда мудрецъ держится закона добродѣтели, то онъ скрываетъ это отъ взоровъ людей и не жалѣетъ о томъ, что онъ никому не извѣстенъ.

Конфуцій.

8.

Тотъ, кто ищетъ учености, растетъ съ каждымъ днемъ въ глазахъ міра.

Тотъ, кто ищетъ разума, съ каждымъ днемъ умаляется.

Онъ умаляется все больше и больше до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ полнаго смиренія. Когда же онъ достигъ полнаго смиренія, нѣтъ вещи, которой бы онъ не могъ совершить.

Лао-Тсе.

9.

Несмотря на малое знаніе себя, нѣтъ человѣка, который не зналъ бы о самомъ себѣ чего-либо болѣе дурного, чѣмъ то, что онъ знаетъ о ближнемъ.

Вольслей.

10.

Первая отличительная черта добраго и мудраго человѣка заключается въ сознаніи, что онъ знаетъ очень мало, что есть много людей гораздо умнѣе его, при чемъ онъ всегда желаетъ узнать, научиться, а не учить.

Желающіе же поучать или управлять не могутъ хорошо ни учить, ни управлять.

Джонъ Рёскинъ.

11.

Тотъ, кто лучше всего знаетъ самъ себя, тотъ меньше всего себя и уважаетъ.

Старайтесь узнать свои силы. Узнавая же ихъ, не бойтесь умалить, а бойтесь преувеличить ихъ.

11-е февраля.

Исполненіе закона Бога есть сущность жизни.

1.

Зло, въ видѣ смерти и страданій, видно человѣку только тогда, когда онъ законъ своего плотскаго, животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни. Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго, только тогда онъ видитъ смерть и страданія. Смерть и страданія, какъ пугала, со всѣхъ сторонъ ухаютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной закону разума и выражающейся въ любви. Смерть и страданія суть только преступленія человѣкомъ своего закона жизни. Для человѣка, живущаго по своему закону, нѣтъ смерти, нѣтъ страданія.

2.

Сознаніе долга не имѣетъ ничего общаго съ наслажденіемъ жизнью. У него свой своеобразный законъ, свой своеобразный судъ, и если бы мы захотѣли смѣшать между собою долгъ и наслажденіе, чтобы предложить смѣсь эту въ качествѣ лѣкарства больной душѣ, они все-таки сейчасъ же сами собою отдѣлились бы другъ отъ друга; если бы они этого не сдѣлали, то сознаніе долга не оказало бы никакого дѣйствія. И если бы физическая жизнь и пріобрѣла отъ стремленія къ наслажденію нѣкоторую силу, то нравственная жизнь исчезла бы безвозвратно. Кантъ.

3.

Что дѣлать, когда все насъ оставляетъ: здоровье, радость, привязанность, свѣжесть чувства, память, способность къ труду, когда намъ кажется, что солнце холодѣетъ, а жизнь какъ будто теряетъ всѣ свои прелести? Какъ быть, когда нѣтъ никакой надежды? Одурманиваться или каменѣть? Отвѣтъ всегда одинъ: ис-

полненіе долга. Будь что будетъ, если чувствуешь спокойствіе совѣсти, если чувствуешь себя примиреннымъ и на своемъ мѣстѣ. Будь тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть,—остальное дѣло Божье. И если бы даже не было Бога, святого и добраго, а было бы только всеобщее великое существо, законъ всего, идеалъ безъ ипостаси и реальности, долгъ былъ бы все-таки разгадкой тайны и полярной звѣздой для движущагося человѣчества. Аміель.

Законъ Бога мы знаемъ и изъ преданій всѣхъ религій и изъ своего сознанія, когда оно не затемнено страстями и обманами мысли, и можемъ узнать изъ опыта приложенія этого закона къ жизни: всѣ тѣ требованія закона, которыя даютъ намъ неотъемлемое благо, все это требованія истиннаго закона.

Недѣльное чтеніе.

Будда.

Въ нѣсколькихъ дняхъ пути къ сѣверу отъ Бенареса, у подошвы Гималайскихъ горъ, въ началѣ V вѣка до Р. Х. царствовалъ надъ племенемъ сакіевъ царь Судходана. У царя было двѣ жены, двѣ родныя сестры, и обѣ долгое время были бездѣтны, и только приближаясь уже къ старости, старшая жена Майя, къ великой радости царя, родила сына Сидхарту.

Когда Сидхартѣ минуло 19 лѣтъ, отецъ женилъ его на двоюродной сестрѣ его, красавицѣ Язодгарѣ, и поселилъ молодыхъ въ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ среди прекрасныхъ садовъ и рощъ. Во дворцѣ и садахъ молодого Сидхарты было все то, что могло прельщать чувства.

Желая видѣть своего любимаго сына всегда счастливымъ и веселымъ, царь Судходана строго приказалъ приближеннымъ и слугамъ Сидхарты не только ничѣмъ не огорчать его, но и скрывать отъ него все то, что могло бы опечалить молодого наслѣдника или навести его на грустныя мысли.

Сидхарта не выѣзжалъ изъ своихъ владѣній, а въ своихъ владѣніяхъ онъ не видалъ ничего испорченнаго, нечистаго, старѣющагося. Слуги Судходана старались убирать все то, что могло быть непріятно для вида, не только удаляя все нечистое, сломанное, но и убирали и срывали съ деревьевъ и кустовъ увядающіе листья; также замѣняли они молодыми и бодрыми болѣющихъ и старѣющихъ животныхъ, не говоря уже о людяхъ, которые всѣ были молоды и красивы. Такъ что молодой Сидхарта видѣлъ вокругъ

себя только здоровье, радость, веселье и избытокъ жизни, такой же, какой онъ чувствовалъ въ своемъ красивомъ, здоровомъ 20-тилѣтнемъ тѣлѣ.

Такъ прожилъ Сидхарта болѣе года, и какъ ни прекрасно было все то, что окружало его, Сидхарта сталъ скучать и захотѣлъ видѣть жизнь другихъ людей.

Приказавъ своему возницѣ Чаннѣ запрячь колесницу, онъ рано утромъ поѣхалъ въ городъ. Все, что онъ увидалъ: улицы, дома, движеніе людей, мужчинъ и женщинъ въ различныхъ одеждахъ, лавки, товары, все это было ново для Сидхарты и пріятно заняло и развлекло его.

На одной изъ главныхъ улицъ вниманіе его обратило на себя человѣческое существо въ невиданномъ имъ состояніи. Существо это, съ краснымъ лицомъ и раскрытымъ ртомъ, тяжело выпускавшимъ частое дыханіе, сидѣло скорчившись у стѣны дома и громко и жалобно стонало.

— Что съ этимъ человѣкомъ?—спросилъ Сидхарта у возницы.

— Онъ боленъ,—отвѣчалъ Чанна.

— Что такое боленъ?

— Боленъ значитъ то, что тѣло его разстроилось, и онъ страдаетъ.

— Я вижу, что онъ страдаетъ. Но почему же это сдѣлалось съ нимъ? Почему среди насъ нѣтъ этого?

— Это бываетъ со всѣми.

— Это можетъ быть и со мною?

Возница не отвѣчалъ, и Сидхарта больше не спрашивалъ.

На той же улицѣ къ колесницѣ Сидхарты подошелъ старикъ, прося милостыню. Дряхлый, съ согнутой спиной, съ слезящимися красными глазами, старикъ насилу переставлялъ высохшія, трясущіяся ноги и шамкалъ что-то непонятное беззубымъ ртомъ.

— А это тоже больной?—спросилъ Сидхарта.

— Нѣтъ, это старикъ,—сказалъ Чанна.

— Что значитъ старикъ?

— Значитъ состарился.

— Отчего же это сдѣлалось?

— Жилъ долго.

— Всѣ люди старѣются?

— Всѣ старѣются.

— Вези меня домой,—сказалъ Сидхарта.

Чанна погналъ лошадей, но на выѣздѣ изъ города ихъ задержали люди. Они на носилкахъ несли что-то, похожее на человѣка.

— Что это?—спросилъ Сидхарта.

— Это умершій. Они несутъ его тѣло, чтобы сжечь,—отвѣтилъ Чанна.

— Что значитъ умершій?—спросилъ Сидхарта.

— Мертвый значитъ, что жизнь кончилась.

— Какъ кончилась? Развѣ можетъ кончиться жизнь?

— Умеръ, значитъ кончилась.

Сидхарта слѣзъ съ колесницы и подошелъ къ людямъ, несшимъ мертвеца. Мертвецъ съ открытыми, остановившимися стеклянными глазами, оскаленными зубами и окостенѣвшими членами лежалъ такъ неподвижно, какъ только лежатъ мертвецы.

— Отчего это случилось съ этимъ однимъ?—спросилъ Сидхарта.

— Со всѣми то же случится. Всѣ умираютъ.

— Всѣ умираютъ,—повторилъ Сидхарта, и вернувшись на колесницу, не поднимая голову, доѣхалъ до дома.

Цѣлый день Сидхарта неподвижно просидѣлъ одинъ въ дальнемъ углу сада и не переставая думалъ о томъ, что онъ видѣлъ.

Всѣ люди болѣютъ, всѣ люди старѣются, всѣ люди умираютъ,—какъ же могутъ люди жить, зная, что всякій часъ они могутъ заболѣть, что они съ каждымъ часомъ старѣются, обезображиваясь и теряя силы, и, кромѣ того, знаютъ, что всякій часъ могутъ умереть, навѣрное умрутъ рано или поздно. Какъ же можно чему-нибудь радоваться, что-нибудь дѣлать, какъ же жить, зная это? „Этого не должно быть,—сказалъ онъ себѣ.—Надо найти избавленіе отъ этого. И я найду его. И, найдя его, передамъ его людямъ“.

Такъ рѣшилъ Сидхарта. И, рѣшивъ это, на слѣдующую ночь позвалъ своего возницу Чанну, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и отворить ворота. Прежде чѣмъ уѣхать изъ дому, онъ вошелъ къ своей женѣ. Она спала. Онъ не сталъ будить ее. Но мысленно простившись съ нею, тихимъ шагомъ, стараясь не разбудить спящихъ

рабовъ и рабынь, онъ вышелъ навсегда изъ своего дворца и, сѣвъ на лошадь, одинъ уѣхалъ изъ своего отечества.

Проѣхавъ такъ далеко, какъ могла везти его лошадь, онъ слѣзъ съ нея и пустилъ ее, а самъ, перемѣнившись платьемъ съ встрѣтившимся монахомъ и обрѣзавъ себѣ волосы, пошелъ, странствуя по свѣту, отыскивать средства спасенія людей.

Прежде всего Сидхарта пошелъ къ браминскимъ мудрецамъ, чтобы познать ихъ ученіе. Но ученіе браминовъ, состоящее въ переселеніи душъ и въ очищеніи себя отъ похотей всякаго рода лишеніями, не удовлетворило его. Онъ ушелъ отъ нихъ въ дремучіе лѣса и прожилъ тамъ шесть лѣтъ въ постѣ и трудахъ, полагая въ истязаніи своего тѣла средство спасенія. Но и этотъ путь не удовлетворилъ его. Доведя себя постомъ и истязаніями до того, что онъ лишился способности двигаться и все-таки не найдя спасенія, онъ рѣшился оставить постъ и умерщвленіе тѣла и искать спасенія въ размышленіи и покаяніи. Тогда у него явились ученики, онъ пріобрѣлъ славу, и люди стали восхвалять его. Эти восхваленія сдѣлали то, что на него нашло искушеніе, и онъ сталъ жалѣть о томъ, что покинулъ, и хотѣлъ вернуться къ своему отцу и женѣ. Но сознавъ свое нравственное паденіе, онъ ужаснулся на него и ушелъ отъ своихъ почитателей и учениковъ и удалился въ мѣсто, гдѣ никто не зналъ его.

Долго мучился онъ отъ внутренней борьбы, но однажды, когда онъ сидѣлъ подъ деревомъ и думалъ все о томъ же, ему вдругъ открылся путь спасенія. Путь спасенія этотъ представился ему въ слѣдующемъ:

Все тѣлесное временно и должно разрушиться. Пока человѣкъ связанъ тѣломъ, онъ подверженъ страданіямъ, разрушенію и смерти. Какъ же избавиться отъ этого? Пока душа человѣка связана съ плотью, она желаетъ жить, а жизнь съ неудовлетворенными желаніями и страхомъ смерти производитъ страданія. И потому уничтожить надо плотскія дурныя желанія.

Все ученіе сложилось въ его сознаніи въ 4-хъ истинахъ. Первая истина въ томъ, что всѣ люди подвержены страданіямъ. Вторая истина въ томъ, что причина страданій — похоть. Третья истина въ томъ, что отъ страданія можно избавиться уничтоженіемъ

похоти. Четвертая истина въ томъ, что избавленіе совершается четырьмя ступенями спасенія.

Первая ступень: въ пробужденіи сердца; вторая ступень: освобожденіе отъ нечистыхъ помысловъ и мстительности; третья ступень: освобожденіе себя отъ сомнѣній, недоброжелательства и раздражительности; четвертая ступень: милосердіе, любовь не только къ людямъ, но ко всему живому. Умерщвлять свою плоть излишне, главное вниманіе должно быть обращено на очищеніе души отъ дурныхъ помысловъ. Истинное просвѣщеніе, истинное освобожденіе только въ любви. Человѣкъ, замѣнившій любовью свои похотливыя желанія, порвалъ цѣпи невѣжества, страстей и избавился отъ страданія и смерти.

Правила для исполненія этого ученія выражены въ *10-ти заповѣдяхъ*:

1) Не убивай, но уважай жизнь.

2) Не крадь, не грабь, но помогай каждому пользоваться произведеніемъ своего труда.

3) Воздерживайся отъ нечистоты и веди цѣломудренную жизнь.

4) Не лги; говори правду, когда нужно, безстрашно, но любовно.

5) Не выдумывай дурныхъ слуховъ и не повторяй ихъ.

6) Не клянись.

7) Не трать время на болтовню, но говори дѣло, или молчи.

8) Не корыстуйся и не завидуй, а радуйся благу ближняго.

9) Очищай сердце отъ злобы и не держи ненависти противъ враговъ, но съ любовью смотри на всѣ существа.

10) Освобождайся отъ невѣрія и старайся понять истину.

Такое ученіе проповѣдывалъ Сидхарта Будда. Сначала ученики его оставили его, потомъ опять присоединились къ нему. И несмотря на гоненія, которымъ подвергался Будда отъ браминовъ, ученіе его все болѣе и болѣе распространялось.

Въ продолженіе шестидесяти лѣтъ Будда, переходя изъ мѣста въ мѣсто, проповѣдывалъ свое ученіе. Смерть застала его на пути изъ одного селенія въ другое. Ему было 80 лѣтъ. Онъ былъ слабъ, но все еще ходилъ и проповѣдывалъ. На одномъ изъ такихъ переходовъ онъ почувствовалъ слабость и, остановившись, сказалъ: „Меня томитъ жажда“. Ученики подали ему воды, онъ выпилъ

немного, посидѣлъ и пошелъ дальше. Но около рѣки Харанеавата онъ опять остановился и, сѣвъ подъ дерево, сказалъ ученикамъ своимъ: „Я чувствую приближеніе смерти; помните же безъ меня все, что я говорилъ вамъ". Любимый ученикъ его Ананда, слушая его, не могъ сдержаться и, отойдя въ сторону, заплакалъ. Сидхарта тотчасъ же послалъ за нимъ и, утѣшая, сказалъ: „Полно, Ананда! не плачь, не тревожься. Рано или поздно мы должны разстаться со всѣмъ, что намъ дорого. Развѣ на этомъ свѣтѣ есть что-нибудь вѣчное? Друзья мои,—прибавилъ онъ, обращаясь къ другимъ ученикамъ,—живите такъ, какъ я училъ васъ. Освобождайтесь отъ опутывающей васъ сѣти страстей. Идите по тому пути, который я указалъ вамъ. Помните всегда, что разрушеніе присуще всему тѣлесному, но что истина неразрушима и вѣчна. И потому въ ней ищите свое спасеніе".

Это были послѣднія слова его. Послѣ этого онъ сомкнулъ уста и тихо ушелъ изъ этой жизни.

12-е февраля.

Нѣтъ предмета болѣе несомнѣннаго, чѣмъ та смерть, которая ожидаетъ каждаго изъ насъ, а между тѣмъ всѣ живутъ такъ, какъ будто ея нѣтъ.

1.

Прекращается ли наша жизнь съ плотскою смертью, это вопросъ самой великой важности, и рѣдкій человѣкъ не думаетъ объ этомъ. Смотря по тому, вѣримъ ли мы или нѣтъ въ вѣчную жизнь, и поступки наши будутъ разумны или безсмысленны. Всякій разумный поступокъ непремѣнно основывается на увѣренности въ безсмертіи истинной жизни.

Поэтому первая наша забота должна быть о томъ, чтобы разобрать и понять, что именно въ жизни безсмертно. Нѣкоторые люди всѣми силами трудятся надъ тѣмъ, чтобы уяснить себѣ это. Они признаютъ, что отъ этого должна зависѣть вся ихъ жизнь.

Другіе люди, хотя и сомнѣваются въ безсмертіи, но искренно мучатся своимъ сомнѣніемъ и считаютъ его за величайшее свое несчастіе. Они ничего не жалѣютъ, чтобы только узнать истину, неустанно ищутъ ее и считаютъ это самымъ главнымъ дѣломъ своей жизни.

Но есть и такіе люди, которые вовсе не думаютъ объ этомъ. Ихъ небрежность тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нихъ самихъ, удивляетъ, возмущаетъ и пугаетъ меня. Паскаль.

2.

Это ужасный міръ, если страданія въ немъ неизлѣчимы и не производятъ добра. Это какое-то злое, низкое устройство для совершенія невыразимыхъ жестокостей, разочарованія и горя. Этотъ міръ невыразимо безнравствененъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ зло не для будущаго добра, но праздно, безцѣльно,—ядовитое зло, плодомъ котораго только страданія милліоновъ. Обѣщанія его коварны, надежды обманчивы и пути его предательскіе.

Онъ бьетъ насъ съ рожденія, подмѣшиваетъ горечь ко всякой чашѣ счастія и дѣлаетъ смерть ядовитымъ угаромъ. Мы всѣ видимъ ужасающее зло міра. И конечно, если нѣтъ Бога и безсмертія, то мнѣ понятно высказываемое людьми отвращеніе къ жизни: оно вызывается въ нихъ существующимъ порядкомъ, или, скорѣе, безпорядкомъ,—ужаснымъ нравственнымъ хаосомъ, какъ его слѣдуетъ назвать.

Но если только есть Богъ надъ нами и вѣчность передъ нами, то измѣняется все. Мы прозрѣваемъ добро въ злѣ, свѣтъ въ мракѣ, и надежда прогоняетъ отчаяніе.

Какое же изъ двухъ предположеній вѣроятно? Развѣ можно допустить, чтобы нравственныя существа—люди были поставлены въ необходимость справедливо проклинать существующій порядокъ міра, тогда какъ передъ ними выходъ, разрѣшающій ихъ противорѣчіе. Они должны проклинать міръ и день своего рожденія, если нѣтъ Бога и будущей жизни. Если же, напротивъ, есть и то и другое, жизнь сама по себѣ становится благомъ и міръ мѣстомъ нравственнаго совершенствованія и безконечнаго увеличенія счастія и святости.

Эразмъ.

3.

Чѣмъ глубже сознаешь свою жизнь, тѣмъ меньше вѣришь уничтоженію въ смерти.

4.

Мы часто стараемся вообразить себѣ смерть и переходъ *туда*, но это совершенно невозможно, какъ невозможно вообразить Бога. Все, что можно, это то, чтобы вѣрить, что смерть есть—какъ и все исходящее отъ Бога—добро.

5.

Что бы такое ни было то начало, которое чувствуетъ, понимаетъ, живетъ и существуетъ, оно свято, божественно и потому должно быть вѣчно.

Цицеронъ.

Не вѣритъ въ безсмертіе только тотъ, кто никогда серьезно не думалъ о смерти.

13-е февраля.

Религія это всѣмъ понятная философія, философія доказываетъ религію.

1.

Прежде всего я принимаю слѣдующее основное положеніе, не требующее никакихъ доказательствъ: все, что сверхъ хорошаго образа жизни человѣкъ считаетъ возможнымъ совершить, чтобы сдѣлаться угоднымъ Богу, есть одно религіозное заблужденіе и ложное служеніе Богу. Кантъ.

2.

Особенность христіанской морали—представлять себѣ нравственно-хорошее и нравственно-дурное, отличающимися одно отъ другого, не какъ небо отъ земли, а какъ небо отъ ада. Это—образное представленіе (т.-е. служитъ изображеніемъ настоящихъ ада, неба и т. д.) и, какъ таковое, возмущаетъ душу; но, тѣмъ не менѣе, по своему смыслу оно философски вѣрно. Оно служитъ намъ предостереженіемъ отъ того, чтобы мы не мыслили добро и зло, царство свѣта и царство тьмы граничащими другъ съ другомъ и связанными одно съ другимъ постепенными переходными ступенями (большей или меньшей свѣтлости), а представляли бы ихъ себѣ отдѣленными другъ отъ друга неизмѣримой бездной. Полная неоднородность коренныхъ положеній, на основаніи которыхъ можно быть подданнымъ того или другого изъ этихъ двухъ царствъ, и въ то же время опасность, связанная съ представленіемъ о близкомъ родствѣ качествъ, которыя опредѣляютъ насъ къ тому или иному царству, даютъ намъ право на такое представленіе, которое, несмотря на все то ужасное, что въ немъ содержится, въ то же время очень возвышенно. Кантъ.

3.

Первое и самое древнее мнѣніе въ отвлеченныхъ вещахъ всегда самое вѣроятное, потому что здравый человѣческій умъ тотчасъ же попалъ на него. Лессингъ.

4.

Религія—это упрощенная и обращенная къ сердцу мудрость. Мудрость—это логически оправданная религія.

5.

Съ неспособностью къ вѣрѣ растетъ потребность знанія. Существуетъ точка кипѣнія на скалѣ культуры, на которой улетучивается всякое вѣрованіе, всякое откровеніе, всякій авторитетъ, и человѣкъ хочетъ по-своему быть поучаемъ, убѣждаемъ. Дѣтскія помочи съ него свалились, и онъ хочетъ стоять на своихъ ногахъ. При этомъ его метафизическая потребность такъ же неискоренима, какъ и всякая физическая. Тогда является серьезная потребность истинной философіи, и мятущееся человѣчество взываетъ ко всѣмъ мыслящимъ умамъ, которые оно когда-либо породило.

Шопенгауэръ.

6.

Будемъ считать извѣстныя дѣйствія обязательными для насъ не потому, что они суть Божьи заповѣди, а будемъ считать ихъ Божьими заповѣдями потому, что мы чувствуемъ, что они внутренно обязательны для насъ.

Кантъ.

7.

„Какъ же жить, не зная, что будетъ, не зная, въ какихъ формахъ будешь жить?“ Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что будетъ. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. *Онъ* знаетъ. Только такая дѣятельность служитъ свидѣтельствомъ вѣры въ Бога и въ Его законъ. Только тогда и свобода и жизнь.

Религія можетъ освѣтить философскія разсужденія. Философскія разсужденія могутъ подтвердить религіозныя истины. И потому ищите общенія съ истинно-религіозными людьми и съ истинными философами, какъ живыми, такъ и умершими.

14-е февраля.

Въ человѣкѣ живетъ духъ Божій.

1.

Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія.

Iн. III, 3.

2.

Свѣтъ разума, рождающійся отъ нравственнаго совершенства, называется естественной добродѣтелью. Нравственное совершенство, рождающееся отъ свѣта разума, называется пріобрѣтенной святостью. Для нравственнаго совершенства необходимъ свѣтъ разума, для свѣта разума необходимо нравственное совершенство.

Китайская мудрость.

3.

Любовь и разумъ суть двѣ стороны, съ которыхъ мы можемъ созерцать Бога.

4.

„Душа не насыщается".

Гражданинъ, женившись на царевнѣ, обставилъ ее блескомъ и славой, но напрасно: все ей казалось мелочнымъ, не стоящимъ вниманія, такъ какъ она вѣчно помышляла о своемъ высокомъ происхожденіи. Такъ и душа—окружи ее человѣкъ всѣми земными удовольствіями, она не удовлетворится, ибо она дочь неба.

Талмудъ.

5.

Хотя люди не знаютъ, что такое добро, но они имѣютъ его въ себѣ.

Конфуцій.

6.

Поступаешь ты всего лучше и получаешь наибольшее благо тогда, когда неизмѣнно стремишься, какъ ты пишешь, къ возвышенному

расположенію духа, котораго ты всегда можешь достигнуть своими усиліями. Нечего подымать руки къ небу, нечего умолять сторожа при храмѣ подпустить насъ къ самому уху статуи бога, чтобы она насъ лучше разслышала: божество близко къ тебѣ, оно у тебя, оно внутри тебя. Да, милый Люцилій, я утверждаю, что въ насъ живетъ святой духъ, свидѣтель и стражъ всего хорошаго и дурного. Онъ обходится съ нами, какъ мы обошлись съ нимъ. Никто не бываетъ добръ безъ Бога. Только съ Его помощью можно стать выше счастія и несчастія. Онъ одинъ посылаетъ великія и возвышенныя рѣшенія.

Въ каждомъ добродѣтельномъ человѣкѣ живетъ божество.

Сенека.

7.

Такъ же, какъ ты не видишь души человѣка, ты не видишь Бога, но ты познаешь Его въ Его твореніяхъ. Также не можешь ты не признать божественную силу души, проявляющуюся въ ея способности творчества, памяти и вѣчномъ стремленіи къ совершенству.

Сенека.

8.

Душа сама себѣ свидѣтель; душа есть прибѣжище для самой себя: не оскорбляй свою сознательную душу,—высшаго, внутренняго свидѣтеля человѣка.

Индійскія Ману.

Память о томъ, что въ человѣкѣ живетъ Богъ, сильнѣе всего удерживаетъ человѣка отъ зла и помогаетъ дѣлать доброе.

15-е февраля.

Есть простота естественная и есть простота мудрости. И та и другая вызываютъ любовь и уваженіе.

1.

Большинство жизненныхъ задачъ рѣшаются какъ алгебраическія уравненія: приведеніемъ ихъ къ самому простому виду.

2.

Слова истины всегда безъ украшеній и просты.

Марселлинъ.

3.

Величайшія истины—самыя простыя.

4.

Простота всегда привлекательна. Отъ этого привлекательность дѣтей и животныхъ.

5.

Природа ничего не знаетъ о томъ ненавистномъ различеніи, которое люди устроили между собою. Она одѣляетъ душевными свойствами, не предпочитая благородныхъ и богатыхъ. Естественныя, добрыя чувства, кажется, даже чаще встрѣчаются среди простыхъ людей.

Лессингъ.

6.

Люди, говорящіе цвѣтисто и искусно, съ пріятнымъ обхожденіемъ, рѣдко обладаютъ добродѣтелью человѣколюбія.

Китайская мудрость.

7.

Лучшія рѣчи тѣ, которыя просты, понятны для всѣхъ, но которыя имѣютъ глубокій смыслъ.

Восточная мудрость.

Избѣгай всего искусственнаго, исключительнаго, всего могущаго обратить на тебя вниманіе. Ничто такъ, какъ простота, не содѣйствуетъ сближенію людей.

16-е февраля.

Добрая жизнь достигается только напряженнымъ вниманіемъ и непрестаннымъ усиліемъ.

1.

Царство Небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его. Мѳ. XI, 12.

2.

Для послѣдовательнаго исполненія маленькихъ обязанностей нужно не менѣе силы, чѣмъ для геройства. Руссо.

3.

Человѣкъ, идущій по трудной дорогѣ и сомнѣвающійся въ томъ, можетъ ли онъ продолжать свой путь, подобенъ человѣку, который, зная, въ чемъ добродѣтель, сомнѣвается въ ея истинности. Потому, что онъ сомнѣвается, онъ не можетъ идти по ея пути.

Пока мы живемъ въ мірѣ, будутъ сомнѣнія, но мы должны стремиться по пути добродѣтели, какъ человѣкъ, который видитъ на своемъ пути тропинку надъ пропастью и идетъ по ней.

Китайскій буддистъ.

4.

Если и есть великое и доброе для васъ, оно не явится къ вамъ по первому или второму зову, не явится къ вамъ легко, безъ труда, или въ салонѣ... Терніи и крутизна—вотъ дорога боговъ,— сказалъ Порфирій. Эмерсонъ.

5.

Просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ.

Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ. Мѳ. VII, 7—8.

6.

Старайтесь жить жизнью, наиболѣе соотвѣтствующей добродѣтели,—говорилъ Пиѳагоръ. Она можетъ быть наиболѣе трудною, но по мѣрѣ привычки къ ней она становится наиболѣе радостной.

7.

Чтобы не пролить полный сосудъ, нужно внимательно держать его прямо.

Чтобы лезвее было остро, нужно постоянно точить его.

Лао-Тсе.

Если хочешь блага,—исполняй законъ Бога. Исполненіе же закона Бога возможно только усиліемъ. Усиліе не только вознаграждается радостной жизнью, но самое усиліе даетъ сознаніе участія въ дѣлѣ Божьемъ.

17-е февраля.

Равенство—это признаніе за всѣми людьми міра одинаковыхъ правъ на пользованіе естественными благами міра, одинаковыхъ правъ на блага, происходящія отъ общей жизни, и одинаковыхъ правъ на уваженіе личности человѣка.

1.

Мы удивляемся на то, какъ извращено было христіанство, какъ оно мало, даже совсѣмъ не получило осуществленія въ жизни, а, между тѣмъ, развѣ это могло быть иначе съ ученіемъ, которое своимъ требованіемъ поставило истинное равенство людей: всѣ сыны Бога, всѣ братья, жизнь всѣхъ одинаково священна. Истинное равенство требуетъ не только уничтоженія кастъ, званій, преимуществъ, но уничтоженія главнаго орудія неравенства—насилія. Равенство не можетъ быть осуществлено, какъ это думаютъ, гра-

жданскими мѣропріятіями, оно осуществляется только любовью къ Богу (Добру, Истинѣ) и къ людямъ. Любовь же къ Богу и людямъ внушается людямъ не гражданскими мѣропріятіями, а истиннымъ религіознымъ ученіемъ. То, что люди могли впасть въ грубое заблужденіе о томъ, что свобода, братство и равенство могутъ быть введены казнями, угрозой казней, насиліемъ, не показываетъ того, чтобы идеалы эти были невѣрны, а только то, что былъ невѣренъ тотъ путь, которымъ заблуждающіеся люди пытались осуществить ихъ.

2.

Говорятъ, равенство невозможно, потому что всегда будутъ одни люди сильнѣе, умнѣе другихъ. Именно поэтому-то, потому что одни люди сильнѣе, умнѣе другихъ, говоритъ Лихтенбергъ, особенно и нужно равенство правъ людей. Если бы, кромѣ неравенства ума и силы, было бы еще неравенство правъ, то угнетеніе слабыхъ сильными было бы еще больше.

3.

Стоитъ взглянуть на жизнь христіанскихъ народовъ, раздѣленныхъ на людей, проводящихъ всю жизнь въ одуряющемъ, убивающемъ, ненужномъ имъ трудѣ, и другихъ, пресыщенныхъ праздностью и всякаго рода наслажденіями, чтобы быть пораженнымъ той ужасной степенью неравенства, до которой дошли люди, исповѣдующіе законъ христіанства, и въ особенности той ложью проповѣди равенства при устройствѣ жизни, ужасающей самымъ жестокимъ и очевиднымъ неравенствомъ.

4.

Никто такъ, какъ дѣти, не осуществляетъ въ жизни истинное равенство. И какъ преступны взрослые, нарушая въ нихъ это святое чувство, научая ихъ тому, что есть короли, богачи, знаменитости, къ которымъ должно относиться съ уваженіемъ, и есть слуги, рабочіе, нищіе, къ которымъ должно относиться только съ снисхожденіемъ! „И кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ...“

Не вѣрь тому, что равенство не можетъ быть достигнуто, или что оно можетъ быть достигнуто только въ далекомъ будущемъ. Учись у дѣтей. Оно сейчасъ можетъ быть достигнуто тобой не черезъ учрежденія и законы (законы всегда обходятся), а твоей жизнью, твоимъ отношеніемъ ко всѣмъ людямъ, съ которыми сходишься, не оказывая исключительныхъ предпочтеній тѣмъ, которые себя считаютъ великими и высокими, а, главное, оказывая такое же, какъ всѣмъ, уваженіе тѣмъ, которыхъ считаютъ маленькими и низкими.

18-е февраля.

Чѣмъ больше отрекается человѣкъ отъ своей личности, тѣмъ больше вліянія онъ имѣетъ на людей. Личность есть покровъ, скрывающій Божество.

1.

Нужно любить только Бога и ненавидѣть только себя.

Паскаль.

2.

Потому любитъ Меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее.

Никто не отнимаетъ ея у Меня, но Я Самъ отдаю ее. Имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего. Ін. X, 17—18.

3.

Незнаніе человѣкомъ того, что будетъ съ нимъ послѣ смерти, никогда не тревожило благородную и религіозную душу.

Высшее благо дано тому, кто ищетъ только праведности. Быть самоотверженнымъ значитъ быть сильнымъ, и міръ у ногъ того, кого онъ не можетъ соблазнить. Аміель.

4.

Все будетъ легко и хорошо, если будетъ сдѣлано съ отреченіемъ отъ себя, отъ своей воли.

5.

Слова ученія прочны у того только, кто отрицаетъ въ себѣ личность.

Талмудъ.

6.

Сберегшій душу свою потеряетъ ее; а потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее.

Мт. X, 39.

7.

Кто въ своемъ преходящемъ, въ своемъ имени и въ своей тѣлесности не видитъ себя, тотъ знаетъ истину жизни.

Буддійская мудрость.

8.

У человѣка нѣтъ никакихъ данныхъ для оцѣнки, а тѣмъ болѣе права для сужденія о результатахъ жизни, полной безусловной самоотверженности, пока у него не явится смѣлости самому испытать такую жизнь, по крайней мѣрѣ на время; но я думаю, что ни одинъ разумный человѣкъ не пожелаетъ и ни одинъ честный человѣкъ не посмѣетъ отрицать то благотворное вліяніе, какое имѣли на его душу и тѣло хотя бы тѣ случайныя лишенія въ предметахъ роскоши или тѣ опасности, которымъ онъ подвергался.

Джонъ Рёскинъ.

Стоитъ вспомнить о себѣ въ серединѣ рѣчи и теряешь нить своей мысли. Только, когда мы совершенно забываемся, выходимъ изъ себя, только тогда мы можемъ плодотворно общаться съ другими, служить имъ и вліять на нихъ.

Недѣльное чтеніе.

Самоотреченіе.

И для самыхъ твердыхъ людей бываютъ часы унынія. Видишь добро, стремишься къ нему, хочешь осуществить его, и всѣ усилія кажутся тщетными и чувствуешь себя оставленнымъ тѣми, ради которыхъ пожертвовалъ собой. Терпишь ненависть, клевету, гоненія. Вотъ тогда-то изъ сердца и вырывается крикъ: „Отче, избави меня отъ часа сего...“ Это испытывалъ Христосъ. Одинъ среди міра больного, слѣпого, глухого, среди учениковъ, которые не понимали Его, среди толпы грубой и равнодушной, среди безпощадныхъ враговъ, предвидя казнь, которая должна была быть первымъ плодомъ Его дѣла, Христосъ сказалъ: „Отче, спаси меня отъ часа сего“, но тутъ же прибавилъ, предчувствуя и мученія, и крестную смерть: „Но на сей часъ Я пришелъ“.

Да, именно на это, на то, чтобы страдать, и умереть, и побѣдить страданіемъ, побѣдить смертью.

Вѣчный примѣръ для тѣхъ, кто хочетъ продолжить Его дѣло! Онъ учитъ ихъ, что оно плодоносно лишь чрезъ самопожертвованіе, что тотъ, кто сѣетъ, не жнетъ, *что если онъ не умретъ, то останется одинъ*; а если умретъ, то разовьется, какъ зерно, брошенное въ землю, *и принесетъ много плода.* Вы же,—которые чувствуете, что душа ваша смущается, потому что ваше слово отвергнуто, что вы не видите его дѣйствія, и что будущее, которое должно было изъ этого выйти, будетъ, какъ вамъ кажется, вмѣстѣ съ вами брошено въ могилу, въ которую сыны сатаны хотѣли бы схоронить самую правду,—вѣрьте, напротивъ, что въ это-то именно время и

начнется работа жизни, что *на сей часъ вы пришли*. Ученики Христа, вы не больше своего учителя; вы должны слѣдовать за Нимъ на пути, который Онъ проложилъ вамъ, исполнить долгъ для самого долга, и, ничего не прося на сей землѣ, ничего больше не ожидая, сказать, какъ Дидимъ: *И мы тоже идемъ и умираемъ съ Нимъ*. Сѣйте и сѣйте подъ палящимъ солнцемъ, подъ ледянымъ дождемъ; сѣйте всюду, въ судилищахъ и въ тюрьмахъ, на самыхъ мѣстахъ казни; сѣйте, жатва придетъ въ свое время.

Ламенэ.

Для того, чтобы точно, не на словахъ быть въ состояніи любить другихъ, надо не любить себя—тоже не на словахъ, а на дѣлѣ. Обыкновенно же бываетъ такъ: другихъ мы думаемъ, что любимъ, увѣряемъ въ этомъ себя и другихъ, но любимъ только на словахъ, себя же любимъ на дѣлѣ. Другихъ мы забудемъ покормить и уложить спать, себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить другихъ на дѣлѣ, надо выучиться забывать покормить себя и уложить себя спать, такъ же какъ мы забываемъ это сдѣлать относительно другихъ.

Чѣмъ больше жертва, тѣмъ больше любви, а чѣмъ больше любви, тѣмъ плодотворнѣе дѣла, тѣмъ больше пользы людямъ.

Есть два предѣла: одинъ тотъ, чтобы отдать жизнь за други своя; другой тотъ, чтобы жить, не измѣняя условій своей жизни. Между этими двумя предѣлами находятся всѣ люди: одни на степени учениковъ Христа, оставившихъ все и пошедшихъ за Нимъ; другіе на степени богатаго юноши, тотчасъ же отвернувшагося и ушедшаго, когда ему сказали объ измѣненіи жизни. Между этими двумя предѣлами находятся различные Закхеи, отчасти только измѣняющіе свою жизнь. Но для того, чтобы быть даже Закхеемъ, надо, не переставая, стремиться къ первому предѣлу.

19-е февраля.

Освобожденіе себя отъ труда есть преступленіе.

1.

Никогда не безпокой другого тѣмъ, что ты можешь самъ сдѣлать.

2.

Физически невозможно, чтобы истинно-религіозное вѣдѣніе или чистая нравственность существовали въ тѣхъ классахъ народа, которые не добываютъ своего хлѣба трудами рукъ своихъ.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Стоитъ принять истину совсѣмъ и покаяться совсѣмъ, чтобы понять, что правъ, преимуществъ, особенностей въ дѣлѣ жизни никто не имѣетъ и не можетъ имѣть, а обязанностямъ нѣтъ конца и нѣтъ предѣловъ, и что первая и несомнѣнная обязанность человѣка есть участіе въ борьбѣ съ природой за свою жизнь и жизнь другихъ людей.

4.

Одна изъ несомнѣнныхъ и чистыхъ радостей есть отдыхъ послѣ труда.

Кантъ.

5.

Богатый и бѣдный, сильный и слабый, всякій неработающій человѣкъ—негодяй. И потому всякій человѣкъ долженъ научиться мастерству, настоящему мастерству, ручному труду. И это нужно для того, чтобы разбить предразсудокъ презрѣнія ручного труда. Работайте по принципу, если у васъ нѣтъ необходимости работы. Спуститесь до уровня ремесленника, чтобы стать выше своего празднаго сословія.

Руссо.

6.

Истинная вѣра человѣка должна быть направлена не на то, чтобы доставить ему покой, а чтобы дать ему силы на трудъ.

Джонъ Рёскинъ.

7.

Работай постоянно, не почитай работу для себя бѣдствіемъ и не желай себѣ за это похвалы и участія. Общее благо—вотъ чего ты долженъ желать.

Маркъ Аврелій.

Справедливость требуетъ, чтобы брать отъ людей не больше того, что даешь имъ. Но нѣтъ возможности взвѣсить свои труды и труды другихъ, которыми пользуешься; кромѣ того, всякій часъ ты можешь быть лишенъ возможности трудиться, а долженъ будешь пользоваться трудами другихъ. И потому старайся давать больше, чѣмъ берешь, чтобы не быть несправедливымъ.

20-е февраля.

Истинный прогрессъ есть прогрессъ религіозный.

1.

Религія даетъ направленіе дѣятельности людей. Религія становится все проще, понятнѣе, яснѣе, согласнѣе съ знаніемъ. И соотвѣтственно съ движеніемъ религіи совершается и все нравственное и общественное движеніе человѣчества.

2.

Человѣкъ, который думаетъ, что мы должны остановиться на той степени религіознаго прогресса (реформаціи), которую мы видимъ теперь сквозь наше смертное стекло, этимъ самымъ показы-

вастъ, что онъ очень далекъ отъ истины. Свѣтъ, который мы получили, былъ намъ данъ не для того, чтобы мы не переставая смотрѣли на него, но для того, чтобы благодаря ему открыть дальнѣйшія, скрытыя еще отъ насъ вещи. Мильтонъ.

3.

Духъ Іисуса, который сильные міра сего силятся задушить съ своей высоты, тѣмъ не менѣе всюду ярко проявляется. Развѣ духъ евангельскій не проникъ въ народы? Не начинаютъ ли они видѣть свѣтъ? Понятія о правѣ, объ обязанностяхъ не яснѣе ли стали для каждаго? Не слышны ли со всѣхъ сторонъ призывы къ законамъ болѣе справедливымъ, къ учрежденіямъ, охраняющимъ слабыхъ, основаннымъ на принципѣ справедливаго равенства? Прежняя вражда между тѣми, которыхъ насильственно разъединяли, развѣ не гаснетъ? Развѣ народы не чувствуютъ себя братьями? Не дрожатъ ли притѣснители, какъ будто внутренній голосъ предсказываетъ имъ скорый конецъ? Встревоженные странными видѣніями, они судорожно сжимаютъ въ своихъ рукахъ тѣ цѣпи, въ которыя они заковали народы, на освобожденіе которыхъ пришелъ Христосъ, — цѣпи, которыя распадутся скоро. Подземный гулъ тревожитъ ихъ сонъ. Въ тайныхъ глубинахъ общества совершается работа, остановить которую они не могли бы при всей своей силѣ, и непрерывный успѣхъ которой повергаетъ ихъ въ невыразимую тревогу. Это работа зародыша, готоваго развиться, работа любви, которая сниметъ грѣхъ съ міра, оживитъ слабѣющую жизнь, утѣшитъ огорченныхъ, разобьетъ оковы заключенныхъ, откроетъ народамъ новый путь, при вступленіи на который имъ будетъ сказано: идите съ миромъ. Ламенэ.

4.

Всякій прогрессъ основанъ на прогрессѣ религіозномъ. Религіозный же прогрессъ состоитъ не въ открытіи новыхъ религіозныхъ истинъ, не въ отысканіи новаго отношенія человѣка къ міру и къ Началу его,—новаго ничего нѣтъ,—а въ откидываніи всего лишняго, что было присоединено въ древности къ религіозному пониманію. Новыхъ религіозныхъ истинъ нѣтъ: съ тѣхъ поръ,

какъ мы знаемъ разумнаго человѣка, отношеніе его къ міру и Началу его было установлено такое же, какое оно и теперь. Если же есть прогрессъ религіозный, то онъ не въ открываніи чего-либо новаго, а только въ очищеніи того, что уже открыто и выражено.

5.

Религіи суть указатели того высшаго, доступнаго въ данное время и въ данномъ обществѣ лучшимъ передовымъ людямъ пониманія жизни, къ которому неизбѣжно и неизмѣнно приближаются всѣ остальные люди этого общества.

Не смѣшивай прогресса истиннаго, религіознаго съ прогрессомъ техническимъ, научнымъ, художественнымъ. Успѣхъ техническій, научный, художественный можетъ быть очень великъ вмѣстѣ съ отсталостью религіозною, какъ это происходитъ въ наше время. Можетъ быть и наоборотъ.

Хочешь служить Богу, будь прежде всего работникомъ религіознаго прогресса,—борьбы съ суевѣріями и уясненія и упрощенія религіознаго сознанія.

21-е февраля.

Мясоѣденіе есть пережитокъ самаго грубаго варварства, и переходъ къ вегетаріанству есть самое первое и естественное послѣдствіе просвѣщенія.

1.

Почему видъ беззащитнаго животнаго, котораго ведутъ на бойню, причиняетъ вамъ страданіе? Потому что въ глубинѣ вашей души вы чувствуете, какъ жестоко и несправедливо убивать беззащитное и невинное созданіе... Послѣдуйте же побужденіямъ вашихъ сердецъ и перестаньте поощрять убійство невинныхъ созданій, отказавшись отъ употребленія мясной пищи. Струве.

2.

Какъ странно, что разныя общества защиты дѣтей и покровительства животнымъ относятся совершенно безучастно къ вегетаріанству, тогда какъ именно потребленіе мяса и является въ большинствѣ случаевъ причиной той жестокости, съ которой они хотятъ бороться путемъ наказанія. Исполненіе закона любви можетъ сдержать жестокость сильнѣе, чѣмъ страхъ уголовной отвѣтственности. Едва ли есть разница между жестокостью, которая совершается при истязаніи и убійствѣ съ цѣлью удовлетворить своему чувству гнѣва, и жестокостью, которая совершается при истязаніи и убійствѣ съ цѣлью воспользоваться мясомъ животныхъ, питаясь которыми люди разжигаютъ въ себѣ главный очагъ жестокости.

Люси Малори.

3.

Великая троица проклятій: мясоѣденіе, употребленіе алкоголя и куреніе табака, съ сопровождающими ихъ страстями разврата и похоти, уничтожаетъ возможность счастливой жизни, унижаетъ сыновъ Божіихъ до уровня животныхъ и дѣлаетъ изъ трущобъ нашихъ городовъ настоящія преддверія ада.

Арнольдъ Гильсъ.

4.

Въ заблужденіи о томъ, что наши дѣянія относительно животныхъ не имѣютъ нравственнаго значенія, или, говоря языкомъ этой морали, что передъ животными не существуетъ никакихъ обязанностей, въ этомъ заблужденіи проявляются возмутительная грубость и варварство.

Шопенгауэръ.

5.

Одинъ путешественникъ посѣтилъ какихъ-то африканскихъ людоѣдовъ въ то время, какъ они ѣли человѣческое мясо, и они объяснили ему, что предпочитаютъ человѣческое мясо мясу животныхъ потому, что животныя грязны, тогда какъ негры омываются три раза въ день.

„Это ужасно! — воскликнулъ путешественникъ, глядя на пищу, которую они ѣли. „Нѣтъ, это очень вкусно съ солью“,—отвѣчалъ вождь племени.

„Это ужасно,—говорятъ вегетаріанцы, видя мясо ягнятъ и свиней на столѣ цивилизованныхъ людей. „Нѣтъ, это очень вкусно съ солью“,—отвѣчаютъ тѣ. Но есть ли какая разница между ними и дикарями?.. Развѣ они не одинаково нечувствительны къ страданіямъ тѣхъ, тѣла которыхъ они поѣдаютъ?

Люси Малори.

Не смущайтесь тѣмъ, что при вашемъ отказѣ отъ мясной пищи всѣ ваши близкіе домашніе нападутъ на васъ, будутъ осуждать васъ, смѣяться надъ вами. Если бы мясоѣденіе было безразличное дѣло, мясоѣды не нападали бы на вегетаріанство, они раздражаются, потому что въ наше время уже сознаютъ свой грѣхъ, но не въ силахъ еще освободиться отъ него.

22-е февраля.

Мы не знаемъ Бога, но все, что мы знаемъ о мірѣ, мы знаемъ потому, что знаемъ Бога.

1.

Разумъ, который можно уразумѣть, не есть вѣчный разумъ. Имя, которое можно назвать, не есть вѣчное имя.

Лао-Тсе.

2.

Есть существо, содержащее въ себѣ все и предшествующее существованію неба и земли; оно спокойно; оно безтѣлесно; свойства его называютъ разумомъ. Если нужно назвать его, я называю его Великимъ, Непостижимымъ, Удаленнымъ и Возвращающимся.

Лао-Тсе.

3.

Богъ, это то безконечное, что находится внѣ насъ и требуетъ отъ насъ праведности.

Мэтью Арнольдъ.

4.

Богъ это то все, чего мы сознаемъ себя частью.

5.

Безумны тѣ, которые постоянно спрашиваютъ, гдѣ живетъ Богъ. Богъ живетъ во всей полнотѣ, во всѣхъ вещахъ. Вѣры различны, но Богъ одинъ. Если человѣкъ не познаетъ самого себя, какъ онъ познаетъ Бога?

Индійская мудрость.

6.

Меня никогда не было и не отъ меня зависѣло быть когда-нибудь, какъ не отъ меня, существующаго теперь, зависитъ перестать быть,—стало-быть, я началъ и продолжаю быть силой чего-то такого, что было до меня, что будетъ послѣ меня и что могущественнѣе меня. И мнѣ говорятъ, что нѣтъ ничего такого, что мы называемъ Богомъ.

Ла-Брюйеръ.

7.

Два сорта людей знаютъ Бога: люди со смиреннымъ сердцемъ, любящіе презрѣніе и униженіе, все равно, какую бы степень ума они ни имѣли, высокую или низкую, и тѣ, которые имѣютъ достаточно ума, чтобы видѣть истину, какія бы ни были препятствія къ этому.

Паскаль.

8.

Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ (I посл. Павла къ Кор. XIII, 12).

Подобно тому, какъ человѣкъ, съ рожденія запертый въ горницѣ съ матовыми стеклами въ окнѣ, сталъ бы называть солнце матовымъ стекломъ, т.-е. именемъ единственнаго предмета, пропускающаго черезъ себя свѣтъ солнца въ горницу,—такъ и евангеліе опредѣляетъ понятіе Бога именемъ того высшаго чувства или той высшей человѣческой способности, которая служитъ единственнымъ проводникомъ божественнаго откровенія свыше. А именно называетъ Бога любовью, разумѣніемъ (словомъ).

И какъ лишь освобожденіе изъ заключенія дастъ возможность узнику отличить само солнце отъ освѣщеннаго имъ матоваго стекла,— такъ точно лишь та или иная степень освобожденія отъ узъ тѣлесности, матеріальности дастъ душѣ человѣческой возможность болѣе непосредственнаго единенія съ сущностью Божества.

А до тѣхъ поръ люди, чтущіе выше всего свой разумъ, будутъ отождествлять Бога съ разумомъ и называть Его разумомъ; люди, чтущіе выше всего чувство любви, будутъ отождествлять Бога съ любовью и называть Его любовью.

И, наконецъ, люди, еще не вѣрящіе ни въ свой разумъ, ни въ свою любовь, и именно вслѣдствіе этого слѣпо и безпрекословно вѣрующіе въ авторитетъ чужой личности, будутъ отождествлять Бога съ личностью. Ѳедоръ Страховъ.

Въ той мѣрѣ, въ которой человѣкъ исполняетъ законъ Бога, въ той мѣрѣ онъ и знаетъ Его. И потому, у человѣка, приближающагося къ Богу, понятіе о Немъ постоянно измѣняется.

23-е февраля.

Существующее устройство жизни не соотвѣтствуетъ ни требованіямъ общественной совѣсти, ни даже требованіямъ разсудка.

1.

Большинство дѣловыхъ людей считаютъ, что самымъ подходящимъ порядкомъ вещей въ этомъ мірѣ является попросту тотъ, при которомъ обширная и безпорядочная толпа вырываетъ другъ у друга все, что можетъ, и топчетъ дѣтей и стариковъ въ грязь и фабрикуетъ различные негодные предметы при помощи неорганизованной толпы рабочихъ, которыхъ можно соблазнить и собрать, а впослѣдствіи разогнать, предоставляя имъ свободно умирать съ голоду. Джонъ Рёскинъ.

2.

Представьте себѣ стаю голубей на ржаномъ полѣ. Представьте, что 99 изъ нихъ вмѣсто того, чтобы клевать то, что они хотятъ, и пользоваться только необходимымъ, собираютъ все, что они могутъ добыть, въ большую кучу и, не оставляя для себя ничего, кромѣ мякины, сохраняютъ эту кучу для одного самаго слабаго и худшаго изъ голубей стаи. Вообразите себѣ картину, какъ они, сидя кругомъ, смотрятъ, какъ этотъ одинъ, наѣвшись, бросаетъ и тратитъ добро, и какъ бросаются и разрываютъ на куски одного болѣе смѣлаго и болѣе голоднаго, чѣмъ другіе, за то только, что онъ тронулъ одно зернышко изъ кучи.

Если бы вы видѣли все это, вы увидали бы только то, что установлено и постоянно дѣлается между людьми.

Палей.

3.

Могу ли я видѣть безъ огорченія, какъ люди употребляютъ свой умъ на то, чтобы ссориться другъ съ другомъ, и разумъ свой на то, чтобъ приготовлять другъ другу ловушки, обманывать и выдавать. Могу ли я безъ слезъ глядѣть на то, что основы добра и зла заброшены, или скорѣе неизвѣстны. Ѳеогнисъ.

4.

Любовь тотчасъ сдѣлала апостоловъ людьми добрыми и прекрасными, такъ что у всѣхъ было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то погибло бы все. Вѣдь и теперь не другое что соблазняетъ язычниковъ, а именно то, что нѣтъ любви. Ничто такъ не благоустрояетъ, какъ любовь. Дѣйствительно, ничто такъ не вразумляетъ язычниковъ, какъ добродѣтель, и ничто столько не соблазняетъ, какъ порокъ,—и справедливо. Ибо, когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ, лихоимствуетъ, грабитъ, возбуждаетъ ко враждѣ и обращается съ одноплеменниками какъ съ дикими звѣрями,—то находитъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ, что христіанинъ трепещетъ смерти, то какъ приметъ слово о безсмертіи? Когда увидитъ, что мы раболѣпствуемъ другимъ страстямъ, то еще больше будетъ привержень къ своему ученію,

не думая о насъ ничего великаго. Мы, истинно мы виноваты,—въ томъ доказательство отъ дѣлъ. Пусть, скажешь, они подумають о нашихъ древнихъ мужахъ? Но они совсѣмъ не вѣрятъ древнимъ, а хотятъ видѣть добродѣтельныхъ людей, живущихъ теперь. Покажи намъ, говорятъ, вѣру отъ дѣлъ твоихъ—а дѣлъ нѣтъ. Напротивъ, они видятъ, что мы хуже звѣрей терзаемъ ближняго своего, и потому называютъ насъ язвою вселенной. Вотъ что удерживаетъ язычниковъ и не дозволяетъ имъ присоединиться къ намъ.

Іоаннъ Златоустъ.

5.

Въ почвѣ и солнечномъ свѣтѣ, въ растительномъ и животномъ царствахъ, въ рудныхъ мѣсторожденіяхъ и силахъ природы, которыми мы только еще начинаемъ пользоваться, заключаются неисчерпаемыя богатства, изъ которыхъ люди, руководимые разумомъ, могли бы удовлетворять всѣ свои матеріальныя потребности. Въ природѣ нѣтъ причинъ для бѣдности—даже для бѣдности горбатаго или дряхлаго. Ибо человѣкъ по природѣ своей есть общественное животное, и если бы не было оскотинивающаго вліянія хронической нищеты, то семейная любовь и общественное сочувствіе доставляли бы все необходимое для тѣхъ, которые были бы сами не въ силахъ содержать себя.

Генри Джорджъ.

6.

Прогрессъ цивилизаціи требуетъ, чтобы въ управленіе общественными дѣлами вкладывалось все болѣе и болѣе пониманія, и не только со стороны нѣкоторыхъ лицъ, а со стороны большинства. Мы не можемъ благоразумно предоставить нашихъ общественныхъ дѣлъ государственнымъ людямъ, какъ не можемъ предоставить изученіе политической экономіи профессорамъ университета. Народъ самъ долженъ думать, ибо только онъ можетъ дѣйствовать.

Генри Джорджъ.

7.

Сколь устойчивой ни казалась бы намъ наша цивилизація, а въ ней развиваются уже разрушительныя силы. Не въ пустыняхъ и лѣсахъ, а въ городскихъ трущобахъ и на шоссейныхъ дорогахъ

воспитываются тѣ варвары, которые сдѣлаютъ съ нею то же, что сдѣлали гунны и вандалы съ древней. Генри Джорджъ.

8.

Преобразованія должны совершаться народомъ и для народа; до тѣхъ же поръ, пока они, какъ теперь, являются достояніемъ и монополіей одного класса, они ведутъ лишь къ замѣнѣ одной аристократіи другой и не послужатъ къ спасенію народа.

Мадзини.

9.

Люди ненавидятъ другъ друга. Люди пользовались, насколько могли, похотью, чтобы заставить ее служить общественному благу. Но это только притворство, ложное представленіе любви, ибо, въ сущности, это только ненависть. Эта мерзкая основа человѣка, figmentum malum, только скрыта, но не изъята.

Паскаль.

Люди разумныя существа. Для чего же они въ общественной жизни руководствуются не разумомъ, а насиліемъ?

24-е февраля.

Истина и добро нераздѣльны.

1.

Для передачи истины нужны двое: одинъ говорящій, другой слушающій. Единственное средство передавать истину—это говорить любовно. Только слова любящаго человѣка бываютъ услышаны. Разсудокъ не долженъ говорить. Его звуки неестественны.

Торо.

2.

Говорить правду то же, что красиво писать. Это дается только благодаря практикѣ,—это не столько дѣло воли, сколько привычки, и я не думаю, чтобы можно было считать безполезнымъ всякій случай, помогающій проявленію или образованію этой привычки.

Маркъ Аврелій.

3.

Мы такъ привыкли притворяться передъ другими, что притворяемся передъ самими собой. Ларошфуко.

4.

Въ сущности, только собственныя основныя мысли обладаютъ истинностью и жизнью: ибо только ихъ понимаешь въ ихъ подлинномъ смыслѣ. Чужія, вычитанныя мысли—объѣдки съ чужого стола, платье съ плеча чужестранца. Шопенгауэръ.

5.

Если человѣкъ сробѣетъ передъ истиной и, увидѣвъ ее, не признаетъ ея, а приметъ ложь за истину, то онъ никогда не узнаетъ, что ему дѣлать.

6.

Лучшіе умы, любящіе истину за истину, не заботятся о присвоеніи истины въ собственность. Они принимаютъ ее съ благодарностью вездѣ, гдѣ встрѣчаютъ, и не кладутъ на нее клейма чьего-нибудь имени, потому что истина эта издавна, въ вѣчности уже принадлежала имъ. Эмерсонъ.

Истина не можетъ заставить человѣка быть недобрымъ или самоувѣреннымъ. Проявленія истины всегда кротки, смиренны и просты.

25-е февраля.

Привычная молитва вредна только тогда, когда человѣкъ видитъ въ ней заслугу передъ Богомъ.

1.

Прежде, чѣмъ приступить къ молитвѣ, испытай себя, способенъ ли ты благоговѣйно сосредоточиться мыслями, иначе не молись.

Не слѣдуетъ приступать къ молитвѣ ни подъ вліяніемъ грусти, ни подъ вліяніемъ лѣни, смѣха, болтовни, легкомыслія и празднаго разговора, а только подъ вліяніемъ благочестиваго восторга.

Если ты не въ хорошемъ расположеніи духа, то лучше воздержись отъ молитвы.

Кто дѣлаетъ изъ молитвы своей привычку, молитва того не искрення.

Талмудъ.

2.

Людямъ не скучно всякій день ѣсть и спать, ибо голодъ и сонъ все снова и снова возникаютъ; а безъ этого имъ наскучило бы ѣсть и спать.

Точно такъ же люди скучаютъ, если не имѣютъ возможности насытиться духовною пищею. Припомнимъ алчущихъ правды (въ нагорной проповѣди).

Паскаль.

3.

Зачѣмъ лишать себя молитвы, этого средства противъ нашей слабости? Всѣ душевныя стремленія, которыя приближаютъ насъ къ Богу, освобождаютъ насъ отъ мысли о себѣ. Прося помощи у Бога, мы научимся находить эту помощь. Не Онъ измѣняетъ насъ, а мы измѣняемъ себя, приближаясь къ Нему. Все, чего мы просимъ у Него, какъ должнаго, мы сами даемъ себѣ. И признавая свою слабость, мы увеличиваемъ свою силу.

Руссо.

4.

И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы

показаться предъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою.

Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны.

Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него.

Мѳ. VI, 5—8.

5.

Лучше всего молиться дома, потому что въ собраніи невозможно избѣгнуть зависти, пустословія, клеветы, что влечетъ за собою наказаніе. Тѣмъ болѣе въ праздники, когда собираются для разговоровъ, ужъ лучше совсѣмъ не молиться. Талмудъ.

Хорошо возобновлять свою молитву, т.-е. выраженіе своего отношенія къ Богу. Человѣкъ постоянно растетъ, измѣняется, и потому должно измѣняться и уясняться его отношеніе къ Богу. Должна измѣняться и молитва.

Недѣльное чтеніе.

Архангелъ Гавріилъ.

Однажды архангелъ Гавріилъ услыхалъ изъ рая голосъ Бога, нѣжно отвѣчающій человѣческому сердцу. Ангелъ сказалъ: „Вѣроятно, это важный слуга Всевышняго, чей духъ отказался отъ похоти и поднялся высоко“. Ангелъ поспѣшилъ спуститься на землю, чтобы найти этого человѣка, но не могъ найти его ни на небѣ, ни на землѣ. Наконецъ онъ вскричалъ: „О Господи! покажи мнѣ путь къ этому предмету твоей любви“. Богъ отвѣчалъ: „Направь шаги твои къ той деревнѣ, и тамъ въ одной пагодѣ ты увидишь огонь“. Ангелъ поспѣшилъ къ пагодѣ и тамъ нашелъ уединеннаго человѣка, молящагося передъ идоломъ. Возвратившись, онъ сказалъ: „О Господи, неужели ты съ любовью смотришь на человѣка, который поклоняется идолу въ пагодѣ?“ Богъ сказалъ: „Я не смотрю на заблужденія невѣжества. Это сердце въ своемъ темномъ стремленіи занимаетъ высшее мѣсто“.

Персидское Аттаръ.

Молитва.

...Знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія...

Мѳ. VI, 8.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Этого не можетъ быть... Докторъ! Да развѣ ничего нельзя? Да что же вы молчите всѣ?!..

Такъ говорила молодая мать, выходя большими, рѣшительными шагами изъ дѣтской, гдѣ умиралъ отъ водянки въ головѣ ея первый и единственный трехлѣтній мальчикъ.

Тихо разговаривавшіе между собою мужъ и докторъ замолчали. Мужъ робко подошелъ къ ней, ласково коснулся рукой ея растрепанной головы и тяжело вздохнулъ. Докторъ стоялъ, опустивъ голову, своимъ молчаніемъ и неподвижностью показывая безнадежность положенія.

— Что жъ дѣлать!—сказалъ мужъ.—Что же дѣлать, милая...

— Ахъ, не говори, не говори! — вскрикнула она какъ будто злобно, укоризненно и, быстро повернувшись, пошла назадъ въ дѣтскую.

Мужъ хотѣлъ удержать ее.

— Катя! не ходи...

Она, не отвѣчая, взглянула на него большими усталыми глазами и вернулась въ дѣтскую.

Мальчикъ лежалъ на рукѣ няни съ подложенной подъ голову бѣлой подушкой. Глаза его были открыты, но онъ не глядѣлъ ими. Изъ сжатаго ротика пузырилась пѣна. Няня съ строгимъ, торжественнымъ лицомъ смотрѣла куда-то мимо его лица и не пошевелилась при входѣ матери. Когда мать вплоть подошла къ ней

и подсунула руку подъ подушку, чтобы перенять ребенка отъ няни, няня тихо сказала: „Отходитъ!“ и отстранилась отъ матери. Но мать не послушалась ее и ловкимъ, привычнымъ движеніемъ взяла мальчика себѣ на руки. Длинные вьющіеся волосы мальчика запутались. Она оправила ихъ и взглянула въ его лицо.

-- Нѣтъ, не могу, — прошептала она и быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ отдала его нянѣ и вышла изъ комнаты.

Ребенокъ болѣлъ вторую недѣлю. Все время болѣзни мать по нѣскольку разъ въ день переходила отъ отчаянія къ надеждѣ. Во все это время она спала едва ли полтора часа въ сутки. Все это время она, не переставая, по нѣскольку разъ въ день уходила въ свою спальню, становилась передъ большимъ образомъ Спасителя въ золотой ризѣ и молилась Богу о томъ, чтобы Онъ спасъ ея мальчика. Чернолицый Спаситель держалъ въ маленькой черной рукѣ золоченую книгу, на которой черныо было написано: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ“. Стоя передъ этимъ образомъ, она молилась, всѣ силы своей души вкладывая въ свою молитву. И хотя въ глубинѣ души и во время молитвы она чувствовала, что не сдвинетъ горы и что Богъ сдѣлаетъ не по ея, а по-Своему, она все-таки молилась, читала извѣстныя молитвы и свои, которыя она сочиняла и говорила вслухъ съ особеннымъ напряженіемъ.

Теперь, когда она поняла, что онъ умеръ, она почувствовала, что въ головѣ ея что-то сдѣлалось, какъ будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя въ свою спальню, съ удивленіемъ оглянулась на всѣ свои вещи, какъ будто не узнавая мѣста. Потомъ легла на кровать и упала головой не на подушку, а на сложенный халатъ мужа, и потеряла сознаніе.

И вотъ во снѣ она видитъ, что ея Костя, здоровый, веселый, сидитъ съ своими кудрявыми волосами и тонкой, бѣлой шейкой на креслицѣ, болтаетъ пухлыми въ икрахъ ножками и, выпятивъ губки, старательно усаживаетъ куклу-мальчика на картонную лошадку безъ одной ноги и съ проткнутой спиной.

„Какъ хорошо, что онъ живъ,— думаетъ она.—И какъ жестоко то, что онъ умеръ. Зачѣмъ? Развѣ могъ Богъ, Которому я такъ молилась, допустить, чтобы онъ умеръ? Зачѣмъ это Богу? Развѣ

онъ мѣшалъ кому-нибудь? Развѣ Богъ не знаетъ, что въ немъ вся моя жизнь, что я не могу жить безъ него? И вдругъ взять и измучить это несчастное, милое, невинное существо и разбить мою жизнь, и на всѣ мои мольбы отвѣчать тѣмъ, чтобы у него остановились глаза, чтобы онъ вытянулся, захолодѣлъ, закостенѣлъ". И она опять видитъ. Вотъ онъ идетъ. Такой маленькій, въ такія высокія двери идетъ, размахивая ручонками, какъ большіе ходятъ. И глядитъ, и улыбается... „Милый! И его-то Богъ хотѣлъ измучить и уморить! Зачѣмъ же молиться Ему, если Онъ можетъ дѣлать такіе ужасы?"

„И вдругъ Матреша дѣвочка, помощница няни, начинаетъ что-то говорить очень странное. Мать знаетъ, что это Матреша, а вмѣстѣ съ тѣмъ она и Матреша и ангелъ. „А если она ангелъ, то отчего у нея нѣтъ за спиной крыльевъ?" думаетъ мать. Впрочемъ, она вспоминаетъ, что кто-то,—она не помнитъ кто, но кто-то, заслуживающій довѣрія,—говорилъ ей, что ангелы бываютъ теперь и безъ крыльевъ. И ангелъ Матреша говоритъ: „Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь. Ему никакъ нельзя всѣхъ слушать. Они часто о такомъ просятъ, что одному сдѣлаешь, другого обидишь. Вотъ сейчасъ. По всей Россіи молятся, да какіе люди! Самые первые архіереи, монахи въ соборахъ, въ церквахъ надъ мощами, всѣ молятся, чтобы Богъ далъ побѣды надъ японцами. А вѣдь это развѣ хорошее дѣло? И молиться объ этомъ не годится, да и угодить-то Ему никому нельзя. Японцы тоже молятся, чтобы Имъ побѣдить. А вѣдь Онъ одинъ у насъ Батюшка. Какъ же Ему быть?"

„— Какъ же Ему быть, барыня?—говоритъ Матреша.

„Да, это такъ. Это старое. Это еще Вольтеръ говорилъ. Всѣ это знаютъ и всѣ говорятъ. Я не объ этомъ. А отчего же Онъ не можетъ исполнить просьбу, когда я прошу не о вредномъ о чемъ-нибудь, а только о томъ, чтобы не уморить моего милаго мальчика. Я вѣдь безъ него жить не могу",—говоритъ мать и чувствуетъ, какъ онъ обнимаетъ ее за шею своими пухлыми ручонками, и она своимъ тѣломъ чувствуетъ его тепленькое тѣльце. „Хорошо, что это не случилось", думаетъ она.

„— Да вѣдь не одно это, барыня,—пристаетъ Матреша, такъ же

безтолково, какъ всегда, — вѣдь не одно это. Бываетъ, что и одинъ проситъ, да никакъ невозможно сдѣлать Ему того, что онъ хочетъ. Намъ это вполнѣ извѣстно.—Я-то вѣдь знаю, потому что я докладываю,—говоритъ Матреша-ангелъ точно такимъ голосомъ, какимъ она вчера, когда барыня посылала ее къ барину, говорила нянѣ: „Я-то знаю, что баринъ дома, потому что я докладывала“.

„— Сколько разъ приходилось докладывать, — говоритъ Матреша, что вотъ хорошій человѣкъ—изъ молодыхъ все больше—проситъ помочь ему, чтобы онъ дурныхъ дѣлъ не дѣлалъ, не пьянствовалъ, не распутничалъ, проситъ, чтобы изъ него, какъ занозу, вынули порокъ.

„Какъ однако хорошо говоритъ Матреша“, думаетъ барыня.

„— А Ему никакъ нельзя этого, потому каждому надо самому стараться. Только отъ старанія и польза бываетъ. Вы сами, барыня, давали мнѣ читать сказку о черной курицѣ. Тамъ разсказано, какъ мальчику черная курица дала за то, что онъ ее спасъ отъ смерти, волшебное конопляное зернышко, такое, что пока оно у него въ штанахъ въ карманѣ лежало, онъ не уча всѣ уроки зналъ, и какъ онъ отъ этого самаго зернышка совсѣмъ перестадъ учиться и память потерялъ. Нельзя Ему, Батюшкѣ, изъ людей вынимать зло. И имъ не просить объ этомъ надо, а самимъ вырывать, вымывать, вывертывать его изъ себя.

„Откуда она эти слова знаетъ“, думаетъ барыня и говоритъ:

„— Ты все-таки Матреша не отвѣчаешь мнѣ на вопросъ.

„— Дайте срокъ, все скажу,—говоритъ Матреша.—А то и такъ бываетъ: докладываю, что разорилась семья, не по своей винѣ, всѣ плачутъ, вмѣсто хорошихъ комнатъ живутъ въ углѣ, даже чаю нѣтъ, просятъ хоть какъ-нибудь помочь имъ. И тоже никакъ нельзя Ему сдѣлать по-ихнему, потому Онъ знаетъ, что это имъ же на пользу. Они не видятъ, а Онъ, Батюшка, знаетъ, что если бы они въ достаткѣ жили, они бы вдрызгъ избаловались.

„Это правда, думаетъ барыня. Но зачѣмъ же она такъ вульгарно выражается о Богѣ? „Вдрызгъ“... это совсѣмъ не хорошо. Непремѣнно скажу ей при случаѣ“.

„— Но я не про то спрашиваю, — повторяетъ опять мать.— Я

спрашиваю: зачѣмъ, за что хотѣлъ это твой Богъ взять у меня моего мальчика?—И мать видитъ передъ собой своего Костю живого и слушаетъ его, какъ колокольчикъ звонкій, дѣтскій, его особенный, милый смѣхъ.—Зачѣмъ они взяли его у меня? Если Богъ могъ это сдѣлать, то Онъ злой, дурной Богъ и совсѣмъ не надо Его и не хочу знать Его.

„И что же это такое: Матреша уже совсѣмъ не Матреша, а какое-то совсѣмъ другое, новое, странное, неясное существо, и говоритъ это существо не устами вслухъ, а какимъ-то особеннымъ способомъ, прямо въ сердцѣ матери.

„— Жалкое ты, слѣпое и дерзкое, зазнавшееся созданіе,—говоритъ это существо.—Ты видишь своего Костю, какимъ онъ былъ недѣлю тому назадъ съ своими крѣпенькими, упругими членами и длинными вьющимися волосами и съ наивной, ласковой и осмысленной рѣчью. Но развѣ онъ всегда былъ такой? Было время, когда ты радовалась, что онъ выговариваетъ „мама“ и „баба“ и понимаетъ кто—кто; а еще прежде ты восхищалась тѣмъ, что онъ стоялъ дыбочки и, качаясь, перебѣгаетъ мягко ножками къ стулу, а еще прежде вы всѣ восхищались тѣмъ, что онъ, какъ звѣрокъ, ползаетъ по залѣ, а еще прежде радовались, что онъ узнаетъ, что держитъ безволосую головку съ дышащимъ темечкомъ, а еще прежде восхищались тѣмъ, что беретъ сосокъ и нажимаетъ его своими беззубыми деснами. А еще прежде радовались, что онъ, весь красный и еще не отдѣленный отъ тебя, жалостно кричитъ, обновляя свои легкія. А еще прежде, за годъ, гдѣ былъ онъ, когда его совсѣмъ не было? Вы всѣ думаете, что вы стоите и что вамъ и тѣмъ, кого вы любите, слѣдуетъ всегда быть такими, какими они сейчасъ. Но вѣдь вы не стойте ни минуты, всѣ вы течете какъ рѣка, всѣ летите какъ камень книзу, къ смерти, которая, рано или поздно, ждетъ всѣхъ васъ. Какъ же ты не понимаешь, что если онъ изъ ничего сталъ тѣмъ, что онъ былъ, то онъ не остановился бы и ни минуты не оставался бы такимъ, какимъ былъ, когда умеръ; а какъ изъ ничего сдѣлался сосункомъ, изъ сосунка сдѣлался ребенкомъ, такъ изъ ребенка сдѣлался бы мальчикомъ школьникомъ, юношей, молодымъ человѣкомъ, взрослымъ, старѣющимъ, старымъ. Ты вѣдь не знаешь, чѣмъ онъ былъ бы, если бы остался живъ. А я знаю.

„И вотъ мать видитъ въ отдѣльномъ, ярко освѣщенномъ электричествомъ, кабинетѣ ресторана (одинъ разъ мужъ возилъ ее въ такой ресторанъ), передъ столомъ съ остатками ужина видитъ одутловатаго, морщинистаго, съ подведенными кверху усами, противнаго, молодящагося старика. Онъ сидитъ, глубоко затонувъ въ мягкомъ диванѣ, и пьяными глазами жадно оглядываетъ развращенную, подкрашенную, съ оголенной бѣлой, толстой шеей женщину и пьянымъ языкомъ выкрикиваетъ, повторяя нѣсколько разъ неприличную шутку, очевидно довольный одобрительнымъ хохотомъ такой же другой, какъ онъ, пары.

„— Неправда, это не онъ, это не мой Костя!—вскрикиваетъ мать съ ужасомъ, глядя на гадкаго старика, который тѣмъ и ужасенъ, что что-то есть въ его взглядѣ, въ его губахъ, напоминающее особенное Костино. Хорошо, что это сонъ, думаетъ она. Костя настоящій вотъ онъ. И она видитъ бѣленькаго, голенькаго, съ пухлыми грудками Костю, какъ онъ сидитъ въ ваннѣ и, хохоча, ботаетъ ноженками, не только видитъ, но чувствуетъ, какъ вдругъ онъ охватываетъ ея обнаженную по локоть руку и цѣлуетъ, цѣлуетъ и подъ конецъ кусаетъ ее, не зная, что бы ему еще сдѣлать съ этой милой ему рукой.

„Да, вотъ это Костя, а не тотъ ужасный старикъ“,—говоритъ она себѣ. И на этихъ словахъ просыпается и съ ужасомъ признаетъ дѣйствительность, отъ которой уже некуда проснуться.

Она идетъ въ дѣтскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. Съ восковымъ и утончившимся носикомъ, съ ямочками у ноздрей и приглаженными отъ лба волосиками, онъ лежитъ на какомъ-то возвышеніи. Вокругъ горятъ свѣчи и стоятъ на столикѣ въ головахъ бѣлые, лиловые и розовые гіацинты. Няня поднимается со стула и, поднявъ брови и вытянувъ губы, смотритъ на поднятое кверху каменно-неподвижное личико. Изъ другой двери навстрѣчу матери входитъ Матреша съ своимъ простымъ, добродушнымъ лицомъ и заплаканными глазами.

„Какъ же она мнѣ говорила, что нельзя огорчаться, а сама плакала“,—думаетъ мать. И она переводитъ свой взглядъ на покойника. Въ первую минуту ее поражаетъ и отталкиваетъ ужасное сходство мертваго личика съ тѣмъ лицомъ старика, котораго она

видѣла во снѣ, но она отгоняетъ эту мысль и, перекрестившись, притрогивается теплыми губами къ холодному, восковому лобику, потомъ цѣлуетъ сложенныя остывшія маленькія ручки и вдругъ запахъ гіацинтовъ какъ будто что-то новое говоритъ ей о томъ, что его нѣтъ и никогда больше не будетъ, и ее душатъ рыданія, и она еще разъ цѣлуетъ его въ лобъ и въ первый разъ она плачетъ. Она плачетъ, но плачетъ не безнадежными, но покорными, умиленными слезами. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знаетъ, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо.

— Грѣхъ, матушка, плакать,—говоритъ няня и, подойдя къ маленькому покойнику, вытираетъ сложеннымъ платочкомъ слезы матери, оставшіеся на восковомъ лбу Кости.—Отъ слезъ его душенькѣ тяжело будетъ. Ему хорошо теперь. Ангельчикъ безгрѣшный. А живъ бы былъ, кто знаетъ, что бы было.

— Такъ, такъ, а все-таки больно, больно!—говоритъ мать.

Левъ Толстой.

26-е февраля.

Послѣ долгаго разговора постарайся вспомнить все то, о чемъ было говорено, и ты удивишься, какъ пусто и ненужно и часто дурно было все говоренное.

1.

Для невѣжественнаго человѣка нѣтъ ничего лучше молчанія. Но если бы онъ зналъ это, онъ бы не былъ невѣжественнымъ человѣкомъ.

Гулистанъ Сади.

2.

Лучшій языкъ тотъ, который тщательно сдерживается; лучшая рѣчь та, которая тщательно обдумывается.

Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчанія.

Арабская поговорка.

3.

Если одинъ разъ пожалѣешь, что не сказалъ, то сто разъ пожалѣешь о томъ, что не промолчалъ.

4.

Истинныя слова не бываютъ пріятны. Пріятныя слова не бываютъ истинны.

Добрые не бываютъ спорщиками; спорщики не бываютъ добрыми.

Мудрые не бываютъ учены. Ученые не бываютъ мудры.

Святой человѣкъ ничего не собираетъ, а чѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ для другихъ, тѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ.

Небесный разумъ благодѣтельствуетъ, но не дѣлаетъ вреда. Разумъ святого человѣка заставляетъ его дѣйствовать, но не спорить.

Лао-Тсе.

5.

Ручной трудъ полезенъ еще тѣмъ, что избавляетъ отъ пустыхъ разговоровъ.

6.

Тотъ, кто внимательно слушаетъ, разумно спрашиваетъ, спокойно отвѣчаетъ и перестаетъ говорить, когда ему нечего больше сказать, владѣетъ самымъ нужнымъ для жизни свойствомъ.

Лафатеръ.

Если имѣешь время подумать, прежде чѣмъ начинать говорить, то подумай, стоитъ ли, нужно ли говорить, не можетъ ли повредить кому-нибудь то, что ты хочешь сказать.

27-е февраля.

Благотвореніе только тогда благотвореніе, когда оно жертва.

1.

Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни.

Послан. Іакова V, 3.

2.

Въ деньгахъ, въ самыхъ деньгахъ, въ обладаніи ими есть что-то безнравственное.

3.

Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дѣла. Но, можетъ-быть, и теперь кто-нибудь, подобно богатому юношѣ, скажетъ: „И мы все то сохранили,—не крали, не убивали, не любодѣйствовали“. Но Христосъ заповѣдалъ не это только, а еще нѣчто другое. Что же такое? „Продаждь, — говоритъ, — имѣніе твое и даждь нищимъ, гряди въ слѣдъ Мене“ (Мѳ. XIX, 21). Послѣдованіемъ называетъ Онъ подражаніе Ему въ дѣлахъ; ибо, если юноша жилъ въ такомъ изобиліи, а другихъ,

находившихся въ бѣдности, презиралъ, то какъ же онъ могъ сказать, что возлюбилъ ближняго? Итакъ, если любовь сильна и непреоборима и состоитъ не въ однихъ словахъ, то покажемъ ее на дѣлѣ. Іоаннъ Златоустъ.

4.

Жалостливый не бываетъ богатъ; богатый, навѣрное, не жалостливъ. Манчжурская поговорка.

5.

Богатые благотворители не видятъ того, что то, чѣмъ они мнимо благодѣтельствуютъ бѣднаго, они вырвали изъ рукъ часто еще болѣе бѣдныхъ.

6.

Богатые довольствуются тѣмъ, что даютъ милостыню нуждающимся. Они не думаютъ о тѣхъ зловредныхъ дъяніяхъ, которыми они непрестанно награждаютъ бѣдныхъ. Они не думаютъ о томъ, что ихъ обожаніе внѣшняго благосостоянія и презрѣніе низменнаго положенія научаютъ обдѣленныхъ тому, что на свѣтѣ есть только одно благо—богатство, то самое, чего лишены бѣдные.

Чаннингъ.

7.

Какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ Царствіе Божіе! Ибо удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе. Лк. XVIII, 24—25.

Богатствомъ нельзя дѣлать добро. Для того, чтобы богатый могъ дѣлать добро, онъ долженъ прежде всего освободиться отъ богатства.

28-е февраля.

Искусство есть одно изъ средствъ единенія людей.

1.

Если изящныя искусства не связаны болѣе или менѣе близко съ нравственными идеями, которыя однѣ только и влекутъ за собою самостоятельное удовольствіе, тогда искусства эти служатъ только для развлеченія, въ которомъ люди чувствуютъ тѣмъ большую потребность, чѣмъ больше къ нему прибѣгаютъ, чтобы заглушить недовольство духа самимъ собою; но этимъ они дѣлаютъ себя постоянно еще безполезнѣе и еще недовольнѣе.

Кантъ.

2.

Можетъ случиться, что искусство умретъ, но немыслимо, чтобы оно могло жить, раболѣпствуя передъ богатствомъ и глумясь надъ бѣдностью.

В. Моррисъ.

3.

Искусство есть одно изъ самыхъ могущественнѣйшихъ средствъ внушенія. А такъ какъ внушено можетъ быть порочное (и порочное всегда легче внушается) и хорошее, то ни передъ какими способами внушенія не надо быть больше на сторожѣ, какъ передъ внушеніемъ искусства. Старыя религіи (магометанство, православіе), боясь вреднаго вліянія искусства, отвергли всякое, и, можетъ-быть, онѣ правы и были бы особенно правы теперь.

4.

Мудрость искусства и мудрость науки заключаются въ безкорыстномъ служеніи на пользу людей.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Художникъ есть или первосвященникъ или болѣе или менѣе ловкій скоморохъ.

Іосифъ Мадзини.

6.

Искусство только тогда на надлежащемъ своемъ мѣстѣ, когда оно подчинено пользѣ. Его задача—поучать, но поучать любовно; и оно является постыднымъ, а не возвышеннымъ, когда бываетъ только пріятно людямъ, а не помогаетъ имъ открывать истину.

Джонъ Рёскинъ.

7.

Наше искусство—съ поставкой потѣхъ для богатыхъ классовъ—не только похоже на проституцію, но есть не что иное, какъ проституція.

Разсужденія объ искусствѣ самыя праздныя разсужденія. Тотъ, кто понимаетъ искусство, знаетъ, что каждое искусство говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ и что говорить объ искусствѣ словами безполезно. Отъ того и бываетъ то, что больше всего говорятъ объ искусствѣ тѣ, которые не понимаютъ, не чувствуютъ его.

29-е февраля.

Идеалъ—это путеводная звѣзда. Безъ нея нѣтъ твердаго направленія, а нѣтъ направленія, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни.

1.

Не всегда необходимо, чтобы истинное воплощалось; достаточно, чтобы оно духовно витало передъ нами и вызывало согласіе,—чтобъ оно, какъ звукъ колокола, мощно, но милосердно гудѣло въ воздухѣ.

Гёте.

2.

Совершенство—норма неба. Желать совершеннаго—норма человѣка.

Гёте.

3.

Идеалъ въ тебѣ самомъ. Препятствія къ достиженію его—въ тебѣ же. Твое положеніе есть тотъ матеріалъ, изъ котораго ты долженъ осуществить этотъ идеалъ.

4.

Жизнь не синекура и не погоня за счастіемъ. Нѣтъ, жизнь, по словамъ Шиллера, есть борьба и походъ. Борьба добра со зломъ, справедливости съ произволомъ, привилегіей, свободы съ гнетомъ, товарищества, союза и любви съ индивидуализмомъ; жизнь есть шествіе нашего я къ прогрессивному осуществленію идеала, который сіяетъ брезжущей зарей нашему уму и нашей душѣ.

Іосифъ Мадзини.

5.

Идеалъ только тогда идеалъ, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности и когда поэтому возможность приближенія къ нему безконечна.

Надѣяться и вѣрить, что добро, которое мы сознаемъ, осуществится и въ насъ и въ мірѣ, есть главное условіе возможности осуществленія его. Не вѣрить же и думать, что всегда мы будемъ такими же плохими, какъ теперь, и люди будутъ всегда жить такъ, какъ жили, есть главное препятствіе осуществленія.

1-е марта.

Страхъ смерти противоестественен. Страхъ смерти есть сознаніе грѣха.

1.

Смерти меньше всего боятся люди, чья жизнь имѣетъ наибольшую цѣну.

Кантъ.

2.

Кто боязливо заботится о томъ, чтобы не потерять жизнь, никогда не будетъ радоваться ей.

Кантъ.

3.

Кто прожилъ одинъ день, прожилъ цѣлый вѣкъ: то же солнце, та же земля, тотъ же міръ, тѣ же впечатлѣнія. Ничто такъ не похоже на сегодня, какъ завтра. Любопытно было бы умереть, т.-е. перестать быть тѣломъ, а стать только духомъ. Но человѣкъ, нетерпѣливый ко всему новому, не любопытенъ только относительно этого одного. Съ рожденія неспокойному и постоянно скучающему, ему не надоѣдаетъ только жить, онъ согласился бы постоянно жить. Болѣзнь, страданіе, трупъ отталкиваютъ его отъ познанія другого міра. Нужна вся сила религіи, чтобы заставить его задуматься.

Ла-Брюйеръ.

4.

Тотъ не живетъ, кто страшится смерти. Зейме.

5.

Смерть есть моментъ освобожденія отъ односторонности индивидуальности, которую надо представлять себѣ не самой сердцевиной нашего существа, а скорѣе—нѣкоторымъ искаженіемъ его: въ этотъ моментъ, который можно считать restitutio in integrum (полнымъ возстановленіемъ прежняго состоянія), снова наступаетъ истинная, первоначальная свобода. Отъ этого-то, повидимому, и зависитъ выраженіе мира и успокоенія на лицѣ у большинства покойниковъ. Покойна и легка, обыкновенно, смерть каждаго добраго человѣка; но умереть съ готовностью, охотно, радостно умереть— вотъ привилегія отрекшагося отъ себя, того, кто отказывается отъ воли къ жизни, отрицаетъ ее. Ибо лишь онъ хочетъ умереть дѣйствительно, а не повидимому и, слѣдовательно, не нуждается и не требуетъ дальнѣйшаго существованія своей личности.

Шопенгауэръ.

6.

То чувство, которое выражается въ людяхъ страхомъ смерти, есть только сознаніе внутренняго противорѣчія жизни; точно такъ же, какъ страхъ привидѣній есть только сознаніе болѣзненнаго душевнаго состоянія.

7.

Страхъ смерти происходитъ отъ того, что люди принимаютъ за жизнь одну маленькую, ихъ же ложнымъ представленіемъ ограниченную, часть ея.

8.

Если бы люди съ ложнымъ представленіемъ жизни могли разсуждать спокойно и мыслили бы правильно на основаніи того представленія, которое они имѣютъ о жизни, они бы должны были придти къ заключенію о томъ, что та перемѣна въ нашемъ плотскомъ существованіи, которую мы называемъ смертью, не переставая происходитъ и въ насъ и во всѣхъ существахъ и потому не можетъ представлять ничего ни непріятнаго, ни страшнаго.

9.

Были міровые мудрецы, которые жизнь считали наказаніемъ; но считать смерть наказаніемъ, конечно, не пришло бы въ голову ни одному человѣку въ здравомъ умѣ, если бы не откровеніе.

Лессингъ.

Смерть болѣе неизбѣжна, чѣмъ наступленіе ночи, зимы. Почему же приготавливаясь къ ночи, къ зимѣ, мы не готовимся къ смерти? Приготовленіе же къ смерти одно—добрая жизнь. Чѣмъ лучше жизнь, тѣмъ смерть получаетъ меньше значенія и возбуждаетъ меньше страха. Для святого нѣтъ смерти.

2-е марта.

Только въ той степени твердъ человѣкъ въ своемъ пути и твердъ передъ людьми, въ какой онъ слилъ свою волю съ волей Бога.

1.

Что нами хочетъ дѣлать Богъ, мы не можемъ знать, какъ не можетъ знать лошадь запряженная, куда, зачѣмъ и что она везетъ; но если она кротка и смирна и везетъ, то она знаетъ, что она работаетъ хозяину, и ей хорошо. „Иго Мое благо и бремя Мое легко“.

2.

Исполняй волю Бога, какъ свою, тогда Онъ будетъ исполнять твою волю, какъ Свою; поступись своимъ желаніемъ въ угоду Его желанію, тогда Онъ сдѣлаетъ, что другіе поступятся своими желаніями въ угоду твоимъ желаніямъ.

Талмудъ.

3.

Когда ты можешь сказать по правдѣ и отъ всего сердца: Господи, Боже мой! веди меня туда, куда Ты хочешь,—тогда только ты избавишься отъ рабства и сдѣлаешься истинно свободнымъ.

Эпиктетъ.

4.

Какая сила въ человѣкѣ, который дѣйствуетъ всегда по волѣ Бога и во всемъ Ему покоренъ! Маркъ Аврелій.

5.

Когда на большой дорогѣ грабятъ разбойники, то путешественникъ не выѣзжаетъ одинъ: онъ выжидаетъ, не поѣдетъ ли кто-нибудь со стражей, присоединяется къ нему и ѣдетъ въ безопасности.

Такъ же поступаетъ въ своей жизни и разумный человѣкъ. Онъ говоритъ себѣ: „Въ жизни много всякихъ бѣдъ. Гдѣ найти защиту, какъ убречься отъ всего этого? Какого дорожнаго товарища подождать, чтобы проѣхать въ безопасности? За кѣмъ ѣхать слѣдомъ,—за тѣмъ ли или за другимъ? За богатымъ ли, за вліятельнымъ ли человѣкомъ, или за самимъ цезаремъ? Не будетъ мнѣ защиты ни отъ кого изъ нихъ, потому что и ихъ грабятъ и убиваютъ, и они плачутъ, и у нихъ есть бѣдствіе. Да и можетъ случиться, что тотъ самый, по слѣдамъ котораго я пойду, самъ нападетъ на меня и ограбитъ. Неужели же мнѣ нельзя найти себѣ вѣрнаго и сильнаго дорожнаго товарища, который никогда не нападетъ на меня, а всегда будетъ мнѣ защитой? За кѣмъ же мнѣ идти слѣдомъ?“ И разумный человѣкъ отвѣтитъ, что безопаснѣе всего идти за Богомъ. „А что значитъ идти слѣдомъ за Богомъ?“ Это значитъ желать того, что Онъ хочетъ, и не желать того, чего Онъ не хочетъ. „А какъ достигнуть этого?“ Вникай въ Его законы, начертанные въ твоей душѣ. Эпиктетъ.

6.

Иди своимъ невидимымъ шагомъ, вѣчное предопредѣленіе! Только бы мнѣ не сомнѣваться вслѣдствіе этой невидимости. Только бы

мнѣ не сомнѣваться, если бы даже твои шаги мнѣ казались возвращающимися назадъ! Лессингъ.

7.

Ученіе Христа завладѣваетъ человѣкомъ только тогда, когда человѣкъ ясно пойметъ, что жизнь его не его, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не въ человѣкѣ, а въ волѣ Того, Кто далъ ее, и что поэтому надо узнать и дѣлать ее.

8.

У тебя нѣтъ болѣе силъ, ты ничего не желаешь; это не то, что нужно; нужно желать того, что хочетъ Богъ, нужно переходить отъ отреченія къ жертвѣ и отъ жертвы къ самопожертвованію.

Аміель.

9.

Не презирай своего положенія: въ немъ ты долженъ дѣйствовать, страдать и побѣдить. На всякой точкѣ земли мы одинаково близки къ небу и къ безконечному. Аміель.

Узкій путь есть воля Бога. Мы познаемъ его такъ же легко, какъ узнаемъ путь, проложенный досками черезъ трясину. Всякое отклоненіе отъ пути познается тѣмъ, что мы завязаемъ въ трясинѣ неразумія и зла.

3-е марта.

Чѣмъ моложе и маломысленнѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ вѣритъ въ реальность вещества. Чѣмъ старше и разумнѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе познаетъ онъ основу міра въ духовномъ.

1.

Необходимо какъ можно чаще напоминать себѣ, что наша истинная жизнь не та наружная, матеріальная, которая происхо-

дитъ здѣсь, на землѣ, на нашихъ глазахъ, а внутренняя жизнь нашего духа, для которой видимая жизнь—только лѣса, необходимые для постройки зданія нашего духовнаго роста. Лѣса сами по себѣ имѣютъ лишь временное назначеніе, по исполненіи котораго они ни къ чему больше не нужны и становятся даже помѣхою.

Видя передъ собою огромные, высокосооруженные и скрѣпленные желѣзомъ лѣса, между тѣмъ, какъ самое зданіе едва-едва возвышается надъ фундаментомъ, человѣкъ склоненъ ошибаться и придавать большее значеніе лѣсамъ, чѣмъ тому сооружаемому зданію, ради котораго только и воздвигнуты эти временные лѣса.

Необходимо напоминать себѣ и другъ другу, что какъ единственный смыслъ и значеніе лѣсовъ въ томъ, чтобы дать возможность воздвигнуть зданіе, такъ и единственный смыслъ животной жизни въ томъ, чтобы созидать жизнь духовную.

2.

Взгляни па небо и на землю и подумай: все это преходяще, также и горы, и рѣки, и различныя формы жизни, и произведенія природы, которыя всѣ преходятъ. Какъ только ты достигнешь до этого состоянія души, тотчасъ явится просвѣтлѣніе.

Буддійское изреченіе.

3.

Самое могущественное въ мірѣ то, что не видно, не слышно и не осязаемо. Лао-Тсе.

4.

Трудись и вѣрь, что не ты смертенъ, а твое тѣло. Ты не тотъ человѣкъ, котораго представляетъ твоя личность, но ты существо духа, а не то, на которое можно показать пальцемъ. И потому знай, что ты божественное существо, разъ духъ, живущій въ тебѣ, двигаетъ, чувствуетъ, вспоминаетъ, предвидитъ, управляетъ и руководитъ твоимъ тѣломъ, надъ которымъ онъ поставленъ такъ же, какъ Высшее Существо надъ міромъ. И какъ вѣчный Богъ руко-

водитъ міромъ, такъ бсзсмертный духъ руководитъ твоимъ слабымъ тѣломъ.

Цицеронъ.

Только освободившись отъ обмана чувствъ, признающихъ дѣйствительно существующимъ и важнымъ міръ *тѣлесный*, человѣкъ можетъ понять свое истинное назначеніе и исполнять его.

4-е марта.

Обжорство, невоздержаніе въ пищѣ самый обыкновенный порокъ. Мы мало замѣчаемъ его только потому, что почти всѣ ему подвержены.

1.

Если бы не требованія брюха, ни одна птица не попала бы въ сѣтки, и птицеловъ не разставлялъ бы свои сѣти. Брюхо—это цѣпь на руки и кандалы на ноги. Рабъ брюха рѣдко чтитъ Бога.

Сади.

2.

Сократъ легко воздерживался отъ излишествъ, что обыкновенно кажется такимъ труднымъ. Онъ убѣждалъ тѣхъ, которые не могли слѣдовать его примѣру, не дотрогиваться до кушаній, возбуждающихъ желаніе ѣсть, несмотря на то, что сытъ, и до напитковъ, которые влекутъ человѣка продолжать пить, хотя бы онъ уже утолилъ жажду. Онъ считалъ, что ничто такъ не пагубно для тѣла, ума и духа, какъ эти излишества. Цирцея, прибавлялъ онъ, не употребляла никакого другого чародѣйства, какъ одно это для превращенія людей въ свиней; и если Улиссъ сумѣлъ избѣгнуть этой погибели, то только благодаря совѣтамъ Меркурія и своей природной воздержности, не позволявшей ему наслаждаться ѣдой, когда онъ уже не чувствовалъ въ ней потребности.

3.

Богъ послалъ людямъ пищу, а дьяволъ—поваровъ.

4.

Хорошо, когда тѣло пострадало отъ умственныхъ занятій, но дурно, когда умственныя способности пострадали отъ тѣлоугодничества.

Талмудъ.

5.

Наблюдай за твоимъ ртомъ, черезъ него входятъ болѣзни. Поступай такъ, чтобы тебѣ хотѣлось еще ѣсть, когда ты встаешь отъ обѣда.

6.

Человѣкъ, считающій страданіе самымъ большимъ зломъ міра, не можетъ быть храбрымъ, такъ же какъ не можетъ быть воздержнымъ тотъ, кто въ удовольствіи видитъ высшее благо.

Цицеронъ.

Невоздержаніе въ пищѣ не считается грѣхомъ только потому, что оно не производитъ замѣтнаго вреда другимъ. Но есть грѣхъ противъ сознанія человѣкомъ своего достоинства. Невоздержаніе въ пищѣ одинъ изъ нихъ.

5-е марта.

Жизнь мы знаемъ только здѣсь, въ этомъ мірѣ, и потому, если есть смыслъ въ нашей жизни, то онъ и здѣсь, въ этомъ мірѣ.

1.

Нѣтъ успокоенія ни тому, кто живетъ для мірскихъ цѣлей среди людей, ни тому, кто живетъ для духовныхъ цѣлей одинъ. Успокоеніе получаетъ только тотъ, кто живетъ для служенія Богу среди людей.

2.

Не желай смерти потому, что тебѣ тяжело жить. Вся тяжесть

міра на плечахъ каждаго нравственнаго существа заставляетъ его исполнять свое призваніе. Единственное средство избавленія отъ этой тяжести это исполненіе. Тебя отпустятъ только, когда ты сдѣлаешь назначенное тебѣ дѣло. Эмер_оонъ.

3.

Если человѣкъ не считаетъ себя призваннымъ къ исполненію посольства, миссіи, онъ не можетъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Китайская мудрость.

4.

Жизнь — не страданіе и не наслажденіе, а дѣло, которое мы обязаны дѣлать и честно довести до конца. Токвиль.

5.

Нѣтъ и не было никогда такого положенія, которое не имѣло бы своей обязанности и своего идеала. Да, здѣсь, въ этой жалкой, бѣдной, презираемой дѣйствительности, въ которой ты сейчасъ находишься, здѣсь и только здѣсь твой идеалъ. Осуществляй его и осуществляя вѣрь, живи и будь свободенъ. Идеалъ въ тебѣ, препятствіе къ его осуществленію въ тебѣ же. Твое положеніе есть тотъ матеріалъ, изъ котораго ты долженъ выработать осуществленіе идеала, все равно, какой бы ни былъ матеріалъ и какую бы ты ни придалъ ему форму.

Ты страдаешь, связанный дѣйствительностью, и жалобно молишь боговъ о такомъ царствѣ, въ которомъ ты бы могъ распоряжаться и творить. Познай же ту истину, что ты владѣешь уже тѣмъ, чего ты такъ желаешь. Здѣсь или нигдѣ. Карлейль.

Здѣсь, въ этомъ мірѣ, мѣсто нашего служенія, и потому на исполненіе служенія здѣсь и должны быть направлены всѣ наши силы.

6-е марта.

Любовь къ Богу есть любовь къ совершенству. Любовь къ совершенству вызываетъ стремленіе къ нему. Стремленіе къ совершенству есть сущность жизни. И потому жизнь человѣка всегда есть сознательная или безсознательная любовь къ Богу.

1.

И одинъ изъ нихъ, законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря: Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки. Матѳ. XXII, 35—40.

2.

Откуда всѣ бѣдствія и душевныя муки? Только отъ любви, привязывающей душу къ вещамъ, постоянное обладаніе которыми невозможно, такъ какъ онѣ подлежатъ безконечнымъ измѣненіямъ. Люди вѣдь боятся и страдаютъ только за любимые ими предметы, и всѣ оскорбленія, подозрѣнія вражды—всѣ только отъ этой любви къ предметамъ, которыми человѣкъ никогда не можетъ обладать вполнѣ.

Только любовь къ предмету вѣчному и безконечному даетъ нашей душѣ чистую радость; и вотъ къ этому-то благу мы и должны стремиться всѣми силами.

И потому высшее благо человѣка не только зависитъ отъ познанія Бога, но и вполнѣ въ немъ заключается. Что это такъ, ясно изъ того, что совершенство человѣка возрастаетъ по степени совершенства того предмета, который онъ любитъ свыше всѣхъ другихъ, и обратно. Вслѣдствіе чего ясно, что человѣкъ тѣмъ болѣе будетъ совершенъ и причастенъ къ высшему блаженству,

чѣмъ болѣе онъ будетъ любить совершеннѣйшее существо, т.-е. Бога, и чѣмъ болѣе будетъ отдаваться этой любви. Потому и наше высшее благо и основа нашего блаженства только въ познаніи Бога и въ любви къ Нему. Разъ это признано, то очевидно, что средства достиженія этой конечной цѣли человѣческихъ стремленій могутъ и должны быть признаны заповѣдями Божіими, такъ какъ пользованіе этими средствами предписывается намъ Самимъ Богомъ, поскольку Онъ существуетъ въ нашей душѣ. А потому и правила поведенія, ведущія къ этой цѣли, могутъ быть названы божескими заповѣдями или божественнымъ закономъ. Божественный же законъ весь вполнѣ заключается въ одной высшей заповѣди: любить Бога какъ высшее благо, т.-е. не изъ страха наказанія и не изъ любви къ другому предмету, а такъ, чтобы понятіе о Богѣ, составляющее наше высшее благо, и любовь къ Нему были конечной цѣлью, къ которой были бы направлены всѣ наши поступки. Плотской человѣкъ не понимаетъ этого; правило это представляется ему пустымъ, потому что онъ о Богѣ имѣетъ только несовершенное понятіе и не видитъ въ томъ высшемъ благѣ, которое ему предлагается, ничего осязательнаго, ничего пріятнаго для чувствъ, ничего удовлетворяющаго тѣло, источникъ его наслажденій, такъ какъ предлагаемое ему благо заключается только въ отвлеченномъ мышленіи, въ разумѣ. Но тѣ люди, которые способны понять, что въ человѣкѣ нѣтъ ничего выше разума и совершеннѣе чистой души, безъ сомнѣнія, не могутъ такъ думать.

Если же мы разсмотримъ внимательно сущность этого божественнаго закона, то мы увидимъ, во 1-хъ, то, что законъ этотъ всеміренъ, т.-е. общъ всѣмъ людямъ, такъ какъ онъ выведенъ изъ природы всѣхъ людей; во 2-хъ, что законъ этотъ не нуждается въ поддержкѣ посредствомъ историческихъ разсказовъ, каковы бы они ни были; такъ какъ, выводя законъ этотъ исключительно изъ природы человѣка, мы найдемъ его какъ въ душѣ Адама, такъ и въ душѣ всякаго другого человѣка, живущаго ли въ уединеніи или среди себѣ подобныхъ. Въ 3-хъ, мы увидимъ и то, что этотъ природный божественный законъ любви къ Богу не требуетъ отъ насъ никакихъ богослужебныхъ обрядовъ, т.-е. такого рода

дѣйствій, которыя, будучи сами по себѣ безразличны, считаются хорошими только въ силу признанныхъ всѣми установленій; такъ какъ тотъ природный свѣтъ разума, который живетъ въ насъ, не требуетъ отъ насъ ничего такого, чего бы мы не были въ состояніи понять и ясно представить себѣ, какъ хорошее въ самомъ себѣ и какъ средство достигнуть блаженства. Въ 4-хъ, мы увидимъ, наконецъ, и то, что наградой за исполненіе божественнаго закона будетъ самый законъ, т.-е. знаніе Бога и чистая, свободная и непреходящая любовь къ Нему. Наказаніемъ же для нарушителей закона будетъ только лишеніе этихъ благъ, рабство тѣла и души, всегда перемѣнчивой и всегда смятенной. Спиноза.

3.

Любовь къ ближнему безъ любви къ Богу есть растеніе безъ корней. Эта любовь или есть пристрастіе къ людямъ, намъ нравящимся, или исканіе славы людской.

4.

Люди говорятъ: я не понимаю, что такое значитъ любить Бога. Но кто же понимаетъ, что такое значитъ любить что бы и кого бы то ни было? Понимаетъ это только тотъ, кто любитъ.

Если человѣкъ не знаетъ, что такое значитъ любить искусство, науку, какъ объяснить ему это, если онъ не знаетъ, что такое искусство, наука?

А какъ же объяснить ему, когда онъ не только не знаетъ того, что такое Богъ, но гордится тѣмъ, что не знаетъ этого.

5.

Любить можно только личность.

Я знаю, что Богъ не личность и потому нельзя любить Его. Но я личность, и мнѣ нужно любить Его.

Есть только одно средство не бояться людей, не бояться смерти не бояться зла, не бояться стихійныхъ силъ міра—это средство въ томъ, чтобы не бояться Бога, а любить Его.

7-е марта.

Трудъ, упражненіе своихъ силъ есть необходимое условіе жизни. Человѣкъ можетъ освободить себя отъ внѣшней потребности труда, можетъ заставить другихъ дѣлать то, что ему нужно, но не можетъ освободить себя отъ тѣлесной потребности работы. Если онъ не будетъ работать нужное, разумное, онъ будетъ работать ненужное и глупое.

1.

Трудъ есть жизнь: изъ глубины сердца работника проявляется эта божественная сила, эта священная, небесная, жизненная мощь, вложенная въ него Самимъ всемогущимъ Богомъ. Какъ только онъ должнымъ образомъ принимается за работу, она пробуждаетъ въ немъ всѣ благородныя стремленія, призываетъ его къ знанію. Собственно говоря, истинныя знанія только и пріобрѣтаются путемъ труда. Все же остальное только гипотезы, предметы преній въ школахъ, вещи, витающія въ облакахъ въ безконечныхъ логическихъ водоворотахъ, пока мы не испытаемъ ихъ на дѣлѣ. Всякаго рода сомнѣнія кончаются, какъ только мы принимаемся за дѣло.

Карлейль.

2.

Работа только тогда радостна, когда она несомнѣнно нужна.

3.

Если работа для васъ главное, а плата вещь второстепенная, то вашимъ господиномъ является трудъ и его творецъ—Богъ. Но

если работа для васъ вещь второстепенная, а главное плата, то вы рабы платы и творца ея—дьявола и притомъ самаго низкаго и послѣдняго изъ дьяволовъ. Рёскинъ.

4.

Европеецъ восхваляетъ передъ китайцемъ преимущество машиннаго производства: „Оно освобождаетъ человѣка отъ труда".—Но трудъ есть благо. Освобожденіе отъ труда было бы великимъ бѣдствіемъ,—отвѣчаетъ китаецъ.

5.

Всякій трудъ важенъ, ибо облагораживаетъ человѣка. Не обучать сына какому-нибудь ремеслу — все равно, что приготовлять его къ грабежу. Талмудъ.

6.

Безъ упражненія своихъ мускуловъ не можетъ жить животное, не можетъ жить и человѣкъ.

Для того же, чтобы упражненіе это удовлетворяло, радовало, надо упражнять его на полезное и лучше всего на доброе, на служеніе другимъ. Это лучшее его употребленіе.

8-е марта.

Молитва есть уясненіе, утвержденіе своего отношенія къ Богу.

1.

Молитесь же такъ: Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое; да пріидетъ Царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ; хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей

день; и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ въ искушеніе, но избавь насъ отъ лукаваго; ибо Твое есть Царство и сила и слава во вѣки. Аминь. (Мѳ. VI, 9—13).

Въ этой молитвѣ выражено отношеніе человѣка къ Богу и міру. И повторять ее полезно, но только тогда, когда ты можешь сознательно повторять ее.

2.

Благочестіе есть ежедневное освѣженіе идеала, возвращеніе къ равновѣсію нашего внутренняго существа, колеблемаго, смущаемаго, раздражаемаго ежедневными случайностями жизни. Молитва есть духовный бальзамъ, драгоцѣнное крѣпительное лѣкарство, которое возвращаетъ намъ миръ и мужество. Она напоминаетъ намъ прощеніе и долгъ, она говоритъ намъ: Ты любишь—люби; ты получилъ—давай; ты долженъ умереть, дѣлай свое дѣло; побѣждай гнѣвъ великодушіемъ, зло добромъ. Что нужды до слѣпого мнѣнія, до ложнаго сужденія о тебѣ, до испытанныхъ тобою неблагодарностей. Ты не обязанъ ни слѣдовать пошлымъ примѣрамъ, ни имѣть успѣха. Дѣлай, что должно; пусть будетъ, что будетъ. Твой свидѣтель—твоя совѣсть, а твоя совѣсть это Богъ, Который говоритъ тебѣ.

Аміель.

3.

Знай, что мы молимся Богу и повергаемъ предъ Нимъ свои просьбы не потому, чтобы Его воля подлежала измѣненію, но потому, что, умоляя Его объ удовлетвореніи нашихъ потребностей, мы тѣмъ самымъ признаемъ Его, а признавая Его могущество, душа наша очищается и возвышается.

Талмудъ.

4.

Молитва обращается къ личному Богу не потому, что Богъ личенъ (я даже знаю навѣрно, что Онъ не личенъ потому, что личность есть ограниченность, а Богъ безпредѣленъ), а потому, что я личное существо.

У меня зеленое стеклышко на глазу, и я все вижу зеленымъ не могу не видѣть міра зеленымъ, хотя и знаю, что онъ не таковъ.

5.

Молитва для всякаго честнаго человѣка есть выясненіе своего отношенія къ его Создателю, творящему ему добро въ каждую минуту; выясненіе своей связи съ людьми, своихъ обязанностей къ нимъ, какъ къ дѣтямъ одного съ нимъ Отца, сведеніе счетовъ съ самимъ собою по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ и обсужденіе своего темнаго прошлаго, чтобы уберечься въ будущемъ отъ тѣхъ ошибокъ и проступковъ, въ которые впалъ въ прошедшемъ.

Талмудъ.

6.

Не думайте, что можно служить Богу молитвой, а не повиновеніемъ Ему.

Джонъ Рёскинъ.

Молись, когда почувствуешь влеченіе къ молитвѣ. Если сдѣлалъ привычку молиться въ извѣстное время, то не оставляй ея, но бойся, чтобы молитва не сдѣлалась мертвой привычкой.

9-е марта.

Война не стихійное явленіе, а чисто человѣческое.

1.

Нѣтъ тѣхъ ужасовъ, которые не совершилъ бы человѣкъ, рѣшивши въ своей душѣ, что то, что онъ дѣлаетъ, есть стихійное, независящее отъ его воли явленіе. Такой человѣкъ больной; его надо остерегаться и лѣчить. Также надо остерегаться и лѣчить тѣхъ, которые говорятъ про войну, что это стихійное явленіе.

2.

Вооруженный миръ и война, если и будутъ когда-либо уничтожены, уничтожатся не усиліями сверху. Война выгодна слишкомъ многимъ. Желаемый идеалъ достигнется только тогда, когда всѣ тѣ, которые наиболѣе страдаютъ отъ войны, поймутъ, что ихъ судьба въ ихъ же рукахъ, и употребятъ для своего освобожденія силу инерціи.

Хардуѣнъ.

3.

Что Европа, невзирая на прогрессъ цивилизаціи, представляетъ изъ себя въ настоящее время обширный военный лагерь, и что силы наиболѣе развитой части человѣчества уходятъ на войны и приготовленія къ войнамъ, этимъ мы обязаны двумъ великимъ изобрѣтеніямъ: изобрѣтенію косвенныхъ налоговъ и изобрѣтенію государственныхъ займовъ.

Генри Джорджъ.

4.

Когда мы нашими молитвами побѣждаемъ дьяволовъ, возбуждающихъ къ войнѣ, поощряемъ народы къ ненарушенію союзовъ и условій мира, мы гораздо полезнѣе властителямъ, чѣмъ ихъ воины. Мы истинно участвуемъ въ трудахъ, имѣющихъ цѣлью общественное благо, когда къ нашимъ молитвамъ и увѣщеваніямъ мы присоединяемъ еще размышленія и упражненія, поучающія людей освобожденію отъ похотей. Да, мы болѣе всѣхъ другихъ воюемъ за благо императора. Правда, мы не служимъ подъ его знаменами и не будемъ служить, если бы онъ и заставлялъ насъ, но мы сражаемся за него добрыми дѣлами.

Оригенъ противъ Цельзія.

5.

Заканчивая свою миссію, Іисусъ установилъ основаніе новаго общества. До него народы принадлежали одному или многимъ господамъ, какъ стада̀ принадлежатъ своему хозяину. Князья и сильные давили народъ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбія. Іисусъ кладетъ конецъ этому неустройству, поднимаетъ согбенныя головы, освобождаетъ рабовъ. Онъ научаетъ ихъ тому,

что, будучи равными передъ Богомъ, люди свободны другъ передъ другомъ, что никто не можетъ имѣть самъ по себѣ власти надъ своими братьями, что равенство и свобода, божественные законы человѣческаго рода, ненарушимы; что власть не можетъ быть правомъ; что въ общественномъ устройствѣ она есть должность, служеніе, нѣкотораго рода рабство, свободно принятое на себя въ виду общаго блага. Таково общество, которое устанавливаетъ Іисусъ. Это ли мы видимъ въ мірѣ? Это ли ученіе царствуетъ на землѣ? Слуги или господа—князья народовъ въ нашемъ мірѣ? Въ продолженіе XVIII вѣковъ поколѣніе за поколѣніемъ передаютъ другъ другу ученіе Христа и говорятъ, что вѣрятъ въ него, а что же измѣнилось въ мірѣ? Народы, раздавленные и страдающіе, всѣ ждутъ обѣщаннаго освобожденія, и не оттого, чтобы слово Христа было невѣрно или недѣйствительно, но оттого, что народы или не поняли, что осуществленіе ученія должно совершиться ихъ собственными усиліями, ихъ твердой волей, или, заснувши въ своемъ униженіи, не сдѣлали того одного, что даетъ побѣду,—не готовы были умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди нихъ; они слышатъ голосъ, который говоритъ: спасеніе близко.

Ламенэ.

10-е марта.

То, что даетъ жизнь, не только однородно, но едино во всемъ.

1.

Все живое трепещетъ мученія, все живое боится смерти; познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ—и не убивай и не причиняй смерти.

Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожитъ своей жизнью; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ—не убивай и не причиняй смерти.

Буддійская мудрость.

2.

Все, что ты видишь, все, въ чемъ есть божественное и человѣческое—все это едино: мы—члены одного великаго тѣла. Природа создала насъ родными, произведя насъ на свѣтъ изъ одного и того же матеріала и для одной и той же цѣли. Она заложила въ насъ взаимную любовь и сдѣлала насъ общительными, дружелюбными; утвердила въ насъ справедливость и чувство законности; по ея установленію, губить хуже, чѣмъ гибнуть; по ея велѣнію, рука должна быть всегда готова на помощь. Да, мы рождены для единенія. Нашъ союзъ подобенъ каменному своду, который рухнулъ бы, если бы камни не опирались другъ на друга.

Не будетъ правъ поступокъ, если не права воля: она порождаетъ поступокъ. И не будетъ права воля, если не право душевное побужденіе, потому что въ немъ зарождается воля. То же и съ душевнымъ побужденіемъ, если не постигнутъ и не разобранъ законъ всей жизни,—и не сведенъ къ нему и не оцѣненъ по достоинству каждый отдѣльный случай.

Сенека.

3.

Счастіе свое человѣкъ находитъ только въ служеніи ближнимъ, и, благодаря этому, онъ становится единъ съ основой жизни міра.

4.

Единство свое съ человѣкомъ я живо сознаю и чувствую. Такое же единство я чувствую (хотя и слабѣе) между собою и животнымъ. Еще слабѣе я чувствую его съ насѣкомыми, съ растеніями, и сознаніе этого единства совершенно исчезаетъ по отношенію къ микроскопическимъ и телескопическимъ существамъ. Но то, что у меня нѣтъ чувственнаго органа для познанія этого единства, не доказываетъ того, чтобы оно не существовало.

5.

Путь жизни — одинъ, и вѣчное чаяніе человѣка въ томъ, что всѣ мы рано или поздно сойдемся на этомъ пути. Всѣ мы сойдемся на одной дорогѣ. Дорога эта слишкомъ ясно положена въ основаніе нашей жизни, слишкомъ широка и замѣтна для того, чтобы

не попасть на нее. Въ концѣ дороги этой—Богъ, а Богъ есть весь истина, а истина тѣмъ и глубока, что она всѣмъ равно понятна, и мудрѣйшему и младенцу.

Путь жизни широкъ, но многіе не знаютъ его и идутъ дорогою смерти.

Гоголь.

Отгоняй отъ себя все то, что мѣшаетъ тебѣ чувствовать твою связь со всѣмъ живымъ.

Недѣльное чтеніе.

Единеніе.

I.

„Каждая личность есть существо, вполнѣ отдѣльное отъ всѣхъ остальныхъ. Истинное мое бытіе — лишь во мнѣ самомъ, все же остальное—не-я и мнѣ чуждо“.—Вотъ познаніе, истинность котораго удостовѣряютъ плоть и кости, которое лежитъ въ основѣ всякаго эгоизма и реальнымъ выраженіемъ котораго служитъ каждый нелюбовный, несправедливый или злобный поступокъ.

„Мое истинное внутреннее существо живетъ во всемъ живомъ столь же непосредственно, какъ и въ моемъ самосознаніи оно раскрывается лишь мнѣ самому“.—Это познаніе, выражающееся въ санскритѣ неизмѣнной формулой tat-twam-asi, т.-е. „все это ты“,—и проявляется въ видѣ сострадания, на которомъ основывается поэтому всякая истинная, т.-е. несвоекорыстная добродѣтель, и реальнымъ выраженіемъ котораго служитъ каждый добрый поступокъ. На это-то познаніе и разсчитываетъ, въ концѣ концовъ, всякій призывъ къ кротости, человѣколюбію, милосердію: ибо подобнаго рода призывъ есть напоминаніе о такой точкѣ зрѣнія, съ которой всѣ мы—одно и то же существо. Напротивъ, эгоизмъ, зависть, ненависть, гоненіе, черствость, мщеніе, злорадство, жестокость основаны на томъ, первомъ, познаніи и держатся его. Умиленіе и восторгъ, который мы ощущаемъ слыша, еще больше — видя, а больше всего—совершая благородный поступокъ, имѣетъ свое глубочайшее основаніе въ томъ, что онъ вселяетъ въ насъ увѣрен-

ность въ томъ, что подъ множественностью и разнообразіемъ личностей кроется ихъ единство, дѣйствительно существующее и доступное намъ, такъ какъ оно обнаружилось на дѣлѣ.

Проявленіе того или другого рода познанія изъ этихъ двухъ сказывается не только въ отдѣльныхъ поступкахъ, но и во всемъ свойствѣ сознанія и состоянія духа, которое поэтому у человѣка съ добрымъ характеромъ существенно иное, чѣмъ у человѣка съ злымъ характеромъ. Человѣкъ съ злымъ характеромъ всюду чувствуетъ твердую перегородку между собой и всѣмъ, что внѣ него. Міръ для него — абсолютное не-я, и его отношеніе къ нему — съ самаго начала враждебное: потому основное настроеніе его всегда — непріязненность, подозрительность, зависть, злорадство. Человѣкъ же добраго характера живетъ не въ себѣ одномъ, а во внѣшнемъ мірѣ, который онъ сознаетъ односущнымъ себѣ: другіе для него — не не-я, а „все я же и я". Потому его отношеніе къ каждому — всегда дружественное: онъ чувствуетъ себя внутренно сродни всѣмъ существамъ, принимаетъ непосредственное участіе въ ихъ благополучіи и несчастіи и довѣрчиво предполагаетъ и въ нихъ ту же участливость. И въ немъ твердо укореняются — миръ и то увѣренное, покойное, довольное состояніе духа, отъ котораго каждому дѣлается хорошо вблизи него. Шопенгауэръ.

II.

Если мы вникнемъ въ глубокій смыслъ основоположенія Христа о единствѣ всѣхъ людей въ Богѣ, то увидимъ, что оно касается не одного объединенія или сплоченія, какъ внѣшняго послѣдствія любви, а того единства всѣхъ людей въ ихъ божественной сущности, которое само служитъ источникомъ того, что мы ощущаемъ въ себѣ какъ любовь.

Такъ что *любовь, какъ испытываемое нами чувство*, есть таинственная сила, возстановляющая коренное единство всѣхъ людей въ духовной сущности міра—Богѣ.

Любовь, какъ чувство, приводящее насъ къ самоотреченію было бы непостижимо и потому безсмысленно для насъ, если бы

въ основѣ его не лежало то коренное единство людей, во имя котораго отрицаются и расторгаются предѣлы обособленной личности.

Любовь можно опредѣлить, какъ ощущаемый нами внутри себя всѣмъ внятный голосъ той міровой сущности, для которой не можетъ быть никакого раздѣленія или множества, потому что она отъ начала едина и нераздѣльна.

Признавать себя вполнѣ отдѣльнымъ существомъ отъ всѣхъ другихъ существъ такъ же безумно, какъ предполагать, что каждый членъ человѣческаго тѣла, имѣя свою особую способность осязанія, представляетъ изъ себя отдѣльное существо.

Насколько то, что человѣкъ способенъ чувствовать боль уже въ давно отнятой у него ногѣ, доказываетъ, что чувствительность наша сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, несмотря на то, что каждый членъ человѣческаго тѣла какъ бы имѣетъ свою собственную способность осязанія, настолько и то, что люди способны сострадать и сорадоваться другимъ, повидимому, совершенно отдѣльнымъ отъ нихъ существамъ, доказываетъ единство людей въ духѣ, несмотря на то, что каждый отдѣльный человѣкъ часто склоненъ любить, жалѣть и знать только себя одного.

Если ту самую ногу, которую два года уже отдѣлили отъ человѣка и которая похоронена въ землѣ, онъ чувствуетъ совершенно такъ же, какъ чувствовалъ ее до отнятія, то, стало-быть, условіемъ ощущенія ея является не одна только внѣшняя неразрывность съ нею, а какая-то болѣе тонкая и вмѣстѣ прочная связь съ нею, которая, какъ видно, не могла быть нарушена даже тѣмъ, что ее отрѣзали.

Не подобнымъ ли свойствомъ должны обладать и людскія отношенія?

Не тѣлесныя узы родства, не личныя привязанности и пристрастія, и даже не общность сословныхъ или національныхъ интересовъ, а духовное единство людей въ Богѣ—вотъ что должно лежать въ основѣ человѣческихъ отношеній.

Ѳедоръ Страховъ.

III.

Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ. Насъ было двое пассажировъ: я да маленькая обезьяна, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную холодную ручку и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. Я бралъ ея руку, и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колоколъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику—обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать и опять протягивала мнѣ руки.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обоихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы—дѣти одной матери, и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрокъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Ив. Тургеневъ.

11-е марта.

Отношеніе половъ, вызываемое самой сильной страстью людской, есть источникъ величайшихъ грѣховъ и страданій.

1.

Сожительство, послѣдствіемъ котораго можетъ быть дѣторожденіе, есть истинный, дѣйствительный бракъ; всякіе же обряды, заявленія, условія не составляютъ брака и употребляются большею частью для того, чтобы нарушить предшествующій дѣйствительный бракъ.

2.

Ты можешь пренебречь своею обязанностью передъ супругомъ или супругой, можешь избавиться отъ той печали, которую даютъ тебѣ эти обязанности, можешь уйти. Но что же ты найдешь?

Ту же печаль, но безъ сознанія исполненной обязанности.

Джоржъ Эллiотъ.

3.

Бракъ, какъ условіе, есть обязательство двухъ людей разныхъ половъ имѣть дѣтей только другъ отъ друга. Нарушеніе этого условія есть обманъ, измѣна и преступленіе.

4.

Великое дѣло то, когда двѣ души чувствуютъ, что они соединены навѣки съ тѣмъ, чтобы поддерживать другъ друга во всякомъ трудѣ, во всякомъ горѣ, помогать другъ другу во всякомъ страданіи и быть соединеннымъ другъ съ другомъ въ тѣ молчаливыя, невыразимыя минуты послѣдняго прощанія.

Джоржъ Эллiотъ.

5.

Какого великаго блага могутъ достигнуть два любящіе супруга, если они поставятъ своей цѣлью совершенствованіе и будутъ помогать въ этомъ другъ другу: напоминаніемъ, совѣтомъ, примѣромъ?

6.

И приступили къ Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею?

Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину, сотворилъ ихъ? (Быт. 1,27)

И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью (Быт. 2, 24).

Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ (Мѳ. XIX, 3, 4, 5, 6).

Всякій разводящійся съ женою своею и женящійся на другой прелюбодѣйствуетъ, и всякій женящійся на разведенной съ мужемъ прелюбодѣйствуетъ (Лк. XVI, 18).

То, что мужъ и жена становятся одной плотью, не есть предписаніе, но подтвержденіе того состоянія, въ которое вступаютъ мужъ и жена, живущіе нравственной жизнью.

Половое соединеніе есть дѣло столь важное для каждаго отдѣльнаго человѣка и для всего человѣчества своими послѣдствіями продолженія рода и столь трудное и сложное, что нельзя быть достаточно осторожнымъ въ измѣненіи установленныхъ формъ этого соединенія.

12-е марта.

Дѣла прошедшой жизни даютъ направленіе жизни настоящей. Это то, что индусы называютъ кармой.

1.

Душа, оставившая тѣло, блуждала въ странѣ пустыни и холода, и вотъ ей предстала ужасная женщина, развращенная и безобразная.

— Кто ты?—спросила душа.—Кто ты, столь отвратительная и мерзкая, хуже всякаго дьявола?

И видѣнье отвѣчало:

— Я—твои поступки.

Персидское Арда-Вирафа.

2.

Вашъ спаситель—ваши дѣла, въ нихъ Самъ Богъ.

Дѣлать добрыя дѣла, быть милосерднымъ, кроткимъ, смиреннымъ, говорить хорошія рѣчи, желать добра другимъ, имѣть чистое сердце, всегда поучаться, всегда говорить правду, удерживать гнѣвъ, быть терпѣливымъ и довольнымъ, быть дружелюбнымъ, стыдливымъ, уважительнымъ къ старымъ, почитать родителей и учителей,—все это друзья добрыхъ и враги злыхъ.

Говорить неправду, красть, играть, нечистымъ взглядомъ смотрѣть на женщинъ, обманывать, браниться, желать зла ближнему, быть гордымъ, празднымъ, клеветникомъ, скупымъ, непочтительнымъ, безстыднымъ, горячимъ, брать чужое, быть мстительнымъ, грязнымъ, упрямымъ, завистливымъ, дѣлать зло ближнему, быть суевѣрнымъ,—все это друзья злого и враги добраго.

Персидскій катехизисъ.

3.

Суть не въ изслѣдованіи закона, а въ добрыхъ дѣлахъ.

Талмудъ.

4.

Только люди, которые постоянно создаютъ адъ, боятся попасть въ него.

Люси Малори.

5.

Никогда не откладывай добраго дѣла, которое можешь совершить нынче, потому что смерть не разбираетъ того, совершилъ ли или не совершилъ человѣкъ свою обязанность. Смерть не знаетъ ни уваженія, ни непріязни. У нея нѣтъ ни враговъ, ни друзей. Жизнь человѣка—причина его дѣятельности. А дѣятельность его становится его судьбой, хорошей или дурной. Въ этомъ законѣ

нашей жизни и отъ этого зависитъ то дѣло, которое мы должны совершить. Инд. Агни Пурана.

Каково бы ни было направленіе жизни въ прошедшемъ, дѣла въ настоящемъ могутъ измѣнить его.

13-е марта.

Условія мудрости — нравственная чистота; послѣдствіе ея — душевный миръ.

1.

Хорошіе люди заботятся больше о своихъ обязанностяхъ, чѣмъ о своей безопасности.

Обязанность—наше дѣло, событія—Божьи.

2.

Не перемѣняющіяся обстоятельства лишаютъ насъ спокойствія, но наши неуравновѣшенныя желанія.

Человѣкъ, который поставитъ себѣ за правило дѣлать то, что ему хочется, не долго будетъ хотѣть дѣлать то, что дѣлаетъ.

3.

Когда мы чувствуемъ себя всего слабѣе тѣломъ, мы можемъ быть всего сильнѣе духомъ.

Люси Малори.

4.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ мудрости является непрерывное хорошее расположеніе духа. Монтень.

5.

Дѣлай только то, что духовно поднимаетъ тебя и въ то же время полезно для общества. Гендерсонъ.

6.

Когда что-либо тебя огорчаетъ и мучаетъ, подумай: 1) какъ много еще болѣе непріятнаго могло бы съ тобою случиться и случается съ другими людьми; 2) вспомни, какъ въ прежнее время огорчали и точно такъ же, какъ теперь, мучили тебя событія или обстоятельства, о которыхъ теперь ты вспоминаешь спокойно и совершенно равнодушно, и 3) главное,—подумай о томъ, что то, что огорчаетъ и мучитъ тебя, есть только испытаніе, на которомъ ты можешь проявить свою духовную силу и укрѣпить ее.

7.

Души людей бываютъ временами въ состояніи наибольшаго совершенства, временами же въ состояніи наибольшей развращенности. Дорожи хорошими часами, удерживай ихъ и прогоняй отъ себя дурные.

Бэконъ.

8.

Мудрость не ворчлива, не угрюма, но добродушна и общительна.

Мудрость всегда со смиренными. Мудрость безъ доброты есть хитрость и измѣна.

Будьте мудры, какъ змѣи, и чисты, какъ голуби. То, что очищаетъ сердце, вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляетъ его.

9.

Учись быть однимъ.

10.

Очень богатъ тотъ, кому нечего терять.

Китайская пословица.

Мудрость безконечна, — чѣмъ дальше подвигаемся въ ней, тѣмъ она становится нужнѣе.

Человѣкъ всегда можетъ дѣлаться лучше.

14-е марта.

Вегетаріанство, провозглашенное еще въ самыя древнія времена, долго лежало подъ спудомъ, но въ наше время оно съ каждымъ годомъ и часомъ захватываетъ все больше и больше людей, и скоро наступитъ время, когда одновременно кончится: охота, вивисекція и, главное, убійство для удовлетворенія вкуса.

1.

„Придетъ время, когда люди будутъ чувствовать такое же отвращеніе къ мясу животныхъ, какое они чувствуютъ теперь къ человѣческому“. Ламартинъ.

2.

Какъ теперь считается гнуснымъ и позорнымъ подкидывать дѣтей, устраивать бой гладіаторовъ, мучить плѣнниковъ и совершать другія звѣрства, никому не казавшіяся прежде ни предосудительными, ни противными чувству справедливости, такъ подходитъ время, когда будетъ считаться безнравственнымъ и непозволительнымъ убивать животныхъ и употреблять въ пищу ихъ трупы.

Д-ръ Циммерманъ.

3.

Если вы увидите дѣтей, мучающихъ для своей забавы котенка или птичку, вы останавливаете ихъ и учите ихъ жалости къ живымъ существамъ, а сами идете на охоту, стрѣльбу голубей, скачку и садитесь за обѣдъ, для котораго убито нѣсколько живыхъ существъ.

Неужели это кричащее противорѣчіе не сдѣлается явнымъ и не остановитъ людей?

4.

Вегетаріанство быстро дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Едва ли теперь есть на землѣ сколько-нибудь значительный городъ, въ которомъ не было бы отъ одного до дюжины и болѣе вегетаріанскихъ ре-

сторановъ. Движеніе въ защиту чистой пищи было бы еще замѣтнѣе, если бы вегетаріанскіе газеты и журналы удѣляли болѣе вниманія нравственному значенію вегетаріанства, вмѣсто того, чтобы выставлять на видъ, обыкновенно, его гигіеническія преимущества. Чисто гигіеническія соображенія не могутъ сдѣлать людей истинными вегетаріанцами, какъ не можетъ сдѣлать ихъ вегетаріанцами нужда, не дозволяющая имъ покупать мясо. Несокрушимымъ доводомъ въ защиту вегетаріанства можетъ быть только соображеніе о томъ, что мы не должны прибѣгать къ убійству и мученію животныхъ ради того, чтобы поѣдать ихъ тѣла.

Люси Малори.

5.

„Мы не можемъ заявлять правъ на животныхъ, существующихъ на сушѣ, которыя питаются одинаковой пищей, вдыхаютъ тотъ же воздухъ, пьютъ ту же воду, что и мы; при ихъ умерщвленіи они смущаютъ насъ своими ужасающими криками и заставляютъ стыдиться нашего поступка".

Такъ думалъ Плутархъ, исключая почему-то водныхъ животныхъ. Мы же по отношенію земнородныхъ животныхъ стали далеко позади его.

Въ наше время, когда ясна преступность убійства животныхъ для удовольствія (охота) или вкуса, охота и мясоѣденіе уже не суть безразличные, но прямо дурные поступки, влекущіе за собой, какъ всякій дурной, сознательно совершаемый поступокъ, много еще худшихъ поступковъ.

15-е марта.

Повѣрка истинной любви есть любовь къ врагамъ. Только тогда обладаешь истинной любовью, когда любишь людей непріятныхъ, враждебныхъ тебѣ.

1.

Любить человѣка любящаго насъ, пріятнаго намъ можно человѣческою любовью; но только врага можно любить божескою. Любя человѣческой любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти; но божеская любовь не можетъ измѣниться. Ничто, даже смерть, не можетъ разрушить ее. Она есть сущность души.

2.

Если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники то же дѣлаютъ. И если взаймы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники даютъ взаймы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите враговъ вашихъ, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ. Итакъ, будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ.

Лк. VI, 33–36.

3.

Истинный христіанинъ желаетъ добра не только ближнимъ своимъ, но и врагамъ, и не только своимъ врагамъ, но и врагамъ Божіимъ. И потому любовь его къ людямъ часто доставляетъ ему не удовольствіе, а страданіе. Паскаль.

4.

Намъ легко любить тѣхъ, которые намъ сочувствуютъ. Но какъ трудно никогда не хулить тѣхъ, которые противорѣчатъ и оскорбляютъ насъ!

5.

Побѣждай ярость любовью, отвѣчай добромъ на зло, скупость побѣждай щедростью, лжеца—словомъ правды.

Буддійская мудрость.

6.

Любите враговъ вашихъ и не будетъ у васъ врага.

Ученіе 12 Апостоловъ.

7.

Вы слышали, что̀ сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17—18). А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

Мѳ. V, 43—45.

8.

Прежде чѣмъ человѣкъ будетъ въ состояніи любить, т.-е. жертвуя собой, дѣлать добро, ему надо перестать ненавидѣть, т.-е. дѣлать зло, и перестать предпочитать однихъ людей другимъ для блага своей личности

9.

Страстность предпочтенія однихъ людей другимъ, называемая невѣрно любовью, есть только дичекъ, на которомъ можетъ быть привита истинная любовь и дать плоды ея. Но, какъ дичекъ не есть яблоня и не даетъ плодовъ или даетъ плоды горькіе вмѣсто сладкихъ, такъ и пристрастіе не есть любовь и не дѣлаетъ добра людямъ или производитъ еще большее зло.

10.

Ростокъ любви при проявленіи своемъ нѣжный, не терпящій прикосновенія, могущественъ только при своемъ разростѣ. Все, что будутъ дѣлать надъ нимъ люди, только хуже для него. Ему нужно одного,—чтобы ничто не скрывало отъ него солнца разума, которое одно возращаетъ.

11.

Совершеннѣйшій изъ людей тотъ, кто любитъ всѣхъ ближнихъ своихъ и дѣлаетъ имъ добро безъ разбора, хороши ли они или дурны.

Магометъ.

12.

Противополагай кротость развращенности: острый мечъ не разрѣзаетъ мягкій шелкъ.

Нѣжными словами и добротой можно на волоскѣ вести слона.

Гулистанъ Сади.

Всякое столкновеніе съ людьми непріятными, враждебными есть случай провѣрить себя: есть ли въ тебѣ любовь божеская, та любовь, которая проявляется именно въ этихъ и только въ этихъ условіяхъ?

16-е марта.

Главное злоупотребленіе науки въ томъ, что она, не будучи въ состояніи изучать *все,* и не зная безъ помощи религіи, *что должно* изучать, изучаетъ только *нужное* и *пріятное* для самихъ людей науки, живущихъ неправильной жизнью.

Нужнѣе же всего имъ существующій, выгодный для нихъ, порядокъ.

Пріятнѣе же удовлетвореніе праздной любознательности, не требующее большихъ умственныхъ усилій и практически примѣнимое.

1.

Изученіе естественной исторіи дошло наконецъ въ Германіи до безумія. Хотя для Бога насѣкомое и человѣкъ—равноцѣнны, однако для нашего нервнаго узла это не такъ. Праведное Небо! какъ многое долженъ человѣкъ привести въ порядокъ, прежде, чѣмъ онъ дойдетъ до птицъ и мотыльковъ! Изучи свое тѣло и то, что ты можешь знать о своей душѣ; пріучи свой умъ къ сомнѣнію и сердце къ миролюбію. Научись познавать человѣка и вооружись мужествомъ говорить правду на благо твоихъ ближнихъ. Навостри умъ свой математикой, если не найдешь для этого никакого иного средства; остерегайся только классификаціи букашекъ, по-

верхностное знаніе которой совершенно безполезно, а точное уводитъ въ безконечность.

„Но Богъ безконеченъ въ насѣкомомъ такъ же, какъ и въ солнцѣ“. Я охотно признаю это. Онъ неизмѣримъ и въ пескѣ морскомъ, разновидности котораго еще не систематизировалъ никакой Линней. Если ты не чувствуешь особеннаго призванія ловить жемчугъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ песокъ находится, оставайся здѣсь и воздѣлывай свое поле: оно потребуетъ всего твоего прилежанія; и не забывай, что число фибръ твоего мозга, ихъ складокъ и извилинъ конечно. Тамъ, гдѣ сидитъ какая-нибудь исторія бабочки, нашлось бы, можетъ-быть, мѣсто для біографій Плутарха, которыя могли бы вдохновить тебя. Лихтенбергъ.

2.

Человѣческая мудрость вовсе не заключается въ количествѣ знаній. Есть безчисленное множество вещей, которыхъ мы не можемъ знать. Не въ томъ мудрость, чтобы знать какъ можно больше. Мудрость человѣческая — въ знаніи того порядка, въ которомъ полезно знать вещи; мудрость состоитъ въ знаніи того, какія изъ знаній болѣе и какія менѣе важны. Изъ всѣхъ же знаній, нужныхъ человѣку, самое важное есть знаніе того, какъ жить, дѣлая какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра. Къ сожалѣнію, наука нашего времени ставитъ это знаніе ниже всякихъ другихъ или вовсе не признаетъ его.

3.

Въ чемъ самая великая дерзость? Въ томъ, чтобы не допускать для Бога такихъ соображеній, которыя непонятны намъ.

Кальвинъ.

4.

Много говорятъ тѣ люди, которые мало знаютъ; знающіе же молчатъ.

Невѣжда считаетъ важнымъ все то, что онъ знаетъ, и хочетъ разсказать это всѣмъ. Но знающій человѣкъ съ трудомъ открываетъ свои знанія. Онъ можетъ сказать очень много, но зная, что еще больше можно сказать послѣ него, молчитъ. Руссо.

5.

Когда высшій ученый услышитъ о разумѣ, онъ будетъ пытаться осуществить его. Когда обыкновенный ученый услышитъ о разумѣ, временами онъ будетъ соблюдать, временами же не будетъ соблюдать его. Когда плохой ученый услышитъ о разумѣ, онъ будетъ глумиться надъ нимъ. Если бы надъ разумомъ не глумились, разумъ не былъ бы разумомъ. Лао-Тсе.

6.

Знаніе есть умственная пища и представляетъ для ума то же, что пища для тѣла, и подлежитъ такимъ же злоупотребленіямъ. Оно можетъ быть подмѣшано и поддѣлано такъ, что становится нездоровымъ, можетъ быть до того рафинировано, подслащено и вкусно, что въ концѣ концовъ теряетъ всякое питательное значеніе. И даже самой лучшей умственной пищей можно пресытиться такъ, что наживешь болѣзнь и смерть.

Джонъ Рёскинъ.

7.

Значительнымъ и необходимымъ доказательствомъ ума и пониманія служитъ уже то, если человѣкъ знаетъ, какіе вопросы можно задавать. Ибо, если вопросъ самъ по себѣ нелѣпъ и вызываетъ ненужные отвѣты, то такой вопросъ, кромѣ того, что онъ срамитъ того, кто его задаетъ, имѣетъ еще и то неудобство, что неосторожный слушатель невольно дастъ на него нелѣпый отвѣтъ. И получится смѣхотворное зрѣлище, какъ одинъ, по словамъ древнихъ, доитъ козла, а другой подставляетъ рѣшето. Кантъ.

Если бы всѣ знанія были знанія истины, то всякое знаніе было бы полезно. Но такъ какъ за знанія часто выдаются знанія ложныхъ разсужденій людей, то нельзя быть достаточно строгимъ въ выборѣ тѣхъ знаній, которыя хочешь пріобрѣсти.

17-е марта.

Спасеніе отъ зла существующаго порядка только въ распространеніи среди людей религіознаго сознанія.

1.

Я не знаю ни одной крупной побѣды человѣческаго ума, ни одного серьезнаго шага въ дѣлѣ человѣческаго общества, корни которыхъ не таились бы въ глубокой религіозной вѣрѣ. И я утверждаю, что любое ученіе, не принимающее во вниманіе этого стремленія, этой верховной потребности въ вѣрѣ, въ разрѣшеніи этой вѣчной проблемы о происхожденіи и судьбахъ человѣчества, всегда было и будетъ безсильно осуществить новый общественный строй. Ему, можетъ-быть, удастся создать прекрасныя формы, но этимъ формамъ будетъ вѣчно недоставать той искры, которую Прометей похитилъ съ неба.

Мадзини.

2.

„Ищите прежде всего Царства Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ“. Первый шагъ къ естественной и здоровой организаціи общества состоитъ въ обезпеченіи за всѣми людьми ихъ естественныхъ, равныхъ и неотчуждаемыхъ правъ на матеріальный міръ. Достигнуть этого не значитъ сдѣлать все необходимое, но значитъ сдѣлать все остальное болѣе легкимъ. И пока это не будетъ достигнуто, ничто другое не принесетъ никакой пользы.

Генри Джорджъ.

3.

Общество не можетъ существовать безъ общей вѣры и общей цѣли; политическая дѣятельность должна заключаться въ приложеніи принципа, установленнаго религіей.

Мадзини.

4.

Лучшее общество то, въ которомъ возможно осуществленіе великихъ истинъ.

Если ты страдаешь отъ зла существующаго устройства міра или возмущаешься имъ, то знай, что для борьбы съ этимъ порядкомъ есть только одно средство: усиленіе въ людяхъ религіознаго сознанія.

Понятно, что такое усиленіе должно произойти прежде всего въ тебѣ самомъ. И это усиленіе религіознаго сознанія въ тебѣ есть могущественнѣйшее средство усиленія его въ другихъ.

Недѣльное чтеніе.

Непротивленіе злу насиліемъ.

Вопр.—Въ чемъ главное значеніе ученія о непротивленіи злу?

Отв.—Въ томъ, что оно одно даетъ возможность вырвать съ корнемъ зло какъ изъ своего сердца, такъ и изъ сердца ближняго. Ученіе это запрещаетъ дѣлать то, чѣмъ увѣковѣчивается и умножается зло въ мірѣ. Тотъ, кто нападаетъ на другого и обижаетъ его, зажигаетъ въ другомъ чувство ненависти, корень всякаго зла. Обидѣть другого, потому что онъ насъ обидѣлъ, будто бы для того, чтобы устранить зло, значитъ повторить дурное дѣло и надъ нимъ, и надъ собой, значитъ *породить* или, по крайней мѣрѣ, *освободить, поощрить* того самаго демона, котораго мы будто бы хотимъ изгнать. Сатана не можетъ быть изгнанъ сатаною, неправда не можетъ быть очищена неправдою, и зло не можетъ быть побѣждено зломъ.

Истинное *непротивленіе* есть единственное настоящее сопротивленіе злу. Оно сокрушаетъ голову змія. Оно убиваетъ и въ конецъ истребляетъ злое чувство.

Вопр.—Но если мысль ученія и вѣрна, то исполнимо ли оно?

Отв.—Такъ же исполнимо, какъ всякое добро, предписываемое закономъ Божьимъ. Добро во всѣхъ обстоятельствахъ не можетъ быть исполняемо безъ самоотреченія, лишенія, страданія и, въ крайнихъ случаяхъ, безъ потери самой жизни. Но тотъ, кто дорожитъ жизнью болѣе, чѣмъ исполненіемъ воли Бога, уже мертвъ для единственной истинной жизни. Такой человѣкъ, стараясь спасти свою жизнь, потеряетъ ее. Кромѣ того, и вообще тамъ, гдѣ *непротивленіе*

стòитъ пожертвованія одною жизнью или какимъ-нибудь существеннымъ благомъ жизни, противленіе стòитъ тысячи такихъ жертвъ.

Непротивленіе сохраняетъ, противленіе разрушаетъ.

Несравненно безопаснѣе поступать справедливо, чѣмъ несправедливо; сносить обиду, чѣмъ противиться ей насиліемъ, — безопаснѣе даже въ отношеніи къ настоящей жизни. Если бы всѣ люди не противились злу зломъ, нашъ міръ былъ бы блаженъ.

Вопр. — Но когда лишь немногіе будутъ такъ поступать, что станется съ ними?

Отв.—Если бы такъ поступалъ даже только одинъ человѣкъ, а всѣ остальные согласились бы распять его, то не болѣе ли славно было бы ему умереть въ торжествѣ непротивляющейся любви, молясь за враговъ своихъ, чѣмъ жить, нося корону цезаря, обрызганную кровью убитыхъ? Но одинъ ли или тысячи людей твердо рѣшили не противиться злу зломъ,—все равно, они среди просвѣщенныхъ ли или среди дикихъ ближнихъ, гораздо больше безопасны отъ насилія, чѣмъ тѣ, которые полагаются на насиліе. Разбойникъ, убійца, обманщикъ скорѣе оставитъ ихъ въ покоѣ, чѣмъ тѣхъ, кто сопротивляется оружіемъ.

Взявшіе мечъ отъ меча погибнутъ, а ищущіе мира, поступающіе дружественно, безобидно, забывающіе и прощающіе обиды большею частью наслаждаются миромъ или, если умираютъ, то умираютъ благословляемыми.

Такимъ образомъ, если бы всѣ соблюдали заповѣдь непротивленія, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодѣйства. Если бы такихъ было большинство, то они установили бы управленіе любви и доброжелательства даже надъ обижающими, никогда не противясь злу зломъ, никогда не употребляя насилія. Если бы такихъ людей было довольно многочисленное меньшинство, то они оказали бы такое исправительное нравственное вліяніе на общество, что всякое жестокое наказаніе было бы отмѣнено, а насиліе и вражда замѣнились бы миромъ и любовью. Если бы ихъ было только малое меньшинство, то оно рѣдко испытало бы что-нибудь худшее, чѣмъ презрѣніе міра, а міръ, между тѣмъ, самъ того не чувствуя и не будучи за то благодаренъ, постоянно становился бы мудрѣе и лучше отъ этого тайнаго воздѣйствія.

И если бы въ самомъ худшемъ случаѣ нѣкоторые изъ членовъ меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшіе за правду оставили бы по себѣ свое ученіе, уже освященное ихъ мученической кровью.

Да будетъ миръ со всѣми, кто ищетъ мира, и всепобѣждающая любовь да будетъ негибнущимъ наслѣдіемъ всякой души, добровольно подчиняющейся закону Христа:

Не противься злу насиліемъ. Балу *)

*) Руководитель одной изъ американскихъ духовныхъ общинъ Адинъ Балу скончавшійся въ августѣ 1890 года) въ продолженіе 50 лѣтъ писалъ и издавалъ книги преимущественно о вопросѣ непротивленія злу насиліемъ. Въ сочиненіяхъ этихъ, прекрасныхъ по ясности и красотѣ изложенія, вопросъ разсмотрѣнъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Однимъ изъ главныхъ сочиненій его является „Катехизисъ непротивленія“.

18-е марта.

Осужденіе другого всегда не вѣрно, потому что никто никогда не можетъ знать того, что происходило и происходитъ въ душѣ этого другого.

1.

Одно изъ самыхъ обычныхъ заблужденій состоитъ въ томъ, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человѣкъ течетъ какъ рѣка, постоянно измѣняясь и оставаясь собою. Въ немъ есть всѣ возможности: былъ глупъ, сталъ уменъ; былъ золъ, сталъ добръ и наоборотъ. Въ этомъ величіе человѣка. И отъ этого нельзя судить человѣка. Какой онъ? Ты осудилъ, а онъ уже другой.

2.

Если ты такъ счастливъ, что всегда говоришь только то, что есть на самомъ дѣлѣ, отвергаешь то, что ложно, сомнѣваешься только въ томъ, что сомнительно, желаешь только добра и пользы, то ты не будешь негодовать на злыхъ и безразсудныхъ людей.

„Да вѣдь они воры и мошенники!“ говоришь ты. А что такое воръ и мошенникъ? Вѣдь это человѣкъ порочный и заблудшій. А такого человѣка жалѣть надо, а не гнѣваться на него. Если ты можешь, то убѣди его въ томъ, что для него самого нехорошо такъ жить, какъ онъ живетъ, и онъ перестанетъ дѣлать зло. А если онъ еще не понимаетъ этого, то не удивительно, что онъ скверно живетъ.

„Но неужто, — скажешь ты, — такихъ людей не должно наказывать!“ Не говори такъ. А лучше скажи: этотъ человѣкъ заблуждается въ томъ, что важнѣе всего на свѣтѣ. Онъ слѣпъ не тѣлесной слѣпотой, но духовной. И какъ только ты себѣ скажешь это, такъ ты и поймешь, какъ ты былъ жестокъ къ нему. Если у человѣка глаза заболѣли и онъ лишился зрѣнія, то вѣдь ты не скажешь, что его надо за это наказать. Такъ почему же ты хо-

чешь наказать такого человѣка, который лишенъ того, что дороже глазъ, лишенъ самаго большаго блага—умѣнія жить разумно? Не сердиться нужно на такихъ людей, а только жалѣть ихъ.

Пожалѣй же этихъ несчастныхъ и старайся, чтобы ихъ заблужденія не обозляли тебя. Вспомни, какъ часто ты самъ заблуждался и согрѣшалъ, и понегодуй лучше на себя за то, что въ душѣ твоей гнѣздятся злоба и жестокость. Эпиктетъ.

3.

Тотъ, кто смотритъ на свои собственные недостатки, не успѣваетъ видѣть недостатки другихъ.

Восточная мудрость.

4.

Не осуждай ближняго своего, пока не будешь на его мѣстѣ.

Талмудъ.

5.

Прощай другимъ многое, себѣ ничего.

Публій Сирусъ.

6.

Душа человѣческая не добровольно, а силой отвращается отъ правды, умѣренности, справедливости и добра; чѣмъ яснѣе это уразумѣешь, тѣмъ кротче отнесешься къ людямъ.

Маркъ Аврелій.

Я знаю, что основная природа моя добрая, а не злая. Всѣ другіе люди такіе же, какъ и я, и потому всегда, не зная всего, что происходитъ въ чужой душѣ, вѣрнѣе, предполагать во всякомъ человѣкѣ доброе, чѣмъ злое.

19-е марта.

Большое богатство пріобрѣтается только нуждою бѣдныхъ.

1.

Падаетъ камень на кувшинъ—горе кувшину, падаетъ кувшинъ на камень—горе кувшину; такъ или иначе, все горе кувшину.

Талмудъ.

2.

Возможность благотворить, зависящая отъ богатства, есть по большей части результатъ покровительства нѣкоторымъ людямъ со стороны несправедливаго правительства, которое вводитъ имущественное неравенство и тѣмъ порождаетъ необходимость въ благотворительности. А при такихъ условіяхъ помощь, которую богатый окажетъ бѣдняку, — заслуживаетъ ли вообще имени благотворительности, которымъ любятъ кичиться, какъ заслугой?

Кантъ.

3.

Удовольствія богачей пріобрѣтаются слезами бѣдняковъ.

4.

Пусть мы не похищаемъ золота и столькихъ-то десятинъ земли; но все же посредствомъ какого-нибудь обмана и утайки дѣлаемъ то же самое въ меньшихъ размѣрахъ и сколько можемъ. Когда, напримѣръ, въ торговыхъ обязательствахъ и при покупкѣ или продажѣ чего-либо мы споримъ и усиливаемся заплатить меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и всячески стараемся объ этомъ, — не разбой ли это? Не варварство ли и хищеніе? Не говори мнѣ, что ты отнялъ не домъ, не рабовъ. Но справедливость опредѣляется не цѣнностью того, что похищается, а намѣреніемъ похитителей. Несправедливость и справедливость имѣютъ одинаковую силу, какъ въ большомъ, такъ въ маломъ. И я одинаково называю воромъ того, кто, отрѣзавъ кошелекъ, возьметъ чужія деньги, такъ и того,

кто, покупая что-нибудь на рынкѣ, удержитъ часть настоящей цѣны. И грабитель не тотъ только, кто разломаетъ стѣну и похититъ что-либо изъ дому, но и тотъ, кто нарушитъ справедливость и отниметъ что-либо у ближняго. Такъ не будемъ судьями чужихъ дѣлъ, забывая о своихъ собственныхъ; не станемъ заниматься изслѣдованіемъ пороковъ, когда есть случай къ человѣколюбію; но помыслимъ о томъ, что и мы были нѣкогда „чадами гнѣва“ (Евр. 2).

Іоаннъ Златоустъ.

5.

„Не будь грабителемъ бѣднаго, потому что онъ бѣденъ“, говоритъ Соломонъ. Это „ограбленіе бѣднаго, *потому что онъ бѣденъ*“, составляетъ спеціальную, промышленную форму грабежа, состоящую въ томъ, чтобы пользоваться нуждой человѣка для пріобрѣтенія его труда или собственности по возможно низкой цѣнѣ.

Противоположная форма обычнаго ограбленія богатаго на большихъ дорогахъ *за то, что онъ богатъ,* повидимому, какъ менѣе выгодная и болѣе опасная, рѣдко практикуется осторожными людьми.

Джонъ Рёскинъ.

6.

Правда, что богатство—это скопленіе труда; но обыкновенно одинъ человѣкъ производитъ трудъ, а другой—скопленіе. И это-то мудрыми людьми называется „раздѣленіемъ труда“!

Невинное богатство возможно бы было только среди людей ненуждающихся. Тамъ же, гдѣ, какъ въ нашемъ мірѣ, на каждаго богача приходятся сотни нищихъ, нельзя быть невинно богатымъ.

20-е марта.

Совершенное добро въ самомъ поступкѣ несетъ свою награду. Всякая награда внѣ сознанія добра уменьшаетъ радость добраго дѣла.

1.

Тотъ, кто дѣлаетъ добро другому, дѣлаетъ также добро самому себѣ, не въ смыслѣ послѣдствій, но самымъ актомъ дѣланія добра, такъ какъ сознаніе сдѣланнаго добра является высшей наградой для человѣка.

Сенека.

2.

Одинъ дервишъ молился такъ: „О Боже! будь милостивъ къ злымъ, потому что къ добрымъ ты уже былъ милостивъ, сдѣлавъ ихъ добрыми".

Сади.

3.

Дѣлать добро и требовать возмездія—значитъ уничтожать дѣйствіе и силу добра.

4.

Очень часто не остается для насъ слѣда одолженій, оказанныхъ намъ другими, но никогда не останутся безслѣдными услуги, оказанныя нами.

5.

Пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая.

Мѳ. VI, 3.

6.

Есть люди, которые, оказавъ кому-нибудь услугу, тотчасъ же считаютъ себя въ правѣ ожидать за нее награду; другіе, не разсчитывая на прямую награду, ни на минуту, однако, не забываютъ оказанной услуги и въ душѣ своей признаютъ, что у нихъ есть должники; наконецъ бываютъ и такіе, которые всегда готовы услужить, почти невольно, по одному влеченію сердца; эти подобны виноградной лозѣ, которая, вырастивъ свои грозди, вполнѣ удовлетворена тѣмъ, что созрѣлъ на ней ей одной свойственный плодъ ея.

Маркъ Аврелій.

7.

Отнеситесь хорошо къ людямъ въ расчетѣ получить выгоду отъ ихъ благодарности, и вы не получите ни малѣйшей отплаты за вашу мнимую доброту; но отнеситесь къ нимъ хорошо, безъ всякихъ корыстныхъ соображеній, и вы достигнете и благодарно-

сти и пользы. И такъ во всемъ: „кто хочетъ душу свою сберечь — потеряетъ, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее“.

Джонъ Рёскинъ.

8.

Всякое удовольствіе пріобрѣтается цѣною страданія. За истинное удовольствіе цѣна уплачивается впередъ; за ложное удовольствіе приходится расплачиваться потомъ.

Джонъ Фосторъ.

9.

Упражняйся во всякой добродѣтели и избѣгай всякаго порока. Одна добродѣтель влечетъ за собою другія, порокъ—другіе пороки. Награда добродѣтели—добродѣтель, возмездіе за порокъ — порокъ.

Бенчасай.

Радостно дѣлать добро. Радость увеличивается, когда знаешь, что никто не знаетъ про сдѣланное добро.

21-е марта.

Какъ человѣкъ не можетъ самъ поднять себя, такъ не можетъ человѣкъ и восхвалить себя. Напротивъ, всякая попытка человѣка хвалить себя роняетъ его въ глазахъ людей.

1.

Не говори о себѣ ни хорошаго, ни дурного. Если ты говоришь хорошее, люди не повѣрятъ; если—дурное, они подумаютъ о тебѣ больше дурного, чѣмъ ты сказалъ. И потому самое лучшее ничего не говорить о себѣ.

2.

Тотъ не смиренен, кто говоритъ про себя, что онъ смиренен. Тотъ, кто говоритъ: я ничего не знаю,—тотъ уменъ; кто гово-

ритъ: я ученъ,—тотъ болтунъ. Тотъ, кто молчитъ,—тотъ умнѣе и лучше всѣхъ.

Ветана.

3.

Въ ранней молодости, разсказываетъ Сади, я былъ очень религіозенъ, строго исполнителенъ и воздерженъ. Одинъ разъ ночью я сидѣлъ при отцѣ и всю ночь не закрывалъ глазъ, держа драгоцѣнный коранъ открытымъ на колѣняхъ, въ то время, какъ всѣ остальные вокругъ насъ крѣпко спали. И я сказалъ отцу: „Ни одинъ изъ всѣхъ этихъ не поднимется и не совершитъ обязательныхъ колѣнопреклоненій и молитвъ, а всѣ спятъ какъ мертвые“.— „И тебѣ бы лучше спать,—сказалъ отецъ,—чѣмъ такъ осуждать слабости людей. Тотъ, кто хвалится, ничего не видитъ, кромѣ себя. На глазахъ его покрывало самовосхваленія. Если бы онъ обладалъ зрѣніемъ, способнымъ видѣть Бога, онъ никого бы не считалъ слабѣе себя“.

Сади.

4.

Хотите, чтобы о васъ хорошо говорили, не говорите о себѣ хорошаго.

Паскаль.

5.

Мысль и ея выраженіе—слово—дѣло серьезное. Нехорошо играть мыслями и словами для оправданія своихъ поступковъ.

Если хотите доброй славы, или хотя не худой славы, не только не хвалите сами себя, но и не позволяйте другимъ хвалить себя.

22-е марта.

Если справедливость обличаетъ нашу жизнь, то все-таки лучше признать правду, чѣмъ скрывать ее: жизнь наша можетъ измѣниться, справедливость же всегда останется тою же и не перестанетъ обличать насъ.

1.

Намъ слѣдовало бы жить, какъ будто бы мы были на виду у всѣхъ. Намъ слѣдовало бы мыслить такъ, какъ будто бы сокровеннѣйшіе уголки души нашей были доступны чьему-либо взору. Ибо какая польза въ сокрытіи чего-либо отъ людей? Отъ Бога скрыть ничего невозможно... Желаешь ли ты милостей Неба?—будь добръ. Чтитъ боговъ тотъ, кто подражаетъ имъ (ихъ болѣе высокому идеалу). А мы какъ поступаемъ? Какими правилами руководимся? Не признаемъ ли мы, что намъ слѣдуетъ воздерживаться отъ пролитія человѣческой крови? Неужели такъ трудно воздерживаться отъ нанесенія вреда тому, кому ты обязанъ оказывать добро? Все божеское и человѣческое ученіе сводится къ одному правилу, что всѣ—члены одного великаго тѣла. Природа соединила насъ въ одну семью, разъ она произвела насъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, на которые въ свое время мы опять разложимся. Она вселила въ насъ любовь другъ къ другу и создала для совмѣстной жизни въ обществѣ. Она установила законы правды и справедливости, и по этимъ законамъ недостойнѣе обижать, нежели быть обижену; согласно ея опредѣленіямъ, руки даны намъ для взаимной помощи... Мы должны смотрѣть на *дѣйствительную сущность вещей*, а не на то, какъ *онѣ называются*. Будемъ цѣнить все по дѣйствительному значенію, не соображаясь съ мнѣніемъ свѣта. Будемъ любить воздержаніе, а первѣе всего будемъ заботиться о справедливости... Наши дѣйствія до тѣхъ поръ не будутъ правильными, пока не будетъ такою же и наша воля, такъ какъ ею опредѣляется дѣйствіе.

Сенека.

2.

Я не скажу, что справедливость есть высшее условіе нравственной жизни, но она есть первое условіе. Все, что стоитъ выше ея, должно покоиться на ней, должно заключать ее въ себѣ, и можетъ быть достигнуто лишь чрезъ нее. Не даромъ въ еврейскомъ религіозномъ развитіи, унаслѣдованномъ нами чрезъ христіанство, провозглашеніе: „Твой Господь Богъ есть Богъ справедливый“, предшествовало болѣе трогательному откровенію о Богѣ любви. Пока

люди не усмотрятъ вѣчной справедливости, для нихъ сокрыта будетъ вѣчная любовь. Какъ человѣкъ долженъ сдѣлаться справедливымъ, прежде чѣмъ онъ станетъ истинно-великодушнымъ, такъ и человѣческое общество должно стать на основу справедливости прежде, чѣмъ подняться до благотворенія.

Генри Джорджъ.

3.

Оказывайте ближнему справедливость—вы можете это дѣлать, любя и не любя его—и вы научитесь его любить. Но если вы несправедливы къ нему, потому что не любите, то кончите тѣмъ, что возненавидите его. Джонъ Рёскинъ.

4.

Огромное расточеніе производительныхъ силъ обусловливается не законами природы, а общественными неурядицами, при которыхъ трудящіеся оказываются лишенными доступа къ естественнымъ удобствамъ, необходимымъ для труда, и у работника отнимаютъ его справедливое вознагражденіе.

Генри Джорджъ.

5.

Ошибка всѣхъ добрыхъ людей въ наше время состоитъ въ томъ, что, вѣжливо протягивая руку злымъ, поддерживая ихъ въ ихъ злѣ и часто даже содѣйствуя имъ, они надѣются отвратить послѣдствіе зла, побочно стараясь исправить вредъ, причиненный этимъ зломъ.

Утромъ они, чтобы удовлетворить сердечной потребности, помогаютъ нуждѣ двухъ или трехъ разоренныхъ семей, а по вечерамъ обѣдаютъ съ разорителями этихъ семей, завидуютъ имъ и подготовляются слѣдовать примѣру богатаго спекулятора, разорившаго двѣ или три тысячи людей. Такимъ образомъ они разрушаютъ въ нѣсколько часовъ больше, чѣмъ въ силахъ исправить въ теченіе десятковъ лѣтъ, или въ лучшемъ случаѣ, тщетно кормя голодающее населеніе въ тылу всеистребляющей арміи, стараются все болѣе увеличить численность этой арміи и быстроту ея передвиженія. Джонъ Рёскинъ.

6.

Вы толкаете человѣка въ яму и затѣмъ говорите ему, что онъ долженъ быть доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставило его Провидѣніе. Таково наше современное христіанство. Вы говорите: „мы не толкали его". Да, конечно, мы до тѣхъ поръ не будемъ сознавать всего, что дѣлаемъ и чего не дѣлаемъ, пока каждое утро не будемъ задавать себѣ вопроса, какъ намъ въ теченіе дня дѣлать не то, что выгодно, а что справедливо, пока мы не станемъ настолько, по крайней мѣрѣ, христіанами, чтобы признать справедливость изреченія магометанъ, гласящаго, что „часъ справедливости стóитъ больше семидесяти лѣтъ молитвы".

Джонъ Рёскинъ.

Если справедливость не указываетъ намъ того, что мы должны дѣлать, то она всегда укажетъ намъ то, что мы не должны дѣлать, или должны перестать дѣлать.

23-е марта.

Страданія необходимыя условія роста какъ физическаго, такъ и духовнаго.

1.

Истинно, истинно, говорю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ.

Iн. XVI, 20—21.

2.

Признакъ роста есть страданіе. Не можетъ безъ страданія перейти жизнь изъ одной формы въ другую. Не можетъ, потому что самое страданіе вызываетъ ростъ.

Причина—слѣдствіе и слѣдствіе—причина, какъ это всегда бываетъ въ духовной жизни, для которой не существуетъ ни времени, ни пространства.

3.

Ежели бы не было страданія, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самого.

4.

Надо глубоко вникнуть въ смыслъ нашихъ страданій. Мы со всѣхъ сторонъ обставлены ими для нашего же блага.

Захотѣлъ спуститься ниже достигнутаго нравственнаго уровня,—страданія.

Захотѣлъ подняться выше этого уровня,—страданія (напримѣръ, гоненія).

Захотѣлъ стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ,—страданія отъ укоровъ совѣсти.

И вотъ, когда эти укоры становятся болѣе невыносимыми, чѣмъ само страданіе, тогда человѣкъ подвигается впередъ, совершенствуется нравственно. Өедоръ Страховъ.

5.

Растемъ мы вотъ какъ: въ каждой мысли каждаго человѣка лежитъ уже высшая мысль; въ томъ характерѣ, который проявляетъ человѣкъ нынче, уже готовится высшій характеръ. Юноша откидываетъ иллюзіи дѣтства, мужъ откидываетъ незнаніе и бурныя страсти юношества и далѣе откидываетъ эгоизмъ мужа и становится все болѣе и болѣе всемірною душою. Онъ поднимается на высшую и на болѣе реальную ступень жизни. Внѣшнія отношенія и условія вымираютъ, и онъ все больше входитъ въ Бога и Богъ въ него,—до тѣхъ поръ, пока спадаетъ съ него послѣдняя одежда себялюбія, и онъ соединяется съ Богомъ, сливаетъ свою волю съ Его волей и участвуетъ въ Его величіи. Эмерсонъ.

6.

По мѣрѣ совершенія мудрыхъ дѣлъ, все болѣе и болѣе жизни прибываетъ къ человѣку. Джонъ Рёскинъ.

7.

При тяжеломъ душевномъ состояніи надо не сдаваться, не высказываться никому, кромѣ Бога. Важно молчать, перетерпѣть. То страданія перейдутъ къ другимъ и заставятъ ихъ страдать, а то перегорятъ въ тебѣ. Много помогаетъ мысль о томъ, что въ этомъ твоя задача, твой случай возвыситься, приблизиться немного къ совершенству.

Ищи въ страданіяхъ ихъ значенія для твоего душевнаго роста, и уничтожится горечь страданія.

24-е марта.

Богъ есть духовное начало, и потому оно неопредѣлимо словами.

1.

Іисусъ говоритъ ей: повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу.

Но настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.

Ін. IV, 21, 23, 24.

2.

Нѣтъ ни одного вѣрующаго человѣка, на котораго бы не находили минуты сомнѣнія въ существованіи Бога. И эти сомнѣнія не вредны, напротивъ, они ведутъ къ высшему пониманію Бога.

Тотъ Богъ, Котораго зналъ, сталъ привыченъ и не вѣришь больше въ Него. Вѣришь вполнѣ въ Бога только тогда, когда Онъ вновь открывается, а открывается Онъ тебѣ съ новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его. А сторонъ Его безчисленное количество.

3.

Моисей воззвалъ: „О, Господи, гдѣ я найду Тебя?!“ Богъ сказалъ: „Когда ты ищешь Меня, ты уже нашелъ Меня“.

Одинъ человѣкъ спросилъ бедуина: „Почему ты знаешь, что есть Богъ?“ Онъ отвѣчалъ: „Развѣ нуженъ факелъ, чтобы видѣть зарю?“

Высшее существо паритъ выше мысли и воображенія; мы теряемся, когда хотимъ понять или хоть предположить то, что Онъ есть. Какъ же тщетны усилія найти слова, достойныя этого существа? Удовольствуемся молчаливымъ почитаніемъ Его.

Арабская мудрость.

Евреи считаютъ грѣхомъ произносить имя Бога.

Основа мысли запрета произнесенія имени Бога глубоко истинна.

У Бога, какъ у духовнаго существа, не можетъ быть имени. Всякое имя тѣлесно,—не духовно.

Богъ есть духъ, сущее, неопредѣлимое, не называемое. Всякая попытка опредѣленія Бога—кощунство.

Недѣльное чтеніе.

Суратская кофейная.

Была въ индійскомъ городѣ Суратѣ кофейная. И сходились туда изъ разныхъ земель проѣзжіе и иностранцы и часто бесѣдовали.

Зашелъ туда разъ персидскій ученый богословъ. Онъ всю жизнь изучалъ сущность Божества и читалъ и писалъ о томъ книги. Долго думалъ, читалъ и писалъ онъ о Богѣ, зашелъ у него умъ за разумъ, спуталось у него все въ головѣ, и дошелъ онъ до того, что пересталъ вѣрить въ Бога.

Узналъ про это царь и изгналъ его изъ персидскаго царства.

Такъ-то, всю жизнь разсуждая о первой причинѣ, запутался несчастный богословъ и, вмѣсто того чтобы понять, что у него уже не стало разума, сталъ думать, что не стало больше высшаго разума, управляющаго міромъ.

Былъ у этого богослова рабъ африканецъ, ходившій за нимъ повсюду. Когда богословъ вошелъ въ кофейную, африканецъ остался на дворѣ, за дверью, и сѣлъ на камень на припекѣ солнца; онъ сидѣлъ и отгонялъ отъ себя мухъ. А самъ богословъ легъ на диванъ въ кофейной и велѣлъ подать себѣ чашку опіума. Когда онъ выпилъ чашку и опіумъ началъ расшевеливать его мозгъ, онъ обратился къ своему рабу.

— Что, рабъ презрѣнный,— сказалъ богословъ,— скажи мнѣ, какъ ты думаешь: есть Богъ или нѣтъ?

— Разумѣется, есть!—сказалъ рабъ и тотчасъ досталъ изъ-за пояса маленькаго деревяннаго идола.—Вотъ,—сказалъ рабъ,—вотъ

тотъ богъ, который меня хранитъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ. Богъ этотъ сдѣланъ изъ сука того самаго священнаго дерева, которому поклоняются всѣ въ нашей странѣ.

Услыхали этотъ разговоръ между богословомъ и рабомъ бывшіе въ кофейной и удивились.

Удивительнымъ показался имъ вопросъ господина и еще болѣе удивительнымъ отвѣтъ раба.

Одинъ браминъ, слышавшій слова раба, обратился къ нему и сказалъ:

— Несчастный безумецъ! Развѣ можно думать, чтобы Богъ могъ находиться за поясомъ у человѣка? Богъ есть одинъ—Брама. И этотъ Брама больше всего міра, потому что онъ сотворилъ весь міръ. Брама есть единый, великій Богъ, тотъ Богъ, которому построены храмы на берегахъ рѣки Гангеса, тотъ Богъ, которому служатъ его единственные жрецы—брамины. Одни эти жрецы знаютъ истиннаго Бога. Прошло уже двадцать тысячъ лѣтъ, и сколько ни было переворотовъ въ мірѣ, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что Брама, единый, истинный Богъ, покровительствуетъ имъ.

Такъ сказалъ браминъ, думая убѣдить всѣхъ; но бывшій тутъ же еврейскій мѣняла возразилъ ему.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Храмъ истиннаго Бога не въ Индіи!.. И Богъ покровительствуетъ не кастѣ браминовъ! Истинный Богъ есть Богъ не браминовъ, а Богъ Авраама, Исаака и Іакова. И покровительствуетъ истинный Богъ только одному Своему народу израильскому. Богъ съ начала міра, не переставая, любилъ и любитъ одинъ нашъ народъ. И если теперь и разсѣянъ нашъ народъ на землѣ, то это только испытаніе, а Богъ, какъ и обѣщалъ, соберетъ опять народъ Свой въ Іерусалимъ, съ тѣмъ, чтобы, возстановивъ чудо древности, Іерусалимскій храмъ, поставить израиля владыкой надъ всѣми народами.

Такъ сказалъ еврей и заплакалъ. Онъ хотѣлъ продолжать рѣчь, но бывшій тутъ итальянецъ перебилъ его.

— Неправду вы говорите,—сказалъ итальянецъ еврею.—Вы приписываете Богу несправедливость. Богъ не можетъ любить одинъ народъ больше другихъ. Напротивъ, если Онъ даже и покрови-

тельствовалъ прежде израилю, то вотъ уже 1800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богъ разгнѣвался и въ знакъ Своего гнѣва прекратилъ существованіе его и разсѣялъ этотъ народъ по землѣ, такъ что вѣра эта не только не распространяется, но только косгдѣ остается. Богъ не оказываетъ предпочтенія никакому народу, а призываетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ спастись, въ лоно единой римско-католической церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія.

Такъ сказалъ итальянецъ. Но бывшій тутъ протестантскій пасторъ, поблѣднѣвъ, отвѣчалъ католическому миссіонеру:

— Какъ можете вы говорить, что спасеніе возможно только въ вашемъ исповѣданіи? Знайте же, что спасены будутъ только тѣ, которые, по Евангелію, будутъ служить Богу въ духѣ и истинѣ по закону Іисуса.

Тогда турокъ, служащій въ суратской таможнѣ, который тутъ же сидѣлъ, куря трубку, съ важнымъ видомъ обратился къ обоимъ христіанамъ.

— Напрасно вы такъ увѣрены въ истинѣ своей римской вѣры,—сказалъ онъ.—Ваша вѣра уже около шестисотъ лѣтъ тому назадъ замѣнена истинною вѣрой Магомета. И, какъ вы сами видите, истинная вѣра Магомета все больше и больше распространяется и въ Европѣ, и въ Азіи, и даже въ просвѣщенномъ Китаѣ. Вы сами признаете, что евреи отвержены Богомъ, и доказательствомъ тому приводите то, что евреи въ уничиженіи и вѣра ихъ не распространяется. Признайте же истинность вѣры Магомета, потому что она находится въ величіи и постоянно распространяется. Спасутся только вѣрующіе въ послѣдняго пророка Божія, Магомета. И то только послѣдователи Омара, а не Али, такъ какъ послѣдователи Али—невѣрные.

При этихъ словахъ персидскій богословъ, принадлежащій къ сектѣ Али, хотѣлъ возразить. Но въ кофейной въ это время поднялся великій споръ между всѣми бывшими тутъ иностранцами разныхъ вѣръ и исповѣданій. Были тутъ христіане абиссинскіе, индійскіе ламы, измаилиты и огнепоклонники.

Всѣ спорили о сущности Бога и о томъ, какъ нужно почитать Его. Каждый утверждалъ, что только въ его странѣ знаютъ истиннаго Бога и знаютъ, какъ надо почитать Его.

Всѣ спорили, кричали. Одинъ только бывшій тутъ китаецъ, ученикъ Конфуція, сидѣлъ смирно въ углу кофейной и не вступалъ въ споръ. Онъ пилъ чай, слушалъ, что говорили, но самъ молчалъ.

Турокъ, замѣтивъ его среди спора, обратился къ нему и сказалъ:

— Поддержи хоть ты меня, добрый китаецъ. Ты молчишь, но ты могъ бы сказать кое-что въ мою пользу. Я знаю, что у васъ въ Китаѣ вводятся теперь разныя вѣры. Ваши торговцы не разъ говорили мнѣ, что ваши китайцы изъ всѣхъ другихъ вѣръ считаютъ магометанскую самой лучшей и охотно принимаютъ ее. Поддержи же мои слова и скажи, что ты думаешь объ истинномъ Богѣ и Его пророкѣ.

— Да, да, скажи, что ты думаешь,—обратились къ нему и другіе.

Китаецъ, ученикъ Конфуція, закрылъ глаза, подумалъ и потомъ, открывъ ихъ, выпросталъ руки изъ широкихъ рукавовъ своей одежды, сложилъ ихъ на груди и заговорилъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—мнѣ кажется, что самолюбіе людей болѣе всего другого мѣшаетъ ихъ согласію въ дѣлѣ вѣры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вамъ это примѣромъ.

Я выѣхалъ изъ Китая въ Суратъ на англійскомъ пароходѣ, обошедшемъ вокругъ свѣта. По пути мы пристали къ восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. Въ полдень мы сошли на землю и сѣли на берегу моря въ тѣни кокосовыхъ пальмъ, недалеко отъ деревни жителей острова. Насъ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ различныхъ земель.

Пока мы сидѣли, къ намъ подошелъ слѣпой.

Человѣкъ этотъ ослѣпъ, какъ мы узнали послѣ, отъ того, что слишкомъ долго и упорно смотрѣлъ на солнце, потому что захотѣлъ понять, что такое солнце. Онъ хотѣлъ это узнать, чтобы завладѣть свѣтомъ солнца.

Бился онъ долго, пускалъ въ дѣло всѣ науки: хотѣлось ему

-ахватить нѣсколько лучей солнца, поймать ихъ и закупорить въ бутылку.

Долго онъ бился и все смотрѣлъ на солнце и ничего не могъ сдѣлать, а сдѣлалось съ нимъ только то, что отъ солнца у него заболѣли глаза и онъ ослѣпъ.

Тогда онъ сказалъ себѣ:

— Свѣтъ солнечный не жидкость, потому что если бъ онъ былъ жидкостью, то можно было бы переливать его и онъ колебался бы отъ вѣтра, какъ вода. Свѣтъ солнечный тоже не огонь, потому что, если бъ это былъ огонь, онъ бы тухъ въ водѣ. Свѣтъ тоже не духъ, потому что онъ виденъ, и не тѣло, потому что нельзя имъ двигать. А такъ какъ свѣтъ солнечный ни жидкость, ни огонь, ни духъ, ни тѣло, то свѣтъ солнечный - ничто.

Такъ онъ разсудилъ, и въ одно время отъ того, что все смотрѣлъ на солнце и все думалъ о немъ, потерялъ и зрѣніе и разумъ.

Когда же онъ сталъ совсѣмъ слѣпъ, тогда уже совершенно увѣрился въ томъ, что солнца нѣтъ.

Съ этимъ слѣпцомъ подошелъ и его рабъ. Онъ посадилъ своего господина въ тѣнь кокосоваго дерева, поднялъ съ земли кокосовый орѣхъ и сталъ изъ него дѣлать ночникъ. Онъ сдѣлалъ свѣтильню изъ волокна кокосоваго, выжалъ изъ орѣха масло въ скорлупу и обмакнулъ въ него свѣтильню.

Пока рабъ дѣлалъ свой ночникъ, слѣпой, вздохнувъ, сказалъ ему:

— Ну, что, рабъ, правду я тебѣ сказалъ, что нѣтъ солнца? Видишь, какъ темно. А говорятъ—солнце... Да и что такое солнце?

— А не знаю я, что такое солнце,—сказалъ рабъ.—Мнѣ нѣтъ до него дѣла. А вотъ свѣтъ знаю. Вотъ я сдѣлалъ ночникъ: и мнѣ будетъ свѣтло, и тебѣ могу имъ службу оказать и все найти въ своемъ шалашѣ.

И рабъ взялъ въ руку свою скорлупу.—Вотъ, говоритъ, мое солнце.

Тутъ же сидѣлъ хромой съ костылемъ. Онъ услыхалъ это и засмѣялся.

— Ты, видно, отъ рожденія слѣпъ,—сказалъ онъ слѣпому,—

что не знаешь, что такое солнце. Я тебѣ скажу, что̀ оно такое: солнце—огненный шаръ, и шаръ этотъ каждый день выходитъ изъ моря и каждый вечеръ садится въ горахъ нашего острова; это мы всѣ видимъ, и ты бы видѣлъ, если бы былъ зрячій.

Рыбакъ, сидѣвшій тутъ же, услыхалъ эти слова и сказалъ хромому:

— И видно же, что ты нигдѣ не былъ дальше твоего острова. Если бы ты былъ не хромъ да поѣздилъ бы по морю, ты бы зналъ, что солнце садится не въ горахъ нашего острова, а какъ выходитъ изъ моря, такъ вечеромъ опять и садится въ море. Я говорю вѣрно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услыхалъ это индѣецъ.

— Удивляюсь,—сказалъ онъ,—какъ можетъ умный человѣкъ говорить такія глупости. Развѣ возможно, чтобы огненный шаръ спускался въ воду и не потухалъ? Солнце вовсе не огненный шаръ, а солнце—Божество, это Божество называется Дэва. Божество это ѣздитъ на колесницѣ по небу вокругъ золотой горы Сперувя.

Бываетъ, что злые змѣи Рагу и Кету нападаютъ на Дэва и проглатываютъ его, и тогда дѣлается темно. Но жрецы наши молятся о томъ, чтобы Божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такіе невѣжественные люди, какъ вы, никогда не ѣздившіе дальше своего острова, могутъ воображать, что солнце свѣтитъ только на ихъ островъ.

Тогда заговорилъ бывшій тутъ же хозяинъ египетскаго судна.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—и это неправда: солнце не Божество и не ходитъ только вокругъ Индіи и ея золотой горы. Я много плавалъ и по Черному морю, и по берегамъ Аравіи, былъ и на Мадагаскарѣ, и на Филиппинскихъ островахъ,—солнце освѣщаетъ всѣ земли, а не одну Индію; оно не ходитъ кругомъ одной горы, но оно встаетъ у береговъ Японіи, и потому и острова тѣ называются Япенъ, то-есть на ихъ языкѣ рожденіе солнца, и садится оно далеко, далеко на западѣ, за островами Англіи. Я это хорошо знаю, потому что и самъ видѣлъ много и слышалъ много отъ дѣда. А дѣдъ мой плавалъ до самыхъ краевъ моря.

Онъ хотѣлъ еще говорить, но англійскій матросъ нашего корабля перебилъ его.

— Нѣтъ земли, кромѣ Англіи,—сказалъ онъ,—гдѣ бы лучше знали о томъ, какъ ходитъ солнце. Солнце, мы всѣ это знаемъ въ Англіи, нигдѣ не встаетъ и нигдѣ не ложится. А оно ходитъ безпрестанно вокругъ земли. Мы это хорошо знаемъ, потому что сами вотъ только-что обошли вокругъ земли и нигдѣ не натолкнулись на солнце. Вездѣ оно такъ же, какъ здѣсь, утромъ показывается и вечеромъ скрывается.

И англичанинъ взялъ палку, начертилъ на пескѣ кругъ и сталъ толковать, какъ ходитъ солнце по небу вокругъ земли. Но онъ не сумѣлъ растолковать хорошо и, показавъ на кормчаго своего корабля, сказалъ:

— Онъ, впрочемъ, болѣе меня ученъ и лучше вамъ все это растолкуетъ.

Кормчій былъ человѣкъ разумный и слушалъ разговоръ молча, пока его не спросили. Но теперь, когда всѣ обратились къ нему, онъ началъ говорить и сказалъ:

— Всѣ вы обманываете другъ друга и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокругъ земли, а земля вертится вокругъ солнца, и сама еще вертится, поворачивая къ солнцу въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и Японію, и Филиппинскіе острова, и Суматру, на которой мы сидимъ, и Африку, и Европу, и Азію, и множество еще другихъ земель. Солнце свѣтитъ не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многихъ такихъ же планетъ, какъ и земля. Все это каждый изъ васъ могъ бы понять, если бы смотрѣлъ вверхъ на небо, а не себѣ подъ ноги, и не думалъ бы, что солнце свѣтитъ только для одного него или для одной его родины.

Такъ сказалъ мудрый кормчій, много ѣздившій по свѣту и много смотрѣвшій вверхъ на небо.

— Да, заблужденія и несогласія людей въ вѣрѣ—отъ самолюбія,—продолжалъ китаецъ, ученикъ Конфуція.—Что съ солнцемъ, то же и съ Богомъ. Каждому человѣку хочется, чтобы у него былъ свой особенный Богъ или, по крайней мѣрѣ, Богъ его родной земли. Каждый народъ хочетъ заключить въ своемъ храмѣ Того, Кого не можетъ объять весь міръ.

И можетъ ли какой храмъ сравниться съ тѣмъ, который Самъ Богъ построилъ для того, чтобы соединить въ немъ всѣхъ людей въ одно исповѣданіе и одну вѣру?

Всѣ человѣческіе храмы сдѣланы по образцу этого храма—міра Божія. Во всѣхъ храмахъ есть купели, есть своды, свѣтильники, образа, надписи, книги законовъ, жертвы, алтари и жрецы. Въ какомъ же храмѣ есть такая купель, какъ океанъ, такой сводъ, каковъ сводъ небесный, такіе свѣтильники, каковы солнце, луна и звѣзды, такіе образа, каковы живые, любящіе, помогающіе другъ другу люди? Гдѣ надписи о благости Бога, столь же понятныя, какъ тѣ благодѣянія, которыя повсюду разсѣяны Богомъ для счастія людей? Гдѣ такая книга закона, столь ясная каждому, какъ та, которая написана въ его сердцѣ? Гдѣ жертвы, подобныя тѣмъ жертвамъ самоотреченія, которыя любящіе люди приносятъ своимъ ближнимъ? И гдѣ алтарь, подобный сердцу добраго человѣка, на которомъ Самъ Богъ принимаетъ жертву?

Чѣмъ выше будетъ понимать человѣкъ Бога, тѣмъ лучше онъ будетъ знать Его. А чѣмъ лучше будетъ знать онъ Бога, тѣмъ больше будетъ приближаться къ Нему, подражать Его благости, милосердію и любви къ людямъ.

И потому пусть тотъ, который видитъ весь свѣтъ солнца, наполняющій міръ, пусть тотъ не осуждаетъ и не презираетъ того суевѣрнаго человѣка, который въ своемъ идолѣ видитъ только одинъ лучъ того же свѣта, пусть не презираетъ и того невѣрующаго, который ослѣпъ и вовсе не видитъ свѣта.

Такъ сказалъ китаецъ, ученикъ Конфуція, и всѣ бывшіе въ кофейной замолчали и не спорили больше о томъ, чья вѣра лучше.

Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ (переводъ Л. Толстого).

25-е марта.

Люди людямъ помогаютъ. Безъ такой помощи не могутъ жить люди. Но помощь эта должна быть взаимная. Жизнь же наша такъ сложилась, что одни помогаютъ, а другіе только пользуются этой помощью, чтобы разрушать жизнь.

1.

Человѣку нельзя жить, не пользуясь трудами людей прежде жившихъ и теперь живущихъ, и потому очевидно, что человѣкъ долженъ, трудясь для другихъ, стараться отдавать то, что беретъ.

Взвѣсить, сколько я беру и сколько даю, не можетъ ни одинъ человѣкъ, и потому, чтобы не быть въ долгу, каждый человѣкъ долженъ стараться брать какъ можно меньше, а давать какъ можно больше.

2.

Пріобрѣтая каждый предметъ и пользуясь имъ, помни, что это—произведеніе человѣческаго труда, и что, тратя, уничтожая, портя его, ты уничтожаешь трудъ, тратишь жизнь человѣческую.

Какіе бы посредники ни стояли между тобою и пріобрѣтеннымъ предметомъ, предметъ этотъ сдѣланъ твоимъ братомъ-человѣкомъ, трудъ котораго ты обязанъ уважать. Выразить же это уваженіе ты можешь только своимъ бережливымъ отношеніемъ къ произведенію труда брата.

Джонъ Рёскинъ.

3.

У богатыхъ, кромѣ отношенія ихъ къ труду другихъ, выражаемомъ покупкой, есть прямое отношеніе къ трудящимся, къ прислугѣ. Ни на чемъ такъ не видно наше непризнаніе христіанства, какъ на нашемъ отношеніи къ прислугѣ. Люди отдаютъ все свое время на служеніе намъ, исполняя за насъ самую грязную, непріятную и безсмысленную работу, и мы большею частью дума-

емъ, что мы въ расчетѣ съ ними, если отдали условленныя деньги. Но вѣдь они братья наши, и если складъ нашей жизни таковъ, что эти люди должны служить намъ за деньги, то наименьшее, что мы можемъ сдѣлать, это то, чтобы установить съ ними человѣческія отношенія.

Если они служатъ намъ, то почему бы намъ не ѣсть вмѣстѣ съ ними и одинаково съ ними? Почему бы намъ не отдыхать, не веселиться и не поучаться вмѣстѣ съ ними?

Мало того, что помощь людямъ должна быть взаимна, она должна быть сознаваема людьми. И люди, принимающіе помощь отъ своихъ братьевъ, должны отплачивать за нее не только деньгами, но уваженіемъ, благодарностью и сближеніемъ въ жизни.

26-е марта.

Главное измѣненіе въ жизни народовъ — это измѣненіе ихъ вѣрованій. И это измѣненіе совершается въ наше время.

1.

Іисусъ, приближаясь къ предѣлу Своей жизни, занятъ преимущественно двумя вопросами: вопросомъ о томъ злоупотребленіи, которое сдѣлаютъ изъ Его имени, и объ окончательномъ, послѣ глубокихъ и разрушительныхъ потрясеній, утвержденіи Его закона. Онъ предупреждаетъ Своихъ учениковъ и всѣ слѣдующія поколѣнія, что явятся лже-христы и лже-пророки, и что надо остерегаться ихъ, какія бы они ни являли чудеса. Они будутъ могущественны, и могущество ихъ можетъ соблазнить даже многихъ изъ избранныхъ.

Почему же это будутъ лже-христы? Потому, что ученіе ихъ, что бы ни говорили они, будетъ не Христово. Но какъ отличить ихъ? Такъ же, какъ дерево — по плодамъ. Итакъ, вездѣ, гдѣ не

будетъ презрѣнія къ прелестямъ міра сего, гдѣ не будетъ отреченія отъ себя, всеобщаго милосердія, любви, уничтожающей всякое разделеніе, вездѣ, гдѣ этого не будетъ, не будетъ Христа, а будутъ лже-христы и лже-пророки. И ихъ будетъ много, и появленіе ихъ будетъ продолжаться долго. Они будутъ слѣдовать одни за другими до тѣхъ поръ, пока не придетъ тотъ день и часъ, про который знаетъ только Отецъ Небесный. О наступленіи часа того узнается, когда все заколеблется въ человѣческихъ обществахъ, когда одни народы опрокинутся на другіе, когда власти и силы начнутъ меркнуть и падать, мракъ распространится, земля заколеблется, и ничто не устоитъ. Іисусъ провозглашаетъ конецъ одного міра и начало міра новаго, надъ которымъ Онъ будетъ царствовать. Этотъ новый міръ истиннаго Христа не далеко, ибо, очевидно, старый міръ, міръ лже-христовъ, лже-пророковъ, уходитъ. И народы уже взволнованы надеждой, и не только не боятся того, что все колеблется и разрушается и все прошлое спускается въ какую-то черную бездну, но съ радостью поднимаютъ голову, оглядываясь во всѣ стороны, чтобы привѣтствовать пришествіе свѣтлаго облака.

Ламенэ.

2.

Когда въ древности народъ былъ несчастенъ, пророки говорили ему: ты забылъ Бога, отступилъ отъ Божьихъ путей, — иначе несчастіе не постигло бы тебя. Ты жилъ не по вѣчнымъ законамъ и не руководился ими, а слѣдовалъ законамъ лжи, обмана, сознательно не почитая дѣйствительности, и теперь ты видишь, что долготерпѣніе природы истощилось. Конечно, во всемъ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго даже для журналистовъ, политико-экономовъ, памфлетистовъ и вообще для любыхъ двуногихъ животныхъ безъ перьевъ. Но въ послѣднее время природу вообще считаютъ мертвой, чѣмъ-то въ родѣ недѣльныхъ часовъ, сдѣланныхъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ; они все еще тикаютъ, но никуда не годятся, и вотъ мастеръ ихъ сидитъ и смотритъ на нихъ съ удивленіемъ. Но я радъ, что природа оказывается не мертвой, не латунной, а живой и прекрасной, небесной и въ то же время адской; и это такъ ясно, что рано или поздно эту истину признаютъ даже самые толстоголовые обитатели нашей планеты.

Карлейль.

3.

Какъ пьяный человѣкъ, стоящій на краю пропасти, отвѣчаетъ глупымъ смѣхомъ и непристойными рѣчами на предостереженія людей, желающихъ удержать его отъ паденія, такъ и нашъ міръ, опьяненный разнаго рода нечистыми стяжаніями, насмѣхается надъ пророками, хотящими спасти его отъ грозящей ему участи. Какъ и въ древнее время, можно сказать теперь: „О Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, но ты не хотѣлъ этого“.

Люси Малори.

4.

Чѣмъ дальше я живу, тѣмъ больше дѣла передо мной. Мы живемъ въ важное время. Никогда людямъ не предстояло столько дѣла. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ революцій въ лучшемъ смыслѣ этого слова — не матеріальной, но нравственной революціи. Вырабатывается высшая идея общественнаго устройства и человѣческаго совершенства. Мы не доживемъ до жатвы, но сѣять съ вѣрою есть великое счастіе.

Чаннингъ.

5.

Прислушайтесь къ тому глубокому недовольству теперешней формой христіанства, которое распространяется въ обществѣ, выражается ропотомъ, иногда озлобленіемъ, печалью. Всѣ жаждутъ пришествія Царства Бога. И оно приближается.

Болѣе чистое христіанство, хотя и медленно, но все болѣе и болѣе занимаетъ мѣсто того, которое называется этимъ именемъ.

Чаннингъ.

6.

Человѣчество, по опредѣленію одного изъ мыслителей прошлаго столѣтія, есть вѣчно учащійся человѣкъ. Отдѣльные люди умираютъ, но истина, до которой они додумались, та правда, которую они высказали, не погибаетъ вмѣстѣ съ ними. Человѣчество хранитъ все это въ своей сокровищницѣ, и человѣкъ изъ могилъ умершихъ пользуется всѣмъ имъ добытымъ. Каждый изъ насъ родится въ атмосферѣ идей и вѣрованій, составляющей плоды

трудовъ всего человѣчества, жившаго до насъ; и каждый безсознательно вноситъ что-нибудь болѣе или менѣе цѣнное для жизни человѣчества, которое ему унаслѣдуетъ. Воспитаніе человѣчества совершается подобно тѣмъ восточнымъ пирамидамъ, для которыхъ каждый, проходившій мимо, клалъ по камню. Мы, минутные жильцы, отзываемые для пополненія нашего воспитанія въ иномъ мѣстѣ, уходимъ; но воспитаніе человѣчества, проявляющееся каждому изъ насъ, какъ заря, раскрываетъ весь свой блескъ хотя и медленно, но все сильнѣе, непрерывнѣе и прогрессивнѣе въ цѣломъ.

Мадзини.

Пора перестать вѣрить въ обманъ о томъ, что религія неподвижна. Вѣрить въ неподвижность религіи все равно, что вѣрить въ неподвижность того корабля, на которомъ ты плывешь.

Напротивъ, все движеніе человѣчества обусловлено движеніемъ религіи.

27-е марта.

Если человѣкъ боится людей, то онъ не вѣритъ въ Бога.

1.

Не падай духомъ и не отчаивайся, если тебѣ не вполнѣ удается, въ поступкахъ твоихъ исполнить все то хорошее, что ты желалъ бы.

Если ты упалъ съ высоты своей, старайся снова подняться,— кротко претерпѣть испытаніе жизни и охотно, сознательно придти назадъ къ своимъ основамъ.

Маркъ Аврелій.

2.

Кто людей боится, тотъ Бога не боится. А кто Бога боится, тотъ людей не боится.

3.

Почитайте того, чья жизнь есть неперестающая побѣда,—того, кто, благодаря тому, что стремится къ безконечному и реальному,

находитъ поддержку не въ похвалахъ, а въ трудѣ, — кто не блеститъ и не хочетъ блестѣть. Онъ, впередъ зная это, избралъ ту добродѣтель, которая подвергается ругательствамъ, ту истину, для истре-

4.

Всякая великая истина для того, чтобы войти въ сознаніе человѣчества, должна неизбѣжно пройти три ступени. Первая ступень: „Это такъ нелѣпо, что не стоитъ и обсуждать“. Вторая ступень: „Это безнравственно и противно религіи“. Третья ступень: „Да это давно уже всѣмъ извѣстно“.

5.

Тотъ, кто ничего не боится, болѣе могущественъ, чѣмъ тотъ, кого всѣ боятся.

Шиллеръ.

6.

Ищи лучшаго человѣка среди тѣхъ, кого осуждаетъ міръ.

Если ты сознаешь себя во власти Бога, то люди не могутъ ничего сдѣлать тебѣ.

28-е марта.

Мудрость достигается и общеніемъ и уединеніемъ.

1.

Слушай, будь внимателенъ, но говори мало.

Никогда не отвѣчай на вопросъ, который не обращенъ къ тебѣ; но если тебя спрашиваютъ, отвѣчай тотчасъ же и коротко, никогда не стыдясь признаться въ незнаніи.

Не спорь ради спора.

Не хвастайся.

Не ищи высшаго мѣста и не принимай, если даже тебѣ и предложатъ его.

Не будь слишкомъ церемоненъ, потому что это заставитъ другихъ поступать такъ же съ тобою, а это непріятно.

Въ безразличныхъ дѣлахъ, т.-е. въ такихъ, гдѣ не приходится измѣнять долгу, соображайся съ привычками и желаніями тѣхъ, съ кѣмъ живешь.

Не старайся дѣлать что-либо, не составляющее твоей обязанности и не содѣйствующее удобству твоихъ сожителей, а то эта привычка сдѣлается идоломъ. А каждый человѣкъ долженъ разбивать своихъ идоловъ.

Суфи.

2.

Лишь чужими глазами можно видѣть свои недостатки.

Китайская пословица.

3.

Каждый человѣкъ имѣетъ въ другомъ зеркало, въ которомъ онъ можетъ ясно разглядѣть свои собственные пороки, недостатки и всякаго рода дурныя стороны; но мы большею частью поступаемъ при этомъ какъ собака, которая лаетъ на зеркало въ томъ предположеніи, что видитъ тамъ не себя, а другую собаку.

Шопенгауэръ.

4.

„Познай самого себя“ есть основное правило. Но неужели вы думаете, что можно познать себя, всматриваясь въ себя? Нѣтъ. Вы можете познать себя, только присматриваясь къ тому, что внѣ васъ. Сравнивайте ваши силы съ силами другихъ, ваши интересы съ ихъ интересами; старайтесь думать о своихъ интересахъ какъ о чемъ-то второстепенномъ, преклоняйтесь передъ достоинствами другихъ, исходя изъ увѣренности, что въ васъ, вѣроятно, нѣтъ ничего особеннаго.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Если мы сойдемся трое, то я, навѣрное, найду двухъ учителей. Доброму человѣку я буду стараться подражать, а глядя на человѣка развратнаго, я буду стараться исправить себя.

Китайская мудрость.

6.

Многому я научился у своихъ наставниковъ, еще болѣе у своихъ товарищей, но болѣе всего у своихъ учениковъ.

Талмудъ.

7.

Когда вы видите мудреца, подумайте о себѣ: имѣете ли вы тѣ же добродѣтели, какъ и онъ. Когда вы видите развратника, подумайте о себѣ: не имѣете ли вы тѣхъ же пороковъ.

Китайская мудрость.

8.

Будь остороженъ, когда хочешь въ человѣкѣ бить по дьяволу, чтобы не задѣть въ немъ Бога.

Мансуръ-эль-Холлай.

9.

Съ грѣхомъ ссорься, съ грѣшникомъ мирись.

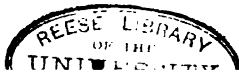
10.

Любовь истинная, не на словахъ, а на дѣлѣ—не только не можетъ быть глупа, но только одна любовь даетъ истинную проницательность и мудрость.

Живя съ людьми, не забывай того, что ты узналъ въ уединеніи. И въ уединеніи обдумывай то, что узналъ изъ общенія съ людьми.

29-е марта.

Человѣкъ знаетъ, что можетъ побѣдить всякую страсть. Если онъ иногда чувствуетъ, что страсть преодолѣваетъ его, это не показываетъ того, чтобы преодолѣніе было невозможно. Это доказываетъ только то, что преодолѣніе было невозможно на этотъ



разъ. Возница не бросаетъ вожжей отъ того, что не сразу остановитъ коней, но продолжаетъ тянуть. И кони останавливаются. Духовныя вожжи воздержанія не обрываются.

1.

Настраивать свой умъ выше своихъ влеченій — это и есть смыслъ воздержанія. О немъ одинъ изъ отцовъ церкви говоритъ, что это не добродѣтель, а великое дѣло добродѣтели.

Джонсонъ.

2.

Всякая потребность утихаетъ, а всякій порокъ увеличивается отъ удовлетворенія.

Аміель.

3.

Пріучайся повелѣвать надъ жадностью, сномъ, роскошью, гнѣвомъ.

4.

Объѣдающійся человѣкъ не въ состояніи бороться съ лѣнью, а объѣдающійся и праздный человѣкъ никогда не будетъ въ силахъ бороться съ половой похотью. И потому по всѣмъ ученіямъ стремленіе къ воздержанію начиналось съ борьбы съ похотью обжорства, начиналось постомъ.

5

Всякій человѣкъ подобенъ укротителю дикихъ звѣрей, а эти звѣри—его страсти. Вырвать ихъ клыки и когти, зануздать ихъ, приручить, сдѣлать изъ нихъ домашнихъ животныхъ, слугъ, хотя бы и рычащихъ, но все-таки покорныхъ,—въ этомъ личное воспитаніе.

Аміель.

6.

Если одинъ человѣкъ побѣдилъ тысячу разъ тысячу людей въ сраженіи, а другой побѣдилъ себя,—онъ побѣдилъ больше. Лучше побѣдить себя, чѣмъ всѣхъ другихъ людей.

Никто, никакой богъ не можетъ измѣнить въ пораженіе побѣду того, кто побѣдилъ себя и владѣетъ собою.

Джамапада.

7.

Владѣть собою настолько, чтобы уважать другихъ, какъ самого себя, и поступать съ ними такъ, какъ мы желаемъ, чтобы съ нами поступали,—вотъ что можно назвать ученіемъ о человѣколюбіи. Выше этого нѣтъ ничего. Конфуцій.

8.

Молодой человѣкъ! Отказывай себѣ въ удовлетвореніи твоихъ желаній (въ увеселеніяхъ, въ роскоши и т. п.) если и не изъ стоическаго намѣренія совсѣмъ отказаться отъ удовлетворенія ихъ, то изъ тонкаго эпикурейскаго желанія имѣть въ виду все болѣе возрастающее наслажденіе. Такая бережливость по отношенію къ твоему жизненному чувству сдѣлаетъ тебя, благодаря отсрочкѣ наслажденія, въ дѣйствительности богаче. Сознаніе, что наслажденіе находится въ твоей власти, плодотворнѣе и обширнѣе, какъ и все идеальное, чѣмъ удовлетворенное посредствомъ этого наслажденія чувство, потому что вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ оно уничтожается. Кантъ.

9.

Страсть въ человѣкѣ сначала паутина, потомъ—толстая веревка.

Страсть вначалѣ—какъ чужой, послѣ—какъ гость и, наконецъ, какъ хозяинъ дома. Талмудъ.

10.

Всякая невоздержанность есть зачатокъ самоубійства; это невидимый потокъ подъ домомъ, который рано или поздно подмоетъ его фундаментъ. Блекки.

11.

Истинно могучъ тотъ, кто побѣждаетъ самого себя.

Восточная мудрость.

12.

Только того назову вполнѣ человѣкомъ, кто свободенъ отъ гнѣва, говоритъ правду и поучаетъ любовно и мягко, такъ что никого

не оскорбляетъ; кто терпимъ съ нетерпимыми, добръ съ осуждающими, свободенъ отъ страсти среди страстныхъ,—только того я назову вполнѣ человѣкомъ. Джамапада.

Воздержаніе не достигается сразу. Жизнь всякаго человѣка идетъ не къ усиленію страстей, а къ ослабленію ихъ.

Время помогаетъ усиліямъ и воздержанію.

30-е марта.

Доброта не только добродѣтель и радость, но и орудіе борьбы.

1.

Трудно быть добрымъ съ человѣкомъ порочнымъ, лживымъ, особенно съ такимъ, который оскорбляетъ васъ, но съ нимъ-то и нужно быть добрымъ и для него и для себя.

2.

Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи, сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ?

Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ. *Мѳ. XVIII, 21—22.*

3.

Если ты истинно вѣришь въ справедливость твоего пониманія жизни и желаешь добра людямъ, то, при случаѣ, ты будешь высказывать другимъ свои мнѣнія такъ, чтобы по возможности увѣрить твоихъ собесѣдниковъ въ справедливости твоего пониманія жизни. И въ этихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе собесѣдникъ твой заблуждается, тѣмъ важнѣе и желательнѣе, чтобы онъ понялъ и оцѣнилъ то, что ты хочешь ему доказать.

А между тѣмъ, какъ часто мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ. Мы хорошо умѣемъ бесѣдовать съ человѣкомъ, согласнымъ или почти согласнымъ съ нами; когда же мы видимъ, что собесѣдникъ нашъ не вѣритъ въ ту истину, которую мы признаемъ, или даже не понимаетъ ея, то мы, правда, стараемся объяснить ему эту истину и увѣрить его въ ея справедливости; но если онъ продолжаетъ не соглашаться съ нами и, какъ намъ кажется, упрямится или извращаетъ наши слова въ другую сторону, то какъ легко мы теряемъ наше спокойствіе и раздражаемся! Мы или начинаемъ сердиться и говорить нашему собесѣднику непріятности, или прекращаемъ разговоръ, думая, что съ такимъ непонятливымъ или упрямымъ человѣкомъ не стоитъ и разсуждать.

Когда ты хочешь показать твоему собесѣднику въ разговорѣ какую-нибудь истину, то самое главное при этомъ—не раздражаться и не сказать ни одного недобраго или обиднаго слова.

Эпиктетъ.

4.

Если ты замѣтилъ въ комъ-либо ошибку, поправь его кротко и укажи ему, въ чемъ онъ ошибся. Если твоя попытка остается безуспѣшна, вини одного себя или, еще лучше, никого не вини, а продолжай быть кроткимъ. Маркъ Аврелій.

Если ты разошелся съ человѣкомъ, если онъ недоволенъ тобой, если онъ не согласился съ тобой, когда ты былъ правъ, виноватъ не онъ, а отсутствіе доброты въ тебѣ.

31-е марта.

Каяться значитъ видѣть всю степень своей порочности, своей слабости. Покаяніе есть отрицаніе всего дурного въ себѣ, есть чистка души, приготовленіе ея къ принятію добра.

1.

Человѣкъ добрый, если только онъ не признаетъ своихъ ошибокъ и старается оправдывать себя, можетъ сдѣлаться извергомъ.

Талмудъ.

2.

Присуще ли тебѣ нѣчто такое, что достойно порицанія, самъ спѣши заявить объ этомъ.

3.

Ничто такъ не размягчаетъ сердца, какъ сознаніе своей вины, и ничто такъ не окаменяетъ его, какъ сознаніе своей правоты.

Талмудъ.

4.

Чѣмъ виноватѣе самъ передъ своей совѣстью, тѣмъ охотнѣе ищешь вины другихъ и, въ особенности, тѣхъ, передъ кѣмъ виноватъ.

Покаяніе только тогда дѣйствительно, когда человѣкъ рѣшилъ воздерживаться отъ того, въ чемъ каялся.

5.

Добрый человѣкъ это тотъ, кто помнитъ свои грѣхи и забываетъ свое добро, а злой—наоборотъ.

Не прощай себѣ, и тогда будешь въ состояніи прощать другихъ.

Благочестивые люди дѣла говорятъ: слава нашей молодости, не осрамившей нашей старости.

Кающіеся говорятъ: слава нашей старости, искупляющей нашу молодость.

Но тѣ и другіе говорятъ: благо тому, кто безгрѣшенъ.

Талмудъ.

6.

Тотъ, кто свои прежнія злыя дѣла покрылъ впослѣдствіи добрыми, свѣтитъ въ этомъ мрачномъ мірѣ подобно мѣсяцу въ облачной ночи.

Буддійская мудрость.

7.

Благо человѣку, кающемуся въ грѣхахъ, когда онъ еще мужественъ.

Покайся, пока силы не оставили тебя, подлей масла, пока еще не погасла свѣтильня.

Талмудъ.

Сознаніе человѣкомъ своей конечности среди безконечнаго міра и своей грѣховности, т.-е. неисполненія всего того, что онъ могъ бы и долженъ былъ сдѣлать, но не сдѣлалъ, всегда было и всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человѣкомъ.

Недѣльное чтеніе.

Корней Васильевъ.

I.

Корнею Васильеву было 54 года, когда онъ въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ деревню. Въ густыхъ курчавыхъ волосахъ его не было еще ни одного сѣдого волоса, и только въ черной бородѣ у скулъ пробивалась сѣдина. Лицо у него было гладкое, румяное, загривокъ широкій и крѣпкій, и все сильное тѣло обложилось жиромъ отъ сытой городской жизни.

Онъ 20 лѣтъ тому назадъ отбылъ военную службу и вернулся со службы съ деньгами. Сначала онъ завелъ лавку, потомъ оставилъ лавку и сталъ торговать скотиной. Ѣздилъ въ Черкасы за „товаромъ“ (скотиной) и пригонялъ въ Москву.

Въ селѣ Гаяхъ, въ его каменномъ, крытомъ желѣзомъ домѣ жила старуха мать, жена съ двумя дѣтьми (дѣвочка и мальчикъ), еще сирота племянникъ, нѣмой, 15-лѣтній малый, и работникъ. Корней былъ два раза женатъ. Первая жена была слабая, больная женщина и умерла безъ дѣтей, и онъ уже немолодымъ вдовцомъ женился во второй разъ на здоровой, красивой дѣвушкѣ, дочери бѣдной вдовы изъ сосѣдней деревни. Дѣти были отъ второй жены.

Корней такъ выгодно продалъ послѣдній товаръ въ Москвѣ, что у него собралось около 3-хъ тысячъ денегъ. Узнавъ отъ земляка, что недалеко отъ его села выгодно продается у разорившагося помѣщика роща, онъ вздумалъ заняться еще и лѣсомъ. Онъ зналъ это дѣло и еще до службы жилъ помощникомъ приказчика у купца въ рощѣ.

На желѣзнодорожной станціи, съ которой сворачивали въ Гаи, Корней встрѣтилъ земляка, гаевскаго кривого Кузьму. Кузьма къ каждому поѣзду выѣзжалъ изъ Гаевъ за сѣдоками на своей парочкѣ плохенькихъ, косматыхъ лошаденокъ. Кузьма былъ бѣденъ и оттого не любилъ всѣхъ богатыхъ, а особенно не любилъ Корнея, котораго звалъ Корнюшкой.

Корней, въ полушубкѣ и тулупѣ, съ чемоданчикомъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо станціи и, выпятивъ брюхо, остановился, отдуваясь и оглядываясь. Было утро. Погода была тихая, пасмурная, съ легкимъ морозцемъ.

— Что же, не нашелъ сѣдоковъ, дядя Кузьма?—сказалъ онъ.— Свезешь, что ли?

— Что жъ, давай рублевку, свезу.

— Ну и семь гривенъ довольно.

— Брюхо наѣлъ, а 30 копеекъ у бѣднаго человѣка оттянуть хочешь.

— Ну, ладно, давай, что ль, — сказалъ Корней. И, уложивъ въ маленькія санки чемоданъ и узелъ, онъ широко усѣлся на заднемъ мѣстѣ.

Кузьма остался на козлахъ.

— Ладно, трогай.

Выѣхали изъ ухабовъ у станціи на гладкую дорогу.

— Ну, а какъ у васъ, не у насъ, а у васъ въ деревнѣ? — спросилъ Корней.

— Да хорошаго мало.

— А что такъ. Моя старуха жива?

— Старуха-то жива. Надысь въ церкви была. Старуха-то твоя жива. Жива и молодая хозяйка твоя. Что ей дѣлается. Работника новаго взяла.

И Кузьма засмѣялся какъ-то чудно̀, какъ показалось Корнею.

— Какого работника? А Петра что?

— Петръ заболѣлъ. Взяла Евстигнея Бѣлаго изъ Каменки, — сказалъ Кузьма.—Изъ своей деревни значитъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Корней.

Еще когда Корней сваталъ Мароу, въ народѣ что-то бабы болтали про Евстигнея.

— Такъ-то, Корней Васильевичъ,—сказалъ Кузьма. – Очень ужъ бабы нынче волю забрали.

— Что и говорить,—промолвилъ Корней.—А стара твоя сивая стала,—прибавилъ онъ, желая прекратить разговоръ.

— Я и самъ немолодъ. По хозяину,—проговорилъ Кузьма въ отвѣтъ на слова Корнея, постегивая косматаго, кривоногаго мерина.

На полдорогѣ былъ постоялый дворъ. Корней велѣлъ остановиться и вошелъ въ домъ. Кузьма приворотилъ лошадь къ пустому корыту и оправлялъ шлею, не глядя на Корнея и ожидая, что онъ позоветъ его выпить.

— Заходи, что ль, дядя Кузьма,—сказалъ Корней, выходя на крыльцо:—выпьешь стаканчикъ.

— Ну что жъ,—отвѣчалъ Кузьма, дѣлая видъ, что не торопится.

Корней потребовалъ бутылку водки и поднесъ Кузьмѣ. Кузьма, не ѣвши съ утра, тотчасъ же захмелѣлъ. И какъ только захмелѣлъ, сталъ шопотомъ, приблизясь къ Корнею, разсказывать ему, что говорили въ деревнѣ. А говорили, что Мареа, его жена, взяла въ работники своего прежняго полюбовника и живетъ съ нимъ.

— Мнѣ что же, мнѣ тебя жалко,—говорилъ запьянѣвшій Кузьма,—только не хорошо, народъ смѣется. Видно, грѣха не боится. Ну да погоди же ты, говорю. Дай срокъ, самъ пріѣдетъ. Такъ-то, братъ Корней Васильевичъ!

Корней молча слушалъ то, что говорилъ Кузьма, и густыя брови все ниже и ниже спускались надъ блестящими, черными, какъ уголь, глазами.

— Что жъ, поить будешь?—сказалъ онъ только, когда бутылка была выпита.—А нѣтъ, такъ и ѣдемъ.

Онъ расплатился съ хозяиномъ и вышелъ на улицу.

Домой онъ пріѣхалъ сумерками. Первый встрѣтилъ его тотъ самый Евстигней Бѣлый, про котораго онъ не могъ не думать всю дорогу. Корней поздоровался съ нимъ. Увидавъ худощавое, бѣлобрысое лицо заторопившагося Евстигнея, Корней только недоумѣнно покачалъ головой. „Навралъ старый песъ,—подумалъ онъ на слова Кузьмы.—А кто ихъ знаетъ! Да ужъ я дознаюсь“.

Кузьма стоялъ у лошади и подмигивалъ своимъ однимъ глазомъ на Евстигнея.

— У насъ, значитъ, живешь?—спросилъ Корней.

— Что жъ, надо гдѣ-нибудь работать,—отвѣчалъ Евстигней.

— Топлена горница-то?

— А то какъ же. Матвѣевна тамъ,—отвѣчалъ Евстигней.

Корней поднялся на крыльцо. Мароа, услышавъ голоса, вышла въ сѣни и, увидавъ мужа, вспыхнула и торопливо и особенно ласково поздоровалась съ нимъ.

— А мы съ матушкой и ждать перестали,—сказала она и за Корнеемъ вошла въ горницу.

— Ну что, какъ живете безъ меня?

— Живемъ все по-старому,—сказала она и, подхвативъ на руки двухлѣтнюю дочку, которая тянула ее за юбку и просила молока, большими, рѣшительными шагами вышла въ сѣни.

Корнеева мать съ такими же черными глазами, какъ у Корнея, волоча ноги въ валенкахъ, вошла въ горницу.

— Спасибо провѣдать пріѣхалъ,—сказала она, покачивая трясущейся головой.

Корней разсказалъ матери, по какому дѣлу заѣхалъ и, вспомнивъ про Кузьму, пошелъ вынести ему деньги. Только онъ отворилъ дверь въ сѣни, какъ прямо передъ собою увидалъ у двери на дворъ Мароу и Евстигнея. Они близко стояли другъ отъ друга, и она говорила что-то. Увидавъ Корнея, Евстигней шмыгнулъ во дворъ, а Мароа подошла къ самовару, поправляя гудѣвшую надъ нимъ трубу.

Корней молча прошелъ мимо ея согнутой спины и, взявъ узелъ, позвалъ Кузьму пить чай въ большую избу. Передъ чаемъ Корней роздалъ московскіе гостинцы домашнимъ: матери шерстяной платокъ, Ѳедькѣ книжку съ картинками, нѣмому племяннику жилетку и женѣ ситцу на платье.

За чаемъ Корней сидѣлъ насупившись и молчалъ; только изрѣдка неохотно улыбался, глядя на нѣмого, который забавлялъ всѣхъ своей радостью. Онъ не могъ нарадоваться на жилетку. Онъ укладывалъ и развертывалъ ее, надѣвалъ ее и цѣловалъ свою руку, глядя на Корнея, и улыбался.

Послѣ чая и ужина Корней тотчасъ же ушелъ въ горницу, гдѣ

спалъ съ Мароой и маленькой дочкой. Мароа оставалась въ большой избѣ, убирать посуду. Корней сидѣлъ одинъ у стола, облокотившись на руку, и ждалъ. Злоба на жену все больше и больше ворочалась въ немъ. Онъ досталъ со стѣны счеты, вынулъ изъ кармана записную книжку и, чтобы развлечь мысли, сталъ считать. Онъ считалъ, поглядывая на дверь и прислушиваясь къ голосамъ въ большой избѣ.

Нѣсколько разъ онъ слышалъ, какъ отворялась дверь въ избу и кто-то выходилъ въ сѣни, но это все не была она. Наконецъ послышались ея шаги, дернулась дверь, отлипла, и она, румяная, красивая, въ красномъ платкѣ, вошла съ дѣвочкой на рукахъ.

— Небось съ дороги-то уморился?—сказала она улыбаясь, какъ будто не замѣчая его угрюмаго вида.

Корней взглянулъ на нее, ничего не отвѣтилъ и сталъ опять считать, хотя считать уже нечего было.

— Ужъ не рано,—сказала она и, спустивъ съ рукъ дѣвочку, прошла за перегородку.

Онъ слышалъ, какъ она убирала постель и укладывала спать дочку.

„Люди смѣются,—вспомнилъ онъ слова Кузьмы.—Погоди же ты!“ подумалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе, и медленнымъ движеніемъ всталъ, положилъ обгрызокъ карандаша въ жилетный карманъ, повѣсилъ счеты на гвоздь и подошелъ къ двери перегородки. Она стояла лицомъ къ иконамъ и молилась. Онъ остановился, ожидая. Она долго крестилась, кланялась и шопотомъ говорила молитвы. Ему казалось, что она давно перечитала всѣ молитвы и нарочно по нѣскольку разъ повторяетъ ихъ. Но вотъ она положила земной поклонъ, выпрямилась, прошептала въ себя какія-то молитвенныя слова и повернулась къ нему лицомъ.

— А Агашка-то уже спитъ,—сказала она, указывая на дѣвочку, и, улыбаясь, сѣла на заскрипѣвшую кровать.

— Евстигней давно здѣсь?—сказалъ Корней, входя въ дверь.

Она спокойнымъ движеніемъ перекинула одну толстую косу черезъ плечо на грудь и начала быстрыми пальцами расплетать ее. Она прямо смотрѣла на него, и глаза ея смѣялись.

— Евстигней-то? а кто его знаетъ,—недѣли двѣ, али три.

— Ты живешь съ нимъ?—проговорилъ Корней.

Она выпустила изъ рукъ косу, но тотчасъ же поймала опять свои жесткіе густые волосы и опять стала плести.

— Чего не выдумаютъ? Живу съ Евстигнеемъ! — сказала она, особенно звучно произнося слово Евстигней. — Выдумаютъ! Тебѣ кто сказалъ?

— Говори: правда, нѣтъ ли?—сказалъ Корней и сжалъ въ кулаки засунутыя въ карманы могучія руки.

— Будетъ болтать пустое! Снять сапоги-то?

— Я тебя спрашиваю,—повторилъ онъ.

— Ишь добро какое, на Евстигнея польстилась!—сказала она.— И кто только навралъ тебѣ?

— Что ты съ нимъ въ сѣняхъ говорила?

— Что говорила! Говорила, — на бочку обручъ набить надо. Да ты что ко мнѣ присталъ!

— Я тебѣ велю: говори правду! Убью, сволочь поганая!

Онъ схватилъ ее за косу.

Она выдернула у него изъ рукъ косу, лицо ея скосилось отъ боли.

— Только на то тебя и взять, что драться. Что я отъ тебя хорошаго видѣла? Отъ такого житья не знаю, что сдѣлаешь?

— Что сдѣлаешь?—проговорилъ онъ, надвигаясь на нее.

— За что полкосы выдралъ? Во! Такъ шмотами и лѣзутъ. Что присталъ! И правда что...

Она не договорила. Онъ схватилъ ее за руку, сдернулъ съ кровати и сталъ бить по головѣ, по бокамъ, по груди. Чѣмъ больше онъ билъ, тѣмъ больше разгоралась въ немъ злоба. Она кричала, защищалась, хотѣла уйти, но онъ не пускалъ ее. Дѣвочка проснулась и бросилась къ матери.

— Мамка!—ревѣла она.

Корней ухватилъ дѣвочку за руку, оторвалъ отъ матери и какъ котенка бросилъ въ уголъ. Дѣвочка визгнула, и нѣсколько секундъ ея не слышно было.

— Разбойникъ! Ребенка убилъ!—кричала Маɵа и хотѣла подняться къ дочери.

Но онъ опять схватилъ ее и такъ ударилъ въ грудь, что она

упала навзничь и тоже перестала кричать. Только дѣвочка кричала отчаянно, не переводя духа.

Старуха, безъ платка, съ растрепанными сѣдыми волосами, съ трясущейся головой, шатаясь, вошла въ каморку и, не глядя ни на Корнея, ни на Мароу, подошла къ внучкѣ, заливавшейся отчаянными слезами, и подняла ее.

Корней стоялъ, тяжело дыша и оглядываясь какъ будто спросонья, не понимая, гдѣ онъ и кто тутъ съ нимъ.

Мароа подняла голову и, стоная, вытирала окровавленное лицо рубахой.

— Злодѣй постылый!—проговорила она.—И живу съ Евстигнеемъ и жила! На, убей до смерти! И Агашка не твоя дочь; съ нимъ прижила,—быстро выговорила она и закрыла локтемъ лицо, ожидая удара.

Но Корней какъ будто ничего не понималъ и только сопѣлъ и оглядывался.

— Ты глянь, что съ дѣвочкой сдѣлалъ: руку вышибъ,—сказала старуха, показывая ему вывернутую висящую руку, не переставая заливавшейся криками, дѣвочки. Корней повернулся и молча вышелъ въ сѣни на крыльцо.

На дворѣ было все такъ же морозно и пасмурно. Снѣжинки инея падали ему на горѣвшія щеки и лобъ. Онъ сѣлъ на приступкѣ и ѣлъ горстями снѣгъ, собирая его на перилахъ. Изъ-за дверей слышно было, какъ стонала Мароа и жалостно плакала дѣвочка; потомъ отворилась дверь въ сѣни, и онъ слышалъ, какъ мать съ дѣвочкой вышла изъ горницы и прошла черезъ сѣни въ большую избу. Онъ всталъ и вошелъ въ горницу. Завернутая лампа горѣла малымъ свѣтомъ на столѣ. Изъ-за перегородки слышались усилившіеся, какъ только онъ вошелъ, стоны Мароы. Онъ молча одѣлся, досталъ изъ-подъ лавки чемоданъ, уложилъ въ него свои вещи и завязалъ его веревкой.

— За что убилъ меня! За что? Что я тебѣ сдѣлала?—заговорила Мароа жалостнымъ голосомъ. Корней, не отвѣчая, поднялъ чемоданъ и понесъ къ двери.—Каторжникъ, разбойникъ! Погоди жъ ты! Али на тебя суда нѣтъ?—совсѣмъ другимъ голосомъ злобно проговорила она.

Корней, не отвѣчая, толкнулъ дверь ногой и такъ сильно захлопнулъ ее, что задрожали стѣны.

Войдя въ большую избу, Корней разбудилъ нѣмого и велѣлъ ему запрягать лошадь. Нѣмой, не сразу проснувшись, удивленно вопросительно поглядывалъ на дядю и обѣими руками расчесывалъ голову. Понявъ, наконецъ, что отъ него требовали, онъ вскочилъ, надѣлъ валенки и рваный полушубокъ, взялъ фонарь и пошелъ на дворъ.

Ужъ было совсѣмъ свѣтло, когда Корней выѣхалъ съ нѣмымъ въ маленькихъ пошевняхъ за ворота и поѣхалъ назадъ по той же дорогѣ, по которой съ вечера пріѣхалъ съ Кузьмою.

Онъ пріѣхалъ на станцію за пять минутъ до отхода поѣзда. Нѣмой видѣлъ, какъ онъ бралъ билетъ, какъ взялъ чемоданъ и какъ сѣлъ въ вагонъ, кивнувъ ему головой, и какъ вагонъ укатился изъ вида.

У Мароы, кромѣ побоевъ на лицѣ, были сломаны два ребра и разбита голова. Но сильная, здоровая, молодая женщина справилась черезъ полгода такъ, что не осталось никакихъ слѣдовъ побоевъ. Дѣвочка же навѣкъ осталась полукалѣкой. У нея были переломлены двѣ кости руки, и рука осталась кривая.

Про Корнея же съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ, никто ничего не зналъ; не знали, живъ ли онъ или умеръ.

II.

Прошло 17 лѣтъ. Была глухая осень. Солнце ходило низко, и въ четвертомъ часу вечера уже смеркалось. Андреевское стадо возвращалось въ деревню. Пастухъ, отслуживъ срокъ, до заговѣнья ушелъ, и гоняли скотину очередныя бабы и ребята.

Стадо только-что вышло съ овсяного жнивья на грязную, испещренную раздвоенно-копытными слѣдами, черноземную, взрытую колеями, большую грунтовую дорогу и съ неперестающимъ мычаніемъ и блеяніемъ подвигалось къ деревнѣ. По дорогѣ впереди стада шелъ въ потемнѣвшемъ отъ дождя, заплатанномъ зипунѣ, въ большой шапкѣ, съ кожанымъ мѣшкомъ за сутуловатой спиной высокій старикъ съ сѣдой бородой и курчавыми сѣдыми волосами, только однѣ густыя брови были у него черныя. Онъ шелъ,

тяжело двигая по грязи мокрыми и разбившимися, грубыми хохлацкими сапогами, и черезъ шагъ равномѣрно подпирался дубовой клюкой. Когда стадо догнало его, онъ, опершись на клюку, остановился. Гнавшая стадо молодайка, покрывшись съ головой дерюжкой, въ подтыканной юбкѣ и мужскихъ сапогахъ, перебѣгала быстрыми ногами то на ту, то на другую сторону дороги, подгоняя отстающихъ овецъ и свиней. Поровнявшись съ старикомъ, она остановилась, оглядывая его.

— Здорово, дѣдушка!—сказала она звучнымъ, нѣжнымъ, молодымъ голосомъ.

— Здорово, умница!—проговорилъ старикъ.

— Что же, ночевать, что ль?

— Да видно такъ. Уморился,—хрипло проговорилъ старикъ.

— А ты, дѣдъ, къ десятскому не ходи,—ласково проговорила молодайка.—Иди прямо къ намъ, третья изба съ края. Странныхъ людей свекровь такъ пущаетъ.

— Третья изба. Зиновѣева значитъ?—сказалъ старикъ, какъ-то значительно поводя черными бровями.

— А ты знаешь развѣ?

— Бывалъ.

— Ты чего, Ѳедюшка, слюни распустилъ,—хромая-то вовсе отстала!—крикнула молодайка, указывая на ковылявшую позади стада трехногую овцу и, взмахнувъ правой рукой хворостиной и какъ-то странно снизу кривой лѣвой рукой перехвативъ дерюжку на головѣ, побѣжала назадъ за отставшей хромой черной овцой.

Старикъ былъ Корней, а молодайка была та самая Агашка, которой онъ выломалъ руку 17 лѣтъ тому назадъ. Она была выдана въ Андреевку, въ богатую семью, за 4 версты отъ Гаевъ.

Корней Васильевъ изъ сильнаго, богатаго, гордаго человѣка сталъ тѣмъ, что онъ былъ теперь: старымъ побирушкой, у котораго ничего не было, кромѣ изношенной одежи на тѣлѣ, солдатскаго билета и двухъ рубахъ въ сумкѣ. Вся эта перемѣна сдѣлалась такъ понемногу, что онъ не могъ бы сказать, когда это началось и когда сдѣлалось. Одно, что онъ зналъ, въ чемъ былъ

твердо увѣренъ, это то, что виною его несчастія была его злодѣйка жена. Ему странно и больно было вспоминать то, что онъ былъ прежде. И когда онъ вспоминалъ про это, онъ съ ненавистью вспоминалъ про ту, кого онъ считалъ причиной всего того дурного, что онъ испыталъ въ эти 17 лѣтъ.

Въ ту ночь, когда онъ избилъ жену, онъ поѣхалъ къ помѣщику, гдѣ продавалась роща. Рощи не удалось купить. Она была уже куплена, и онъ вернулся въ Москву и тамъ запилъ. Онъ и прежде пивалъ, но теперь пьянствовалъ безпросыпно двѣ недѣли и, когда опомнился, уѣхалъ на низъ за скотиной. Покупка была неудачная, и онъ понесъ убытокъ. Онъ поѣхалъ въ другой разъ. И вторая покупка не задалась. И черезъ годъ у него изъ трехъ тысячъ осталось 25 рублей, и пришлось наниматься къ хозяевамъ. Онъ прежде пилъ, а теперь сталъ выпивать все чаще и чаще.

Сначала онъ прожилъ годъ приказчикомъ у скотопромышленника, но дорогой запилъ, и купецъ прогналъ его. Потомъ онъ нашелъ по знакомству мѣсто торговца виномъ, но и тутъ прожилъ не долго. Запутался въ расчетахъ, и ему отказали. Домой ѣхать и стыдно было, и злоба брала. „Проживутъ и безъ меня. Можетъ, и мальчишка-то не мой“, думалъ онъ.

Все шло хуже и хуже. Безъ вина онъ не могъ жить. Сталъ ужъ не въ приказчики наниматься, а въ погонщики къ скотинѣ. Потомъ ужъ и въ эту должность не стали брать.

Чѣмъ хуже ему становилось, тѣмъ больше онъ обвинялъ ее, и тѣмъ больше разгоралась его злоба на нее.

Въ послѣдній разъ Корней нанялся въ погонщики къ скотинѣ къ незнакомому хозяину. Скотина заболѣла. Корней не былъ виноватъ, но хозяинъ разсердился и расчелъ и приказчика и его. Наниматься некуда было, и Корней рѣшилъ идти странствовать. Состроилъ онъ себѣ сапоги, хорошую сумку, взялъ чаю, сахару, денегъ 8 рублей и пошелъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ ему не понравилось, и онъ пошелъ на Кавказъ, въ Новый Аѳонъ. Не доходя до Новаго Аѳона, его захватила лихорадка. Онъ вдругъ ослабѣлъ. Денегъ оставалось 1 р. 70 к., знакомыхъ никого не было, и онъ рѣшилъ идти домой къ сыну. „Можетъ, она и померла теперь злодѣйка моя,—думалъ онъ.—А жива, то хоть передъ смертью вы-

скажу ей все, чтобы знала она, мерзавка, что со мной сдѣлала", думалъ онъ и пошелъ къ дому.

Лихорадка трепала его черезъ день. Онъ слабѣлъ все больше и больше, такъ что не могъ уходить болѣе 10, 15 верстъ въ день. Не доходя 200 верстъ до дому, деньги всѣ вышли, и онъ шелъ уже Христовымъ именемъ и ночевалъ по отводу десятскаго. „Радуйся, до чего довела меня", думалъ онъ про жену, и по старой привычкѣ старыя и слабыя руки сжимались въ кулаки. Но и бить некого было, да и силы въ кулакахъ ужъ не было.

Двѣ недѣли шелъ онъ эти двѣсти верстъ, и совсѣмъ больной и слабый добрелъ до того мѣста въ четырехъ верстахъ отъ дома, гдѣ встрѣтился, не узнавъ ее и не бывъ узнанъ, съ той Агашкой, которая считалась, но не была его дочерью, и которой онъ выломалъ руку.

III.

Онъ сдѣлалъ, какъ сказала ему Агаѳья. Дойдя до Зиновѣева двора, онъ попросился ночевать... Его пустили.

Войдя въ избу, онъ, какъ и всегда дѣлалъ, перекрестился на иконы и поздоровался съ хозяевами.

— Застылъ, дѣдъ. Иди, иди на печь!—сказала сморщенная веселая старушка-хозяйка, убиравшая у стола.

Мужъ Агаѳьи, моложавый мужикъ, сидѣлъ на лавкѣ у стола и заправлялъ лампу.

— И мокрый же ты, дѣдъ!—сказалъ онъ.—Да что станешь дѣлать! Сушись.

Корней раздѣлся, разулся, повѣсилъ противъ печи онучи и влѣзъ на печь.

Въ избу вошла и Агаѳья съ кувшиномъ. Она уже успѣла пригнать стадо и убралась со скотиной.

— А не бывалъ старикъ странный?—спросила она.— Я велѣла къ намъ заходить.

— А вонъ онъ,—сказалъ хозяинъ, указывая на печь, гдѣ, потирая мохнатыя костлявыя ноги, сидѣлъ Корней.

Къ чаю хозяева кликнули и Корнея. Онъ слѣзъ и сѣлъ на краю лавки. Ему подали чашку и кусокъ сахару.

Разговоръ шелъ про погоду, про уборку. Не дается въ руки хлѣбъ. У помѣщиковъ проросли копны въ полѣ. Только начнутъ возить, опять дождь. Мужички свезли. А у господъ такъ дурòмъ прѣетъ. А мыша въ снопахъ—страсть.

Корней разсказалъ, что онъ видѣлъ по дорогѣ цѣлое поле, полное копенъ.

Молодайка налила ему пятую чашку жидкаго, чуть желтаго чаю и подала.

— Ничего. Пей, дѣдушка, на здоровье,—сказала она на его отказъ.

— Что же это рука у тебя не исправна?—спросилъ онъ у нея, осторожно принимая отъ нея полную чашку и пошевеливая бровями.

— Съ мальства еще сломали,—это ея отецъ нашу Агашу убить хотѣлъ,—сказала говорливая старушка свекровь.

— Съ чего же это?—спросилъ Корней. И глядя на лицо молодайки, ему вспомнился вдругъ Евстигней Бѣлый съ его голубыми глазами, и рука, державшая чашку, такъ задрожала, что онъ розлилъ половину чая, пока донесъ ее до стола.

— А такой былъ въ Гаяхъ у насъ человѣкъ, отецъ ей, Корней Васильевымъ звали. Богатей былъ. Такъ возгордился на жену. Ее избилъ и ее вотъ испортилъ.

Корней молчалъ, взглядывая изъ-подъ не переставая шевелившихся черныхъ бровей то на хозяина, то на Агашу.

— За что же?—спросилъ онъ, откусывая сахаръ.

— Кто ихъ знаетъ! Про нашу сестру всякое взболтнутъ, а ты отвѣчай,—говорила старуха.—Изъ-за работника что-то у нихъ вышло. Работникъ малый хорошій былъ изъ нашей деревни. Онъ и померъ у нихъ въ домѣ.

— Померъ?—переспросилъ Корней и откашлялся.

— Давно померъ. У нихъ мы и взяли молодайку. Жили хорошо. Первые на селѣ были, пока живъ былъ хозяинъ.

— А онъ что же?—спросилъ Корней.

— Тоже померъ, должно. Съ того раза пропалъ. Лѣтъ пятнадцать будетъ.

— Больше никакъ, мнѣ мамушка сказывала, меня она только кормить бросила.

— Что же, ты на него не обижаешься на то, что онъ руку...— началъ было Корней и вдругъ захлюпалъ.

— Развѣ онъ чужой? Отецъ вѣдь. Что жъ, еще пей съ холода. Палить, что ли?

Корней не отвѣчалъ и, всхлипывая, плакалъ.

— Чего же ты?

— Ничего, такъ. Спаси Христосъ!

И Корней дрожащими руками ухватился за столбикъ и за полати и полѣзъ большими худыми ногами на печь.

— Вишь ты!—сказала старушка сыну, подмигивая на старика.

IV.

На другой день Корней поднялся раньше всѣхъ. Онъ слѣзъ съ печи, размялъ высохшія подвертки; съ трудомъ обулъ заскорузшіе сапоги и надѣлъ мѣшокъ.

— Что жъ, дѣдъ, позавтракалъ бы,—сказала старуха.

— Спаси Богъ! Пойду.

— Такъ вотъ возьми хоть лепешекъ вчерашнихъ. Я тебѣ въ мѣшокъ положу.

Корней поблагодарилъ и простился.

— Заходи, когда назадъ пойдешь, живы будемъ...

На дворѣ былъ тяжелый, осенній туманъ, закрывавшій все. Но Корней хорошо зналъ дорогу, зналъ всякій спускъ и подъемъ и всякій кустъ и всѣ ветлы по дорогѣ и направо и налѣво, хотя за 17 лѣтъ одни срубили и изъ старыхъ стали молодыя, а другія изъ молодыхъ стали старыми.

Деревня Гаи была все та же, только построились съ краю новые дома, какихъ не было прежде.

И изъ деревянныхъ домовъ стали кирпичные. Его каменный домъ былъ такой же, только постарѣлъ. Крыша была давно не крашена и на углѣ выбиты были кирпичи, и крыльцо покривилось.

Въ то время, какъ онъ подходилъ къ своему прежнему дому, изъ скрипучихъ воротъ вышла матка съ жеребенкомъ, старый меринъ чалый и третьякъ. Старый чалый былъ весь въ ту матку, которую Корней за годъ до своего ухода привелъ съ ярмарки.

„Должно, это тотъ самый, что у нея тогда въ брюхѣ былъ. Та же вислозадина и та же широкая грудь и косматыя ноги“, подумалъ онъ.

Лошадей гналъ поить черноглазый мальчишка въ новыхъ лапоткахъ. „Должно, внукъ, Өедькинъ сынъ, въ него черноглазый“,— подумалъ Корней.

Мальчикъ посмотрѣлъ на незнакомаго старика и побѣжалъ за заигравшимъ по грязи стригуномъ. За мальчикомъ побѣжала собака, такая же черная, какъ прежній Волчекъ.

„Неужели Волчекъ?“ — подумалъ онъ. И вспомнилъ, что тому было бы 20 лѣтъ.

Онъ подошелъ къ крыльцу и съ трудомъ вошелъ на тѣ ступеньки, на которыхъ онъ тогда сидѣлъ, глотая снѣгъ съ перилъ, и отворилъ дверь въ сѣни.

— Чего лѣзешь, не спросясь?—окликнулъ его женскій голосъ изъ избы. Онъ узналъ ея голосъ. И вотъ она сама, сухая, жилистая, морщинистая старуха, высунулась изъ двери. Корней ждалъ той молодой, красивой Мареы, которая оскорбила его. Онъ ненавидѣлъ ее и хотѣлъ укорить, и вдругъ, вмѣсто нея, передъ нимъ была какая-то старуха.—Милостыни — такъ подъ окномъ проси,— пронзительнымъ, скрипучимъ голосомъ проговорила она.

— Я не милостыни,—сказалъ Корней.

— Такъ чего же ты! Чего еще?

Она вдругъ остановилась. И онъ по лицу увидалъ, что она узнала его.

— Мало ли васъ шляется. Ступай, ступай съ Богомъ!

Корней привалился спиной къ стѣнѣ и, упираясь на клюку, пристально смотрѣлъ на нее и съ удивленіемъ чувствовалъ, что у него не было въ душѣ той злобы на нее, которую онъ столько лѣтъ носилъ въ себѣ, но какая-то умиленная слабость вдругъ овладѣла имъ.

— Мареа, помирать будемъ.

— Ступай, ступай съ Богомъ!—быстро и злобно говорила она.

— Больше ничего не скажешь?

— Нечего мнѣ говорить,—сказала она.—Ступай съ Богомъ, ступай, ступай! Много васъ, чертей, дармоѣдовъ шляется!

Она быстрыми шагами вернулась въ избу и захлопнула дверь.

— Чего жъ ругать-то!—послышался мужской голосъ, и въ дверь

вышелъ, съ топоромъ за поясомъ, черноватый мужикъ, такой же, какъ былъ Корней 40 лѣтъ тому назадъ, только поменьше и похудѣе, но съ такими же черными, блестящими глазами.

Это былъ тотъ самый Ѳедька, которому онъ 17 лѣтъ тому назадъ подарилъ книжку съ картинками. Это онъ упрекнулъ мать за то, что она не пожалѣла нищаго. Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ и, тоже съ топоромъ за поясомъ, нѣмой племянникъ. Теперь это былъ взрослый, съ рѣдкой бородкой, морщинистый, жилистый человѣкъ съ длинной шеей, рѣшительнымъ и внимательно пронизывающимъ взглядомъ. Оба мужика только позавтракали и шли въ лѣсъ.

— Сейчасъ, дѣдка,—сказалъ Ѳедоръ и указалъ нѣмому сначала на старика, а потомъ на горницу и показалъ рукой, какъ рѣжутъ хлѣбъ.

Ѳедоръ вышелъ на улицу, а нѣмой вернулся въ избу. Корней все стоялъ, опустивъ голову, прислонившись къ стѣнѣ и опираясь на клюку. Онъ чувствовалъ большую слабость и съ трудомъ удерживалъ рыданія. Нѣмой вышелъ изъ избы съ большимъ пахучимъ ломтемъ свѣжаго чернаго хлѣба и подалъ Корнею. Когда Корней, перекрестившись, принялъ хлѣбъ, нѣмой обратился къ двери въ избу, провелъ двумя руками по лицу и началъ дѣлать видъ, что плюетъ. Онъ выражалъ этимъ неодобреніе теткѣ. Вдругъ онъ замеръ и, разинувъ ротъ, уставился на Корнея, какъ будто узнавая. Корней не могъ больше удерживать слезы и, вытирая глаза, носъ и сѣдую бороду полою кафтана, отвернулся отъ нѣмого и вышелъ на крыльцо. Онъ испытывалъ какое-то особенное, умиленное, восторженное чувство смиренія, униженія передъ людьми, передъ нею, передъ сыномъ, передъ всѣми людьми, и чувство это и радостно и больно раздирало его душу.

Марѳа смотрѣла изъ окна и спокойно вздохнула только тогда, когда увидала, что старикъ скрылся за угломъ дома.

Когда Марѳа увѣрилась, что старикъ ушелъ, она сѣла за станъ и стала ткать. Она ударила разъ десятокъ бердомъ, но руки не шли. Она остановилась и стала думать и вспоминать, какимъ она сейчасъ видѣла Корнея; она знала, что это былъ онъ,—тотъ самый, который убивалъ ее и прежде любилъ ее, и ей было страшно за то, что она сейчасъ сдѣлала. Не то она сдѣлала, что надо

было. А какъ же надо было обойтись съ нимъ? Вѣдь онъ не сказалъ, что онъ Корней и что онъ домой пришелъ.

И она опять взялась за челнокъ и продолжала ткать до самаго вечера.

V.

Корней съ трудомъ добрелъ къ вечеру до Андрѐевки и опять попросился ночевать къ Зиновьевымъ. Его приняли.

— Что жъ, дѣдъ, не пошелъ дальше?

— Не пошелъ, ослабъ. Видно, назадъ пойду. Ночевать пустите?

— Мѣсто не пролежишь. Иди, сушись.

Всю ночь Корнея трепала лихорадка. Передъ утромъ онъ забылся, а когда проснулся, домашніе всѣ разошлись по своимъ дѣламъ, и въ избѣ оставалась одна Агаѳья.

Онъ лежалъ на хорахъ на сухомъ кафтанѣ, который подостлала ему старуха.

Агаѳья вынимала хлѣбы изъ печи.

— Умница,—позвалъ онъ ее слабымъ голосомъ,—подойди ко мнѣ.

— Сейчасъ, дѣдъ,—отвѣчала она, высаживая хлѣбы.—Напиться, что ль? Кваску?

Онъ не отвѣчалъ.

Высадивъ послѣдній хлѣбъ, она подошла къ нему съ ковшикомъ кваса. Онъ не поворотился къ ней и не сталъ пить, а какъ лежалъ кверху лицомъ, такъ и сталъ говорить, не поворачиваясь.

— Гаша,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—время мое доспѣло. Я помирать хочу. Такъ вотъ ты прости меня Христа ради.

— Богъ проститъ. Что жъ, ты мнѣ худого не дѣлалъ.

Онъ помолчалъ.

— А еще вотъ что: сходи ты, умница, къ матери, скажи ей... странникъ, молъ, скажи... вчерашній странникъ, скажи...

Онъ сталъ всхлипывать.

— А ты развѣ былъ у нашихъ?

— Былъ. Скажи, странникъ вчерашній... странникъ, скажи,—опять онъ остановился отъ рыданій и, наконецъ, собравшись съ силами, договорилъ: — попрощаться къ ней приходилъ, — сказалъ онъ и сталъ шарить у себя около груди.

— Скажу, дѣдъ, скажу! А ты чего ищешь? — сказала Агаѳья.

Старикъ, не отвѣчая, сморщившись отъ усилія, досталъ своей худой волосатой рукой бумагу изъ-за пазухи и подалъ ей.

— А это вотъ отдай, кто спроситъ. Билетъ мой солдатскій. Слава Богу, развязались всѣ грѣхи! — и лицо его сложилось въ торжественное выраженіе. Брови поднялись, глаза уставились въ потолокъ, и онъ затихъ.

— Свѣчку, — проговорилъ онъ, не шевеля губами.

Агаѳья поняла. Достала отъ иконъ обгорѣвшую восковую свѣчку, зажгла и подала ему. Онъ прихватилъ ее большимъ пальцемъ.

Агаѳья отошла убрать въ сундучокъ его билетъ, и когда подошла къ нему, свѣча валилась у него изъ руки, и остановившіеся глаза уже не видѣли, и грудь не дышала. Агаѳья перекрестилась, задула свѣчу, достала полотенце чистое и закрыла его лицо...

Во всю ночь эту Марѳа не могла заснуть и все думала о Корнеѣ. На утро она надѣла зипунъ, накрылась платкомъ и пошла узнавать, гдѣ вчерашній старикъ. Очень скоро она узнала, что старикъ въ Андреевкѣ. Марѳа взяла изъ плетня палку и пошла въ Андреевку. Что дальше она шла, тѣмъ все страшнѣе и страшнѣе ей становилось. „Попрощаюся съ нимъ, возьмемъ домой, грѣхъ развяжемъ. Пускай хоть помретъ дома при сынѣ“, думала она.

Когда Марѳа стала подходить къ дочернему двору, она увидала большую толпу народа у избы. Одни стояли въ сѣняхъ, другіе подъ окнами. Всѣ уже знали, что тотъ самый знаменитый богачъ Корней Васильевъ, который 40 лѣтъ тому назадъ гремѣлъ по округѣ, бѣднымъ странникомъ померъ въ домѣ дочери. Изба тоже была полна народа. Бабы перешептывались, вздыхали и охали.

Когда Марѳа вошла въ избу и народъ разступился, пропуская ее, она подъ святыми увидала обмытое, убранное, прикрытое полотномъ мертвое тѣло, надъ которымъ грамотный Филиппъ Кононычъ, подражая дьячкамъ, читалъ нараспѣвъ славянскія слова псалтыря.

Ни простить, ни просить прощенія уже нельзя было. А по строгому, прекрасному, старому лицо Корнея нельзя было понять, прощаетъ ли онъ или еще гнѣвается.

Л. Толстой.

Апрѣль.

1-е апрѣля.

Область знанія безконечна, и потому для того, чтобы знаніе было разумно, надо знать, какіе предметы изъ всѣхъ областей знанія самые важные, какіе менѣе важные и т. д.

1.

Въ наше время накопляется огромное количество знаній, достойныхъ изученій. Скоро наши способности будутъ слишкомъ слабы, а жизнь слишкомъ коротка, чтобы усвоить хотя бы одну только наиболѣе полезную часть этихъ знаній. Къ нашимъ услугамъ полное изобиліе богатствъ, но, воспринявъ ихъ, мы должны снова отбрасывать многое, какъ безполезный хламъ. Было бы лучше иногда не обременять себя имъ. Кантъ.

2.

При нашемъ преждевременномъ и часто слишкомъ обильномъ чтеніи, дающемъ намъ такъ много непереваренняго матеріала, наша память становится обыкновенно хозяиномъ нашихъ чувствъ и вкусовъ; поэтому-то намъ часто необходима глубокая философія, чтобы вернуть первобытную невинность нашему чувству, найти *себя* среди мусора чужихъ мыслей и взглядовъ, чтобы *самимъ* начать чувствовать и говорить, и, я почти готовъ сказать, чтобы начать когда-нибудь *самимъ* существовать. Лихтенбергъ.

3.

Я сказалъ себѣ: „Мое сердце пусть познаетъ всю науку“. И оставалось немного вещей, которыя я не понималъ, но когда я

болѣе зрѣлымъ взглядомъ взглянулъ на все, что я зналъ, жизнь моя прошла, и я не зналъ ничего.

Персидскій Омаръ Кайяма.

4.

Выбросьте изъ вашего сердца и ума мысль познать все на небѣ и на землѣ. Очень немного вообще существуетъ такого, что мы можемъ когда-либо познать, какъ относительно путей Провидѣнья, такъ и законовъ существованія. Но и этого немногаго достаточно, вполнѣ достаточно; стремиться къ большему не благо для насъ. И будьте увѣрены, что за предѣлами дѣйствительныхъ нуждъ нашего скромнаго существованія и того царства, которымъ каждому изъ насъ предназначено управлять въ невозмутимомъ самообладаніи, всякое увеличеніе труда усиливаетъ безуміе, всякое увеличеніе знанія усиливаетъ горе.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Наблюденія и вычисленія астрономовъ научили насъ многому, достойному удивленія; но самый важный результатъ ихъ изслѣдованій, пожалуй, тотъ, что они обнаружили передъ нами бездну нашего невѣжества: безъ этихъ человѣческихъ знаній разумъ никогда не могъ бы представить себѣ всю огромность этой бездны, а размышленіе объ этомъ можетъ произвести большую перемѣну въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей дѣятельности нашего разума.

Кантъ.

6.

„Есть травы на землѣ: мы ихъ видимъ, съ луны ихъ было бы не видно. На этихъ травахъ есть нити, въ этихъ нитяхъ—маленькія животныя, но дальше этого ничего ужъ нѣтъ“. Какая самонадѣянность! „Сложныя тѣла состоятъ изъ элементовъ, а элементы неразложимы“. Какая самонадѣянность!

Паскаль.

7.

Не бойся незнанія, бойся ложнаго знанія. Отъ него все зло міра.

Знаніе безконечно. И потому знающій очень много безконечно мало превосходитъ того, кто знаетъ очень мало.

2-е апрѣля.

Жизнь нравственная есть непрестанное усиліе.

1.

Привычку никогда нельзя признать добромъ, даже и привычку къ хорошимъ поступкамъ. Хорошее, благодаря ей, перестаетъ быть добродѣтелью. Кантъ.

2.

Не будь опромєтчивъ, неси свое бремя, пусть оно послужитъ тебѣ къ добру; извлеки изъ него то, что нужно для разумной жизни твоей, какъ желудокъ извлекаетъ изъ пищи все нужное для плоти, или какъ огонь, который разгорается свѣтлѣе, когда въ него что-нибудь бросятъ. Маркъ Аврелій.

3.

Чѣмъ больше отталкиваешь свой крестъ, тѣмъ онъ становится тяжелѣе. Аміель.

4.

Будь всегда внимателенъ къ тому, что дѣлаешь, и ничего не считай недостойнымъ вниманія. Конфуцій.

5.

Постоянное исполненіе незамѣтныхъ обязанностей съ простымъ и нравственно возвышеннымъ чувствомъ укрѣпляетъ характеръ до той степени, при которой онъ будетъ мужественно и сильно дѣйствовать въ шумѣ міра и на плахѣ. Эмерсонъ.

6.

Ростъ есть медленный процессъ, а не судорожный взрывъ. Также возможно познать цѣлую науку мгновеннымъ порывомъ мысли, какъ побѣдить грѣхъ судорогою раскаянія. Дѣйствительное сред-

ство духовнаго прогресса состоитъ только въ постоянномъ терпѣливомъ усиліи, руководимомъ мудрымъ разсужденіемъ.

Чаннингъ.

Нравственное усиліе и радость сознанія жизни чередуются такъ же, какъ тѣлесный трудъ и радость отдыха. Безъ труда тѣлеснаго нѣтъ радости отдыха; безъ усилія нравственнаго нѣтъ радости сознанія жизни.

3-е апрѣля.

Смерть одинаково благодѣтельна,—есть ли она переходъ личности въ другую форму или уничтоженіе ея и сліяніе съ безконечнымъ началомъ всего.

1.

Жизнь несомнѣнно можно считать сновидѣніемъ, а смерть пробужденіемъ. Но тогда личность, индивидуальность принадлежитъ сновидящему, а не пробудившемуся сознанію: потому-то смерть и представляется каждому уничтоженіемъ.

Шопенгауэръ.

2.

Смерть есть разрушеніе тѣхъ органовъ, посредствомъ которыхъ я воспринимаю міръ, какимъ онъ представляется въ этой жизни: это разрушеніе того стекла, черезъ которое я смотрѣлъ. О томъ, будетъ ли оно замѣнено другимъ, или то, что̀ смотрѣло черезъ окно, сольется со Всѣмъ—мы не можемъ знать.

3.

Какъ хозяинъ смоковницы знаетъ время ея созрѣванія, такъ и Богъ знаетъ, когда отозвать праведнаго отъ міра сего.

4.

Извѣстный предѣлъ жизни долженъ существовать, и, такъ же, какъ плоды деревьевъ и земли, такъ же, какъ времена года, все должно

начинаться, продолжаться и проходить. Мудрые люди охотно подчиняются этому порядку; сказки же о великанахъ, воюющихъ съ богами, выражаютъ именно безуміе тѣхъ людей, которые возмущаются противъ природы и ея законовъ. Цицеронъ.

5.

Я думаю, что всякій здравый умъ держится убѣжденіемъ, что если лучше, чтобы продолжалась сознательная личная жизнь, она будетъ продолжаться; если же не лучше, то она прекратится. Если бы мы видѣли все, мы бы видѣли, что такъ лучше.

Все, что я видѣлъ отъ Бога, заставляетъ меня вѣрить во все то, чего я не видѣлъ. Эмерсонъ.

6.

Смерть такъ легко и просто избавляетъ отъ всѣхъ затрудненій и бѣдствій невѣрующаго въ безсмертіе и такъ радостна для вѣрующаго въ безсмертіе, ожидающаго новой жизни, что всѣ должны бы были стремиться къ ней, если бы она не была сопряжена съ страданіями. Страданіе затѣмъ и послано людямъ, чтобы удерживать ихъ отъ смерти.

Теперь же къ смерти нельзя придти иначе, какъ черезъ страданія.

7.

Никто не знаетъ, что такое смерть, и не есть ли она величайшее для человѣка добро. И, однако, всѣ ея страшатся, какъ бы въ сознаніи, что она величайшее зло. Платонъ.

8.

Одинаково недостойно человѣка разумнаго и желать смерти и страшиться ея. Арабская поговорка.

9.

Если бы Богъ предоставилъ людямъ выборъ: умереть или жить постоянно, то едва ли въ виду безконечной нищеты, зависимости, тоски, болѣзней или даже пользованія богатствомъ, властью, удо-

вольствіями, здоровьемъ, но *подъ страхомъ ежеминутнаго лишенія всего*, человѣкъ могъ бы на что-нибудь рѣшиться.

Природа рѣшаетъ дѣло и избавляетъ отъ труда выбирать.

Ла-Брюйеръ.

Старайся держать свою жизнь постоянно на той серединѣ, при которой ты бы не боялся смерти и не желалъ бы ея.

4-е апрѣля.

Жизнь должна и можетъ быть неперестающей радостью.

1.

Жизнь здѣсь не юдоль плача, не мѣсто испытанія, а нѣчто, лучше чего мы ничего не можемъ себѣ представить. Радость этой жизни безконечна, только бы мы пользовались ею, исполняя положенные намъ для этого законы.

2.

Дурное расположеніе духа человѣка дѣлаетъ его всегда несчастнымъ, и его и другихъ. Хорошее расположеніе духа какъ масломъ смазываетъ колеса жизни.

3.

Люди, большею частью, такъ относятся къ своимъ удовольствіямъ, что огорчаются, если теряютъ ихъ. Но правъ только тотъ человѣкъ, который умѣетъ радоваться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не огорчаться, когда проходитъ причина его радости.

Паскаль.

4.

Попробуй,—можетъ-быть, тебѣ удастся прожить, какъ человѣку, довольному своей судьбой, пріобрѣтшему внутренній миръ любовью и добрыми дѣлами. Маркъ Аврелій.

5.

Истинно мудрый человѣкъ всегда веселъ.

Главное средство жить радостно — это вѣрить, что жизнь дана на радость. Если радость кончается, ищи, въ чемъ ты ошибся.

5-е апрѣля.

Избѣжать исполненія закона труда можно только грѣхомъ: или насиліемъ, или лестью и угодничествомъ передъ насиліемъ.

1.

Лучше лишиться жизни, чѣмъ льстить низкимъ. Нищета лучше, чѣмъ роскошь черезъ богатство другого. Не стоять у дверей богатаго и не говорить голосомъ просителя,—это лучшая жизнь.

Инд. Готопадезе.

2.

Лучше человѣку сейчасъ умереть голодной смертью, чѣмъ лишиться невинности ради добыванія хлѣба. Торо.

3.

Были два брата: одинъ служилъ у царя, а другой питался трудомъ рукъ своихъ. Богатый братъ сказалъ разъ бѣдному:

— Зачѣмъ ты не поступаешь на служеніе къ царю, ты бы избавился отъ бѣдствій труда?

На это бѣдный сказалъ:

— А зачѣмъ ты не трудишься, чтобы избавиться отъ униженія рабства? Мудрецы сказали, что лучше спокойно ѣсть хлѣбъ своего труда, чѣмъ носить золотой поясъ и быть слугою другого. Лучше мѣсить руками известь и глину, чѣмъ складывать ихъ на груди въ знакъ

своего рабства. Лучше довольствоваться кускомъ хлѣба, чѣмъ рабски гнуть спину“. Сади.

4.

Какъ ни прекрасна одежда, жалованная царемъ, своя грубая одежда лучше, и хотя вкусны яства богатыхъ, лучше кусокъ хлѣба съ своего стола. Сади.

5.

Ничто не облагораживаетъ человѣка больше труда. Безъ труда не можетъ человѣкъ соблюсти свое человѣческое достоинство.

Отъ этого-то праздные люди такъ заботятся о внѣшнемъ величіи. Они знаютъ, что они безъ этой обстановки презирались бы всѣми.

6.

Воистину лучше каждому изъ васъ взять веревку и пойти въ лѣсъ за дровами и продать вязанку дровъ на пищу, чѣмъ просить людей, чтобъ они дали вамъ. Если они не дадутъ вамъ, вамъ будетъ стыдно и досадно, а если дадутъ, будетъ еще хуже: вы будете обязаны подателю. Магометъ

7.

Кто не работаетъ землю, тому земля говоритъ: „За то, что ты не работаешь меня правой и лѣвой рукой, вѣчно будешь ты стоять у чужихъ дверей вмѣстѣ со всѣми попрошайками, вѣчно будешь пользоваться отбросами богатыхъ“. Зароастръ.

8.

Гдѣ среди насъ тѣ люди, которые убѣждены въ томъ, что всякая трудовая жизнь уважительнѣе праздной,—убѣждены въ этомъ и живутъ сообразно этому убѣжденію, и сообразно этому убѣжденію цѣнятъ и уважаютъ людей?

Если не хочешь трудиться, унижайся или насилуй.

6-е апрѣля.

Люди занимаются самыми различными, почитаемыми ими, очень важными дѣлами, но почти никогда не занимаются тѣмъ единственнымъ дѣломъ, которое, одно предназначено имъ и включаетъ все остальное — улучшеніемъ своей души. То, что именно это дѣло предназначено человѣку, видно изъ того, что это единственная цѣль, для достиженія которой человѣку нѣтъ препятствій.

1.

Въ юности мы испытываемъ восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе, что назначеніе человѣка въ постоянномъ совершенствованіи.

Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастья кажется удобоисполнимою вещью. И Богъ одинъ знаетъ, точно ли смѣшны эти благородныя мечты юности, и кто виноватъ въ томъ, что они не осуществляются.

2.

Я считаю, что нельзя лучше жить, какъ стараясь дѣлаться лучше; и что нѣтъ большаго удовольствія, какъ чувствовать, что дѣйствительно становишься лучше. Это счастіе, которое я не переставалъ испытывать до сихъ поръ и о которомъ свидѣтельствуетъ мнѣ моя совѣсть. Сократъ.

3.

Мы должны благодарить тѣхъ, которые указываютъ намъ наши недостатки. Хотя недостатки наши отъ этого указанія и не пропадаютъ, потому что ихъ слишкомъ много у насъ, но зато, когда недостатки наши намъ извѣстны, то они начинаютъ тревожить нашу душу, не даютъ совѣсти глохнуть, и мы стараемся исправиться и освободиться отъ нихъ. Паскаль.

4.

Каждый знаетъ, что всякая привычка отъ упражненія усиливается и укрѣпляется. Напримѣръ, чтобы сдѣлаться хорошимъ ходокомъ, надо часто и много ходить; чтобы сдѣлаться хорошимъ бѣгуномъ, надо много бѣгать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать, и т. д. Наоборотъ, если перестанешь дѣлать то, къ чему привыкъ, то и сама привычка понемногу пропадетъ. Если ты, напримѣръ, пролежишь десять дней не вставая, и потомъ станешь ходить, то увидишь, какъ слабы стали твои ноги. Значитъ, если ты хочешь привыкнуть къ какому-нибудь дѣлу, то тебѣ нужно часто и много дѣлать это дѣло; и наоборотъ, если ты желаешь отвыкнуть отъ чего-нибудь, то не дѣлай этого.

То же самое бываетъ и со способностями нашей души: когда ты сердишься, то знай, что ты дѣлаешь не одно это зло, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ты усиливаешь въ себѣ привычку къ гнѣву,—ты подкладываешь дровъ въ огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только въ этомъ—и больше ничего: нѣтъ, ты въ то же время усилилъ еще привычку къ похотливымъ поступкамъ. Всякій разумный человѣкъ скажетъ тебѣ, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желанія такъ именно и усиливаются. А потому, если ты не хочешь пріучать себя къ гнѣву, то всячески сдерживай свой гнѣвъ и не давай привычкѣ нарастать.

Но какимъ путемъ пріобрѣтается такая сила въ борьбѣ съ своими помыслами? Въ борьбѣ съ соблазнительными мыслями бываетъ полезно искать общества людей болѣе добродѣтельныхъ, чѣмъ ты самъ, или вспоминать и читать поученія мудрыхъ людей, жившихъ прежде тебя. Истинный борецъ—тотъ, кто борется съ своими порочными помыслами. Борьба эта святая и приближаетъ тебя къ Богу. Отъ успѣшности ея зависитъ твоя свобода,—зависятъ спокойствіе и счастіе твоей жизни. Помни всегда два времени: одно—настоящее время, въ которое, уступивъ порочнымъ помысламъ, ты будешь наслаждаться похотью, и другое—время, въ которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также въ соображеніе то удовольствіе, которое будешь

испытывать, если воздержишься. Помни и то, что трудно будетъ воздержаться, если однажды преступилъ мѣру. Но если ты будешь уступать своимъ порочнымъ помысламъ и увѣрять себя, что ты побѣдишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этимъ доведешь себя до такой слабости и болѣзненности, что на будущее время перестанешь даже замѣчать свои ошибки; а если и замѣтишь, то у тебя всегда найдется готовое оправданіе для всѣхъ твоихъ порочныхъ поступковъ. Эпиктетъ.

5.

Состояніе вашего сознанія имѣетъ для васъ больше значенія, чѣмъ сужденіе всего внѣшняго міра; ибо вы живете въ своемъ сознаніи непрерывно и вѣчно. Ваше счастіе или несчастіе зависитъ не отъ того, какъ другіе относятся къ вамъ, а отъ того, какъ вы относитесь къ себѣ. Исправляйте себя и вы сдѣлаете этимъ самое лучшее, что вы можете сдѣлать и для себя, и для другихъ. Люси Малори.

6.

Хорошо человѣку быть въ концѣ года лучше, чѣмъ въ началѣ.

Торо.

7.

„Будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный“—значитъ: старайтесь приближаться къ тому высшему идеалу разума и добра, который вы можете представить себѣ.

Совершенствоваться нельзя, живя постоянно въ суетѣ мірской, и еще меньше возможно, живя въ пустынѣ. Самое выгодное условіе для совершенствованія это то, чтобы въ уединеніи вырабатывать и утверждать свое міровоззрѣніе и потомъ, живя въ мірѣ, примѣнять его къ дѣлу.

7-е апрѣля.

Платить добромъ за зло естественнѣе и легче и разумнѣе, чѣмъ платить зломъ за зло.

1.

И когда пришли на мѣсто, называемое Лобное, тамъ распяли Его и злодѣевъ, одного по правую, а другого по лѣвую сторону. Іисусъ же говорилъ: Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что̀ дѣлаютъ.

Лк. XXIII, 33—34.

2.

Никто никогда не уставалъ доставлять себѣ всевозможныя блага. Но вѣдь величайшее благо, которое человѣкъ можетъ себѣ доставить, это—дѣйствовать сообразно съ закономъ своего разума, а законъ этотъ велитъ тебѣ, не уставая, дѣлать добро другимъ, какъ высшее благо для самого себя. Маркъ Аврелій.

3.

Плати добромъ за зло. Талмудъ.

4.

Чѣмъ отомстить своему врагу? Стараться дѣлать ему какъ можно больше добра. Эпиктетъ.

5.

Побѣждай гнѣвъ кротостью, зло добромъ, скупого дарами, лжна правдой. Джамапада.

6.

Обращаясь съ ближними такъ, какъ они того заслуживаютъ, мы дѣлаемъ ихъ только хуже. Обращаясь же съ ними такъ, какъ будто они лучше того, что они представляютъ въ дѣйствительности, мы заставляемъ ихъ становиться лучше. Гёте.

7.

Отвѣчай добромъ на зло, и ты уничтожишь въ зломъ человѣкѣ все удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ зла.

Тотъ, кто хоть разъ испыталъ радость отплатить добромъ за зло, тотъ никогда ужъ не пропуститъ случая получить эту радость.

Недѣльное чтеніе.

Добро.

Въ мірѣ внѣшней природы, у растеній, у животныхъ, нѣтъ ни добра, ни зла; нѣтъ также этого и въ живомъ, неосмысленномъ тѣлѣ человѣческомъ. Грань эта, отдѣляющая добро отъ зла, начинается въ душѣ человѣка его способностью сознавать и разумѣть. Въ душѣ человѣка съ юныхъ лѣтъ идетъ непрестанная борьба со зломъ. И туда, гдѣ совершается эта естественная работа,—какъ работа земледѣльца надъ своимъ полемъ, работа покоренія высшими свойствами души низшихъ побужденій плоти,—тамъ слѣдуетъ закладывать начало всякаго добраго и разумнаго дѣла и тамъ, въ этой духовной области, бороться съ невѣжествомъ, съ дикостью, съ заблужденіемъ и со всѣмъ тѣмъ, что человѣкъ считаетъ зломъ. И потому заповѣдь о непротивленіи злому точно и ясно опредѣляетъ мѣсто для борьбы со зломъ. Мѣсто это въ самомъ себѣ.

Предѣлы насилія для каждаго разумнаго человѣка ограничиваются своимъ тѣломъ, своею плотью, потому что въ этомъ насиліи духа надъ плотью состоитъ работа и питаніе души. Другой же человѣкъ, чужая плоть имѣетъ своего однороднаго хозяина, и насиліе, направленное на нее, не имѣетъ разумнаго оправданія; оно не нужно. Ученіе о непротивленіи злому имѣетъ именно эту самую цѣль— цѣль обнаруженія ненужности насилія, направленнаго на другого.

Кто возьмется утверждать, чтобы человѣкъ самъ своею волею не могъ управиться самъ въ себѣ, чтобы онъ не могъ понимать

и дѣлать все то, что требуется отъ него для жизни того міра, въ которомъ онъ живетъ? Утверждать это значитъ отрицать данную Богомъ человѣку свободу жизни, свободу спасти себя или погубить, отрицать свое разумное существо,—утверждать это значитъ отрицать человѣка. Воля человѣка можетъ простираться за предѣлы его существа, но кто рѣшится утверждать, чтобы она была тамъ необходима? Кто рѣшится утверждать, чтобы въ жизни міра могъ быть ущербъ отъ его, человѣческаго, личнаго невмѣшательства? Утверждать это значитъ говорить о недостаточности воли Божіей, значитъ отрицать Бога. Мірское зло именно въ томъ и состоитъ, что люди, простирая свою волю за предѣлы своего существа, стараются сдѣлать ее тамъ предметомъ необходимости, т.-е. ставятъ свою волю на мѣсто воли Божіей. Святотатство это обнаруживается заповѣдью о непротивленіи злому.

Успѣхъ оправдываетъ дѣло; побѣдилъ, такъ и правъ; правда въ побѣдѣ. Таково плотское, животное, языческое понятіе объ истинѣ,—понятіе, по которому слово истина только пустой звукъ.— Что такое истина? Вотъ ужо повѣсятъ тебя съ твоей истиной!— сказалъ Пилатъ. Но Христосъ видитъ истину, и видитъ ее на противоположномъ концѣ: правъ побѣжденный. Если ты лично въ борьбѣ съ человѣкомъ побѣдилъ силою, то знай, что не правъ непремѣнно ты, что истина не на твоей сторонѣ. Истина въ побѣжденномъ, въ побѣжденномъ Богъ, побѣжденный воплощаетъ въ себѣ понятіе о господствѣ Бога—первое и основное понятіе разумнаго существа. Таково положеніе человѣка на землѣ, и единственный путь изъ этого, на первый взглядъ, печальнаго положенія—это непротивиться злому, не бороться съ человѣкомъ, признать себя навсегда побѣжденнымъ заранѣе, быть навсегда побѣжденнымъ Богомъ—путь, который освѣщается и возвеличивается истинною религіею, разумѣніемъ о жизни человѣка.

Непротивленіе, устраняя борьбу, освобождаетъ вѣроятность и возможность успокоенія, освобождаетъ поле для иного, духовнаго взаимодѣйствія, въ которомъ уже другія силы и другіе интересы. Призваніе же человѣка на землѣ, какъ показано это въ евангеліи искушеніемъ Іисуса отъ дьявола и бесѣдою съ Никодимомъ, именно въ томъ и состоитъ, чтобы освобождать и выше всего возвеличи-

вать въ мірѣ людей божественную способность человѣка сознавать и разумѣть,—освобождать и возвеличивать это разумное сознаніе, этого сына человѣческаго, этого сына Божія въ человѣкѣ. Непротивиться значитъ пробуждать, воскрешать сына Божія, воскрешать Христа; противиться—угнетать, распинать Его. Человѣкъ разумное существо. Благо разумнаго существа лежитъ въ торжествѣ и господствѣ разума. Для торжества же и господства разума необходимо прежде всего успокоеніе страстей плоти. И какъ въ жизни одного человѣка, такъ и въ общественной жизни народовъ никогда не можетъ утвердиться господство разума на почвѣ страстей, гордости, суда, власти, насилія. Заповѣдью о непротивленіи злому достигается осуществленіе въ жизни этой аксіомы мудрости.

Разумѣніе и сознаніе заложено Богомъ въ души всѣхъ людей, и евангеліе внушаетъ цѣнить это дороже всего. „Кто скажетъ брату своему „рака", подлежитъ суду, а кто скажетъ „безумный", подлежитъ гееннѣ огненной". Только души человѣческія находятъ въ сознаніи и разумѣніи единеніе и любовь; во внѣшнемъ же мірѣ каждое существо любитъ само себя больше всего остального міра. Заповѣдь о непротивленіи злому, опредѣляя мѣсто для борьбы со зломъ, разрѣшаетъ вопросъ вѣчнаго противорѣчія между внѣшнимъ міромъ розни и вражды и духовнымъ міромъ единенія и любви и соединяетъ ихъ въ одно царство Бога, какъ объ этомъ вдохновенно сказалъ Іисусъ Нафанаилу: „Отнынѣ уничтожается грань между небомъ и землею, и силы неба будутъ такъ же служить человѣку, какъ служатъ ему силы земли" (Ін. I, 51).

Бука.

8-е апрѣля.

Война есть разрѣшаемое людьми преступленіе.

1.

Нѣтъ, призываю въ свидѣтели возмущеніе совѣсти всякаго человѣка, который видѣлъ, какъ текла кровь его согражданъ, или былъ причиной этого; недостаточно одной головы, чтобы нести тяжесть столькихъ убійствъ. Надо бы было столько же головъ, сколько есть сражающихся. Для того, чтобы быть отвѣтственными за законъ крови, который они устанавливаютъ, нужно бы было, чтобы они по крайней мѣрѣ понимали его. Но лучшія учрежденія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, будутъ все-таки только временными потому, что, повторяю еще разъ, арміи и война должны кончиться, несмотря на слова софиста, котораго я опровергалъ въ другомъ мѣстѣ. Неправда, чтобы война даже противъ чужеземца была священна; неправда, чтобы земля алкала крови. Война проклята Богомъ и даже тѣми людьми, которые въ ней участвуютъ и которые испытываютъ отъ нея тайный ужасъ. Земля же проситъ у неба воды своихъ рѣкъ и чистой росы ея облакъ.

Альфредъ де Виньи.

2.

Тѣмъ, которые, не понимая нашей вѣры, хотятъ, чтобы мы взяли въ руки оружіе и убивали людей ради общаго дѣла, мы можемъ отвѣтить: „Ваши жрецы, приставленные къ вашимъ идоламъ и вашимъ храмамъ, блюдутъ свои руки чистыми для того, чтобы жертвы, которыя они приносятъ вашимъ богамъ, совершались бы руками чистыми, не оскверненными кровью и убійствомъ. Какая бы ни начиналась война, вы никогда не зачисляете ихъ въ войско. Если этотъ обычай основанъ на разумѣ, то не гораздо ли еще разумнѣе то, чтобы христіане, когда другіе воюютъ на полѣ сраженія, вели бы войну, какъ служители истиннаго Бога, соблюдая свои руки чистыми отъ всякаго оскверненія, воюя своими мо-

литвами за того, чье оружіе законно и кто царствуетъ по правдѣ съ тѣмъ, чтобы исчезло все то, что противно правому дѣлу.

Когда мы нашими молитвами побѣждаемъ дьяволовъ, возбуждающихъ къ войнѣ, поощряемъ народы къ ненарушенію союзовъ и условій мира, мы гораздо полезнѣе властителямъ, чѣмъ ихъ воины. Мы истинно участвуемъ въ трудахъ, имѣющихъ цѣлью общественное благо, когда къ нашимъ молитвамъ и увѣщаніямъ мы присоединяемъ еще размышленія и упражненія, поучающія людей освобожденію отъ похотей. Да, мы болѣе всѣхъ другихъ воюемъ за благо императора. Правда, мы не служимъ подъ его знаменами и не будемъ служить, если бы онъ и заставлялъ насъ, но мы сражаемся за него на полѣ добродѣтели.

Оригенъ противъ Цельзія.

3.

Только беззаконія ваши были средостѣніемъ между вами и Богомъ вашимъ, и грѣхи ваши закрыли лицо Его отъ васъ, чтобы Онъ не слышалъ: потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконіемъ; уста ваши говорятъ ложь, языкъ вашъ произноситъ неправду. Никто не поднимаетъ голову за правду и никто не вступается за истину; уповаютъ на пустое и говорятъ ложь, зачинаютъ бѣду и рождаютъ беззаконіе. Дѣла ихъ суть дѣла грѣховныя, и руки ихъ производятъ насиліе; ноги ихъ бѣгутъ ко злу, и они спѣшатъ на пролитіе невинной крови; помышленія ихъ—помышленія грѣховныя; опустошеніе и гибель на пути ихъ; они не знаютъ пути міра и нѣтъ правосудія на стезяхъ ихъ; они сами искривили свои пути; никто, ходящій по нимъ, не знаетъ міра. Потому-то и далеко отъ насъ правосудіе, и правда не доходитъ до насъ; мы ожидаемъ свѣта, но вотъ тьма; ждемъ сіянья, но ходимъ во мракѣ; ощупываемъ стѣну, какъ слѣпые, и ощупью ходимъ, какъ безглазые; въ полдень спотыкаемся, какъ въ сумерки; между живыми какъ мертвецы. Исаія LIX, 2—10.

4.

Изумительное и ужасное совершается въ сей землѣ: пророки пророчествуютъ ложь, и священники господствуютъ при посредствѣ

ихъ, и народъ Мой любитъ это. Что же вы будете дѣлать послѣ всего этого? Іеремія V, 30—31.

5.

И по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь. Мѳ. XXIV, 12.

6.

Нынѣ ваше время и власть тьмы. Лк. XXII, 53.

7.

Война—это занавѣсъ, за которой люди и націи предаются такимъ грѣхамъ, которые міръ не потерпѣлъ бы иначе.

Спрингфильдъ.

Преступленіе убійства всегда преступленіе, кто бы ни разрѣшалъ его и какое бы ни было его оправданіе. И потому убійцы, совершающіе убійства или приготовляющіеся къ нимъ—преступники, по отношенію къ которымъ нужно не уваженіе, одобреніе и восхищеніе, а сожалѣніе, исправленіе и увѣщаніе.

9-е апрѣля.

Любовь къ добру (къ Богу) и вѣра въ безсмертіе — одно и то же.

1.

Никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ *знаетъ* то, что есть Богъ и будущая жизнь. Наше убѣжденіе въ этомъ основано не на логической, но на нравственной достовѣрности и, такъ какъ оно основано на нравственномъ личномъ настроеніи, я не могу сказать, что нравственно несомнѣнно то, что есть Богъ и мое безсмертіе, но я долженъ сказать, что я нравственно убѣжденъ,

что есть Богъ и что мое „я“ безсмертно. Это значитъ то, что вѣра въ Бога и другой міръ такъ связана съ моей природой, что вѣра эта не можетъ быть отдѣлена отъ меня. Кантъ.

2.

По мѣрѣ облагороживанія нашей природы усиливается наша увѣренность въ безсмертіе. По мѣрѣ того, какъ природа наша удаляется отъ животной грубости, эгоистической низости, отъ жалкаго суевѣрія и вступаетъ въ свойственное ей нравственное величіе, уничтожаются и ея сомнѣнія...

Покрывало снимается съ будущаго, мракъ разсѣивается, и мы торжественно вступаемъ въ рай божеской вѣчности.

Мартино.

3.

Все, что я видѣлъ и знаю, учитъ меня вѣрить тому, чего я не видѣлъ и не знаю. То, что готовитъ для насъ Провидѣніе въ будущемъ, что бы это ни было, должно быть нѣчто величественное, благое, въ томъ же характерѣ тѣхъ Его дѣлъ, которыя мы знали здѣсь. Наше будущее должно соотвѣтствовать нашимъ свойствамъ: памяти, надеждѣ, воображенію, разуму. Эмерсонъ

4.

Въ смерти нѣтъ ничего страшнаго; то, что страшно въ смерти, то зависитъ отъ жизни.

Тотъ, кто всѣмъ существомъ любитъ добро (Бога), не можетъ сомнѣваться въ своемъ безсмертіи.

10-е апрѣля.

Приближеніе Царства Божія, т.-е. все большее и большее сознаніе людьми неразумности, противности ихъ природѣ существую-

щаго устройства жизни, ведетъ неизбѣжно къ измѣненію существующаго порядка и устройству иного.

1.

Заканчивая Свою миссію, Іисусъ установилъ основаніе новаго общества. До Него народы принадлежали одному или многимъ господамъ, какъ стада принадлежатъ своимъ хозяевамъ... Князья и сильные давили народъ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбія. Іисусъ кладетъ конецъ этому неустройству, поднимаетъ согбенныя головы, освобождаетъ рабовъ. Онъ научаетъ ихъ тому, что, будучи равными передъ Богомъ, люди свободны другъ передъ другомъ, что никто не можетъ имѣть самъ по себѣ власти надъ своими братьями, что равенство и свобода,—божественные законы человѣческаго рода,— ненарушаемы; что власть не можетъ быть правомъ; что въ общественномъ устройствѣ она есть должность, служеніе, нѣкотораго рода рабство, свободно принятое на себя въ виду общаго блага. Таково общество, которое устанавливаетъ Іисусъ.

Это ли мы видимъ въ мірѣ? Это ли ученіе царствуетъ на землѣ? Слуги или господа—князья народовъ въ нашемъ мірѣ? Въ продолженіе 18 вѣковъ поколѣніе за поколѣніемъ передаетъ другъ другу ученіе Христа и говорятъ, что вѣрятъ въ Него. А что же измѣнилось въ мірѣ? Народы, раздавленные и страдающіе, все еще ждутъ обѣщаннаго освобожденія, и не отъ того, чтобы слово Христа было невѣрно или недѣйствительно, но отъ того, что народы или не поняли, что осуществленіе ученія должно совершиться ихъ собственными усиліями, ихъ твердой волей, или, заснувши въ своемъ униженіи, не сдѣлали того одного, что даетъ побѣду — не готовы были умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди нихъ: они слышатъ уже голосъ, который говоритъ: спасеніе близко. Ламенэ.

2.

Какъ сухость (отсутствіе сырости) въ природѣ зависитъ отъ двухъ противоположныхъ другъ другу причинъ: отъ большого хо-

лода (зимнихъ морозовъ) и большого тепла (лѣтнихъ жаровъ), — такъ и рѣшительность характера (отсутствіе колебаній) въ человѣкѣ обусловлено двумя противоположными другъ другу причинами: чисто языческимъ самосознаніемъ человѣка съ одной стороны и чисто христіанскимъ съ другой.

И какъ весною, т.-е. при переходномъ времени отъ зимы къ лѣту наблюдается меньше всего сухости, а наоборотъ, обнаруживается больше всего сырости, — такъ и въ человѣкѣ во время его переходнаго состоянія отъ язычества къ христіанству меньше всего обнаруживается рѣшительности въ характерѣ, а наоборотъ, проявляется больше всего колебанія относительно того, что ему сдѣлать и какъ поступить.

Не радоваться какъ весеннему времени, такъ и переходному состоянію отъ язычества къ христіанству могутъ только люди, не понимающіе того, чѣмъ это время и состояніе вызваны. Люди же понимающіе, что весенняя сырость въ природѣ и нерѣшительность, колебанія въ человѣкѣ вызваны переходнымъ состояніемъ въ природѣ и въ человѣкѣ, а именно поворотомъ солнца къ лѣту въ первомъ случаѣ и повышеніемъ жизнепониманія во второмъ, не только не будутъ печалиться наблюдаемою ими сыростью и нерѣшительностью, но будутъ радоваться тому и другому, какъ явнымъ признакамъ приближенія лѣта въ природѣ и царства Божія въ человѣчествѣ. Ѳедоръ Страховъ.

3.

Въ наше время общаго религіознаго сознанія братства людей благо ихъ—во взаимномъ единеніи. Истинная наука должна указать различные способы примѣненія этого сознанія къ жизни. Искусство должно переводить это сознаніе въ чувство.

4.

Чѣмъ болѣе отдалена цѣль, тѣмъ болѣе необходимо идти впередъ. Не спѣша, но и не отдыхая. Мадзини.

„Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте", т.-е. вѣруйте въ тотъ законъ взаимности и любви, который Христосъ открылъ намъ. Законъ этотъ, если онъ уже открытъ, не можетъ быть не признанъ сердцемъ и разумомъ всякаго человѣка и потому не можетъ не быть осуществленъ.

11-е апрѣля.

Въ нравственномъ мірѣ все связано еще тѣснѣе, чѣмъ въ плотскомъ. Всякій обманъ влечетъ за собою рядъ обмановъ; всякая жестокость—рядъ жестокостей.

1.

Если человѣкъ разъ нарушилъ легкую заповѣдь, то онъ въ концѣ не остановится предъ нарушеніемъ важной. Если онъ преступилъ заповѣдь: „Люби ближняго твоего, какъ самого себя", то онъ впослѣдствіи будетъ нарушать и запреты: не мсти и не имѣй злобы и не возненавидь брата твоего,—и, дойдетъ, наконецъ, до пролитія крови.

Талмудъ.

2.

Часто люди гордятся чистотой своей совѣсти только потому, что они обладаютъ короткой памятью.

Жонизадъ Рафезскій.

3.

Пусть человѣкъ не думаетъ легкомысленно о злѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: оно вѣдь не коснется меня. Малыми каплями наполняется водный сосудъ; весь наполняется зломъ безумецъ, мало-по-малу творя злое.

Пусть человѣкъ не думаетъ небрежно о добрѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: оно вѣдь не приблизится ко мнѣ. Капля за каплей вода наполняетъ сосудъ,—мудрый, даже по-малу творя доброе, весь наполняется добромъ.

Буддійская мудрость.

4.

Есть пороки въ насъ, которые держатся только другими нашими пороками и которые пропадаютъ, когда мы уничтожаемъ основные пороки, какъ спадаютъ вѣтви, если подрубить стволъ.

Паскаль.

5.

Уничтожь одинъ порокъ, а десять исчезнутъ. Родъ.

6.

Вся жизнь человѣческая, можно сказать, состоитъ только изъ двухъ дѣятельностей: 1) приведеніе своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрываніе отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни. Одни дѣлаютъ первое, другіе второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ— нравственное просвѣщеніе, увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманіе къ тому, что онъ освѣщаетъ; для второго — для скрытія отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти; внутренній состоитъ въ затемнѣніи самой совѣсти.

Слѣди за зарожденіемъ зла. Есть голосъ души, который указываетъ это зарожденіе: становится неловко, стыдно.

Остановись и ищи и ты найдешь зарождающійся обманъ.

12-е апрѣля.

На извѣстной степени углубленія въ себя человѣкъ сознаетъ Бога.

1.

Богъ уже существуетъ потому, что мы существуемъ. Называйте это Богомъ или какъ хотите, но безспорно то, что въ насъ есть

жизнь, не созданная нами, а дарованная намъ, и источникъ ея называйте Богомъ или какъ хотите. Мадзини.

2.

Пускай воображеніе боится призраковъ, которые оно само себѣ творитъ,—это простительно ему потому, что оно воображеніе. Но, чтобы умъ подчинялся и боялся тѣхъ категорій, которыя онъ порождаетъ, непростительно ему потому, что онъ, какъ сила критическая, не можетъ быть обманутъ. А между тѣмъ суевѣріе величины есть обманъ ума, творящаго понятіе пространства. Сотворенное же не можетъ быть больше творца, сынъ не больше отца. Тутъ необходима поправка. Умъ долженъ освободиться отъ пространства, дающаго ему ложное понятіе о немъ самомъ. Но освобожденіе это возможно только тогда, когда мы научимся видѣть пространство въ умѣ, вмѣсто того, чтобы видѣть умъ въ пространствѣ. Какъ же такъ? Возвративъ пространство къ его основному свойству. Пространство есть разсѣяніе, умъ—средоточіе.

Поэтому Богъ вездѣ, не занимая милліардовъ кубическихъ верстъ, ни въ сто разъ меньше, ни въ сто разъ больше.

Въ мысли міръ занимаетъ только одну точку, но въ состояніи разсѣянія и анализа для этой мысли нужны небеса въ небесахъ.

Время и число также находятся въ умѣ; поэтому человѣкъ, возвратившись къ средоточію разума, не меньше, а больше ихъ.

Аміель.

3.

Когда я, стоя въ лѣсу, смотрю на козявку, которая ползетъ по землѣ, стараясь спрятаться отъ меня въ еловыхъ иглахъ, и спрашиваю себя, зачѣмъ она такъ робка и прячетъ свою голову отъ меня, когда я, можетъ быть, готовъ быть ея благодѣтелемъ и сообщить ей и всему ея роду, можетъ-быть, весьма радостныя свѣдѣнія, я невольно вспоминаю о томъ большомъ Благодѣтелѣ, Который стоитъ надо мною человѣчикомъ-козявкою. Торо.

4.

Нѣтъ Бога только для того, кто не ищетъ Его. Ищи Его, и Онъ откроется тебѣ.

5.

Бога искать—все равно, что воду сѣтью зачерпывать. Пока зачерпываешь—вода находится въ сѣти. Какъ потащилъ—ничего не захватилъ.

Пока ищешь Бога, мыслью и дѣломъ—Богъ въ тебѣ. Какъ только рѣшилъ, что нашелъ Бога и успокоился—потерялъ Его.

6.

Удивительно, какъ могъ я не видѣть прежде той несомнѣнной истины, что за этимъ міромъ и нашей жизнью въ немъ есть Кто-то, Что-то знающее, для чего существуетъ этотъ міръ, и мы въ немъ, какъ въ кипяткѣ пузыри, вскакиваемъ, лопаемся и исчезаемъ.

Если человѣкъ не сознаетъ и не понимаетъ Бога, то онъ никакого права не имѣетъ заключать изъ этого, что Его нѣтъ. Законный выводъ для него только тотъ, что онъ не въ силахъ еще сознать и понять Его.

13-е апрѣля.

Духовное, божественное начало нашей жизни мы сознаемъ, съ одной стороны, разумомъ, съ другой стороны—любовью.

1.

Свойство мудраго человѣка состоитъ въ трехъ вещахъ: дѣлать самому то, что онъ совѣтуетъ дѣлать другимъ, никогда не поступать противно справедливости и терпѣливо переносить слабости людей, окружающихъ его.

2.

Великая любовь неразлучна съ глубокимъ умомъ; широта ума равняется глубинѣ сердца. Оттого крайнихъ вершинъ гуманности достигаютъ великія сердца; они же—великіе умы.

Гончаровъ.

3.

Великія мысли исходятъ изъ сердца. Вовенаргъ.

4.

Наши нравственныя чувства такъ переплетены съ умственными силами, что мы не можемъ затронуть однихъ, не затронувъ и другихъ. Великій умъ, однажды искаженный, является навсегда проклятіемъ земли. Джонъ Рёскинъ.

5.

Все изслѣдуй. Вѣрь только тому, что согласно съ разумомъ.

6.

Хотимъ ли мы этого или не хотимъ, но помимо разума никакая истина не можетъ войти въ душу человѣка. Разумъ все равно, что грохотъ или сито, которое приложено къ молотилкѣ и вѣялкѣ, такъ что зерно нельзя получить иначе, какъ черезъ этотъ грохотъ. Можетъ-быть, сквозь грохотъ пройдетъ и проходитъ соръ, но другого средства нѣтъ; и для того, чтобы получить чистое зерно, надо еще и еще пропускать хлѣбъ, и все только черезъ грохотъ разума.

Если же мы вообразимъ, что у насъ можетъ быть чистое зерно безъ просѣвки, то мы обманемъ сами себя и будемъ питаться соромъ, вмѣсто хлѣба.

7.

Разумъ и умъ два совершенно различныхъ свойства. Бисмаркъ и ему подобные имѣютъ много ума, но не имѣютъ разума. Умъ есть способность понимать и соображать жизненныя, мірскія условія; разумъ же есть божественная сущность души, открывающая ей ея отношеніе къ міру и Богу. Разумъ не только одно и то же, что умъ, но противоположенъ ему; разумъ освобождаетъ человѣка отъ тѣхъ соблазновъ (обмановъ), которые накладываетъ на человѣка умъ. Въ этомъ главная дѣятельность разума; уничтожая соблазны, разумъ освобождаетъ сущность души человѣческой—любовь и даетъ ей возможность проявлять себя.

8.

Обыкновенно дѣлаютъ различіе между разумомъ и совѣстью, говоря, что добрыя дѣла важнѣе сильнаго мышленія. Но такимъ раздѣленіемъ неразрывно соединенныхъ силъ души мы калѣчимъ нашу природу. Отнимите мысль отъ добродѣтели, что останется? Безъ силы мысли то, что мы называемъ совѣстью, вырождается въ иллюзію, преувеличеніе, вредное излишество. Самыя жестокія дѣла на свѣтѣ были совершены во имя совѣсти. Люди ненавидѣли, убивали другъ друга по долгу совѣсти. Чаннингъ.

Разумный человѣкъ не можетъ быть золъ. Добрый человѣкъ всегда разуменъ. Увеличивай въ себѣ доброту упражненіемъ разума и разумъ упражненіемъ въ любви.

14-е апрѣля.

Не можетъ быть благоустройства въ обществѣ, раздѣленномъ на богатыхъ—властвующихъ, и бѣдныхъ—повинующихся.

1.

Нужно, правда, сознаться, что мы въ настоящее время съ нашимъ поклоненіемъ маммонѣ пришли къ страннымъ заключеніямъ. Мы говоримъ, что живемъ въ обществѣ, и тѣмъ не менѣе открыто проповѣдуемъ полнѣйшее раздѣленіе и крайнюю обособленность. Наша жизнь представляетъ не картину взаимной помощи, а арену взаимной вражды, замаскированную строго точными законами войны, подъ именемъ честнаго соперничества и т. п. Мы вполнѣ забыли, что всѣ между-человѣческія отношенія не сводятся къ платѣ наличными деньгами. „Что мнѣ за дѣло до умирающихъ съ голода рабочихъ? — говоритъ богатый фабрикантъ.—Развѣ я откры-

то не нанималъ ихъ на рынкѣ и не уплатилъ имъ до послѣдняго гроша все, что слѣдовало имъ по уговору. Какое же мнѣ еще дѣло до нихъ?“ Да, поклоненіе маммонѣ очень грустная вѣра. Когда Каинъ изъ собственной выгоды убилъ брата своего Авеля, и его спросили: „гдѣ твой братъ?“ онъ тоже отвѣчалъ: „Развѣ я сторожъ брата моего? Развѣ я не отдалъ брату его плату,—все, что онъ заслужилъ?“

Карлейль.

2.

Такъ какъ человѣкъ можетъ жить лишь отъ земли и на землѣ, то, сдѣлавъ землю, на которой онъ долженъ существовать, собственностью другого, мы столь же полно поработимъ его, какъ сдѣлавъ собственностью другого его плоть и кровь. И въ концѣ концовъ, на извѣстной ступени общественнаго развитія, рабство, вытекающее изъ захвата земли, въ силу того, что отношенія между хозяиномъ и рабомъ бываютъ при немъ менѣе прямыми и явными, становится болѣе жестокимъ и болѣе развращающимъ, чѣмъ рабство, дѣлающее собственностью тѣла людей.

Генри Джорджъ.

3.

Одинъ англійскій писатель раздѣлилъ всѣхъ людей на три класса: на работниковъ, нищихъ и воровъ. Дѣленіе это невѣжливо по отношенію къ „высшимъ классамъ“, къ „лучшимъ классамъ общества“, какъ обыкновенно называютъ себя эти классы. Но съ экономической точки зрѣнія оно правильно. Есть лишь три пути, которыми человѣкъ можетъ придти къ богатству: путь труда, подарковъ и кражъ. И причина, почему рабочіе получаютъ такъ мало, очевидно,—та, что нищіе и воры получаютъ такъ много. Разъ человѣкъ пріобрѣтаетъ имущество, котораго не произвелъ, онъ необходимо пріобрѣтаетъ его на счетъ тѣхъ, кто его произвелъ.

Генри Джорджъ.

4.

Сколько средствъ, чтобы быть счастливымъ, сколько удобствъ, о которыхъ не имѣли понятія наши предки! И что же, счастливы ли мы? Если малое число болѣе счастливо, то большинство тѣмъ болѣе несчастно. Увеличивая средства жизни для малаго числа

богатыхъ, заставили большинство быть и считать себя несчастными. Какое можетъ быть счастіе, которое пріобрѣтается въ ущербъ счастію другихъ!

Руссо.

5.

Положимъ, что я спасъ утопающаго, но передъ этимъ я выговорилъ у него большую часть его собственности. Тутъ, очевидно, услуга за услугу. Онъ цѣнитъ свою жизнь дороже своей собственности. Но что сказать о такомъ уговорѣ? А между тѣмъ такъ отбирается собственность людей, потому что милліоны людей владѣютъ или самымъ малымъ или ничтожнымъ, и имъ за ихъ труды, т.-е. за ихъ собственность, даютъ средства существованія.

Сольтеръ.

6.

Бродяга есть дополненіе къ милліонеру.

Генри Джорджъ.

7.

Вы не можете основать Христова братства тамъ, гдѣ съ одной стороны невѣжество, нищета, рабство и развращенность, а съ другой стороны культура, богатство и власть мѣшаютъ взаимно уважать и любить другъ друга.

Іосифъ Мадзини.

8.

Быть угнетателемъ-господиномъ хуже, чѣмъ быть покорнымъ рабомъ.

Если ты получаешь доходъ, не заработавши его, то кто-нибудь другой зарабатываетъ его, не получая. Мемнониды.

Недѣльное чтенiе.

Уличный торговецъ.

Жеромъ Кренкебиль, торговецъ овощами, возилъ по городу свою телѣжку и покрикивалъ: „Капусты, моркови, рѣпы!“ А когда у него бывалъ порей, онъ кричалъ: „Свѣжая спаржа!“—такъ какъ порой—спаржа бѣдняковъ. Однажды, 20 октября, въ часъ пополудни, когда онъ спускался по улицѣ Монмартръ, изъ лавки вышла мадамъ Баяръ, жена сапожника, и подошла къ телѣжкѣ съ овощами. Презрительно поднявъ пучокъ порея, она сказала:

— Не очень-то хорошъ вашъ порей. Почемъ пучокъ?

— Пятнадцать су, хозяйка. Лучше не найдете.

— Пятнадцать су за такой плохой порей?

И она съ отвращенiемъ бросила пучокъ обратно въ телѣжку.

Въ это время подошелъ полицейскiй, номеръ 64, и сказалъ Кренкебилю:

— Проѣзжайте!

Кренкебиль уже цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ ѣздилъ съ утра до вечера. Приказанiе полицейскаго показалось ему законнымъ и вполнѣ въ порядкѣ вещей. Готовый его исполнить, онъ попросилъ хозяйку взять поскорѣе, что ей было по вкусу.

— Мнѣ нужно еще сначала выбрать товаръ,—сердито замѣтила сапожница.

И она снова принялась перетрогивать всѣ пучки порея, выбрала себѣ тотъ, который показался ей лучше другихъ, и крѣпко прижала его къ груди.

— Я дамъ вамъ четырнадцать су. Этого вполнѣ достаточно.

Я сейчасъ принесу вамъ ихъ изъ лавки, у меня нѣтъ съ собой.

И, захвативъ свой порей, она вернулась въ лавку, куда только-что вошла покупательница съ ребенкомъ на рукахъ.

Въ эту минуту полицейскій, номеръ 64, во второй разъ сказалъ Кренкебилю:

— Проѣзжайте!

— Я дожидаюсь денегъ,—отвѣтилъ Кренкебиль.

— Я вамъ не говорю, чтобы вы не дожидались денегъ; я приказываю вамъ только проѣзжать,—строго сказалъ полицейскій.

Между тѣмъ сапожница примѣряла въ своей лавкѣ голубые башмачки полуторагодовалому ребенку. Покупательница сильно торопилась, и зеленыя головки порея спокойно лежали на конторкѣ.

Кренкебиль, въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ возившій по улицамъ города свою телѣжку, умѣлъ повиноваться представителямъ власти. Но на этотъ разъ онъ попалъ въ исключительное положеніе между правомъ и обязанностью. Онъ мало смыслилъ въ законахъ и не понялъ того, что пользованіе личнымъ правомъ не освобождало его отъ исполненія общественныхъ обязанностей. Онъ слишкомъ сосредоточилъ свое вниманіе на своемъ правѣ получить четырнадцать су и недостаточно серьезно отнесся къ своей обязанности возить телѣжку и проѣзжать впередъ, все впередъ. Онъ не двигался.

Въ третій разъ полицейскій, номеръ 64, спокойно и безъ всякаго раздраженія отдалъ ему приказаніе проѣзжать:

— Развѣ вы не слышите, что я приказываю вамъ проѣзжать!

У Кренкебиля была слишкомъ важная въ его глазахъ причина оставаться на мѣстѣ. И онъ снова просто и безыскусственно изложилъ ее:

— Господи, Боже мой! Да вѣдь я же говорю вамъ, что дожидаюсь денегъ.

Полицейскій отвѣтилъ ему на это:

— Можетъ-быть, вы желаете, чтобы я привлекъ васъ къ отвѣтственности за неисполненіе полицейскихъ правилъ? Если вы этого желаете, то вамъ стóитъ только заявить.

На эти слова Кренкебиль только медленно пожалъ плечами, уныло взглянулъ на полицейскаго и поднялъ свой взоръ къ небу. И взоръ этотъ говорилъ:

„Богъ видитъ, какой я противникъ законамъ!..“

Можетъ-быть, потому, что онъ не понялъ выраженія этого взора или не нашелъ въ немъ достаточнаго оправданія неповиновенію, полицейскій снова рѣзкимъ и суровымъ тономъ спросилъ торговца, понялъ ли тотъ его.

Какъ разъ въ эту минуту въ улицѣ Монмартръ было необыкновенное скопленіе повозокъ. Извозчики, дрожки, мебельныя фуры, омнибусы и телѣжки, прижатыя одна къ другой, казалось, были неразрывно связаны между собой. Отовсюду раздавались крики и проклятія.

Кучера лѣниво обмѣнивались издалека крѣпкими ругательствами съ сидѣльцами изъ лавокъ, а кондуктора омнибусовъ, считая Кренкебиля причиной замѣшательства, звали его „гадкимъ пореемъ“.

Между тѣмъ, на тротуарѣ собрались любопытные и прислушивались къ спору. И полицейскій, видя, что за нимъ наблюдаютъ, думалъ теперь только о томъ, чтобы показать свою власть.

— Хорошо, — сказалъ онъ и вынулъ изъ кармана грязную записную книжечку и очень короткій карандашъ.

Кренкебиль упорствовалъ, повинуясь какой-то внутренней силѣ. Впрочемъ, ему и невозможно было теперь двинуться ни взадъ, ни впередъ. Колесо его телѣжки, къ несчастію, зацѣпилось за колесо повозки молочника.

И, въ отчаяніи теребя свои волосы, онъ воскликнулъ:

— Да вѣдь я же говорю вамъ, что жду денегъ! Что это еще за несчастіе! Вотъ бѣда, такъ бѣда! Господи, Боже ты мой!

Полицейскій номеръ 64 счелъ себя оскорбленнымъ этими словами, выражающими, впрочемъ, больше отчаяніе, чѣмъ протестъ. И такъ какъ всякое оскорбленіе облекалось для него въ традиціонную, правильную, освященную обычаемъ и, можно даже сказать, почти обрядовую форму выраженія: „Смерть коровамъ!“ *) — то въ

*) „Коровами“ на воровскомъ жаргонѣ Парижа зовутъ полицейскихъ. Это выраженіе считается для нихъ очень оскорбительнымъ. *Прим. пер.*

этой-то именно формѣ онъ воспринялъ и реализовалъ въ своемъ мозгу слова преступника.

— А! Вы сказали: „Смерть коровамъ!“ Хорошо, слѣдуйте за мной.

Торговецъ съ крайнимъ недоумѣніемъ и отчаяніемъ взглянулъ своими широко-раскрытыми глазами на полицейскаго номеръ 64, и, скрестивъ руки на своей синей блузѣ, воскликнулъ:

— Я сказалъ: „Смерть коровамъ?“ Я?.. О!..

Арестъ этотъ былъ встрѣченъ смѣхомъ лавочныхъ сидѣльцевъ и уличныхъ мальчишекъ. Онъ отвѣчалъ страсти всякой человѣческой толпы къ низкимъ и жестокимъ зрѣлищамъ. Но въ это время сквозь толпу зѣвакъ пробился старикъ, одѣтый во все черное, и въ высокой шляпѣ. Онъ подошелъ къ полицейскому и сказалъ ему тихимъ, кроткимъ, но очень твердымъ голосомъ:

— Вы ошиблись. Этотъ человѣкъ не оскорблялъ васъ.

— Не суйтесь не въ свое дѣло,—отвѣтилъ ему полицейскій, не сопровождая на этотъ разъ своихъ словъ угрозами, такъ какъ онъ обращался къ хорошо одѣтому человѣку.

Съ большимъ спокойствіемъ и сдержанностью старикъ продолжалъ настаивать. Тогда полицейскій объявилъ ему, что онъ долженъ объясниться у комиссара полиціи.

Между тѣмъ Кренкебиль снова воскликнулъ:

— И я сказалъ: „Смерть коровамъ!“ О-о!..

Когда онъ произносилъ эти странныя слова, изъ лавки къ нему вышла мадамъ Баяръ, сапожница, съ деньгами въ рукахъ. Но полицейскій уже держалъ его за шиворотъ, и мадамъ Баяръ, считая, что не стóитъ отдавать своего долга человѣку, котораго ведутъ въ полицію, положила свои четырнадцать су обратно въ карманъ передника.

Понявъ вдругъ, что телѣжка его задержана, личная свобода потеряна и подъ его ногами разверзлась пропасть и померкло солнце, Кренкебиль пробормоталъ:

— Все равно!

У комиссара незнакомый старикъ объяснилъ, что, будучи задержанъ на улицѣ чрезвычайнымъ скопленіемъ экипажей, онъ сдѣлался свидѣтелемъ происшествія. Онъ утверждалъ, что полицей-

скій отпюдь не былъ оскорбленъ, что онъ просто ошибся. Старикъ сказалъ свое имя и званіе: Давидъ Матье, главный врачъ больницы Амбруазъ-Паре, кавалеръ Почетнаго легіона.

Кренкебиль, арестъ котораго продолжался, провелъ ночь въ полиціи, а на утро его переправили въ арестантской телѣжкѣ въ тюрьму.

Тюрьма не показалась ему ни унизительной, ни тяжелой. Она представилась ему скорѣе необходимой. Что его особенно поразило въ ней, это—чистота стѣнъ и пола.

Онъ сказалъ:

— Для такого мѣста здѣсь очень чисто. Правду можно сказать: тутъ хоть ѣшь съ полу.

Оставшись одинъ, онъ хотѣлъ подвинуть свою табуретку, но увидѣлъ, что она прикована къ стѣнѣ. Старикъ громко выразилъ свое удивленіе:

— Вотъ такъ штука! Ни за что я бы не выдумалъ ничего подобнаго, ни за что!

Онъ сѣлъ и съ удивленіемъ трогалъ руками все окружающее. Тишина и уединеніе удручали его. Ему было скучно, и онъ съ тревогой думалъ о своей телѣжкѣ, полной капусты, моркови, сельдерея и салата. Онъ съ тоской спрашивалъ себя: „Куда они дѣли мою телѣжку?“

На третій день къ нему пришелъ его адвокатъ, господинъ Лемерль, одинъ изъ самыхъ младшихъ членовъ суда.

Кренкебиль попробовалъ разсказать ему свое дѣло, что для него было далеко не легко, такъ какъ онъ не привыкъ владѣть словомъ. Можетъ-быть, при нѣкоторой помощи онъ и справился бы съ этимъ; но адвокатъ его только недовѣрчиво покачивалъ головой на все, что говорилъ старикъ, и, перелистывая бумаги, бормоталъ про себя: „Гмъ! гм!.. я ничего этого не вижу въ дѣлѣ...“

Потомъ, съ усталымъ видомъ и покручивая свои бѣлокурые усики, онъ сказалъ ему:

— Въ вашихъ интересахъ, можетъ-быть, было бы лучше во всемъ признаться, я съ своей стороны считаю вашу систему полнаго отрицанія очень неудачною.

Можетъ-быть, Кренкебиль теперь и въ самомъ дѣлѣ признался бы, если бы онъ только зналъ, въ чемъ ему нужно признаваться.

* * *

Господинъ президентъ Бурришъ посвятилъ цѣлыхъ шесть минутъ допросу Кренкебиля. Этотъ допросъ могъ бы пролить нѣсколько болѣе свѣта, если бы обвиняемый отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы. Но Кренкебиль не привыкъ вести споры и, кромѣ того, въ такомъ обществѣ страхъ и уваженіе закрывали ему ротъ. Итакъ, онъ хранилъ молчаніе, а президентъ самъ давалъ отвѣты; они подтверждали обвиненіе. Президентъ кончилъ:

— Наконецъ, вы признаете, что сказали „смерть коровамъ!“

Только теперь изъ горла обвиняемаго Кренкебиля послышались звуки, напоминающіе шумъ стараго желѣза или звонъ разбитаго стекла.

— Я сказалъ: „смерть коровамъ!“ потому что господинъ полицейскій сказалъ: „Смерть коровамъ!“ Тогда только я сказалъ: „Смерть коровамъ!“—Онъ хотѣлъ дать понять, что изумленный такимъ непредвидѣннымъ обвиненіемъ, онъ, растерявшись, повторилъ страшныя слова, которыя можно приписывать ему и которыхъ онъ, разумѣется, не произносилъ.

Господинъ президентъ Бурришъ понялъ его не такъ.

— Вы заявляете,—сказалъ онъ,—что полицейскій первый произносъ эти слова?

Кренкебиль отказался объяснить. Это было слишкомъ трудно для него.

— Вы не настаиваете. И вы имѣете на это полное основаніе,—сказалъ президентъ.

И онъ велѣлъ позвать свидѣтелей.

Полицейскій, номеръ 64, носящій имя Бастіенъ Матро, поклялся, что будетъ говорить правду и только одну правду. Потомъ онъ изложилъ слѣдующее:

— Отправляя свою службу 20 октября, въ часъ пополудни, я замѣтилъ въ улицѣ Монмартръ человѣка, показавшагося мнѣ уличнымъ торговцемъ. Телѣжка его незаконно стояла на мѣстѣ, у дома номеръ 328, что послужило поводомъ къ скопленію здѣсь

экипажей. Я три раза отдалъ ему приказаніе проѣзжать, но онъ отказался удовлетворить его. Когда же я предупредилъ его, что составлю протоколъ, онъ крикнулъ мнѣ: „Смерть коровамъ!“—что мнѣ показалось очень оскорбительнымъ.

Это простое и сжатое объясненіе было съ видимою благосклонностью выслушано трибуналомъ. Защита представила госпожу Баяръ, сапожницу, и господина Давида Матье, главнаго доктора больницы Амбруазъ-Паре, кавалера Почетнаго легіона. Госпожа Баяръ ничего не видала и ничего не слыхала. Докторъ Матье находился въ толпѣ, собравшейся вокругъ полицейскаго, который заставлялъ торговца проѣзжать. Его показаніе вызвало курьезный инцидентъ.

— Я былъ свидѣтелемъ происшествія, - сказалъ онъ.—Я замѣтилъ, что полицейскій ошибся: его никто не оскорбилъ. Я подошелъ и замѣтилъ ему это. Но полицейскій все-таки арестовалъ торговца и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ къ комиссару полиціи, что я и сдѣлалъ. Я далъ уже мое показаніе передъ комиссаромъ.

— Можете сѣсть,—сказалъ президентъ.—Привратникъ, позовите опять свидѣтеля Матро.

— Матро, когда вы арестовали обвиняемаго, не замѣтилъ ли вамъ господинъ докторъ Матье, что вы ошиблись?

— То-есть онъ меня оскорбилъ, господинъ президентъ.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Онъ мнѣ сказалъ: „Смерть коровамъ!“

Ропотъ и смѣхъ пробѣжали по залѣ.

— Можете уйти,—поспѣшно сказалъ президентъ, и онъ предупредилъ публику, что если эти неприличныя манифестаціи повторятся, то онъ очиститъ залу. Между тѣмъ защита торжествовала, и всѣ въ эту минуту думали, что Кренкебиль будетъ оправданъ.

Когда тишина снова возстановилась въ залѣ, поднялся господинъ Лемерль. Онъ началъ свою защитительную рѣчь похвалой агентамъ полиціи, „этимъ скромнымъ служителямъ общества, которые за ничтожное жалованье переносятъ усталость, подвергаются безпрерывнымъ опасностямъ и ежедневно совершаютъ геройскія дѣла. Это все бывшіе солдаты, которые и остаются солдатами.

Солдаты!.. Уже одно это слово говоритъ все"... И господинъ Лемерль принялся приводить высшія соображенія насчетъ военныхъ добродѣтелей. По его словамъ, онъ самъ былъ изъ тѣхъ, „которые не позволятъ затронуть армію, эту національную армію, къ которой онъ имѣлъ честь принадлежать".

Президентъ кивнулъ головой.

Господинъ Лемерль былъ, въ самомъ дѣлѣ, лейтенантомъ милиціи. Онъ былъ также националистскимъ кандидатомъ въ кварталѣ Віель-Одріетъ.

Адвокатъ продолжалъ:

— Нѣтъ, разумѣется, я хорошо знаю тѣ скромныя и драгоцѣнныя услуги, которыя ежедневно оказываютъ эти охранители спокойствія доблестному населенію Парижа. И я никогда бы не согласился, господа, взять на себя защиту Кренкебиля, если бы я видѣлъ въ немъ оскорбителя бывшаго солдата. Моего клієнта обвиняютъ въ томъ, что онъ сказалъ: „Смерть коровамъ!" Смыслъ этой фразы всѣмъ извѣстенъ. Если вы заглянете въ извѣстный словарь, вы тамъ прочтете: „Корова, лѣнтяй, тунеядецъ. Лѣниво валяется, какъ корова, вмѣсто того, чтобы работать. Корова, продающаяся полиціи: полицейскій шпіонъ". „Смерть коровамъ!" говорится въ извѣстномъ кругу людей. Но весь вопросъ въ томъ,— какъ сказалъ это Кренкебиль? И даже сказалъ ли онъ это? Позвольте мнѣ, господа, въ этомъ усомниться. Я не подозрѣваю полицейскаго Матро ни въ какомъ дурномъ намѣреніи. Но онъ, какъ мы уже замѣтили, отправляетъ тяжелую службу. Онъ иногда утомленъ ею, измученъ. При такихъ условіяхъ онъ легко могъ быть жертвою нѣкотораго рода галлюцинаціи слуха. И если онъ вамъ говоритъ, господа, что докторъ Давидъ Матье, кавалеръ Почетнаго легіона, главный врачъ больницы Амбруазъ-Паре, представитель науки и человѣкъ изъ общества, тоже крикнулъ ему: „Смерть коровамъ!"—мы вынуждены признать, что Матро есть жертва психоза, и если выраженіе не покажется вамъ слишкомъ сильнымъ, жертва бреда преслѣдованія.

„И даже въ томъ случаѣ, если бы Кренкебиль въ самомъ дѣлѣ крикнулъ: „Смерть коровамъ!"—нужно еще узнать, имѣютъ ли эти слова характеръ преступленія въ его устахъ. Кренкебиль —

незаконный сынъ уличной торговки, погибшей отъ пьянства и разврата; онъ родился алкоголикомъ. Вы видите его здѣсь отупѣвшимъ отъ шестидесяти лѣтъ нищеты, и вы скажете, господа, что онъ не отвѣтственъ".

Господинъ Лемерль сѣлъ, и президентъ Бурришъ прочелъ сквозь зубы приговоръ, осуждавшій Жерома Кренкебиля къ двумъ недѣлямъ тюремнаго заключенія и 50 франкамъ штрафа. Трибуналъ основывалъ свое мнѣніе на показаніи полицейскаго Матро.

Когда Кренкебиля вели длинными и темными коридорами зданія суда, старикъ почувствовалъ страшную потребность въ сочувствіи. Онъ обернулся къ сопровождавшему его сторожу и три раза назвалъ его:

— Служивый!.. Служивый!.. А?.. Служивый!—старикъ вздохнулъ.—Если бы мнѣ двѣ недѣли тому назадъ сказали, что со мной случится то, что случилось!..

Потомъ онъ высказалъ слѣдующую мысль:

— Слишкомъ скоро говорятъ они, эти господа. Они хорошо говорятъ, только слишкомъ ужъ скоро. Съ ними нельзя столковаться... Служивый, какъ вамъ кажется, скоро они говорятъ?

Но солдатъ шагалъ, не говоря ни слова и не поворачивая головы. Кренкебиль спросилъ его:

— Почему же вы мнѣ не отвѣчаете?

Солдатъ продолжалъ хранить молчаніе. Старикъ съ горечью замѣтилъ ему:

— Вѣдь и съ собакой разговариваютъ. Почему же вы ничего не говорите мнѣ? Можетъ-быть, вы никогда не открываете рта; значитъ, вы боитесь провѣтривать его иногда.

* * *

Отведенный снова въ тюрьму, Кренкебиль въ встревоженномъ удивленіи сѣлъ на свой прикованный къ стѣнѣ табуретъ. Онъ не понималъ путемъ, что судьи его ошиблись. Подъ величіемъ формъ трибуналъ скрылъ отъ него свои слабости. Ему трудно было повѣрить, что правъ былъ онъ, а не эти важные чиновники, разсужденій которыхъ онъ не понималъ. Ему и въ голову не приходило, чтобы въ такомъ торжественномъ обрядѣ что-нибудь хрома-

ло. Не бывая ни въ церкви, ни въ Елисейскихъ поляхъ, онъ во всю свою жизнь не видалъ ничего великолѣпнѣе суда исправительной полиціи. Онъ хорошо зналъ, что не говорилъ: „Смерть коровамъ!“ Но если его приговорили за эти слова къ двумъ недѣлямъ тюремнаго заключенія, то все дѣло представлялось въ его мозгу какой-то величественной тайной, однимъ изъ тѣхъ догматовъ вѣры, съ которыми набожные люди соглашаются, не понимая ихъ,—какимъ-то таинственнымъ откровеніемъ, величественнымъ и ужаснымъ въ одно и то же время.

Этотъ бѣдный старикъ признавалъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ какъ-то мистически оскорбилъ полицейскаго номеръ 64, подобно тому, какъ маленькій мальчикъ, принимающійся учить катехизисъ, считаетъ себя виновнымъ въ грѣхѣ Евы. Сажая его въ тюрьму, ему сказали, что онъ кричалъ: „Смерть коровамъ!“ Слѣдовательно, онъ это, дѣйствительно, кричалъ какимъ-нибудь таинственнымъ, ему самому неизвѣстнымъ способомъ. Онъ былъ перенесенъ въ сверхъестественный міръ, и судъ надъ нимъ казался ему какимъ-то апокалипсисомъ.

Если онъ не могъ составить себѣ яснаго представленія о своемъ преступленіи, то не болѣе ясно было у него и представленіе о наказаніи. Его осужденіе казалось ему торжественнымъ и величественнымъ обрядомъ, ослѣпительнымъ событіемъ, котораго нельзя понять, нельзя оспаривать и которое не должно ни радовать, ни огорчать.

* * *

Выйдя изъ тюрьмы, Кренкебиль попрежнему возилъ свою тележку по улицѣ Монмартръ и кричалъ: „Капусты, рѣпы, моркови!“ Онъ не гордился своимъ приключеніемъ и не стыдился его. У него не осталось отъ него также и тяжелаго воспоминанія. Въ его мозгу оно имѣло видъ театральнаго представленія, путешествія, сна. Одна старушка, подойдя къ тележкѣ и выбирая сельдерей, спросила его:

— Что съ вами случилось, дядя Кренкебиль? Цѣлыхъ три недѣли мы васъ не видали. Ужъ не были ли вы больны? Вы поблѣднѣли немного.

— Я бариномъ жилъ это время, мадамъ Мальошъ, — сказалъ старикъ.

Ничто не измѣнилось въ его жизни, кромѣ того, что въ этотъ день онъ чаще, чѣмъ обыкновенно, заходилъ въ кабакъ, потому что ему все казалось, что теперь праздникъ и что онъ познакомится съ очень добрыми людьми. Онъ немного навеселѣ вернулся въ свой уголъ. Растянувшись на матрасѣ и укрывшись вмѣсто одѣяла мѣшками, которые ему одолжилъ торговецъ каштанами съ угла, старикъ подумалъ: „На тюрьму нечего жаловаться; тамъ все есть, что нужно человѣку. Но все-таки у себя дома лучше".

Его благосостоянiе продолжалось не долго. Скоро онъ замѣтилъ, что его покупательницы кисло смотрѣли на него.

— Прекрасный сельдерей, мадамъ Куантро!

— Мнѣ ничего не нужно.

— Какъ вамъ ничего не нужно? Вѣдь не воздухомъ же вы питаетесь!

Но мадамъ Куантро, ни слова ему не отвѣтивъ, гордо вернулась въ свою большую булочную. Лавочницы и привратницы, такъ недавно еще съ нетерпѣнiемъ ожидавшiя его засыпанной зеленью и цвѣтами телѣжки, теперь отворачивались отъ него. Подъѣхавъ къ сапожной лавкѣ, откуда начались всѣ его приключенiя, онъ крикнулъ:

— Мадамъ Баяръ, мадамъ Баяръ, вы должны мнѣ еще пятнадцать су.

Но мадамъ Баяръ, сидѣвшая у своей конторки, не удостоила даже повернуть голову.

Вся улица Монмартръ знала, что Кренкебиль вышелъ изъ тюрьмы, и никто не хотѣлъ больше знать его. Слухъ объ его заключенiи дошелъ и до предмѣстья и до шумнаго угла улицы Рише. Тамъ около полудня онъ замѣтилъ мадамъ Лоръ, его добрую и вѣрную покупательницу. Она нагнулась надъ телѣжкой маленькаго Мартэна и ощупывала большой кочанъ капусты.

При видѣ этого у Кренкебиля сжалось сердце. Онъ толкнулъ своей телѣжкой повозку маленькаго Мартэна и жалобнымъ тономъ сказалъ мадамъ Лоръ:

— Не хорошо съ вашей стороны измѣнять мнѣ.

Мадамъ Лоръ ни слова не отвѣтила Кренкебилю, разыгрывая оскорбленную.

И старый уличный торговецъ, почувствовавъ обиду, заоралъ во все горло:

— Ахъ ты, шлюха!

Мадамъ Лоръ уронила свою капусту и закричала:

— Убирайся ты, старый негодяй! Тоже, выйдутъ изъ тюрьмы и оскорбляютъ еще людей!

Кренкебиль въ спокойномъ состояніи никогда не упрекнулъ бы мадамъ Лоръ за ея поведеніе. Но на этотъ разъ старикъ вышелъ изъ себя. Онъ три раза назвалъ мадамъ Лоръ шлюхой, негодной и стервой. И эта сцена окончательно уронила Кренкебиля въ глазахъ всего предмѣстья Монмартръ и улицы Рише.

Старикъ ушелъ, ворча про себя:

— Этакая шлюха! Другой такой шлюхи и не встрѣтишь.

Самое худшее то, что не одна она обращалась съ нимъ какъ съ какимъ-то отверженнымъ. Никто не хотѣлъ его больше знать.

И характеръ его сталъ портиться. Поссорившись съ мадамъ Лоръ, онъ сталъ теперь вздорить со всѣми. За всякій пустякъ онъ говорилъ грубости своимъ постояннымъ покупательницамъ, а если онѣ долго выбирали товаръ, онъ прямо называлъ ихъ трещетками и лѣнтяйками; въ кабакѣ онъ тоже постоянно ругался съ товарищами. Его другъ, торговецъ каштанами, просто не узнавалъ его и объявилъ, что дядя Кренкебиль сталъ настоящимъ дикобразомъ. Отрицать этого было нельзя: онъ сдѣлался неуживчивымъ, сварливымъ человѣкомъ, грубымъ и дерзкимъ на языкъ. Находясь въ необразованномъ обществѣ, ему, разумѣется, было труднѣе, чѣмъ какому-нибудь профессору общественныхъ наукъ въ университетѣ, высказать свои мысли о несовершенствѣ современнаго строя и о необходимыхъ измѣненіяхъ въ немъ, да и самыя мысли плохо и безпорядочно укладывались въ его головѣ.

Несчастіе сдѣлало его несправедливымъ, и онъ мстилъ теперь тѣмъ, кто вовсе не желалъ ему зла или былъ даже иногда слабѣе его. Такъ, онъ однажды больно ударилъ Альфонса, маленькаго сына кабатчика, за то, что тотъ спросилъ его, хорошо ли было въ тюрьмѣ.

— Ахъ ты, гадкій мальчишка! — крикнулъ онъ на него.—Это твоему отцу слѣдовало бы сидѣть въ тюрьмѣ, а не наживать себѣ барыши, торгуя отравой.

Наконецъ, онъ окончательно упалъ духомъ. Въ такомъ состояніи человѣкъ не можетъ уже больше подняться. Всѣ прохожіе толкаютъ его ногами.

* * *

Пришла нищета, самая черная нищета. Старый уличный торговецъ, уносившій когда-то изъ предмѣстья Монмартръ полные карманы пятифранковыхъ монетъ, не имѣлъ теперь ни одного су. Стояла зима. Выгнанный изъ своего угла, онъ спалъ теперь въ сараѣ, подъ телѣгами. Послѣ почти цѣлаго мѣсяца дождей сточныя трубы переполнились и залили сарай.

Сидя на корточкахъ въ своей телѣжкѣ надъ вонючей водой, въ обществѣ крысъ, пауковъ и голодныхъ кошекъ, старикъ размышлялъ въ темнотѣ. Не ѣвши цѣлый день и не имѣя теперь даже мѣшковъ, чтобы укрыться, онъ вспомнилъ тѣ дни, когда правительство давало ему кровъ и пищу. Онъ позавидовалъ участи узниковъ, не страдающихъ ни отъ голода, ни отъ холода, и ему вдругъ пришла въ голову мысль:

„Я вѣдь теперь знаю способъ; почему бы мнѣ имъ не воспользоваться?“ Онъ всталъ и вышелъ на улицу. Было не позже одиннадцати часовъ ночи. Стояла темная и сырая погода. Падала какая-то изморозь, холоднѣе и пронзительнѣе всякаго дождя. Рѣдкіе прохожіе жались у стѣнъ.

Кренкебиль прошелъ мимо церкви св. Евстаѳія и повернулъ въ улицу Монмартръ. Она была совершенно пуста. Стражъ порядка стоялъ на тротуарѣ, у входа въ церковь, подъ газовымъ рожкомъ; кругомъ огня видно было, какъ падалъ мелкій дождикъ. Полицейскій былъ укрытъ капюшономъ и имѣлъ совершенно окоченѣлый видъ. Но потому ли, что онъ предпочиталъ свѣтъ мраку или просто усталъ ходить, но онъ неподвижно стоялъ подъ своимъ канделябромъ, точно около близкаго друга. Этотъ дрожащій огонекъ былъ его единственнымъ собесѣдникомъ въ темную, безлюдную ночь. Его неподвижность казалась почти нечеловѣческою; отраженіе его сапогъ на мокромъ тротуарѣ, превратившемся въ озеро, удлинняло внизъ его фигуру и придавало ему издали видъ гигантской амфибіи, наполовину вышедшей изъ воды. Вблизи полицейскій въ своемъ капюшонѣ походилъ на монаха и на воспи-

го. Крупныя черты его лица, казавшіяся еще крупнѣе отъ тѣни капюшона, были спокойны и печальны. У него были короткіе, густые и уже посѣдѣвшіе усы. Это былъ старый сержантъ лѣтъ за сорокъ.

Кренкебиль тихонько подошелъ къ нему и дрожащимъ и слабымъ голосомъ сказалъ:

— Смерть коровамъ!

Потомъ онъ сталъ ждать дѣйствія этихъ священныхъ словъ. Но никакого дѣйствія не послѣдовало. Полицейскій стоялъ молча и неподвижно, скрестивъ руки подъ своимъ короткимъ плащомъ. Его широко раскрытые глаза, свѣтящіеся въ темнотѣ, внимательно, печально и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣли на старика. Кренкебиль, удивленный, но все еще сохраняя остатокъ рѣшимости, пробормоталъ:

— Вѣдь я вамъ сказалъ: смерть коровамъ!

Наступило долгое молчаніе, въ продолженіе котораго только сыпалъ дождикъ и царила глубокая тьма. Наконецъ, полицейскій проговорилъ:

— Этого не слѣдуетъ говорить... Я вамъ серьезно совѣтую не говорить этого. Въ ваши лѣта слѣдовало бы быть немного опытнѣе... Проходите своей дорогой.

— Почему же вы не арестуете меня?—спросилъ Кренкебиль.

Полицейскій покачалъ головой подъ своимъ мокрымъ капюшономъ:

— Если бы хватать всѣхъ грубіяновъ, которые говорятъ то, чего не слѣдуетъ, то слишкомъ много было бы работы!.. И къ чему бы это послужило?

Кренкебиль, подавленный этимъ великодушнымъ презрѣніемъ, долго, въ недоумѣніи, стоялъ молча, среди большой лужи. Но прежде, чѣмъ уйти, онъ попытался объясниться.

— Я вѣдь не для васъ сказалъ: „смерть коровамъ!“ И не для кого-либо другого. Это я сказалъ ради одной опредѣленной цѣли.

Полицейскій отвѣтилъ ему съ строгимъ спокойствіемъ:

— Ради какой-либо цѣли или ради чего другого, но это вовсе

не слѣдовало говорить, потому что когда человѣкъ исполняетъ свои обязанности и терпитъ при этомъ не мало страданій, его не слѣдуетъ оскорблять пустыми словами... Я вамъ повторяю, чтобы вы проходили своей дорогой.

И Кренкебиль, опустивъ голову и размахивая руками, исчезъ подъ дождемъ въ темнотѣ ночи.

Анатоль Франсъ.

15-е апрѣля.

Для языческаго міра богатство составляетъ славу и величіе. Для христіанина богатство есть обличеніе его слабости или лжи. Сказать: богатый христіанинъ, все равно, что сказать: трусливый герой.

1.

По недостатку довѣрія къ себѣ люди съ величайшимъ стараніемъ поддерживаютъ установившіеся порядки; они до того погрязли въ матеріальныхъ интересахъ, что на самый прогрессъ души человѣческой, выражающійся въ отношеніи къ людямъ въ просвѣщеніи и пониманіи жизни, смотрятъ только съ точки зрѣнія улучшенія своего имущественнаго положенія. Ихъ уваженіе измѣряется богатствомъ того и другого, а не внутреннимъ достоинствомъ человѣка. Но человѣкъ истинно-просвѣщенный стыдится своихъ владѣній, своихъ капиталовъ изъ уваженія къ своему разумному я.

Эмерсонъ.

2.

Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше сгнило и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствовать противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровища на послѣдніе дни. Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ, и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа.

Посланіе Іакова V, 1—4.

3.

Я вижу всюду заговоръ богачей, ищущихъ своей собственной выгоды подъ именемъ и предлогомъ общаго блага.

Томасъ Мооръ.

4.

Бѣдность научаетъ насъ и мудрости, и терпѣнію, и великому любомудрію... Вѣдь и Лазарь жилъ въ бѣдности и, однако, былъ

увѣнчанъ; и Іаковъ желалъ имѣть только хлѣбъ, и Іосифъ находился въ крайней бѣдности и былъ не только рабомъ, но и узникомъ, и, однакожъ, поэтому мы еще болѣе удивляемся ему. Мы не столько восхваляемъ его въ томъ случаѣ, когда онъ раздавалъ пшеницу, сколько въ томъ, когда находился въ темницѣ, — не столько тогда, когда имѣлъ на себѣ царскій вѣнецъ, сколько тогда, когда былъ въ оковахъ, — не тогда, когда возсѣдалъ на тронѣ, а когда подвергался кознямъ и былъ проданъ!.. Итакъ, представляя себѣ все это и помышляя о вѣнцахъ, сплетаемыхъ этими подвигами, будемъ удивляться не богатству и почестямъ, не удовольствіямъ и владычеству, а бѣдности, оковамъ, узамъ и терпѣнію ради добродѣтели!..

Наставленіе Іоанна Златоуста.

Не уважать надо богатыхъ, а удаляться отъ ихъ жизни, жалѣть ихъ. Богатому не гордиться своимъ богатствомъ, а стыдиться его.

16-е апрѣля.

Жизнь есть сознаніе своей божественной сущности, заключенной въ предѣлахъ.

1.

Единственная непосредственно достовѣрная реальность есть реальность сознанія.

Декартъ.

2.

Берклей и Фихте правы и Эмерсонъ тоже: міръ есть только аллегорія; мысль реальнѣе факта; волшебныя сказки, легенды такъ же истинны, какъ и естественная исторія,—даже болѣе, такъ какъ онѣ болѣе прозрачные символы. Собственно говоря, единственная сущность—это душа. Что же все остальное? Тѣнь, предлогъ, образъ, символъ и сновидѣніе. Одно сознаніе только безсмертно,

положительно и совершенно реально. Міръ это фейерверкъ—величественная фантасмагорія, цѣль котораго — образованіе и усиленіе души. Сознаніе есть вселенная, солнце котораго есть любовь.

Аміель.

3.

Подъ ногами морозная, твердая земля, кругомъ огромныя деревья, надъ головой пасмурное небо, тѣло свое чувствую, занятъ мыслями,—а между тѣмъ знаю, чувствую всѣмъ существомъ, что и крѣпкая, морозная земля, и деревья, и небо, и мое тѣло, и мои мысли — случайно, что все это только произведенія моихъ пяти чувствъ, мое представленіе, міръ, построенный мною, что все это таково только потому, что я составляю такую, а не иную часть міра, что таково мое отдѣленіе отъ міра. Знаю, что стóитъ мнѣ умереть и все это не исчезнетъ, но видоизмѣнится, какъ бываютъ превращенія въ театрахъ: изъ кустовъ, камней сдѣлаются дворцы, башни и т. п. Смерть произведетъ во мнѣ такое превращеніе, если только я не совсѣмъ уничтожусь, а перейду въ другое, иначе отдѣленное отъ міра, существо. Теперь я себя, свое тѣло съ своими чувствами считаю собою, тогда же совсѣмъ иначе выдѣлится что-то въ меня. И тогда весь міръ станетъ другимъ. Вѣдь міръ такой, а не иной только потому, что я считаю собою то, а не другое отдѣленное отъ міра существо. А отдѣленныхъ отъ міра существъ можетъ быть безчисленное количество.

4.

Ищите Бога въ своемъ собственномъ сердцѣ, вы не найдете Его больше нигдѣ.

Алманзоръ даръ Гафедъ.

5.

Жизнь наша есть наше сознаніе себя вѣчнымъ, безконечнымъ, т.-е. безвременнымъ и внѣпространственнымъ духомъ, ограниченнымъ условіями временныхъ и пространственныхъ явленій.

Человѣческое сознаніе есть сознаніе божества.

17-е апрѣля.

Христіанство указываетъ путь къ совершенству.

1.

Христіанство въ простыхъ словахъ Іисуса простое дѣло, очень простое: совершенная, чистая нравственность, совершенная, чистая религія,—любовь къ человѣку, любовь къ Богу безъ всякихъ ограниченій... Лозунгъ этой вѣры: будь совершенъ, какъ Отецъ твой Небесный. Единственная форма этой вѣры: жизнь въ Богѣ, т.-е. дѣланіе наилучшихъ дѣлъ, лучшимъ способомъ и ради наилучшихъ цѣлей,—совершенное послушаніе закону Бога. Утвержденіе этой вѣры—въ голосѣ вашего сердца,—присутствіе въ васъ Того, Кто начало всего существующаго...

Все это очень просто: малое дитя можетъ понять это; и такъ прекрасно, что самый сильный умъ не придумаетъ ничего прекраснѣе.

Паркеръ.

2.

Отъ Моисея до Іисуса совершилось великое умственное и религіозное развитіе среди отдѣльныхъ людей и народовъ. Отъ времени Іисуса до нашего это движеніе, какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и въ народахъ, было еще значительнѣе. Старыя заблужденія откинуты и новыя истины вошли въ сознаніе человѣчества. Одинъ человѣкъ не можетъ быть такъ же великъ, какъ человѣчество. Если великій человѣкъ настолько впереди своихъ собратій, что они не понимаютъ его,—приходитъ время, когда они сначала догоняютъ, потомъ обгоняютъ его и уходятъ такъ далеко, что въ свою очередь становятся непонятными для тѣхъ, которые стоятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежній великій человѣкъ. Всякій великій религіозный геній прибавитъ новыя данныя къ религіозному сознанію людей.

Паркеръ.

3.

Безъ вѣры человѣкъ всякую минуту готовъ отречься отъ всего того, во имя чего онъ жилъ, и начать жить во имя того, что онъ проклиналъ.

4.

Человѣку не можетъ быть доступна цѣль его жизни. Знать можетъ человѣкъ только направленіе, ведущее къ цѣли жизни.

Хотите быть сильны, утверждайте въ себѣ вѣру.

18-е апрѣля.

Важно не количество знаній, а качество ихъ. Можно знать очень многое, не зная самаго нужнаго.

1.

Методическая болтовня высшихъ училищъ зачастую есть только общее соглашеніе уклоняться отъ рѣшенія трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, придавая словамъ измѣнчивый смыслъ, потому что удобное и большей частью равнодушное „не знаю“ неохотно выслушивается въ академіяхъ. Кантъ.

2.

Культура—это фанера, которой чаще бываетъ покрыто невѣжество, чѣмъ просвѣщеніе. Люси Малори.

3.

Истинѣ приходится преодолѣвать тысячу препятствій, чтобы невредимо добраться до бумаги и съ бумаги снова до головы. Лжецы — самые слабые враги истины. Восторженный писатель, говорящій о всѣхъ вещахъ и разсматривающій всѣ вещи, какъ иные люди, когда они подвыпили, далѣе — отмѣнный яко бы знатокъ людей, который въ каждомъ поступкѣ человѣка видитъ или хочетъ видѣть отраженною всю его жизнь, и, наконецъ, добродѣтельный, благочестивый человѣкъ, всему вѣрящій изъ почтенія, ничего не изслѣдующій изъ выученнаго имъ до пятнадцати лѣтъ и строю-

щій то немногое, что онъ подвергаетъ изслѣдованію на неизслѣдованномъ основаніи—вотъ опасные враги истины.

Лихтенбергъ.

4.

Ученый, ничего не производящій, подобенъ тучѣ, не дающей дождя.

Восточная мудрость.

5.

Самыми горячими защитниками всякой науки, не выносящими малѣйшаго косого взгляда на нее, бываютъ обыкновенно такія личности, которыя недалеко ушли въ ней и тайно сознаютъ за собой этотъ недостатокъ.

Лихтенбергъ.

6.

Если бы только однимъ людямъ разрѣшено было производить пищу, а всѣмъ остальнымъ было бы запрещено это дѣлать, или бы они были поставлены въ невозможность производить пищу, я полагаю, что качество пищи понизилось бы. Это самое случилось съ той высшей человѣческою дѣятельностью наукъ и искусствъ, монополію которой присвоила себѣ одна каста, но только съ той разницей, что въ тѣлесной пищѣ не можетъ быть очень большихъ отклоненій отъ естественности; въ духовной же пищѣ могутъ быть самыя большія отклоненія.

7.

Не стыдно и не вредно не знать. Всего знать никто не можетъ, а стыдно и вредно притворяться, что знаешь, чего не знаешь.

8.

Люди не могутъ знать и понимать всего того, что дѣлается на свѣтѣ, и потому сужденія ихъ о многихъ вещахъ невѣрны. Невѣдѣніе человѣка бываетъ двоякое; одно невѣдѣніе есть чистое, природное невѣдѣніе, въ которомъ люди рождаются; другое невѣдѣніе, такъ сказать, невѣдѣніе истинно-мудраго. Когда человѣкъ изучитъ всѣ науки и узнаетъ все то, что люди знали и знаютъ, то онъ увидитъ, что эти знанія, всѣ вмѣстѣ взятыя, такъ ничтож-

ны, что по нимъ нѣтъ возможности дѣйствительно понять міръ Божій, и онъ убѣдится въ томъ, что ученые люди, въ сущности, все такъ же ничего не знаютъ, какъ и простые, неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушекъ разныхъ наукъ и зазнались. Они ушли отъ природнаго невѣдѣнія, но не успѣли дойти до истинной мудрости тѣхъ ученыхъ, которые поняли несовершенство и ничтожество всѣхъ человѣческихъ знаній. Эти-то люди, считающіе себя умниками, и мутятъ міръ. Они обо всемъ судятъ самоувѣренно и опрометчиво и, разумѣется, постоянно ошибаются. Они умѣютъ бросать пыль въ глаза, и часто люди къ нимъ относятся съ уваженіемъ, но простой народъ ихъ презираетъ, видя ихъ безполезность; они же презираютъ народъ, считая его невѣжественнымъ. Паскаль.

9.

Мудрость — предметъ великій и обширный, она требуетъ всего свободнаго времени, которое можетъ быть посвящено ей... Съ какимъ бы количествомъ вопросовъ ты ни успѣлъ справиться, тебѣ все-таки придется промучиться надъ множествомъ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію и рѣшенію. Эти вопросы такъ обширны, такъ многочисленны, что требуютъ отстраненія изъ сознанія всего излишняго, для того, чтобы предоставить полный просторъ работѣ ума. Тратить ли мнѣ свою жизнь на одни слова? А часто бываетъ, что ученые больше думаютъ о разговорахъ, нежели о жизни. Замѣть, какое зло порождаетъ чрезмѣрное мудрованіе и какъ оно можетъ быть опасно для истины. Сенека.

10.

Плохи главнымъ образомъ тѣ писатели, которые свои непосредственныя мысли тщатся выразить словами, подходящими для мыслей, хорошо продуманныхъ; если бы они умѣли высказывать свои мысли соотвѣтствующими словами, они всегда вносили бы свою часть, содѣйствующую улучшенію цѣлаго, и были бы достойны вниманія наблюдателя. Лихтенбергъ.

11.

Для истиннаго знанія вреднѣе всего употребленіе понятій и словъ не вполнѣ ясныхъ. А это-то самое и дѣлаютъ мнимые ученые, придумывая для неяснаго понятія неясныя, несуществующія, выдуманныя слова.

19-е апрѣля.

Человѣкъ, не сознающій благодѣтельности страданій, еще не начиналъ жить разумной, т.-е. истинной жизнью.

1.

Все великое совершается въ человѣчествѣ лишь при условіи страданія. Іисусъ зналъ, что этого надо было ожидать и Ему, и Онъ все предвидѣлъ: и ненависть тѣхъ, которыхъ власть Онъ пришелъ разрушить, и ихъ тайные заговоры, и ихъ насилія, и неблагодарную измѣну того народа, котораго болѣзнь Онъ излѣчивалъ, котораго въ пустынѣ стараго общества Онъ питалъ небеснымъ хлѣбомъ Своего слова; Онъ предвидѣлъ и крестъ, и смерть, и оставленіе Своими, еще болѣе горестное, чѣмъ самая смерть. И мысль эта не покидаетъ Его: непрестанно Онъ призываетъ ее; но это ни на минуту не останавливаетъ Его. Если тѣлесная природа Его отталкиваетъ „чашу сію“, воля болѣе сильная принимаетъ ее безъ колебанія. И въ этомъ Онъ даетъ всѣмъ тѣмъ, кто продолжитъ Его миссію,—всѣмъ тѣмъ, кто, какъ Онъ, придетъ трудиться для спасенія людей, для освобожденія ихъ отъ бремени, заблужденія и зла,—даетъ имъ примѣръ, который долженъ быть всегда памятенъ. Ибо, если они хотятъ достичь цѣли, достигнутой Христомъ, надо, чтобы они шли и тѣмъ же путемъ. Только этой цѣной служатъ людямъ. Вы хотите, чтобы они были истинно братьями, вы призываете ихъ къ законамъ ихъ общей природы, вы боретесь противъ всякаго притѣсненія, всякаго беззаконія, всякаго лицемѣ-

рія; вы призываете на землю царство справедливости, права, долга, правды, любви,—какъ же могутъ тѣ, которыхъ власть основана на противномъ, не подняться противъ васъ! Развѣ они могутъ безъ борьбы оставить васъ разрушать ихъ храмъ и строить другой: не такой, какъ ихъ,—уже не дѣло рукъ человѣческихъ, но вѣчный храмъ, основы котораго положилъ Самъ Богъ. Оставьте эту надежду, если когда-либо были такъ легкомысленны, что имѣли ее. Вы выпьете чашу, вы осушите ее до послѣдней капли. Васъ возьмутъ какъ воровъ; противъ васъ будутъ искать ложныхъ свидѣтельствъ, а на то, которое вы сами о себѣ дадите, подымется крикъ: онъ богохульствуетъ! и судьи скажутъ: онъ достоинъ смерти. Когда это случится, имѣйте упованіе: это послѣднее знаменіе, знаменіе того, что вы истинно посланы Отцомъ. Ламенэ.

2.

Какъ мракъ ночи открываетъ небесныя свѣтила, такъ среди мрака бѣдности и униженія, окружающаго насъ, открывается намъ вся красота и значеніе жизни. Торо.

3.

Страданія, то, что называется страданіями, есть условіе духовнаго роста. Безъ страданія невозможенъ ростъ, невозможно увеличеніе жизни,—отъ этого-то страданія и сопутствуютъ всегда смерти. Если бы у человѣка не было страданій, то плохо бы ему было. Отъ этого-то и говорятъ въ народѣ, что того Богъ любитъ, кого посѣщаютъ бѣдствія...

4.

Болѣзнь, лишеніе члена, жестокое разочарованіе, потеря имущества, потеря друзей кажется въ первое время невозвратимой потерей. Но года проявляютъ глубокую врачебную силу, которая лежитъ въ этихъ потеряхъ. Эмерсонъ.

5.

Благовѣствованіе въ томъ и состоитъ, что истина о жизни человѣка есть дверь, открытая для перехода людей изъ области

жизни стихійно-безсознательной въ область разумно-сознательную; такъ что и страданія остаются страданіями, и смерть остается смертью, но въ разумномъ сознаніи они принимаются благомъ,— благомъ жизни другой, общей, міровой, Божьей, вѣчной, безсмертной.

Бука.

6.

Несомнѣнно важнѣе, какъ принимаетъ человѣкъ судьбу, нежели какова она на самомъ дѣлѣ.

В. Гумбольдтъ

7.

Малыя страданія выводятъ насъ изъ самихъ себя, великія же возвращаютъ насъ самимъ себѣ. Треснувшій колоколъ издаетъ глухой звукъ: разбейте его на двѣ части—онъ снова издаетъ чистый звукъ.

Жанъ Поль Рихтеръ.

8.

Для человѣка, живущаго одной плотской жизнью, страданіе не вызываетъ душевнаго противленія, недоумѣнія передъ жестокостью, ненужностью его, и потому для такихъ людей перенесеніе страданія легко. Для человѣка же, живущаго духовной жизнью, страданіе есть всегда поощреніе къ совершенствованію, просвѣтлѣнію, приближенію къ Богу. Для такихъ людей страданіе всегда можетъ быть претворено въ дѣло жизни.

9.

Сила и благодать религіи въ томъ, что они объясняютъ человѣку смыслъ его существованія и его конечное назначеніе. Когда же (какъ мы всѣ сдѣлали это въ нашъ вѣкъ науки и умственной свободы) мы откинули всѣ догматы нравственной теологіи, нѣтъ и что намъ въ немъ дѣлать.

Тайна судьбы обнимаетъ насъ со всѣхъ сторонъ своими могущественными вопросами, и, дѣйствительно, надо совсѣмъ не думать, чтобы не чувствовать мучительно трагическую безсмысленность жизни. Физическія страданія, нравственное зло, боли души

и чувствъ, счастіе злыхъ, униженіе праведнаго, все это могло бы быть сносно, если бы можно было понять внутренній порядокъ устройства міра, если бы можно было предполагать въ этомъ Провидѣніе. Вѣрующій радуется на свои раны, ему не непріятны несправедливости и насилія его враговъ; его грѣхъ, даже преступленія не лишаютъ надежды. Но въ мірѣ, въ которомъ погашена всякая вѣра, зло и страданія теряютъ смыслъ и представляются только какъ отвратительныя шутки и мрачные фарсы.

Анатоль Франсъ.

10.

Только испытавъ страданія, узналъ я близкое сродство человѣческихъ душъ между собою. Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны и почти знаешь, что нужно сказать имъ. Этого мало, самый умъ проясняется: дотолѣ скрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, что кому потребно. Великъ Богъ, насъ умудряющій. И чѣмъ же умудряющій? Тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ скрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не пріобрѣтаемой въ книгахъ.

Гоголь.

11.

Кто отъ наказанія Божія становится лучшимъ въ своемъ поведеніи, тотъ долженъ радоваться постигшимъ его страданіямъ, потому что они принесли ему великую пользу.

Человѣкъ, живущій духовной жизнью, не можетъ не видѣть, что страданія подвигаютъ его къ желанной цѣли совершенствованія, и для такого человѣка страданіе теряетъ всю свою горечь и становится благомъ.

20-е апрѣля.

Самоотреченіе для духовно рожденнаго есть такое же стремленіе къ благу, какъ и удовлетвореніе страстей и похотей для животнаго.

1.

Тотъ добръ, кто дѣлаетъ добро другимъ. Если онъ страдаетъ за то, что дѣлаетъ добро, онъ еще лучше; если онъ страдаетъ отъ тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ добро, онъ достигаетъ высшей доброты, усилить которую можетъ только увеличеніе страданій за то, что онъ продолжаетъ дѣлать; если онъ умретъ за это,—это самое высшее геройство.

Ла-Брюйеръ.

2.

Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мной, тотъ не достоинъ Меня. Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради Меня, сбережетъ ее.

Мѳ. X, 37—39.

3.

Для человѣка нѣтъ высшаго блага, какъ безкорыстно работать для блага другихъ,—работать для Вѣчнаго Блага. Когда люди подчинятся общему интересу, какъ подчиняются они теперь своимъ эгоистичнымъ стремленіямъ, тогда они узнаютъ миръ и счастіе и предъ ними раскроются тѣ безконечныя проявленія небесной мудрости, которыя они не видятъ теперь.

Люси Малори.

4.

Тогда Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною; ибо кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее. Какая

польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?

Мѳ. XVI, 24—26.

5.

Какъ огонь уничтожаетъ свѣчу, такъ добро уничтожаетъ личную жизнь.

Какъ таетъ воскъ отъ лица огня, такъ сознаніе личной жизни уничтожается участіемъ въ добрѣ.

Смерть разрушаетъ тѣло, какъ разрушаютъ лѣса, когда зданіе построено. И тотъ, чье зданіе построено, радуется разрушенію лѣсовъ и тѣла.

6.

Ты, благодатное облако, освѣжило не одну гору, опаленную солнцемъ, оживило не одинъ лѣсъ, замершій отъ зноя; ты напоило сотни рѣкъ, столько же ручьевъ. Теперь ты истощено, стало прозрачно, но въ этомъ твоя лучшая красота.

Индійское изреченіе.

7.

Мы лишь тогда истинно живемъ для себя, когда живемъ для другихъ. Это кажется страннымъ, но испытай, и ты на опытѣ убѣдишься.

Если человѣкъ живетъ духовной жизнью, то отреченіе отъ мірскихъ благъ не можетъ представляться ему заслугой. Онъ не можетъ поступить иначе. Онъ при этомъ улучшаетъ, а не ухудшаетъ свое положеніе.

21-е апрѣля.

Міръ христіанскихъ народовъ дошелъ до животной, звѣрской жизни, изъ которой кажется, что нѣтъ выхода. Спасеніе отъ этого бѣдственнаго положенія одно: возстановленіе проповѣдью любви — словомъ и, главное, дѣломъ того, что было затемнено.

1.

И по причинѣ умноженія беззаконія охладѣетъ любовь.

Мѳ. XXIV, 12.

2.

Трудно пріучиться жалѣть людей въ томъ, въ чемъ они истинно жалки,—въ потерѣ ихъ нравственности, чистоты разума, добрыхъ привычекъ и не жалѣть ихъ въ томъ, въ чемъ они сами о себѣ жалѣютъ,—въ потерѣ имущества, семьи, красоты, здоровья, людской славы.

3.

Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга. Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ.

Ін. XV, 17—19.

4.

Твой братъ по рожденію — разумѣю рожденіе духовное — погибаетъ отъ голода, а ты изнемогаешь отъ пресыщенія. Братъ ходитъ съ обнаженнымъ тѣломъ, а ты и для одеждъ устрояешь одежды, чтобы охранять ихъ отъ червей чрезъ такіе покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тѣла бѣдныхъ? Тогда и одежды остались бы цѣлыми, и ты былъ бы свободенъ отъ всякой заботы. Ибо, если не хочешь, чтобы одежды твои съѣдены были молью,—отдай ихъ бѣднымъ: они умѣютъ хорошо вытряхивать эти одежды. Мы никогда не перестанемъ говорить объ этомъ, но вы не слушаете нашихъ словъ. А это отъ того, что душа наша бѣдна, привязана къ землѣ и пресмыкается долу. Впрочемъ, не подумайте, что я осуждаю всѣхъ васъ въ этомъ злѣ, какъ будто бы вы всѣ были больны неисцѣльно. Если люди, упоенные богатствомъ, заграждаютъ свой слухъ для моихъ словъ, зато замѣтятъ ихъ живущіе въ бѣдности. Но какъ, скажешь, идетъ это къ бѣднымъ? Вѣдь у нихъ нѣтъ ни золота, ни многихъ одеждъ? Но у нихъ есть хлѣбъ и холодная вода, и ноги, чтобы посѣтить больныхъ; есть языкъ и слово, чтобы утѣшить несчастнаго; домъ и кровъ, чтобы принять странника.

Наставленія св. Іоанна Златоуста.

5.

Люди думаютъ, что есть положенія, въ которыхъ можно обращаться съ человѣкомъ безъ любви, а такихъ положеній нѣтъ. Съ вещами можно обращаться безъ любви: можно рубить деревья, дѣлать кирпичи, ковать желѣзо безъ любви, но съ людьми нельзя обращаться безъ любви такъ же, какъ нельзя обращаться съ пчелами безъ осторожности. Таково свойство пчелъ. Если станешь обращаться съ ними безъ осторожности, то имъ повредишь и себѣ. То же и съ людьми.

И это не можетъ быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной законъ жизни человѣческой. Правда, что человѣкъ не можетъ заставить себя любить, какъ онъ можетъ заставить себя работать; но изъ этого не слѣдуетъ, что можно обращаться съ людьми безъ любви, особенно, если чего-нибудь требуешь отъ нихъ. Не чувствуешь любви къ людямъ, сиди смирно, занимайся собой, вещами, чѣмъ хочешь, но только не людьми. Какъ ѣсть можно безъ вреда и съ пользой только тогда, когда хочется ѣсть, такъ и съ людьми можно обращаться съ пользой и безъ вреда только тогда, когда любишь. Только позволь себѣ обращаться съ людьми безъ любви, и нѣтъ предѣловъ жестокости и звѣрства по отношенію другихъ людей, и нѣтъ предѣловъ страданія для себя.

6.

До тѣхъ поръ, пока я не увижу того, чтобы соблюдалось важнѣйшее правило Христа—любовь къ врагамъ, до тѣхъ поръ я не перестану сомнѣваться въ томъ, чтобы выдающіе себя за христіанъ были ими.

Лессингъ.

7.

О, пышные денежные короли и знаменитые герцоги, охраняющіе свои парки для личныхъ своихъ потѣхъ! развѣ, кромѣ грубаго способа Каина, нѣтъ другихъ, которыми мы можемъ убивать нашихъ братьевъ? Добрый человѣкъ, какъ спутникъ на тяжеломъ жизненномъ поприщѣ, однимъ своимъ взглядомъ или присутствіемъ уже многое обѣщаетъ, но горе ему, если онъ забываетъ всѣ эти обѣщанія, или не сознаетъ ихъ. Къ омертвѣвшей душѣ, предан-

ной грубому чувственному поклоненію, для которой адъ равносиленъ безденежью, тщетно обращаться съ напоминаніями о всевозможныхъ обѣщаніяхъ и о нравственныхъ обязательствахъ, нарушеніе которыхъ нельзя обжаловать въ коммерческомъ судѣ. Заставить его заплатить деньги еще возможно, но большаго не требуйте.

Во всей прошлой исторіи и, надѣюсь, во всей будущей, я не встрѣчалъ и не встрѣчу разсказа объ обществѣ, которое въ Божьемъ мірѣ могло бы существовать на такихъ основахъ и поддерживаться такимъ міровоззрѣніемъ. Вселенная не такъ устроена. Люди или націи, безъ колебанія придерживающіеся такого міровоззрѣнія, шествуютъ шагъ за шагомъ прямо къ погибели.

Карлейль.

8.

Христіанское откровеніе было ученіемъ о равенствѣ людей, о томъ, что Богъ есть Отецъ, а люди—братья. Оно ударяло въ самый корень той чудовищной тиранніи, которая душила цивилизованный міръ, оно разбивало цѣпи рабовъ и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучкѣ людей роскошествовать на счетъ труда массы и держала рабочихъ людей, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Вотъ почему преслѣдовалось первое христіанство, и вотъ почему, когда стало ясно, что его нельзя уничтожить, привиллегированные классы приняли его и извратили. Оно перестало въ своемъ торжествѣ быть истиннымъ христіанствомъ первыхъ временъ и сдѣлалось, до весьма значительной степени, служителемъ привиллегированныхъ классовъ.

Генри Джорджъ.

Живи не такъ, чтобы, будучи согласнымъ съ міромъ, быть готовымъ продолжать такую жизнь. Если ты такъ живешь, ты отдаляешь приближеніе царства любви. Живи такъ, чтобы возможно было наступленіе этого царства. А для того, чтобы жить такъ, оснуй свою жизнь не на насиліи, а на любви.

Недѣльное чтеніе.

Изъ письма.

Передъ человѣкомъ міръ, который былъ до него и останется послѣ него, и онъ знаетъ, что міръ этотъ вѣченъ и что онъ желалъ бы участвовать въ этой вѣчности. Разъ человѣкъ былъ призванъ къ жизни, онъ требуетъ своей доли въ той жизни вѣчной, которая окружаетъ его, возбуждаетъ его, подсмѣивается надъ нимъ и уничтожаетъ его. Онъ знаетъ, что начался, и не хочетъ кончиться. Онъ громко призываетъ, онъ тихимъ голосомъ молитъ о достовѣрности, которая постоянно ускользаетъ отъ него для его же счастія, потому что достовѣрное знаніе было бы для него неподвижностью и смертью, такъ какъ сильнѣйшій двигатель человѣческой энергіи есть неизвѣстное. Человѣкъ не можетъ установиться въ достовѣрности и носится въ неопредѣленныхъ идеалахъ и, какъ бы далеко онъ ни отклонялся въ скептицизмъ, въ отрицаніе вслѣдствіе гордости, любопытства, злобы, моды,—онъ всегда возвращается къ надеждѣ, безъ которой онъ не можетъ жить.

Такъ что бываетъ иногда затемнѣніе, но нѣтъ никогда полнаго исчезновенія человѣческаго идеала. Черезъ него проходятъ философскіе туманы, какъ облака передъ мѣсяцемъ, но бѣлое свѣтило продолжаетъ свое шествіе и вдругъ появляется изъ-за нихъ нетронутымъ и блестящимъ. Эта неудержимая потребность идеала въ человѣкѣ объясняетъ то, что человѣкъ бросался съ такимъ довѣріемъ, съ такимъ восторгомъ, безъ разумнаго контроля въ различныя религіозныя формулы, которыя, обѣщая ему безконечное,

предлагали его ему сообразно его природѣ и ставили его въ извѣстныя рамки, всегда необходимыя даже для идеала.

Но вотъ уже давно при каждой станціи движенія человѣчества новые люди выходятъ изъ мрака во все большемъ и большомъ количествѣ, въ особенности за послѣднія 100 лѣтъ, и люди эти во имя разума, науки, наблюденія отрицаютъ то, что считалось истинами, объявляютъ ихъ относительными и хотятъ разрушить тѣ формулы, которыя ихъ содержатъ.

А между тѣмъ та сила, какая бы она ни была, которая сотворила міръ, такъ какъ онъ, какъ мнѣ кажется, все-таки не могъ сотвориться самъ, сдѣлавъ насъ своими орудіями, удержала за собой право знать, зачѣмъ она насъ сдѣлала и куда она насъ ведетъ. Сила эта, несмотря на всѣ намѣренія, которыя ей приписывали, и на всѣ требованія, которыя къ ней предъявляли,—сила эта, какъ кажется, желаетъ удержать свою тайну, и потому (я скажу здѣсь все, что думаю) мнѣ кажется, что человѣчество начинаетъ отказываться отъ желанія проникнуть ее. Человѣчество обращалось къ религіямъ, которыя ничего не доказали ему, потому что онѣ были различны; обращалось къ философіямъ, которыя не болѣе того разъяснили ему, потому что онѣ были противорѣчивы; оно постарается теперь управиться одно со своимъ простымъ инстинктомъ и своимъ здравымъ смысломъ, и, такъ какъ оно живетъ на землѣ, не зная зачѣмъ и какъ, оно постарается быть настолько счастливымъ, насколько это возможно, тѣми средствами, которыя предоставляетъ ему наша планета.

Есть люди, которые предлагаютъ, какъ панацею противъ всѣхъ затрудненій въ жизни, трудъ. Labor improbus omnia vincit. Лѣкарство извѣстное и отъ этого оно не менѣе хорошо, но оно всегда было и продолжаетъ быть недостаточнымъ. Пусть работаетъ человѣкъ своими мускулами или своимъ умомъ, все-таки никогда не можетъ быть его единственной заботой пріобрѣтеніе пищи, наживаніе состоянія или пріобрѣтеніе славы. Всѣ тѣ, которые ограничиваютъ себя этими цѣлями, чувствуютъ и тогда, когда они достигли ихъ, что имъ еще недостаетъ чего-то: дѣло въ томъ, что, что бы ни производилъ человѣкъ, что бы ни говорилъ, что бы ему ни говорили, онъ состоитъ не только изъ тѣла, которое надо кор-

мить, и ума, который надо образовать и развивать, у него несомнѣнно есть еще и душа, которая еще заявляетъ свои требованія. Эта-то душа находится въ неперестающемъ трудѣ, въ постоянномъ развитіи и стремленіи къ свѣту и истинѣ. До тѣхъ поръ, пока она не получитъ весь свѣтъ и не завоюетъ всю истину, она будетъ мучить человѣка.

И вотъ—она никогда такъ не занимала, никогда не налагала съ такой силой свою власть на человѣка, какъ въ наше время. Она, такъ сказать, разлита во всемъ томъ воздухѣ, который вдыхаетъ міръ. Тѣ нѣсколько индивидуальныхъ душъ, которыя отдѣльно желали общественнаго перерожденія, мало-по-малу отыскали, призвали другъ друга, сблизились, соединились, поняли себя и составили группу, центръ притяженія, къ которому стремятся теперь другія души съ четырехъ концовъ свѣта, какъ летятъ жаворонки на зеркало; они составили такимъ образомъ общую, коллективную душу, съ тѣмъ, чтобы люди впередъ осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единеніе и правильный прогрессъ націй, недавно еще враждебныхъ другъ другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю въ явленіяхъ, которыя кажутся болѣе всего отрицающими ее.

Эти вооруженія всѣхъ народовъ, эти угрозы, которыя дѣлаютъ другъ другу ихъ представители, эти возобновленія гоненій извѣстныхъ народностей, эти враждебности между соотечественниками и даже эти ребячества Сорбонны суть явленія дурного вида, но не дурного предзнаменованія. Это—послѣднія судороги того, что должно исчезнуть. Болѣзнь въ этомъ случаѣ есть только энергическое усиліе организма освободиться отъ смертоноснаго начала.

Тѣ, которые воспользовались и надѣялись еще долго и всегда пользоваться заблужденіями прошедшаго, соединяются съ цѣлью помѣшать всякому измѣненію. Вслѣдствіе этого—эти вооруженія, эти угрозы, эти гоненія, но, если вы вглядитесь внимательнѣе, вы увидите, что все это только внѣшнее. Все это колоссально, но пусто.

Во всемъ этомъ уже нѣтъ души: она перешла въ иное мѣсто. Всѣ эти милліоны вооруженныхъ людей, которые каждый день упражняются въ виду всеобщей истребительной войны, не ненави-

дятъ уже тѣхъ, съ которыми они должны сражаться, ни одинъ изъ ихъ начальниковъ не смѣетъ объявить войны. Что касается до упрековъ, даже заражающихъ, которые слышатся снизу, то уже сверху начинаетъ отвѣчать имъ признающее ихъ справедливость великое и искреннее состраданіе.

Взаимное пониманіе неизбѣжно наступитъ въ опредѣленное время и болѣе близкое, чѣмъ мы полагаемъ. Я не знаю, происходитъ ли это отъ того, что я скоро уйду изъ этого міра и что свѣтъ, исходящій изъ-подъ горизонта, освѣщающій меня, уже затемняетъ мнѣ зрѣніе, но я думаю, что нашъ міръ вступаетъ въ эпоху осуществленія словъ: „любите другъ друга“, безъ разсужденія о томъ, кто сказалъ эти слова: Богъ или человѣкъ.

Спиритуалистическое движеніе, замѣтное со всѣхъ сторонъ, которымъ столько самолюбивыхъ и наивныхъ людей думаютъ управлять, будетъ безусловно человѣчно. Люди, которые ничего не дѣлаютъ съ умѣренностью, будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будутъ недоразумѣнія, можетъ-быть, и кровавыя: такъ ужъ мы воспитаны и пріучены ненавидѣть другъ друга часто тѣми самыми людьми, которые призваны научить насъ любви. Но, такъ какъ очевидно, что этотъ великій законъ братства долженъ когда-нибудь совершиться, я убѣжденъ, что наступаютъ времена, въ которыя мы неудержимо пожелаемъ, чтобы это совершилось.

А. Дюма.

22-е апрѣля.

Познаніе себя есть познаніе Бога.

1.

Іисусъ же возгласилъ и сказалъ: вѣрующій въ Меня не въ Меня вѣруетъ, но въ Пославшаго Меня; и видящій Меня видитъ Пославшаго Меня. Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ. И если кто услышитъ Мои слова и не повѣритъ, Я не сужу его, ибо Я пришелъ не судить міръ, но спасти міръ. Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ имѣетъ судью себѣ: слово, которое Я говорилъ; оно будетъ судить его въ послѣдній день. Ибо Я говорилъ не отъ Себя; но пославшій Меня Отецъ, Онъ далъ Мнѣ заповѣдь, чтò сказать и чтò говорить. И Я знаю, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. Итакъ, чтò Я говорю, говорю, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ.

Ін. XII, 44—50.

2.

Величайшее знаніе есть знаніе самого себя: кто себя познаетъ, тотъ познаетъ и Бога.

3.

Основное свойство человѣка болѣе или менѣе любить одно и не любить другое, не происходитъ отъ пространственныхъ и временныхъ условій; но, напротивъ, пространственныя и временныя условія дѣйствуютъ или не дѣйствуютъ на человѣка только потому, что человѣкъ, входя въ міръ, уже имѣетъ весьма опредѣленное свойство любить одно и не любить другое. Только отъ этого и происходитъ то, что люди, рожденные и воспитанные въ совершенно одинаковыхъ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, представляютъ часто самую рѣзкую противоположность своего внутренняго я.

4.

Безъ чистоты души зачѣмъ поклоненіе Богу? Зачѣмъ говорить: я пойду въ Бенаресъ? Какимъ образомъ достигнетъ истиннаго Бенареса тотъ, кто дѣлаетъ зло?

Святость не въ лѣсахъ, не на небѣ, не на землѣ, не въ священныхъ рѣкахъ. Очисти свое тѣло, и ты увидишь Его. Преврати твое тѣло въ храмъ, откинь дурныя мысли и созерцай Бога внутреннимъ окомъ. Когда мы познаемъ Его, мы познаемъ самихъ себя. Безъ личнаго опыта одно писаніе не уничтожитъ нашихъ страховъ,—такъ же, какъ темнота не разгоняется написаннымъ огнемъ. Какая бы ни была твоя вѣра и твои молитвы, пока въ тебѣ нѣтъ правды, ты не достигнешь пути блага. Тотъ, кто познаетъ истину, тотъ родится снова.

Источникъ истиннаго блага—въ сердцѣ; безуменъ тотъ, кто ищетъ его въ иномъ мѣстѣ. Онъ подобенъ пастуху, который ищетъ ягненка, который у него за пазухой.

Зачѣмъ вы собираете камни и строите великіе храмы? Зачѣмъ мучаете себя такъ, тогда какъ Богъ живетъ постоянно внутри васъ?

Дворная собака лучше, чѣмъ бездживненный идолъ въ домѣ, и лучше, чѣмъ всѣ полубоги, великій Богъ міра.

Тотъ свѣтъ, который, какъ утренняя звѣзда, живетъ внутри сердца каждаго человѣка, этотъ свѣтъ наше прибѣжище.

Вемана.

5.

Странно кричать человѣку, который не знаетъ себя, чтобы онъ отъ самого себя переходилъ къ Богу! Хорошо говорить это человѣку, который знаетъ себя. Паскаль.

Человѣкъ можетъ перенести свое *я* изъ области подчиненной, непостоянной и бѣдственной въ то, что свободно, неизмѣнно и радостно, въ сознаніе своей духовной сущности.

23-е апрѣля.

Истинное добро всегда просто.

Простота такъ привлекательна, такъ выгодна, что удивительно, какъ мало людей бываютъ просты.

1.

Не ищи счастія за моремъ. Благодареніе Всевышнему, что нужное Онъ сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное—ненужнымъ.

Сковорода.

2.

Всѣ хорошія вещи дешевы, дурныя дороги. Торо.

3.

Каждое пріобрѣтеніе такъ называемаго прогресса сопряжено съ нѣкоторымъ лишеніемъ: общество обогатится, напримѣръ, новымъ изобрѣтеніемъ, а между тѣмъ утратитъ нѣкоторое свойство, врожденное каждому изъ насъ. Образованный человѣкъ имѣетъ экипажи, но едва владѣетъ своими ногами. У него прекрасные женевскіе часы, но ему не узнать часа по солнцу. Онъ купитъ астрономическій календарь и, полагаясь на то, что найдетъ въ немъ все нужное, не сумѣетъ отличить ни одной звѣзды на небѣ, не подмѣтитъ ни осенняго, ни весенняго равноденствія.

Разумный человѣкъ, откидывая все излишнее, въ концѣ концовъ возвращается къ тому, что для него необходимо.

Эмерсонъ.

4.

Почти всѣ наши расходы дѣлаются для того, чтобы быть похожими на другихъ. Мы входимъ въ долги изъ-за пироговъ: ни для ума, ни для сердца, ни для красоты мы тратимъ такъ много.

Эмерсонъ.

5.

Служи общему дѣлу—дѣлай дѣло любви—словомъ, воздержаніемъ, усиліемъ: тутъ не сказалъ словечка дурного, не сдѣлалъ

того, что было бы хуже, тутъ преодолѣлъ робость и ложный стыдъ и сдѣлалъ и сказалъ то, что надо, что хорошо,—то, что любовно,—все крошечные, незамѣтные поступки и слова, и изъ этихъ-то горчичныхъ зеренъ выростаетъ дерево любви, закрывающее вѣтвями весь міръ.

6.

Не нужно искать добрыхъ дѣлъ, подвиговъ. Если только будешь дѣлать то, что отъ тебя требуется сейчасъ въ томъ положеніи, въ которомъ ты находишься, наилучшимъ образомъ, по-христіански, во всю, то жизнь будетъ полна и нечего будетъ искать добрыхъ дѣлъ и подвиговъ.

7.

Всякое величайшее дѣло дѣлается именно въ условіяхъ незамѣтности, скромности, простоты: ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже нельзя при освѣщеніи, громѣ и блескѣ. Великія, истинныя дѣла—всегда просты, скромны.

Менѣе всего просты люди, желающіе казаться простыми. Умышленная простота есть самая большая и непріятная искусственность.

24-е апрѣля.

Истинное мужество въ борьбѣ свойственно тому, кто знаетъ, что его союзникъ—Богъ.

1.

Въ мірѣ будете имѣть скорбь; но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ.

Iн. XVI, 33.

2.

Счастливы мы, если намъ является чудный случай двинуться туда, куда указываетъ намъ разумъ, двинуться даже и въ томъ

случаѣ, если люди предупреждаютъ насъ объ опасности, отказываются слѣдовать намъ и противятся намъ. Конвей.

3.

Мои слова, можетъ-быть, кажутся вамъ теперь жестоки, но не сегодня, такъ завтра вы сами послѣдуете внушеніямъ своей истинной природы, и если мы имѣемъ въ виду истину, она приведетъ и васъ и меня къ одной цѣли.

Счастливъ тотъ, кто, отвергнувъ побужденія и причины, по которымъ обыкновенно дѣйствуетъ человѣчество, рѣшается имѣть довѣріе къ самому себѣ. Высока должна быть душа, тверда воля, ясенъ взглядъ у того, кто можетъ замѣнить себѣ общество, обычай, постановленія и довести себя до того, чтобы одно внутреннее убѣжденіе имѣло надъ нимъ ту же силу, какую для другихъ имѣетъ желѣзная необходимость. Эмерсонъ.

4.

Что бы ни случилось, не теряй бодрости. Ничего дурного, несвойственнаго тебѣ, какъ человѣку, случиться не можетъ.

5.

Все неопредѣленно, туманно и мимолетно, одна добродѣтель не можетъ быть сокрушена никакимъ насиліемъ. Цицеронъ.

6.

Разъ римская императрица потеряла свои драгоцѣнности. Тогда было объявлено по всей имперіи слѣдующее: кто найдетъ и возвратитъ потерю въ теченіе тридцати дней, получитъ богатое вознагражденіе; если же кто возвратитъ ихъ послѣ тридцати дней, то будетъ казненъ смертью. Еврейскій раввинъ Самуилъ вскорѣ нашелъ потерянныя драгоцѣнности, но возвратилъ ихъ по истеченіи тридцати дней. „Ты былъ за границей?“ спросила его императрица. „Нѣтъ, я былъ дома“, отвѣтилъ онъ. „Но ты, можетъ-быть, не зналъ о томъ, что было объявлено“.—„Нѣтъ, зналъ“, сказалъ Самуилъ. „Такъ отчего же ты не возвратилъ ихъ до истеченія тридцати дней? Вѣдь ты подлежишь смертной казни“.—„Но я хотѣлъ

тебѣ показать,—сказалъ Самуилъ,—что не изъ страха передъ наказаніемъ я возвратилъ тебѣ твою потерю, а изъ страха передъ Господомъ Богомъ". Императрица помиловала его и отпустила съ миромъ.

Не жди совершенія того Божьяго дѣла, которому ты служишь, но знай, что каждое твое усиліе не останется безплодно и подвинетъ дѣло.

25-е апрѣля.

Человѣкъ можетъ сознавать себя тѣлеснымъ и духовнымъ существомъ. Сознавая себя тѣлеснымъ, человѣкъ не свободенъ. Для духовнаго же существа не можетъ быть даже вопроса о какой-нибудь несвободѣ.

1.

Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь. Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время, и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ. Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ. Ін. V, 24—26.

2.

Что такое „любовь къ Богу", какъ не усиленное стремленіе внести въ свое существованіе наивысшую творческую энергію. Божественная Творческая Сила заключается во всемъ, но величайшее ея проявленіе въ этомъ мірѣ—въ человѣкѣ; для того же, чтобъ она дѣйствовала, человѣкъ долженъ признавать ее. Не признавая того, что онъ можетъ творить наилучшее и наиблагороднѣйшее, человѣкъ неизбѣжно творитъ наихудшее и низкое.

Изъ „Передовой мысли міра".

3.

Я знаю, что надо постоянно наблюдать за собою, знаю, что Небо знаетъ все, и что его законы неизмѣнны. Я знаю, что оно видитъ все, входитъ во все, присутствуетъ во всемъ. Небо проникаетъ въ глубину всѣхъ сердецъ такъ же, какъ дневной свѣтъ освѣщаетъ темную комнату. Мы должны стремиться отражать его свѣтъ такъ же, какъ два музыкальные инструмента, одинаково настроенные, отвѣчаютъ другъ другу.

Китайскій Шикитъ.

4.

Природа человѣка пряма. Если эта естественная прямота потеряется во время жизни, то человѣкъ не можетъ быть счастливъ.

Китайская мудрость.

5.

Когда я размышляю о свойствахъ души, то мнѣ гораздо труднѣе понять, что такое душа, заключенная въ тѣлѣ, гдѣ она живетъ, какъ въ чужой странѣ, чѣмъ то, что она такое, когда она освободится отъ тѣла и вознесется къ небу, своему отечеству.

Цицеронъ.

Человѣкъ чувствуетъ свою свободу въ той мѣрѣ, въ которой онъ переноситъ свою жизнь изъ плотскаго существованія въ духовное.

26-е апрѣля.

Сознаніе Бога просто и доступно всякому. Познаніе Его невозможно.

1.

Человѣкъ разумный и скромный, съ развитымъ, но ограниченнымъ умомъ, чувствуетъ свои предѣлы, и не выходитъ изъ нихъ и въ этихъ предѣлахъ находитъ понятіе своей души и своего Творца,

сознавая невозможность довести эти понятія до полной ясности и созерцать ихъ такъ, какъ только чистый духъ могъ бы созерцать ихъ. Онъ съ покорностью останавливается передъ ними и не дотрагивается до покрова, удовлетворяясь сознаніемъ того, что стоитъ передъ высокимъ существомъ. До этого предѣла только полезна и нужна философія. То, что сверхъ этого, есть праздныя отвлеченности, несвойственныя человѣку, отъ которыхъ воздерживается разумный человѣкъ и которыя чужды человѣку толпы.

Всѣ народы міра знаютъ и чтутъ Бога; хотя каждый одѣваетъ Его по-своему, но подъ всѣми этими одеждами все тотъ же Богъ. Избранное меньшинство съ болѣе высокими требованіями ученія, не удовлетворяясь данными простого здраваго смысла, ищетъ Бога болѣе отвлеченнаго. Я не осуждаю этихъ людей. Но оно не право, если, становясь на мѣсто всего человѣчества, это меньшинство утверждаетъ, что Богъ скрытъ отъ людей, потому что оно не видитъ Его. Я признаю, что можетъ случиться, что люди и хитрыя продѣлки людей могутъ на время убѣдить большинство, что нѣтъ Бога, но эта мода не можетъ продолжаться. И такъ или иначе, человѣкъ будетъ всегда нуждаться въ Богѣ. Если бы, противно закону природы, Божество проявилось бы намъ съ еще большей очевидностью, я увѣренъ, что люди, противные Богу, придумали бы новыя тонкости, чтобы отрицать Его. Разумъ всегда подчиняется тому, что требуетъ сердце. Руссо.

2.

Жизнь во мнѣ есть сознаніе. Сознаніе не мое, не въ моей волѣ; оно приходитъ, когда хочетъ, но когда оно во мнѣ есть, то я не меньше его, я вполнѣ сознаю свое сознаніе.

Сознаніе—самое несомнѣнное для меня изъ всего, что есть. Сознаніе не имѣетъ ни прошедшаго, ни будущаго, а имѣетъ только настоящее, не имѣетъ ни времени, ни пространства, не имѣетъ ничего личнаго, ни добра, ни зла. Я живъ, пока во мнѣ сознаніе, и когда оно во мнѣ, я не могу не сознавать. Сознаніе это и есть Богъ. Я не могу знать, какой Богъ внѣ меня, какъ не могу знать, откуда сознаніе,—но я его знаю, когда оно во мнѣ.

Н. Н. Ге младшій.

3.

Вѣра въ Бога—инстинктъ; она такъ же лежитъ въ природѣ человѣка, какъ способность ходить на двухъ ногахъ; она можетъ у нѣкоторыхъ людей видоизмѣняться и даже вовсе заглохнуть, но, какъ общее правило, она существуетъ и необходима для внутренней полноты его познавательной способности.

Лихтенбергъ.

4.

Одинаково непостижимы положенія, что есть Богъ и что нѣтъ Его, что есть душа въ тѣлѣ и что нѣтъ въ насъ души, что міръ сотворенъ и что онъ не сотворенъ. Паскаль.

Живи въ Богѣ, живи съ Богомъ, сознавая Его въ себѣ, и не пытайся опредѣлять Его словомъ.

27-е апрѣля.

Осужденіе людей всегда дурно, а иногда особенно несправедливо и жестоко. Я осуждаю человѣка, дѣлаю ему зло, тогда какъ этотъ человѣкъ, можетъ-быть, хвалитъ меня, дѣлаетъ мнѣ добро.

1.

Не судите, да не судимы будете; ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ! выпь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего.

Мѳ. VII, 1 -5.

2.

Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ суевѣрій то, что каждый человѣкъ имѣетъ свои опредѣленныя свойства, что бываетъ человѣкъ добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бываютъ такими.

Мы можемъ сказать про человѣка, что онъ чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ, и наоборотъ, но будетъ неправда, если мы скажемъ про одного человѣка, что онъ всегда добрый или умный, а про другого, что онъ всегда злой или глупый. А мы всегда такъ дѣлимъ людей. И это невѣрно.

3.

Вы видите слабость ближняго, но не знаете, что, можетъ-быть, одинъ изъ его поступковъ пріятнѣе Богу, чѣмъ вся ваша жизнь. Вы, однако, продолжаете осуждать его и берете на душу тяжелый грѣхъ. Если даже вашъ ближній имѣлъ несчастіе пасть, то вы не видали слезъ, пролитыхъ имъ прежде, ни послѣдующаго за тѣмъ раскаянія, и между тѣмъ какъ Богъ, свидѣтель его скорби и сокрушенія, уже оправдалъ его, вы продолжаете унижать его.

4.

Можешь ли ты разумно негодовать на человѣка, одержимаго какимъ-нибудь отвратительнымъ недугомъ? Чѣмъ онъ виноватъ, что его сосѣдство тебѣ противно? Точно такъ же относись и къ нравственнымъ недугамъ.

„Но,—скажешь ты,—у человѣка есть разумъ, помощью котораго онъ можетъ сознавать свои пороки“. Это вѣрно. Слѣдовательно, и ты обладаешь разумомъ и можешь разумнымъ обхожденіемъ привести ближняго къ сознанію своихъ недостатковъ; такъ прояви же свой разумъ, сумѣй пробудить въ человѣкѣ совѣсть и исцѣли его слѣпоту безъ гнѣва, нетерпѣнія и надменности.

Маркъ Аврелій.

5.

Если между двумя людьми есть вражда, то виноваты оба. Какую бы величину ни помножить на ноль, будетъ ноль. Если же

произведена вражда, то вражда была и въ каждомъ изъ множителей.

6.

Если произошла ссора между людьми, то виноваты въ ней, хотя бы въ самыхъ различныхъ степеняхъ, непремѣнно оба ссорящіеся. Вѣдь при полной безупречности поведенія одной изъ сторонъ такъ же невозможно возгорѣться ссорѣ, какъ невозможно зажечься спичкѣ объ абсолютно гладкую поверхность, напримѣръ, о зеркало.

Б.

7.

Пойми хорошенько и постоянно помни, что человѣкъ всегда поступаетъ такъ, какъ ему кажется лучше для себя. Если это на самомъ дѣлѣ лучше для него, то онъ правъ; если же онъ ошибается, то ему же хуже, потому что за всякимъ заблужденіемъ непремѣнно слѣдуетъ и страданіе.

Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь ни сердиться, ни возмущаться, никого не будешь ни попрекать, ни бранить и ни съ кѣмъ не будешь враждовать.

Эпиктетъ.

Живя съ близкимъ человѣкомъ, хорошо уговориться о томъ, чтобы останавливать другъ друга, какъ скоро тотъ или другой начнетъ осуждать ближняго.

28-е апрѣля.

То, что праздность благо, а трудъ наказаніе—странное и вредное заблужденіе.

1.

Физическая работа важна тѣмъ, что она мѣшаетъ уму праздно и безцѣльно работать.

2.

Жизнь аркадскихъ пастушковъ и наша возлюбленная придворная жизнь обѣ нелѣпы и неестественны, хотя и привлекательны. Ибо никогда не можетъ быть истиннаго удовольствія тамъ, гдѣ удовольствія превращаются въ занятія. Только отдохновенія отъ занятія, рѣдкія и краткія и безъ подготовки, бываютъ прочны и отличаются истиннымъ вкусомъ. Кантъ.

3.

Правъ, преимуществъ, особенностей въ дѣлѣ жизни никто не имѣетъ и не можетъ имѣть, а обязанностямъ нѣтъ конца и нѣтъ предѣловъ, и первая и несомнѣнная обязанность человѣка есть участіе въ борьбѣ съ природою за свою жизнь и жизнь другихъ людей.

Если человѣкъ, живя одинъ, уволитъ себя отъ обязанностей борьбы съ природою, онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что тѣло его погибаетъ. Если же человѣкъ уволитъ себя отъ этой обязанности, заставляя другихъ людей исполнять ее, то онъ тотчасъ же казнится уничтоженіемъ разумной жизни, т.-е. жизни, имѣющей разумный смыслъ.

4.

Надо возстановить свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ представленіе о томъ, что необходимое условіе счастія человѣка есть не праздность, а трудъ,—что человѣкъ не можетъ не работать, что ему скучно, тяжело, трудно не работать, какъ скучно, трудно не работать муравью, лошади и всякому животному.

5.

Несомнѣнное условіе счастія есть трудъ: во-первыхъ, любимый и свободный трудъ; во-вторыхъ, трудъ физическій, дающій аппетитъ и крѣпкій, успокаивающій сонъ.

6.

Физическій трудъ не только не исключаетъ возможности умственной дѣятельности, не только улучшаетъ ея достоинство, но и поощряетъ ее.

7.

Ручной трудъ есть долгъ и счастіе для всѣхъ; дѣятельность ума и воображенія есть дѣятельность исключительная; она становится долгомъ и счастіемъ только для тѣхъ, которые къ ней призваны. Призваніе можно распознать и доказать только жертвой, которую приноситъ ученый или художникъ своему покою и благосостоянію, чтобы отдаться своему призванію.

8.

Надобно бы было включить въ муки ада вѣчную праздность, а ее-то, напротивъ, помѣстили среди радостей рая.

Монтень.

9.

Смотрѣли ли вы когда-нибудь на колесо горшечника, вещь крайне почтенную и болѣе древнюю, чѣмъ даже пророкъ Іезекіиль. Грубые комья глины, вслѣдствіе быстраго вращенія, становятся прекрасными сосудами. Вообразите себѣ теперь самаго прилежнаго горшечника, но безъ колеса; представьте себѣ, что онъ принужденъ выдѣлывать сосуды, изготовляя ихъ руками. Такимъ горшечникомъ была бы судьба, если бы душа человѣческая вѣчно покоилась въ самодовольствѣ, не желая ни работать, ни волноваться. Изъ лѣниваго, неподвижнаго человѣка самая благосклонная судьба не сдѣлаетъ ничего хорошаго; какъ и самый прилежный горшечникъ безъ колеса, сколько бы онъ ни старался, не получитъ ничего, кромѣ лепешки; и какъ бы онъ ни раскрашивалъ ее и ни покрывалъ золотомъ и эмалью, лепешка останется лепешкой.

Пусть лѣнивые не забываютъ этого. Карлейль.

10.

Въ самомъ низкомъ трудѣ душа человѣка успокаивается, какъ только онъ берется за работу. Сомнѣнья, печаль, раскаяніе, негодованіе, самоотчаяніе,—всѣ эти бѣсы караулятъ бѣдняка, какъ и всякаго человѣка; но онъ бодро возьмется за свою работу, и всѣ бѣсы не смѣютъ подойти къ нему и только издалека ворчатъ на него. Человѣкъ сталъ человѣкомъ. Карлейль.

11.

Трудъ есть потребность, лишеніе которой составляетъ страданіе, но никакъ не добродѣтель. Возведеніе труда въ достоинство есть такое же уродство, какимъ бы было возведеніе питанія человѣка въ достоинство и добродѣтель.

Хочешь добраго расположенія духа: трудись до усталости, но не черезъ силу. Хорошее душевное состояніе нарушается всегда праздностью, но иногда и чрезмѣрнымъ трудомъ.

Зерно съ куриное яйцо.

Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку съ куриное яйцо, съ дорожкой по серединѣ и похоже на зерно. Увидалъ у ребятъ штучку проѣзжій, купилъ за пятакъ, повезъ въ городъ, продалъ царю за рѣдкость.

Позвалъ царь мудрецовъ, велѣлъ имъ узнать, что̀ за штука такая—яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы—не могли отвѣта дать. Лежала эта штучка на окнѣ, влетѣла курица, стала клевать, проклевала дыру; всѣ и увидали, что—зерно. Пришли мудрецы, сказали царю: это—зерно ржаное.

Удивился царь. Велѣлъ мудрецамъ узнать, гдѣ и когда это зерно родилось? Думали, думали мудрецы, искали въ книгахъ,—ничего не нашли. Пришли къ царю, говорятъ: не можемъ дать отвѣта. Въ книгахъ нашихъ ничего про это не написано; надо у мужиковъ спросить, не слыхалъ ли кто отъ стариковъ, когда и гдѣ такое зерно сѣяли?

Послалъ царь, велѣлъ къ себѣ стараго мужика привести. Разыскали старика стараго, привели къ царю. Пришелъ старикъ зеленый, беззубый, насилу вошелъ на двухъ костыляхъ.

Показалъ ему царь зерно, да не видитъ уже старикъ; кое-какъ половину разглядѣлъ, половину руками ощупалъ.

Сталъ его царь спрашивать: не знаешь ли, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого? Или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?

Глухъ былъ старикъ, насилу-насилу разслышалъ, насилу-насилу

понялъ. Сталъ отвѣтъ держать: нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ хлѣба такого сѣвать не сѣвалъ, и жинать не жиналъ, и покупывать не покупывалъ. Когда покупали хлѣбъ, все такое же зерно мелкое было, какъ и теперь. А надо, говоритъ, у моего батюшки спросить; можетъ, онъ слыхалъ, гдѣ такое зерно рожалось?

Послалъ царь за отцомъ старика, велѣлъ къ себѣ привести. Нашли и отца старикова, привели къ царю. Пришелъ старикъ старый на одномъ костылѣ. Сталъ ему царь зерно показывать. Старикъ еще видитъ глазами, хорошо разглядѣлъ. Сталъ царь его спрашивать: не знаешь ли, старичокъ, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого? Или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?

Хоть и крѣпонекъ на ухо былъ старикъ, а разслышалъ лучше сына. „Нѣтъ,—говоритъ,—на своемъ полѣ такого зерна сѣвать не сѣвалъ и жинать не жиналъ. А покупать не покупывалъ, потому что на моемъ вѣку денегъ еще и въ заводѣ не было. Всѣ своимъ хлѣбомъ кормились, а по нуждѣ — другъ съ дружкой дѣлились. Не знаю я, гдѣ такое зерно родилось. Хоть и крупнѣе теперешняго и умолотнѣе наше зерно было, а такого видать не видалъ. Слыхалъ я отъ батюшки—въ его время хлѣбъ лучше противъ нашего раживался и умолотнѣй, и крупнѣй былъ. Его спросить надо.

Послалъ царь за отцомъ стариковымъ. Нашли и дѣда; привели къ царю. Вошелъ старикъ къ царю безъ костылей; вошелъ легко,—глаза свѣтлые, слышитъ хорошо и говоритъ внятно. Показалъ царь зерно дѣду. Поглядѣлъ дѣдъ, повертѣлъ. „Давно,—говоритъ,—не видалъ я стариннаго хлѣбушка“. Откусилъ дѣдъ зерна, пожевалъ крупинку.

— Оно самое, говоритъ.

— Скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? На своемъ полѣ не сѣвалъ ли ты такой хлѣбъ? Или на твоемъ вѣку гдѣ у людей не покупывалъ ли?

И сказалъ старикъ: хлѣбъ такой на моемъ вѣку вездѣ раживался. Этимъ хлѣбомъ, говоритъ, я вѣкъ свой кормился и людей кормилъ.

И спросилъ царь: такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, покупалъ ли ты гдѣ такое зерно, или самъ на своемъ полѣ сѣялъ?

Усмѣхнулся старикъ.

— Въ мое время, говоритъ, и вздумать никто не могъ такого грѣха, чтобы хлѣбъ продавать, покупать. А про деньги и не знали; хлѣба у всѣхъ своего вволю было. Я самъ такой хлѣбъ сѣялъ и жалъ и молотилъ.

И спросилъ царь: такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ ты такой хлѣбъ сѣялъ и гдѣ твое поле было?

И сказалъ дѣдъ: мое поле было—земля Божья. Гдѣ вспахалъ, тамъ и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своимъ только труды свои называли.

— Скажи же,—говоритъ царь,—мнѣ еще два дѣла: одно дѣло,—отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дѣло,—отчего твой внукъ шелъ на 2-хъ костыляхъ, сынъ твой пришелъ на одномъ костылѣ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко, глаза у тебя свѣтлые, и зубы крѣпкіе, и рѣчь ясная и привѣтная? Отчего, скажи, дѣдушка, эти два дѣла сталися?

И сказалъ старикъ: оттого оба дѣла сталися, что перестали люди своими трудами жить,—на чужіе стали зариться. Въ старину не такъ жили: въ старину жили по-Божьи; своимъ владали, чужимъ не корыствовались.

Л. Толстой.

29-е апрѣля.

Болѣзнь есть одно изъ состояній, въ которомъ можетъ находиться человѣкъ во время жизни, и силы его должны быть направлены не на то, какъ выйти изъ того положенія, въ которомъ онъ находится, а какъ наилучшимъ образомъ прожить въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится.

1.

Если бы человѣкъ не сомнѣвался нисколько въ неразрушимости своей жизни послѣ смерти, то всѣ болѣзни представлялись бы ему только условіями перехода изъ одной формы жизни въ другую,—перехода скорѣе желательнаго, чѣмъ нежелательнаго,—и тогда онъ переносилъ бы боль отъ болѣзни такъ же, какъ мы переносимъ боль отъ напряженія труда, который, мы знаемъ, кончится добромъ. Во время болей мы имѣли бы объясненіе совершающагося съ нами и готовились бы къ новому состоянію.

2.

Обыкновенно думаютъ, что можно служить Богу и быть полезнымъ людямъ, только будучи здоровымъ. Неправда! Часто напротивъ. Христосъ больше всего послужилъ Богу и людямъ, будучи совсѣмъ умирающимъ на крестѣ, когда Онъ прощалъ убивающихъ Его. То же можетъ дѣлать всякій человѣкъ больной. И нельзя сказать, какое состояніе здоровья или болѣзни болѣе удобно для служенія Богу и людямъ.

3.

Здоровая жизнь есть только одна форма, больная—другая форма служенія Богу и людямъ.

4.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали думать, они признали, что ничто столь не содѣйствуетъ нравственной жизни людей, какъ памятованіе о смерти. Ложно же направленное врачебное искусство

вмѣсто того, чтобы заботиться объ облегченіи страданій, ставитъ себѣ цѣлью избавлять людей отъ смерти и научаетъ ихъ надѣяться на избавленіе отъ смерти, на удаленіе отъ себя мысли о смерти, и тѣмъ лишаетъ людей главнаго побужденія къ нравственной жизни.

5.

Для себя только, для служенія себѣ нужно побольше здоровья, силы, а для служенія Ему (Богу) не только не нужно, но часто — напротивъ.

6.

Какъ часто, имѣя дѣло съ больными, мы забываемъ то, что главное, что нужно больному, это не скрываніе отъ него приближающейся смерти, а, напротивъ, призваніе его къ сознанію своей духовной, растущей божественной природы, не подлежащей уменьшенію или смерти.

Болѣзни почти всегда, уничтожая тѣлесную силу, освобождаютъ силу духовную. И для человѣка, перенесшаго свое сознаніе въ духовную область, онѣ не лишаютъ его блага, а, напротивъ, увеличиваютъ его.

30-е апрѣля.

Казалось бы, нельзя жить, не зная, для чего живешь, и что первое, что человѣкъ долженъ уяснить себѣ, это смыслъ своей жизни, — тѣмъ болѣе, что были и есть люди, знающіе этотъ смыслъ. А между тѣмъ, большинство людей, считающихъ себя образованными, гордятся тѣмъ, что дошли до той кажущейся имъ высоты, при которой они видятъ, что жизнь не имѣетъ никакого смысла.

1.

Въ то время, какъ все прочее невѣрно, эфемерно, преходяще, одна добродѣтель только укореняется глубокими корнями. И никакимъ насиліемъ нельзя ее сдвинуть или уничтожить.

Цицеронъ.

2.

Два различныхъ и противоположныхъ міровоззрѣнія людей на жизнь такія:

Одни говорятъ: я вижу себя, рожденное отъ своихъ родителей существо, такъ же какъ и всѣ другія, окружающія меня живыя существа, живущія въ извѣстныхъ, подлежащихъ моему изслѣдованію и изученію условіяхъ, и изучаю себя и другія существа, какъ живыя, такъ и неживыя, и тѣ условія, въ которыхъ они находятся, и сообразно съ этимъ изученіемъ устанавливаю свою жизнь. Вопросы о происхожденіи я изслѣдую точно такъ же и наблюденіемъ и опытомъ достигаю все большаго и большаго знанія. Вопросъ же о томъ, откуда произошелъ весь этотъ міръ, зачѣмъ онъ существуетъ и я существую въ немъ, я оставляю неотвѣченнымъ, такъ какъ не вижу возможности такъ же опредѣленно ясно и доказательно отвѣчать на него, какъ я отвѣчаю на вопросы объ условіяхъ существующаго въ мірѣ. И потому отвѣтъ на этотъ вопросъ, состоящій въ томъ, что существуетъ якобы разумное существо, Богъ, отъ котораго я произошелъ (обыкновенно говорится: „отъ котораго произошелъ міръ“, подразумѣвая подъ этимъ происхожденіемъ сотвореніе міра, чего не утверждаетъ христіанское ученіе) и которое для извѣстной своей цѣли опредѣлило законъ моей жизни, эти отвѣты на вопросы я не признаю, какъ не имѣющіе той ясности и доказательности, которыя имѣютъ отвѣты на вопросы о причинахъ и условіяхъ различныхъ жизненныхъ явленій. Такъ говоритъ агностикъ и, не допуская возможности какого-либо другого знанія, кромѣ того, которое пріобрѣтается наблюденіемъ, разсужденіями надъ этими наблюденіями, онъ, если и не правъ, то совершенно разумно послѣдователенъ.

Христіанинъ же, признающій Бога, говоритъ: я сознаю себя живущимъ и только потому, что я сознаю себя разумнымъ; сознавая себя разумнымъ, я не могу не признать того, что жизнь моя и всего существующаго должна быть также разумна. Для того же, чтобы быть разумной, она должна имѣть цѣль. Цѣль же этой жизни должна быть внѣ меня—въ томъ Существѣ, для достиженія цѣли котораго существую я и все, что существуетъ. Существо

это есть, и я долженъ въ жизни исполнить законъ (волю) Его. Вопросы же о томъ, каково то Существо, которое требуетъ отъ меня исполненія своего закона, и когда возникла эта разумная жизнь во мнѣ, и какъ она возникаетъ въ другихъ существахъ во времени и пространствѣ, т.-е. что такое Богъ: личный или безличный, какъ Онъ сотворилъ и сотворилъ ли Онъ міръ, и когда во мнѣ возникла душа, въ какомъ возрастѣ, и какъ она возникаетъ въ другихъ, и откуда она взялась, и куда уйдетъ, и въ какомъ мѣстѣ тѣла живетъ, — всѣ эти вопросы я долженъ оставить неотвѣченными, потому что знаю впередъ, что въ области наблюденія и разсужденія надъ ними я никогда не приду къ окончательному отвѣту, такъ какъ все скроется въ безконечности времени и пространствѣ. Поэтому самому я не признаю даваемыхъ наукой отвѣтовъ о томъ, какъ зачался міръ, солнце, земля, какъ зачинается душа, и въ какой части головного мозга она находится.

Въ первомъ случаѣ: агностикъ, признавая себя только животнымъ существомъ и потому признавая только то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, не признаетъ духовнаго начала и примиряется съ нарушающей требованія разума безсмысленностью своего существованія.

Во второмъ случаѣ: христіанинъ, признавая себя только разумнымъ существомъ и потому признавая только то, что соотвѣтствуетъ требованіямъ разума, не признаетъ дѣйствительности данныхъ внѣшняго опыта и потому считаетъ данныя эти фантастическими и ошибочными.

Оба одинаково правы. Но разница и существенная между ними въ томъ, что по первому міровоззрѣнію все въ мірѣ строго научно, логично и разумно, за исключеніемъ самой жизни человѣка и всего міра, не имѣющихъ никакого смысла; и потому изъ такого міровоззрѣнія, несмотря на всѣ попытки противнаго, вытекаетъ очень много интересныхъ и забавныхъ соображеній, но не вытекаетъ ничего нужнаго для руководства жизни; тогда какъ по второму міровоззрѣнію жизнь человѣка и всего міра получаетъ опредѣленный и разумный смыслъ и самое прямое, простое и доступное всѣмъ приложеніе къ жизни, при чемъ не нарушается и возможность на-

учныхъ изслѣдованій, которыя становятся при этомъ на свойственное имъ мѣсто.

3.

Жизнь есть то, что открывается черезъ сознаніе, и она всегда и вездѣ есть. Наше заблужденіе въ томъ, что то, что закрываетъ отъ насъ жизнь, мы признаемъ жизнью.

4.

Истинная цѣль жизни въ томъ, чтобы узнать жизнь безконечную.

5.

Человѣкъ не можетъ знать, зачѣмъ онъ живетъ; но не можетъ не знать, какъ ему надо жить.

Работникъ на большомъ заводѣ не знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ; но знаетъ, если онъ хорошій работникъ, какъ надо дѣлать то, что онъ дѣлаетъ.

6.

Люди не принимаютъ заповѣди о непротивленіи злому не потому, что не понимаютъ—тутъ и понимать-то нечего,—а потому, что не съ той стороны смотрятъ на дѣло. Есть между людьми два взгляда на жизнь. Одни смотрятъ на жизнь со стороны чувственной, личной, полагая, что міръ устроенъ для нихъ и что Богъ выдуманъ на потребу человѣку, и возмущаются безсмысленными страданіями и безсмысленной смертью. Другіе имѣютъ взглядъ на жизнь противоположный, духовный, міровой, божескій, по которому, наоборотъ, человѣкъ живетъ для міра, для Бога, и по которому ясно, что если человѣкъ страдаетъ и умираетъ, то, стало-быть, такъ надо для жизни міра, такъ угодно Богу. По этому второму взгляду есть смыслъ и нашего рожденія, и нашей страдальческой жизни, и нашей страдальческой смерти; по этому взгляду міръ устроенъ разумно и цѣлесообразно, тогда какъ по первому взгляду все безсмысленно и нецѣлесообразно.

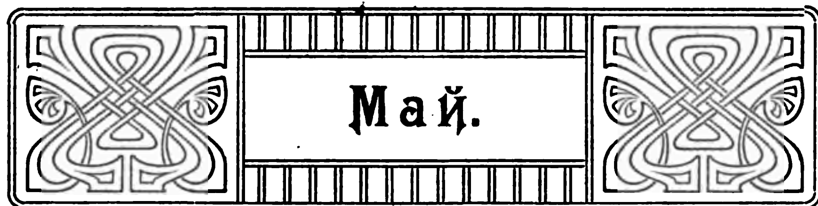
И сообразно этимъ двумъ взглядамъ на жизнь люди двумя путями приходятъ къ истинѣ, къ одной цѣли. По первому—чувствен-

ному взгляду человѣкъ, не желая быть побѣжденнымъ, борется, встрѣчаетъ отовсюду неудачу, огорченія, утомленія, пресыщенія и болѣзни, наполнивши жизнь страданіемъ, но въ концѣ концовъ покоряется силѣ вещей, т.-е. закону и волѣ Бога, покоряется безсознательно, невольно, какъ рабъ на цѣпи, съ гораздо большимъ трудомъ и съ гораздо меньшимъ благомъ для себя. По второму же, божескому взгляду человѣкъ сознательно идетъ навстрѣчу истинѣ и, какъ разумное дитя небеснаго Отца, Отца истины, обходитъ мимо всѣ тѣ страданія, которыя составляютъ собою удѣлъ безсознательнаго раба на цѣпи. А радости жизни, радости и блага не искусственныя, а настоящія, природныя и потому самыя драгоцѣнныя, даются равно всѣмъ, независимо отъ взгляда; и какъ по первому взгляду пользуются ими люди, такъ не отнимаются они отъ людей и по второму взгляду на жизнь.

Бука.

Каждое существо имѣетъ органы, указывающіе ему его мѣсто въ мірѣ. Для человѣка этотъ органъ есть разумъ.

Если разумъ не указываетъ тебѣ твоего мѣста въ мірѣ и твоего назначенія, то знай, что виновато въ этомъ не дурное устройство міра, но твой разумъ и ложное направленіе, которое ты далъ ему.



Май.

1-е мая.

Для человѣка, знающаго высшій законъ и исполняющаго его, нѣтъ страха.

1.

Абу Ганифахъ умеръ въ тюрьмѣ въ Багдадѣ, куда онъ былъ ввергнутъ калифомъ Альманзоромъ за то, что отказался признать ученіе Кадда. Этотъ знаменитый учитель, получивъ разъ тяжелый ударъ, сказалъ тому человѣку, который ударилъ его: „Я могу воздать обиду за обиду, но я не сдѣлаю этого. Я могу жаловаться на тебя калифу, но не буду жаловаться. Я могу въ своихъ молитвахъ передать Богу о томъ оскорбленіи, которое ты сдѣлалъ мнѣ, но я воздержусь отъ этого. Въ день суда я буду имѣть возможность призвать на тебя божественное мщеніе, но если бы день этотъ наступилъ сейчасъ и мои мольбы были бы услышаны, я вступилъ бы въ рай только вмѣстѣ съ тобою".

Персидскій Дхербелотъ.

2.

Не думай, чтобы мужество человѣка состояло только въ храбрости и силѣ: если ты можешь стать выше гнѣва и простить, то тебѣ нѣтъ цѣны.

Персидскій Дхербелотъ.

3.

Осуждай свои дѣла. И когда ты осудишь, не отчаивайся.

Эпиктетъ.

4.

Чтò говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и чтò на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ.

И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить.

Мѳ. X, 27—28.

5.

Трусость—въ томъ, чтобы знать, что должно, и не дѣлать.

Конфуцій.

6.

Никакое горе такъ не велико, какъ великъ страхъ передъ нимъ.

Гокке.

7.

Если меня кто оскорбилъ, это — его дѣло, такова его наклонность, таковъ его нравъ; у меня свой нравъ,—такой, какой мнѣ данъ отъ природы, и я останусь въ своихъ поступкахъ вѣренъ своей природѣ.

Маркъ Аврелій.

8.

„Не разъѣдай своего сердца, — говорятъ мудрецы, — не оплакивай прошлаго, похороненнаго прошлаго". Дѣлай то, что должно, будь силенъ, мужественъ и, какъ звѣзда, не отдыхай и не спѣши.

Хаджи Абдулъ Гезди.

9.

Нужно бояться смерти внѣ опасности, а не въ опасности.

Паскаль.

Чѣмъ больше ты полагаешь жизнь свою въ тѣлѣ, тѣмъ больше ты боишься.

Перенеси сознаніе своей жизни въ свое духовное существо, и твоя боязнь исчезнетъ.

2-е мая.

Люди не соглашаются съ истиной больше всего отъ того, что они чувствуютъ себя оскорбленными той формой, въ которой предлагается имъ истина.

1.

Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: какъ только онъ пробился, ты уже не удержишь его.

Талмудъ.

2.

Человѣкъ властенъ затѣять споръ, но не властенъ подавить его, ибо онъ вспыхиваетъ подобно пламени, не уступающему гасительному дѣйствію воды.

Талмудъ.

3.

Какъ только мы почувствовали гнѣвъ во время спора, мы уже не споримъ за истину, а за себя.

Карлейль.

4.

Я не могу никогда убѣдить другого человѣка иначе, какъ только его же собственными мыслями. Значитъ, я долженъ предположить, что у него хорошій и вѣрный разсудокъ; въ противномъ случаѣ безполезно надѣяться, что я могу привлечь его на мою сторону моими доводами. Точно такъ же я не могу подѣйствовать на нравственное чувство другого иначе, какъ его же собственными чувствами. Значитъ, я долженъ предположить, что другой человѣкъ обладаетъ извѣстной добротой сердца; въ противномъ случаѣ, онъ никогда не почувствуетъ отвращенія къ пороку и побужденія къ добродѣтели при моемъ описаніи порока и при моемъ восхваленіи добродѣтели.

Кантъ.

5.

Чтобы исправить людей, творящихъ зло, нужно говорить имъ не объ ихъ недостаткахъ, и безъ того сильно запечатлѣнныхъ въ ихъ душахъ, а о таящихся въ нихъ добродѣтеляхъ.

Люси Малори.

6.

Старайся, чтобы въ спорѣ слова твои были мягки, а аргументы тверды. Старайся не досадить противнику, а убѣдить его.

Вилькинсъ.

7.

Ничто не содѣйствуетъ столько торжеству разума, сколько спокойствіе тѣхъ, которые служатъ ему. Истина страдаетъ часто болѣе отъ горячности своихъ защитниковъ, чѣмъ отъ своихъ противниковъ.

Пэнъ.

8.

Пусть говорящій—безумецъ,—слушатель, будь мудръ!

Кроткій отвѣтъ удаляетъ злобу; обидныя слова возбуждаютъ гнѣвъ.

9.

Если человѣкъ заслуживаетъ похвалы, старайтесь не отказывать ему въ ней, иначе вы не только рискуете отклонить его отъ надлежащаго пути, лишая его поддержки и одобренія, въ которомъ онъ нуждается, но и сами лишитесь лучшаго преимущества—воздать человѣку должное за его трудъ.

Джонъ Рёскинъ.

Если ты обладаешь истиной, или хотя думаешь, что обладаешь ею, то передавай ее въ самой простой и, главное, не нападающей на другія мнѣнія, формѣ.

3-е мая.

Въ чемъ бы ни полагали люди свое назначеніе и благо, наука будетъ ученіемъ объ этомъ назначеніи и благѣ, а искусство выраженіемъ этого ученія.

1.

Умные люди учатся для того, чтобы знать; ничтожные для того, чтобы ихъ знали. Восточная мудрость.

2.

То, что называется у насъ наукой и искусствомъ, есть произведеніе празднаго ума и чувства, имѣющіе цѣлью щекотать такіе же праздные умы и чувства. Науки и искусства наши непонятны и ничего не говорятъ народу, потому что не имѣютъ въ виду его блага.

3.

Если наша все возрастающая каталожная ученость не скоро придетъ наконецъ на свои зимнія квартиры, то опасаться несомнѣнно можно многаго. Человѣкъ живетъ только для того, чтобы, насколько это позволяютъ его силы и его положеніе, содѣйствовать благу своему и своихъ ближнихъ. Чтобы скорѣе достигнуть при этомъ своей конечной цѣли, онъ пользуется опытомъ предшественниковъ. Онъ учится.

Учиться помимо этой цѣли, просто для того, чтобы имѣть возможность *пересказать* все, что другіе *сдѣлали*, значитъ заниматься послѣдней изъ наукъ. Такой человѣкъ такъ же мало можетъ называться дѣйствительно ученымъ, какъ каталогъ—книгой. Быть человѣкомъ значитъ не только знать, но и дѣлать для будущихъ поколѣній то же, что предшествовавшія сдѣлали для насъ. Неужели я долженъ проводить жизнь въ изученіи *исторіи ученыхъ* только для того, чтобы не открыть снова того, что было уже открыто прежде? Повторяютъ же умышленно одну и ту же мысль дважды, и никакой бѣды въ этомъ нѣтъ, — была бы она только въ новомъ одѣяніи. Если ты думалъ самъ, то твое открытіе того, что раньше открыто, будетъ носить на себѣ всегда отпечатокъ своеобразности. Лихтенбергъ.

4.

Чтобы достигнуть нравственнаго совершенства, нужно, прежде всего, заботиться о душевной чистотѣ. А душевная чистота дости-

гается въ томъ только случаѣ, когда сердце ищетъ правды и воля стремится къ святости. И все это зависитъ отъ *истиннаго* знанія.

Конфуцій.

5.

Если спросятъ тебя, какъ узнать пророка, отвѣчай: это тотъ, кто даетъ мнѣ знаніе о моемъ собственномъ сердцѣ.

Персидскій Дэзатиръ.

6.

Когда люди занимаются ученіемъ для самихъ себя, ученіе это полезно для нихъ; когда же люди дѣлаютъ это для другихъ, чтобы казаться учеными, ученость эта безполезна.

Китайская мудрость.

7.

Люди часто ближе къ существенной истинѣ въ своихъ суевѣріяхъ, чѣмъ въ своей наукѣ. **Торо.**

Цѣль жизни всякаго отдѣльнаго человѣка одна: совершенствованіе въ добрѣ. И потому нужны только тѣ знанія, которыя ведутъ къ этому.

4-е мая.

Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, дѣйствіе которой безпредѣльно.

1.

Можно быть одинокимъ въ своей частной и временной средѣ, но каждая изъ нашихъ мыслей и каждое изъ нашихъ чувствъ находитъ, находило и будетъ находить свой отголосокъ въ человѣчествѣ. Для нѣкоторыхъ людей, которыхъ большая часть человѣ-

чества признаетъ своими вождями, реформаторами и просвѣтителями, отголосокъ этотъ огроменъ и раздается съ особенной силой; но нѣтъ человѣка, мысли котораго не производили бы на другихъ такого же, хотя и во много разъ меньшаго дѣйствія. Всякое искреннее проявленіе души, всякое заявленіе личнаго убѣжденія служитъ кому-нибудь или чему-нибудь,—даже если не знаютъ объ этомъ и даже когда зажимаютъ вамъ ротъ или когда накидываютъ вамъ мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняетъ неразрушимое дѣйствіе, какъ всякое движеніе превращается въ иныя формы, не уничтожаясь. Аміель.

2.

Сила мысли увеличивается и укрѣпляется нравственными правилами. Сенека.

3.

Добрыя правила, исходящія изъ сердца человѣка, такъ же полезны, какъ хорошіе примѣры. Сенека.

4.

Мысли, которыя вы имѣете, или поступки, которые вы совершаете, превращаются въ концѣ концовъ въ способность дѣлать добро или зло,—въ силу, которая съ своимъ развитіемъ или ростомъ вновь возвращается къ тому, кто направляетъ ее отъ себя. Люси Малори.

5.

Сильныя, коротко выраженныя мысли много содѣйствуютъ улучшенію жизни. Цицеронъ.

6.

Невинность и дѣтство священны. Сѣятель, кидающій сѣмена, отецъ или мать, которые бросаютъ въ душу ребенка плодотворное слово, совершаютъ священное дѣло и должны бы всегда совершать его религіозно, съ благоговѣніемъ и молитвой, ибо они трудятся для Царствія Божія. Всякій посѣвъ есть дѣло таинственное, — попадаетъ ли сѣмя на земную почву или въ души человѣческія. Всякій человѣкъ подобенъ земледѣльцу; вся задача его,

если ее хорошо понять, заключается въ разработкѣ жизни и разсѣваніи ея повсюду; таково призваніе человѣчества, и призваніе это свято. И слово—его главное орудіе.

Мы слишкомъ часто забываемъ, что слово въ одно и то же время—и посѣвъ и откровеніе. Послѣдствія слова, сказаннаго вовремя, неисчислимы. О, какъ глубоко значеніе слова, но мы тупы, потому что мы тѣлесны! Мы видимъ камни, деревья по сторонамъ дороги, обстановку нашихъ жилищъ, мы видимъ все, что есть вещь и матерія. Но мы не замѣчаемъ вереницы невидимыхъ мыслей, которыя наполняютъ воздухъ и постоянно бьютъ своимъ крыломъ вокругъ каждаго изъ насъ. Аміель.

7.

Мысль есть разумная жизненная сила, которая, выходя изъ человѣка, дѣлаетъ или дѣло проклятія, или дѣло благословенія, смотря по своему качеству. Люси Малори.

8.

Истина, выраженная словами, есть могущественнѣйшая сила въ жизни людей.

Пользуйся добрыми мыслями людей и, если не можешь воздать имъ тѣмъ же, то, по крайней мѣрѣ, не распространяй неясныхъ и потому ложныхъ своихъ или чужихъ мыслей.

5-е мая.

Правдивость вездѣ, а особенно въ воспитаніи, есть главное условіе.

1.

Основа воспитанія—религіозное ученіе, т.-е. объясненіе смысла и назначенія жизни.

2.

Религіозное ученіе, какъ объясненіе смысла и назначенія жизни, отвѣчавшее запросамъ людей тысячу лѣтъ тому назадъ, не можетъ удовлетворить людей нашего времени. А дѣтей прежде всего учатъ тому, что отвѣчало требованію людей тысячи лѣтъ тому назадъ,—это ужасная ошибка.

Если бы только можно было воспитывать дѣтей такъ, чтобы все неясное оставалось имъ вполнѣ непонятнымъ!

Слова эти значатъ то, что дѣтямъ не надо внушать, какъ это обыкновенно дѣлается, что всѣ невѣроятности суевѣрія могутъ имѣть основаніе. Дѣти, принимая такое сужденіе, пріучаются къ неяснымъ полудоказательствамъ и считаютъ понятнымъ непонятное.

Лихтенбергъ.

3.

О чемъ мы узнаемъ слишкомъ много и преждевременно въ дѣтскомъ возрастѣ, изъ того мы навѣрно не будемъ знать ничего послѣ и въ старости, и человѣкъ, любящій основательность, подъ конецъ становится софистомъ своихъ юношескихъ заблужденій.

Кантъ.

4.

Эта мысль Канта та же, что и Лихтенберга. Надо передавать дѣтямъ только то, что они могутъ понять такъ, чтобы и будучи взрослыми они ничего не могли бы прибавить къ такому пониманію.

5.

Будь правдивъ всегда и особенно съ ребенкомъ. Исполняй обѣщанное ему, иначе пріучишь его ко лжи.

Талмудъ.

6.

Хорошо бы разслѣдовать вопросъ о томъ,—не вредно ли слишкомъ полировать дѣтей при воспитаніи? Мы еще недостаточно знаемъ человѣка, чтобы не предоставить выполненіе этого случаю, если можно такъ выразиться. Я увѣренъ, что если бы нашимъ педагогамъ удалось достигнуть своей цѣли, — я хочу сказать: если бы они оказались въ состояніи воспитывать дѣтей вполнѣ

такъ, какъ они хотятъ этого, то мы не имѣли бы болѣе ни одного истинно великаго человѣка. Самому нужному въ жизни насъ обыкновенно никто не училъ. Въ общественныхъ школахъ, гдѣ множество дѣтей не только учатся, но и шалятъ вмѣстѣ, не воспитывается, правда, такъ много благочестивыхъ „ночныхъ колпаковъ",—иной и совсѣмъ погибаетъ,—но на большинствѣ это отражается хорошо.

Избави Богъ, чтобы человѣкъ, учителемъ котораго является вся природа, сдѣлался бы кускомъ воска, на которомъ отпечаталъ бы свой возвышенный образъ какой-нибудь профессоръ.

Лихтенбергъ.

Не говори воспитываемому и въ особенности не выдавай за священную, непререкаемую истину того, во что ты или совсѣмъ не вѣришь, или въ чемъ хотя сомнѣваешься. Поступать такъ— великое преступленіе.

Недѣльное чтеніе.

Воспитаніе.

Каждый человѣкъ обладаетъ спеціальнымъ дарованіемъ и способенъ выполнить опредѣленную задачу. Нужно постараться открыть въ ребенкѣ это спеціальное дарованіе и соотвѣтственно ему направлять его образованіе. Послѣ общаго обученія тѣмъ отраслямъ знанія, которыя хороши для всѣхъ людей, нужно направлять образованіе на развитіе тѣхъ спеціальныхъ дарованій, которыя въ немъ найдены. Воспитаніе значитъ питаніе способностей ребенка, а не созданіе тѣхъ новыхъ способностей, которыхъ въ немъ нѣтъ. Послѣднее невозможно.

Но одно необходимо для всѣхъ дѣтей. Необходимо дать имъ вѣрное понятіе о жизни и о томъ, что представляетъ изъ себя тотъ міръ, въ который они посланы для выполненія ихъ человѣческой задачи.

Жизнь—долгъ, задача, миссія. Ради всего святого не проповѣдуйте имъ бентамовскихъ теорій о счастьѣ ни личномъ, ни общемъ. Вѣра въ личное счастье сдѣлаетъ ребенка эгоистомъ; вѣра въ общее счастье рано или поздно приведетъ его къ тому же. Онъ будетъ мечтать о различныхъ утопіяхъ и въ молодости за нихъ бороться; затѣмъ, когда онъ найдетъ, что не можетъ скоро осуществить мечты своей души, онъ сосредоточится на себѣ и постарается завоевать личное счастье и такимъ образомъ погрязнетъ въ эгоизмѣ.

Учите его, что жизнь имѣетъ смыслъ лишь какъ задача или долгъ; что счастье, солнце счастья, сіяющее путнику, можетъ улыб-

нуться и ему, и тогда онъ долженъ радоваться и благословлять за него Бога; но поиски за счастьемъ ведутъ человѣка только къ погибели и вѣроятнѣе всего къ лишенію его возможности когда-либо наслаждаться счастьемъ. Учите его, что совершенствовать себя нравственно и умственно ради совершенствованія своихъ собратьевъ людей есть его прямая обязанность, что онъ долженъ добиваться истины и затѣмъ служить ей словомъ и дѣломъ, воплощая ее въ жизни безтрепетно и непрестанно, что для опредѣленія истины ему даны два критерія: свое собственное сознаніе, своя совѣсть и преданіе, или сознаніе всего человѣчества.

Іосифъ Мадзини.

Изъ письма къ П. И. Б.

Въ основу всякаго воспитанія должно стать прежде всего то, что заброшено въ нашихъ школахъ: религіозное пониманіе жизни, и не столько въ формѣ преподаванія, сколько въ формѣ руководящаго начала всей воспитательной дѣятельности. Религіозное пониманіе жизни, которое, по-моему разумѣнію, можетъ и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболѣе кратко, будетъ такое: смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли того безконечнаго начала, котораго мы сознаемъ себя частью; воля же эта— въ соединеніи всего живого и прежде всего людей: въ братствѣ ихъ, въ служеніи другъ другу. Съ другого конца это же религіозное пониманіе жизни выразится такъ: дѣло жизни есть единеніе со всѣмъ живымъ — прежде всего, братство людей, служеніе другъ другу. И это такъ потому, что мы живы только въ той мѣрѣ, въ которой сознаемъ себя частью всего безконечнаго, законъ же безконечнаго есть это единеніе. Во всякомъ случаѣ, жизненное проявленіе религіознаго пониманія — единеніе всего, достигаемое любовью, есть, прежде всего, братство людей: оно практическій, центральный законъ жизни, и оно-то и должно быть поставлено въ основу воспитанія, и потому хорошо и должно быть развиваемо въ дѣтяхъ все то, что ведетъ къ единенію, и подавляемо все, что ведетъ къ обратному. Дѣти находятся всегда—и тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе—въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первой степенью гипноза. И учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому ихъ состоянію. (Эта ихъ способность ко внушенію отдаетъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательно-

нымъ къ тому, что и какъ мы внушаемъ имъ.) Такъ что учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершающееся двояко: сознательно и безсознательно. Все, чему мы обучаемъ дѣтей—отъ молитвъ и басенъ до танцевъ и музыки—все это сознательное внушеніе; все то, чему независимо отъ нашего желанія подражаютъ дѣти,—въ особенности въ нашей жизни, въ нашихъ поступкахъ,—есть безсознательное внушеніе. Сознательное внушеніе—это обученіе, образованіе; безсознательное—это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ, или, какъ я назову, это просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія; второе же невольно, вслѣдствіе того, что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Люди, воспитатели, или, самое обыкновенное, скрываютъ свою жизнь и вообще жизнь взрослыхъ отъ дѣтей, ставя ихъ въ исключительныя условія (корпуса, институты, пансіоны и т. п.), или переводятъ то, что должно происходить безсознательно, въ область сознательнаго: предписываютъ нравственныя жизненныя правила, при которыхъ необходимо прибавлять: fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais *). Отъ этого происходитъ то, что въ нашемъ обществѣ такъ несоотвѣтственно далеко ушло образованіе и такъ не только отстало, но совершенно отсутствуетъ истинное воспитаніе или просвѣщеніе. Если гдѣ оно и есть, то только въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ. А между тѣмъ изъ двухъ сторонъ воздѣйствія на дѣтей, безсознательнаго и сознательнаго, безъ всякаго сравненія важнѣе и для отдѣльныхъ личностей и для общества людей—первое, т.-е. безсознательное нравственное просвѣщеніе. Живетъ какая-нибудь семья rentier, землевладѣльца, чиновника, даже художника, писателя буржуазной жизнью, живетъ, не пьянствуетъ, не распутничаетъ, не бранясь, не обижая людей и хочетъ дать нравственное воспитаніе дѣтямъ; но это такъ же невозможно, какъ невозможно выучить дѣтей новому языку, не говоря на этомъ языкѣ и не показывая имъ книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ. Дѣти будутъ слушать правила о нравственности, объ уваженіи къ людямъ, но безсознательно будутъ не только подражать, но и усвоятъ себѣ, какъ правило, то,

*) Дѣлай то, что я говорю, но не дѣлай того, что я дѣлаю.

что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другіе пачкать платье, горницы, ѣсть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религіозную основу жизни—братство людей, то нельзя не видѣть, что люди, живущіе на деньги, отобранныя отъ другихъ и заставляющіе этихъ другихъ за эти деньги служить себѣ, живутъ безнравственной жизнью, и никакія проповѣди ихъ не избавятъ ихъ дѣтей отъ безсознательнаго безнравственнаго внушенія, которое или останется въ нихъ на всю жизнь, извращая всѣ ихъ сужденія о явленіяхъ жизни, или съ великими усиліями и трудомъ будетъ, послѣ многихъ страданій и ошибокъ, разрушено ими.

Итакъ, воспитаніе, безсознательное внушеніе, есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно, страшно сказать, чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что назвать хорошею жизнью?—спросятъ. Степеней хорошества безконечно много, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремленіе къ совершенствованію въ любви. Вотъ это самое, если есть въ воспитателяхъ и если этимъ заразятся дѣти, то воспитаніе будетъ не дурное.

Для того, чтобы воспитаніе дѣтей было успѣшно, надо, чтобы воспитывающіе люди, не переставая, воспитывали себя, помогали бы другъ другу все болѣе и болѣе осуществлять то, къ чему стремятся. Средствъ же для этого, кромѣ главнаго—внутренняго, работы каждаго человѣка надъ своей душой—можетъ быть очень много. Надо искать ихъ, обдумывать, прилагать, обсуждать... Все это намеки на одну сторону дѣла, — воспитаніе. Теперь объ образованіи. Объ образованіи я думаю вотъ что: наука, ученіе есть не что иное, какъ передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда въ трехъ разныхъ направленіяхъ мысли, — думали: 1) философски, религіозно о значеніи своей жизни—религія и философія, 2) опытно, дѣлая выводы изъ извѣстнымъ образомъ обставленныхъ наблюденій,—естественныя науки: механика, физика, химія, физіологія, и 3) думали математически, дѣлая выводы изъ положеній своей мысли: математика и математическія науки. Всѣ эти три рода наукъ—настоящія науки. Нельзя поддѣлаться подъ знаніе ихъ, и

не можетъ быть полузнанія: знаешь или не знаешь. Всѣ эти три рода наукъ космополитичны, всѣ онѣ не только не разъединяютъ, но соединяютъ людей. Всѣ онѣ доступны всѣмъ людямъ и удовлетворяютъ критерію братства людей. Науки же юридическія и спеціально историческія суть не науки, или науки вредныя и должны быть исключены. Но кромѣ того, что существуютъ три отрасли наукъ, существуютъ и три способа передачи этихъ знаній. (Пожалуйста, не думайте, что я подгоняю къ тремъ; мнѣ хотѣлось, чтобы было четыре или десять, но вышло по три).

Первый способъ передачи самый обычный: слова, но слова на разныхъ языкахъ, и потому является еще наука—языки, опять соотвѣтствующая критерію братства людей (можетъ-быть, нужно и преподаваніе эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способъ—это пластическое искусство, рисованіе или лѣпка,—наука о томъ, какъ для глаза передать то, что знаешь, другому. И третій способъ—музыка, пѣніе,—наука, какъ передать свое настроеніе, чувство.

Кромѣ этихъ 6 отраслей преподаванія, должна быть введена еще 7-ая: преподаваніе мастерства и опять соотвѣтствующее критерію братства, т.-е. такое, которое всѣмъ нужно: слесарное, столярное, плотничное, швейное... Такъ что преподаваніе распадается на 7 предметовъ.

Какую часть времени употребить на каждое, кромѣ обязательнаго труда для *своего* обслуживанія, рѣшитъ склонность каждаго ученика.

Мнѣ представляется такъ: преподаватели для себя распредѣляютъ часы, но ученики вольны приходить или нѣтъ. Какъ ни странно это кажется намъ, такъ уродливо поставившимъ образованіе, полная свобода обученія, т.-е. чтобы ученикъ, ученица сами бы приходили учиться, когда хотятъ—есть conditio sine qua non *) всякаго плодотворнаго обученія, такъ же, какъ conditio sine qua non питанія есть то, чтобы питающемуся хотѣлось ѣсть. Разница только въ томъ, что въ матеріальныхъ дѣлахъ вредъ отступленія отъ свободы сейчасъ же проявляется, сейчасъ же будетъ рвота или разстройство желудка, въ духовныхъ же вредныя

*) Необходимое условіе.

послѣдствія проявятся не такъ скоро, можетъ-быть, черезъ года. Только при полной свободѣ можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ, а они, лучшіе ученики,—самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызыванія отвращенія къ предметамъ, которые, если бы преподавать въ свое время и свободно, были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой специіальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія. А то я буду говорить ученику, что не надо въ жизни насилія, а надъ нимъ буду совершать самое тяжелое,—умственное насиліе. Знаю я, что это трудно, но что же дѣлать, когда поймешь, что всякое отступленіе отъ свободы губительно для самаго дѣла образованія. Да и не такъ трудно, когда твердо рѣшишься не дѣлать глупаго.

Л. Толстой.

6-е мая.

Мы сознаем въ душѣ нѣчто такое, что не подлежитъ смерти.

1.

Знающій другихъ людей уменъ, знающій самого себя — просвѣщенъ.

Побѣждающій другихъ силенъ; побѣждающій самого себя — могущественъ.

Тотъ же, кто, умирая, знаетъ, что онъ не уничтожается, вѣченъ.

Лао-Тсе.

2.

И родятся и живутъ люди только какъ нѣкоторыя подробности Бога, которыя безъ Бога и не имѣютъ смысла, и которыя, поэтому, уничтожиться не могутъ, — скрыться изъ глазъ нашихъ могутъ, но не уничтожиться.

3.

То, что одинъ человѣкъ дольше проходилъ черезъ открытое мнѣ поле зрѣнія, или другой быстро прошелъ черезъ него, никакъ не можетъ заставить меня приписать больше дѣйствительной жизни первому и меньше второму. Я несомнѣнно знаю, что если я видѣлъ проходящимъ мимо моего окна человѣка, — скоро ли, или медленно, все равно — я несомнѣнно знаю, что этотъ человѣкъ былъ и до того времени, когда я увидалъ его, и будетъ продолжать быть и скрывшись изъ моихъ глазъ.

4.

Я не вѣрю ни въ одну изъ существующихъ религій и потому не могу быть заподозрѣнъ въ томъ, что слѣпо слѣдую какому-либо преданію или вліяніямъ воспитанія. Но я въ продолженіе всей моей жизни думалъ настолько глубоко, насколько былъ способенъ, о законѣ нашей жизни. Я отыскивалъ его въ исторіи человѣчества и въ моемъ собственномъ сознаніи, и я пришелъ къ ненарушимому убѣжденію, что смерти не существуетъ; что жизнь не можетъ

быть иная, какъ вѣчная; что безконечный прогрессъ—есть законъ жизни, что всякая способность, всякая мысль, всякое стремленіе, вложенное въ меня, должно имѣть свое практическое развитіе; что мы обладаемъ идеями, мыслями, стремленіями, которыя далеко превосходятъ возможности нашей земной жизни; что самый тотъ фактъ, что мы обладаемъ ими и не можемъ прослѣдить ихъ происхожденія отъ нашихъ чувствъ, служитъ доказательствомъ того, что онѣ приходятъ въ насъ изъ области, находящейся внѣ земли, и могутъ быть осуществлены только внѣ ея; что ничто не погибаетъ здѣсь на землѣ, кромѣ формъ, и что думать, что *мы* умираемъ, потому что умираетъ наша форма,—все равно, что думать, что работникъ умеръ, потому что орудія его износились.

Іосифъ Мадзини.

5.

Когда міръ началъ существовать, разумъ сдѣлался его матерью. Тотъ, кто знаетъ свою мать, знаетъ, что онъ ея дитя и, зная это, онъ находится внѣ всякой опасности. Когда онъ закроетъ уста и затворитъ врата своихъ чувствъ въ концѣ жизни, онъ не испытаетъ никакого безпокойства.

Лао-Тсе.

6.

Богъ есть жизнь вѣчная и всемірная въ безконечномъ времени и пространствѣ. Онъ все, что есть, и нѣтъ другого Бога, кромѣ Бога. Все въ Немъ, и потому ничто не существуетъ внѣ Его. И потому всякое существованіе есть проявленіе Его жизни и всякая жизнь при рожденіи выходитъ не изъ несуществованія и при смерти не перестаетъ существовать, а участвуетъ въ вѣчности и всемірности Бога.

Анфантенъ.

7.

Жизнь неистребима, она внѣ времени и пространства, и потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, проявившуюся въ этомъ мірѣ.

8.

Вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ кого-нибудь, нельзя себя убѣдить въ безсмертіи. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна.

Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто сдѣлалъ свою работу жизни, установилъ въ своемъ сознаніи то новое отношеніе къ міру, которое не умѣщается въ этой жизни.

Живи той частью твоей души, которая сознаетъ себя безсмертной, которая не боится смерти. Эта часть души есть любовь.

7-е мая.

Ошибается человѣкъ, надѣющійся найти благо внѣ себя, какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей.

1.

Я обошелъ всю землю, отыскивая руководящій свѣтъ. Я безъ отдыха искалъ его и днемъ и ночью, и наконецъ я услыхалъ проповѣдника, который открылъ мнѣ всю истину. Я взглянулъ въ свою душу, и тотъ свѣтъ, который я искалъ, былъ тамъ.

Персидскій Суфи.

2.

Мы являемся и собственными спасителями и собственными губителями. Ничто внѣшнее человѣку не можетъ причинить ему зла, ибо если онъ живетъ въ соотвѣтствіи съ законами своего бытія, то никакое зло не задѣнетъ его даже среди разрушенія вещества и гибели міровъ.

Люси Малори.

3.

Христосъ стремится къ преобразованію внутренняго человѣка, противно тому, что дѣлаютъ фарисеи, которые заняты только внѣшностью. Онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они уничтожили своими преданіями заповѣдь Божію. Когда духъ жизни оставляетъ тѣхъ, которые берутъ на себя поученія людей, когда учрежденія теряютъ свою первую силу и ослабѣваютъ, совершаются двѣ вещи: увеличиваются, усложняются обычаи внѣшняго богопочитанія, и

имъ приписываютъ воображаемую дѣйствительность, увѣряя людей, что внѣшнее богопочитаніе замѣняетъ дѣйствительную добродѣтель и освобождаетъ отъ исполненія настоящаго закона. И тогда среди обществъ, подверженныхъ такому бѣдственному ученію, образуется какъ бы *ложная совѣсть*. Цѣлые народы, часто съ большимъ рвеніемъ, соблюдаютъ отвлеченную вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно коснѣютъ въ пренебреженіи самыхъ священныхъ обязанностей и въ развращеніи, захватывающемъ всю ихъ жизнь. Они моютъ руки передъ тѣмъ, какъ ѣсть тѣлесный хлѣбъ, очищаютъ мѣдные сосуды, не заботясь о загрязненіи души. Сердце заброшено, а изъ сердца исходятъ кучей тѣ страшные грѣхи, которые перечисляетъ Іисусъ. Іисусъ говоритъ напротивъ того: „Спуститесь въ сердце свое, чтобы изъ него вырвать всякій дурной корень. Внѣшнее не важно. И добро и зло во внутреннемъ“. Вотъ чему учитъ Христосъ. Кто же учитъ другому, тотъ учитъ не какъ Христосъ, тотъ не ученикъ Христа. Тотъ злоупотребляетъ именемъ Христа, чтобы обманывать людей, онъ изъ тѣхъ лжепророковъ, о которыхъ сказалъ Самъ Христосъ: „Берегитесь тѣхъ, которые придутъ къ вамъ въ овечьей шкурѣ, а внутри волки хищные“. И еще: „Всѣ тѣ, которые говорятъ: Господи, Господи, которые молятся языкомъ, а желаніями своими пребываютъ во злѣ, не войдутъ въ царствіе небесное“. Ламенэ.

4.

Въ судьбѣ нѣтъ случайностей; человѣкъ скорѣе создаетъ, нежели встрѣчаетъ свою судьбу. Вильменъ.

5.

Самъ совершаешь грѣхъ, самъ замышляешь зло, самъ убѣгаешь отъ грѣха, самъ очищаешь помыслы, самъ собой ты золъ или чистъ, другому не спасти тебя. Джамападда.

6.

Тѣло твое—это городъ, полный добра и зла. Ты султанъ, а разумъ—твой великій визирь. Сенфъ Мулукъ.

7.

Счастье и несчастье человѣка—не въ собственности и не въ золотѣ; демонъ счастья и несчастья живетъ въ самой его душѣ.

Не тотъ добръ, кто не дѣлаетъ несправедливостей, а тотъ, кто не чувствуетъ ни малѣйшей охоты къ этому.

Мудрый чувствуетъ себя какъ дома въ каждой странѣ; отечествомъ для благородной души служитъ вся вселенная.

Демокритъ Абдерскій.

Ничто такъ не ослабляетъ силы человѣка, какъ надежда въ чемъ-либо, кромѣ своего усилія, найти спасеніе и благо.

8-е мая.

Смиреніе вызываетъ любовь. Смиреніе же съ добротой — это самое привлекательное явленіе въ мірѣ, но надо искать его: оно не выставляется.

1.

Ахавъ сказалъ человѣку, который шелъ за нимъ, ругая его: „Если тебѣ есть еще что сказать противъ меня, то говори это прежде, чѣмъ мы войдемъ въ городъ, а то другіе услышатъ и нападутъ на тебя.

Египетская мудрость.

2.

Былъ же и споръ между ними, кто изъ нихъ долженъ почитаться бо̀льшимъ. Онъ же сказалъ имъ: цари господствуютъ надъ народами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются; а вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій. Ибо кто больше: возлежащій или служащій? не возлежащій ли? А Я посреди васъ, какъ служащій.

Лк. XXII, 24–27.

3.

Однажды зимой Францискъ шелъ съ братомъ Львомъ изъ Перузы къ Порціонкюлю; было такъ холодно, что они дрожали отъ стужи. Францискъ позвалъ брата Льва, который шелъ впереди, и сказалъ ему: „О, братъ Левъ, дай Богъ, чтобы наши братья подавали по всей землѣ примѣръ святой жизни; запиши, однако, что не въ этомъ радость совершенная“.

Пройдя немного далѣе, Францискъ опять позвалъ брата Льва: „И запиши еще, братъ Левъ, что если наши братья будутъ исцѣлять больныхъ, изгонять бѣсовъ, будутъ дѣлать слѣпыхъ зрячими или будутъ воскрешать четырехдневно-умершихъ, — запиши, что и въ этомъ не будетъ радости совершенной“.

И, пройдя еще далѣе, Францискъ сказалъ Льву: „Запиши еще, братъ Левъ, что если бы наши братья знали всѣ языки, всѣ науки и всѣ писанія, если бы они пророчествовали не только про будущее, но знали бы всѣ тайны совѣсти и души, — запиши, что и въ этомъ нѣтъ радости совершенной“.

Пройдя еще далѣе, Францискъ опять позвалъ Льва и сказалъ: „И еще запиши, братъ Левъ, овечка Божія, что если бы мы научились говорить на языкахъ ангельскихъ, если бы узнали теченіе звѣздъ и если бы намъ открылись всѣ клады земли, и мы познали бы всѣ тайны жизней птицъ, рыбъ, всѣхъ животныхъ, людей, деревьевъ, камней и водъ, — запиши, что и это не было бы радостью совершенною“.

И, пройдя еще немного, Францискъ опять позвалъ брата Льва и сказалъ ему: „Запиши еще, что если бы мы были такими проповѣдниками, что обратили бы всѣхъ язычниковъ въ вѣру Христа, — запиши, что и въ этомъ не было бы радости совершенной“.

Тогда братъ Левъ сказалъ Франциску: „Въ чемъ же, братъ Францискъ, радость совершенная?“

И Францискъ отвѣчалъ: „А вотъ въ чемъ: въ томъ, что если когда мы придемъ въ Порціонкюль грязные, мокрые, окоченѣлые отъ холода и голодные и попросимся пустить насъ, а привратникъ скажетъ намъ: „Что вы, бродяги, шатаетесь по свѣту, соблазняете народъ, крадете милостыню бѣдныхъ людей, убирайтесь отсю-

да!“—и не отворитъ намъ. И если мы тогда не обидимся и со смиреніемъ и любовью подумаемъ, что привратникъ правъ, что Самъ Богъ внушилъ ему такъ поступить съ нами, и мокрые, холодные и голодные пробудемъ въ снѣгу и въ водѣ до утра безъ ропота на привратника, тогда, братъ Левъ, только тогда будетъ радость совершенная“.

4.

То, что рѣки и моря властвуютъ надъ всѣми долинами, по которымъ текутъ, происходитъ оттого, что онѣ ниже ихъ.

Поэтому святой человѣкъ, если онъ хочетъ быть выше народа, онъ долженъ въ своихъ рѣчахъ быть ниже его. Если онъ хочетъ руководить имъ, то онъ долженъ быть позади него.

Поэтому святой человѣкъ живетъ выше народа, но народъ не чувствуетъ этого. Онъ находится впереди народа, но народъ не страдаетъ отъ этого. Поэтому міръ, не переставая, восхваляетъ его. Такъ какъ онъ не споритъ ни съ кѣмъ, никто въ мірѣ не споритъ съ нимъ.

Лао-Тсе.

5.

Мудрецу сказали о томъ, что его считаютъ дурнымъ человѣкомъ. Онъ отвѣчалъ: „Хорошо еще, что они не все знаютъ про меня, они бы еще не то сказали“.

6.

Для исповѣдующаго христіанское ученіе достиженіе всякой ступени совершенства вызываетъ потребность вступленія на высшую ступень, съ которой открывается еще высшая, и такъ безъ конца. Исповѣдующій законъ Христа всегда въ положеніи мытаря. Онъ всегда чувствуетъ себя несовершеннымъ, не видя позади себя пути, который онъ прошелъ, а видя всегда впереди себя тотъ путь, по которому еще надо идти, и который онъ не прошелъ еще.

Избѣгай сужденія о себѣ и, главное, сравненія себя съ другими. Сравнивай себя только съ совершенствомъ.

9-е мая.

Жизнь есть неперестающее измѣненіе: ослабленіе плотской и усиленіе, увеличеніе духовной жизни.

1.

Борьба съ собою и насиліе надъ собою, конечно, должны быть вслѣдствіе нашихъ прежнихъ грѣховъ; но это насиліе—любовное, законное. Мать вырываетъ ребенка своего изъ пасти звѣря. Ребенку больно, но онъ, конечно, долженъ приписать свое страданіе не матери своей, спасающей его, а звѣрю, желающему удержать его. Такъ же точно и человѣкъ долженъ относиться къ борьбѣ благочестія съ нечестіемъ: благочестіе, какъ мать, вырываетъ нашу душу отъ нечестія, и хотя борьба эта и мучительна для насъ, но она необходима и доставляетъ намъ благо. Плохо было бы для насъ, если бы Богъ оставилъ насъ вовсе безъ борьбы. Безъ нея не можетъ явиться въ насъ и благочестіе.

Паскаль.

2.

По мѣрѣ того, какъ свѣтъ увеличивается въ насъ, мы видимъ себя худшими, чѣмъ мы прежде думали. Мы удивляемся на свою прежнюю слѣпоту по мѣрѣ того, какъ видимъ выступающій изъ нашего сердца цѣлый рой постыдныхъ чувствованій. Мы никогда не воображали, что могли хранить въ себѣ такія вещи, и мы съ ужасомъ смотримъ на ихъ появленіе. Но не надо ни удивляться, ни отчаиваться. Мы не стали хуже, чѣмъ были, напротивъ.

Фенелонъ.

3.

Пока живешь—поучайся. Не жди, чтобъ старость принесла съ собой мудрость.

Солонъ.

4.

Намъ нужно, главнымъ образомъ, освободиться отъ нелѣпой мысли, будто Небо исправитъ со временемъ крупныя ошибки, пре-

доставляя законамъ природы, слѣдуя ихъ теченію, карать мелкія. Если вы неряшливо приготовляете какое-нибудь кушанье, то вы не разсчитываете, что Провидѣніе сдѣлаетъ его вкуснымъ, и точно такъ же, если вы въ теченіе цѣлаго ряда безумныхъ лѣтъ ложно направляли свою жизнь, то не должны ожидать, что Божественное вмѣшательство направитъ и устроитъ все къ лучшему.

Джонъ Рöскинъ.

5.

Добродѣтель всегда двигается впередъ и все-таки всегда начинается сызнова. Кантъ.

6.

Доброта голубя не есть добродѣтель. И голубь не добродѣтельнѣе волка. Добродѣтель и ея степени начинаются только тогда, когда начинается разумная дѣятельность.

7.

Если бы Богу было угодно, Онъ бы сдѣлалъ всѣхъ насъ однимъ народомъ, но Онъ испытываетъ насъ.

Гдѣ бы вы ни были, всѣ стремитесь изо всѣхъ силъ къ добру: придетъ день, когда Богъ соединитъ всѣхъ васъ.

Коранъ.

———

Нельзя останавливаться на пути самосовершенствованія. Какъ только ты почувствуешь большій интересъ къ внѣшнему міру, чѣмъ къ своей душѣ, знай, что ты остановился; міръ движется мимо тебя, а ты стоишь.

10-е мая.

Дѣйствительно существуетъ только духовное. Все тѣлесное есть только видимость.

1.

Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усерд-

ствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.

Мѳ. VI, 24.

2.

Нельзя заботиться за разъ и о душѣ своей, и о мірскихъ благахъ. Если хочешь мірскихъ благъ, откажись отъ души; если хочешь уберечь свою душу, отрекись отъ мірскихъ благъ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того, ни другого.

Когда ты чѣмъ-нибудь мірскимъ встревоженъ или разстроенъ, то вспомни, что тебѣ придется умереть, и тогда то, что тебѣ раньше казалось важнымъ несчастіемъ и волновало тебя, станетъ въ твоихъ глазахъ ничтожной непріятностью, о которой не стоитъ и безпокоиться.

Эпиктетъ.

3.

Тѣ люди не просвѣщены, которые думаютъ, что существуетъ только то, что они могутъ ощупать руками.

Платонъ.

4.

Человѣкъ можетъ жить двояко: истинной (внутренней) жизнью, или жизнью ложной, призрачной (внѣшнею). Подъ внутреннею жизнью я понимаю ту жизнь, когда человѣкъ уже не живетъ одними впечатлѣніями, но когда сквозь все видитъ одну пристань и берегъ—Бога, и во имя Его стремится и спѣшитъ употребить въ дѣло данный ему талантъ, а не зарыть его въ землю,—зная, что не для своихъ удовольствій дана ему жизнь.

Гоголь.

5.

Долгъ имѣетъ свойство заставлять насъ чувствовать реальность дѣйствительнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ отрываетъ насъ отъ него.

Аміель.

6.

Дѣйствительно только то, что невидимо, неосязаемо, что духовно и что мы сознаемъ въ себѣ и собою. Все же видимое, осязаемое есть произведеніе нашихъ чувствъ и потому только кажущееся.

7.

Есть ученія тѣла и ученія духа. Берегитесь первыхъ, они ведутъ народы къ рабству чрезъ посредство эгоизма и растлѣнія. Кто заботится лишь о тѣлѣ, кто трудится лишь для тѣла, тотъ куетъ себѣ кандалы, въ которыя онъ скоро будетъ закованъ. Горе тому, кто живетъ чувственной жизнью, забывая о жизни духа! будь то человѣкъ или цѣлый народъ, который палъ настолько, что всецѣло погрузился въ интересы плоти и этими интересами питается и откармливается—готовитъ пиръ червямъ. Лишь ученія духа даютъ свободу, жизнь, спасеніе; ими одними то, что было уже мертво, возрождается вновь къ жизни. Слушайте же голосъ духа вы, которые хотите возродиться, которые хотите выйти изъ могилы стараго міра, полнаго гнили и костей. Откуда этотъ голосъ приходитъ, никто не знаетъ, ибо это не голосъ чего-либо извѣстнаго. Этотъ голосъ не услышишь съ каѳедръ, не услышишь въ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ собираются люди, чтобы слушать пустыя слова безразличнаго ученія. Онъ—какъ дуновеніе изъ пустыни, о которомъ никто не можетъ сказать: это дуновеніе зародилось именно тамъ. Докуда дойдетъ этотъ голосъ — неизвѣстно; сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ, всюду, гдѣ находитъ уши внимательныя и сердца приготовленныя. И неизвѣстно, до какихъ предѣловъ доведетъ онъ тѣхъ, кто скажетъ этому голосу: руководи мною.

Ламенэ.

8.

Въ сущности, есть только одинъ предметъ изученія: это разные виды и превращенія духа. Всѣ другіе предметы сводятся къ этому же; всѣ другія изученія сводятся къ тому же.

Аміель.

9.

Я могу послать свои мысли къ разнымъ людямъ; онѣ пересѣкутъ моря и овладѣютъ всѣми землями, если только въ нихъ будетъ божественная сила любви и мудрости. Мои мысли суть духовныя части моего я и, слѣдовательно, могутъ находиться въ тысячахъ мѣстъ сразу, въ то время какъ мое тѣло во всякій данный моментъ можетъ находиться только въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ.

Люси Малори.

10.

Природа несправедлива. Мы—произведеніе природы,—почему же мы недовольны и пророчествуемъ о справедливости? Почему слѣдствіе возстаетъ противъ причины? Происходитъ ли это возмущеніе отъ пустого и дѣтскаго тщеславія? Нѣтъ; это крикъ, вырвавшійся изъ глубины нашего существа, и крикъ этотъ во славу Божію! Небо и земля могутъ уничтожиться, но добро должно существовать, а несправедливость быть уничтожена. Таково „credo" всего человѣчества. Духъ побѣдитъ природу, безсмертное восторжествуетъ надъ временемъ.

Амієль.

Крайности сходятся.

Намъ всегда кажется, что самое ясное, понятное, самое дѣйствительно существующсе—это все тѣлесное, познаваемое нашими чувствами, а между тѣмъ все это самое неясное, непонятное, противорѣчивое и недѣйствительное.

11-е мая.

Идеалъ стоитъ такъ далеко отъ насъ, что какъ ни различны наши жизни, одинъ и тотъ же идеалъ стоитъ передъ всѣми нами.

1.

Идеалъ есть предвареніе божескаго порядка умомъ. Умъ способенъ къ идеалу, потому что онъ умъ, т.-е. потому, что онъ проникаетъ въ вѣчное. Дѣйствительное, напротивъ, есть отрывокъ, есть преходящее. Только законъ вѣченъ. Идеалъ, такимъ образомъ, есть неразрушимая надежда на лучшее, невольный протестъ противъ настоящаго, ферментъ будущаго. Онъ — то, что сверхъестественно въ насъ или, скорѣе, сверхъживотно; онъ — причина способности человѣка къ совершенствованію.

Тотъ, кто не имѣетъ идеала, довольствуется тѣмъ, что есть,

онъ не споритъ съ фактомъ, который становится для него тождественнымъ съ справедливостью, съ благомъ, съ красотою. Но почему божеское изліяніе лучей несовершенно? Потому, что оно еще продолжается.

Аміель.

2.

Двигающая сила во всѣхъ совершенствованіяхъ какъ личностей, такъ и народовъ не есть знаніе того, что есть, а представленіе того, что можетъ быть.

Мартино.

3.

Человѣкъ слабъ, надо дать задачу по силамъ, говорятъ люди. Это все равно, что сказать: руки мои слабы, и я не могу провести линію, которая была бы прямая, т.-е. кратчайшая между двумя точками; поэтому, чтобы облегчить себя и, желая проводить прямую, возьму за образецъ себѣ кривую или ломаную. Чѣмъ слабѣе моя рука, тѣмъ совершеннѣе мнѣ нуженъ образецъ.

4.

Народъ можно только тогда побить, когда уже побиты его боги, т.-е. его нравственные идеалы, его лучшія стремленія.

Талмудъ.

5.

„Будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный“.

Совершенство Бога, т.-е. совершенство высшаго добра всѣхъ, есть идеалъ, стоящій передъ всѣмъ человѣчествомъ.

6.

Христіанское ученіе идеала есть то единое ученіе, которое можетъ руководить человѣчествомъ.

Нельзя, не должно замѣнять идеалъ Христа внѣшними правилами, а надо твердо держать этотъ идеалъ передъ собой во всей чистотѣ его и, главное, вѣрить въ него.

Плавающему недалеко отъ берега можно было говорить: держись того возвышенія, мыса, берега и т. п. Но приходитъ время, когда пловцы удалились отъ берега, и руководствомъ имъ должны и мо-

гутъ служить только недостижимыя свѣтила и компасъ, показывающій направленіе. И то и другое дано намъ.

Какъ бы ни падалъ человѣкъ, онъ всегда можетъ видѣть тотъ идеалъ, къ которому онъ идетъ или будетъ идти.

12-е мая.

Самое вредное для жизни заблужденіе въ томъ, что люди забываютъ то, что тѣлесная жизнь идетъ и съ каждымъ часомъ приближаетъ ихъ къ смерти.

Чѣмъ моложе люди, тѣмъ сильнѣе это заблужденіе.

1.

Дней лѣтъ нашихъ—семьдесятъ лѣтъ, а при бóльшей крѣпости—восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь, ибо проходятъ быстро, и мы летимъ.

Пс. 89, ст. 10.

2.

Когда мы во всей силѣ здоровья и ума, мы думаемъ о людяхъ и о самыхъ ничтожныхъ заботахъ, а не о Богѣ: точно какъ будто приличія и обычай требуютъ того, чтобы мы думали о Богѣ только въ такомъ состояніи, когда у насъ остается разума лишь настолько, чтобы признаться, что мы уже не владѣемъ имъ.

Ла-Брюйеръ.

3.

Представьте себѣ толпу людей въ цѣпяхъ. Всѣ они приговорены къ смерти, и каждый день одни изъ нихъ умерщвляются на глазахъ у другихъ. Остающіеся, видя этихъ умирающихъ и ожидающихъ своей очереди, видятъ свою собственную участь. Такова человѣческая жизнь.

Паскаль.

4.

Мы видимъ, какъ человѣкъ, занимающій важное мѣсто, падаетъ и скоропостижно умираетъ; какъ другой замѣтно, понемногу таетъ, каждый день ослабѣвая, и наконецъ потухаетъ. Такія поразительныя событія остаются незамѣченными, никого не затрогивая. Люди не обращаютъ на нихъ больше вниманія, чѣмъ на цвѣтокъ, который вянетъ, или на падающій листъ. Они завидуютъ оставшимся мѣстамъ или освѣдомляются, заняты ли они и кѣмъ.

Ла-Брюйеръ.

5.

„Здѣсь я буду обитать во время дождей, тамъ я поселюсь лѣтомъ“, такъ мечтаетъ безумецъ и не помышляетъ о смерти, а она внезапно приходитъ и уноситъ человѣка озабоченнаго, корыстнаго, разсѣяннаго, какъ наводненіе смываетъ спящую деревню.

Ни сынъ, ни отецъ, ни родные и близкіе — никто не поможетъ намъ, когда поразитъ насъ смерть; благой и мудрый, ясно сознавши смыслъ этого, быстро расчиститъ путь, ведущій къ успокоенію.

Буддійская мудрость.

6.

Человѣкъ приходитъ въ міръ со сжатыми ладонями и какъ бы говоритъ: весь міръ мой, а уходитъ изъ него съ открытыми ладонями и какъ бы говоритъ: смотрите, ничего не беру съ собой.

Талмудъ.

7.

И сказалъ имъ притчу: у одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ; и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что̀ мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю бо̀льшія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое, и скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ?

Лк. XII, 16—20.

8.

„Мнѣ принадлежатъ эти сыновья, мнѣ принадлежатъ эти богатства“, — вотъ мысли безумца. Какъ могутъ сыновья и богатства принадлежать ему, когда онъ самъ не принадлежитъ себѣ?..

Буддійская мудрость.

9.

Мы беззаботно стремимся въ пропасть, держа передъ собою заслонъ, чтобы не видать ее. Паскаль.

10.

Живи такъ, какъ будто ты сейчасъ долженъ проститься съ жизнью, какъ будто время, оставленное тебѣ, есть неожиданный подарокъ. Маркъ Аврелій.

11.

Этотъ крошечный кусочекъ жизни—твое все. Такъ, смотри же, сдѣлай изъ него все, что возможно.

Саидъ-бенъ-Хамедъ.

12.

Послѣдній актъ—всегда кровавый, какъ бы ни была прекрасна комедія во всемъ остальномъ. Посыпятъ земли на голову—конецъ и навсегда. Паскаль.

Помни, что ты не живешь въ мірѣ, а проходишь черезъ него.

Недѣльное чтеніе.

Смерть въ госпиталѣ.

И вотъ теперь, какъ я пишу это, ярко припоминается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный, тотъ самый Михайловъ, который лежалъ почти противъ меня. Самого Михайлова, впрочемъ, я мало зналъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, не болѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно-грустный. Точно онъ „засыхалъ“ въ острогѣ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ о себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза. Онъ уморъ часа въ три пополудни, въ морозный и ясный день. Помню, солнце такъ и пронизывало крѣпкими, косыми лучами зеленыя, слегка подмерзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза его уже начинали не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣніемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуху было мало. Онъ сбилъ съ себя одѣяло, всю одежду и, наконецъ, началъ срывать съ себя рубашку. Страшно было смотрѣть на это длинное-длинное тѣло, съ высохшими до кости ногами и руками, съ опавшимъ животомъ, съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета.

На всемъ тѣлѣ его остались одинъ только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которые, кажется, онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его всѣ у насъ какъ будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ, ступалъ какъ-то не слышно. Разговаривали межъ собой мало, о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умиравшаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, онъ блуждающей и нетвердой рукой нащупалъ на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, безпокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь къ караульному, дали знать. Вошелъ сторожъ, тупо посмотрѣлъ на мертвеца и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый малый, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палатѣ, подошелъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно-развязнымъ видомъ взялъ его за пульсъ, пощупалъ, махнулъ рукою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія; его и за мертваго-то признать надо было съ особыми церемоніями.

Въ ожиданіи караульныхъ, кто-то изъ арестантовъ тихимъ голосомъ подалъ мысль, что не худо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошелъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взялъ его, осмотрѣлъ и молча надѣлъ его опять Михайлову на шею, надѣлъ и перекрестился. Между тѣмъ мертвое лицо костенѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ, ротъ былъ полураскрытъ; два ряда бѣлыхъ молодыхъ зубовъ сверкали изъ-подъ тонкихъ, прилипшихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ при тесакѣ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ, все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ недоумѣніемъ посматривая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ, въ однихъ кандалахъ, поразилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо.

Помню, въ это же самое мгновеніе тутъ же стоялъ Чекуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ, и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились, и у Чекунова вдругъ отчего-то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ-то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро, точно нечаянно, кивнувъ унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ:

— Тоже вѣдь мать была!—и пошелъ прочь.

Но вотъ трупъ стали поднимать, подняли вмѣстѣ съ койкой; солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули объ полъ... Ихъ подобрали. Тѣло понесли. Вдругъ всѣ громко заговорили. Слышно было, какъ унтеръ-офицеръ, уже въ коридорѣ, посылалъ кого-то за кузнецомъ. Слѣдовало расковать мертвеца...

Достоевскій. (Изъ „Записокъ изъ Мертваго дома“).

13-е мая.

Каждому человѣку самому надо рѣшать для себя вопросы о смыслѣ жизни и смерти.

1.

Мудрый человѣкъ требуетъ всего только отъ себя; ничтожный же человѣкъ требуетъ всего отъ другихъ.

Китайская мудрость.

2.

Душа не учится; она только научается тому, что она (и безъ ученія) всегда знала. Даудъ-ель-Гаффиръ.

3.

Мудрый человѣкъ всегда находитъ себѣ помощь во всемъ, потому что даръ его состоитъ въ томъ, чтобы извлекать добро изъ всѣхъ и изъ всего. Джонъ Рёскинъ.

4.

Политическая побѣда, увеличеніе дохода, выздоровленіе вашихъ больныхъ, возвращеніе отсутствующихъ друзей или что-нибудь еще въ томъ же родѣ благопріятное поднимаетъ вашъ духъ, и вы думаете, что настанутъ для васъ лучшіе дни. Не вѣрьте этому. Ничто не принесетъ вамъ миръ, кромѣ васъ самихъ.

Эмерсонъ.

5.

Тщетно будете вы искать во внѣшнемъ мірѣ отвѣтовъ на многіе ваши вопросы, касающіеся назначенія души. Отвѣты на всѣ ваши вопросы находятся внутри васъ, но лишь въ зачаточной формѣ. Вы должны вырастить ваши отвѣты гармоничной жизнью. Это единственный путь къ мудрости. Люси Малори.

6.

Горе тому, кто ищетъ товарища, потому что ищущій не можетъ быть товарищемъ самъ себѣ. Торо.

Если на вопросы о жизни и смерти человѣкъ принимаетъ отвѣты другихъ прежде жившихъ мудрыхъ людей, то все-таки выборъ и признаніе этихъ отвѣтовъ зависитъ отъ него самого.

14-е мая.

Сознаніе божественности души даетъ безстрашіе передъ всѣми бѣдствіями жизни.

1.

Мы не можемъ написать естественную исторію души, но мы знаемъ, что она божественна. Не могу сказать, соберутся ли опять въ тѣлесной оболочкѣ тѣ удивительныя свойства, которыя живутъ въ насъ теперь, также не могу сказать о томъ, имѣли ли они прежде своего появленія здѣсь такую же естественную исторію, какъ то тѣло, которое мы видимъ передъ собою; но одно я знаю вѣрно, что свойства эти не начинали существовать, не могутъ быть больны вмѣстѣ съ болѣзнью моего тѣла, не могутъ быть похоронены ни въ какомъ гробу, но что они были прежде, чѣмъ былъ міръ. И это даетъ мнѣ вѣру, мужество и надежду.

Душа все знаетъ. Никакое сообщеніе не можетъ удивить ее. Ничто не можетъ быть больше ея. Пусть боится, кто хочетъ. Душа живетъ въ своемъ прирожденномъ царствѣ, она пространнѣе пространства и старѣе времени. Эмерсонъ.

2.

Богъ живетъ во всѣхъ людяхъ, но не всѣ люди живутъ въ Богѣ. Въ этомъ причина страданій людей.

Какъ лампа не можетъ горѣть безъ огня, такъ не можетъ человѣкъ жить безъ Бога. Браминская мудрость.

3.

Ты боишься, что тебя будутъ презирать за твою кротость, но люди справедливые не могутъ презирать тебя за это, а до дру-

гихъ людей тебѣ дѣла нѣтъ, — не обращай вниманія на ихъ сужденія. Не станетъ же искусный столяръ огорчаться тѣмъ, что человѣкъ, ничего не понимающій въ столярномъ дѣлѣ, не одобряетъ его хорошей работы.

Не думай, что злые люди могутъ повредить тебѣ. Развѣ можетъ кто-нибудь повредить твоей душѣ? Такъ чѣмъ же ты смущаешься?

Я смѣюсь про себя надъ тѣми, которые думаютъ, что они могутъ повредить мнѣ: они не знаютъ, ни кто я, ни того, въ чемъ я полагаю добро и зло; они не знаютъ, что они не могутъ даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чѣмъ однимъ я живу.

Эпиктетъ.

4.

Всѣ вещи міра принадлежатъ мнѣ; твореніе и разрушеніе происходятъ по моей волѣ; міръ только скорлупа, я его ядро, какъ же мнѣ бояться того, что прахъ вернется къ праху? Я не прахъ. Покорись Богу и живи въ мірѣ. Разумъ спрашиваетъ, какъ и почему. Любовь созерцаетъ все въ божественномъ.

Персидская мудрость.

Не бойся никого и ничего. То, что въ тебѣ самое дорогое, не можетъ пострадать ни отъ кого и ни отъ чего.

15-е мая.

Правда даетъ всегда благо.

1.

Всѣ мнѣнія, противорѣчащія истинѣ, только затемняютъ ее, но при столкновеніяхъ съ ней исчезаютъ, какъ пыль; истинныя же очищаются, братски соединяются и проявляютъ все сильнѣе свою

настоящую мощь. Такъ это было всегда. Взгляните на вселенную, но не глазами совъ, боящихся свѣта,—и вы найдете, что живетъ и преуспѣваетъ только правда. Все же остальное вымираетъ, какъ заранѣе обреченное на погибель. Справедливость существуетъ съ основанія міра и будетъ существовать до его конца.

Карлейль.

2.

Истинѣ никогда не вредила насмѣшка, но ростъ истины останавливается въ насмѣхающемся.

Люси Малори.

3.

Истина заученная—только прилипаетъ къ намъ, какъ искусственный членъ, вставной зубъ, восковой носъ и самое большее—какъ носъ ринопластическій изъ чужой кожи. Истина же, пріобрѣтенная собственнымъ мышленіемъ, подобна настоящему члену тѣла; только она одна дѣйствительно принадлежитъ намъ.

Шопенгауэръ.

4.

Тысячи путей ведутъ къ заблужденію; къ истинѣ—только одинъ.

Руссо.

5.

Нѣтъ несчастія хуже того, когда человѣкъ начинаетъ бояться истины, чтобы она не обличила его.

Паскаль.

6.

Только одна самоочевидная правда должна осуществляться людьми.

Конфуцій.

7.

Нельзя утверждать никакую неправду, не присочинивъ для нея еще другой неправды.

Лессингъ.

Очень обычная ошибка думать, что есть такія дѣла, въ которыхъ можно отступить отъ правды. Послѣдствія и внутреннія и внѣшнія всякой самой малой неправды во много разъ вреднѣе той неловкости, непріятности, которая можетъ произойти отъ высказыванія правды.

16-е мая.

Безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить человѣчество.

1.

Сущность всякой религіи состоитъ только въ отвѣтѣ на вопросъ: зачѣмъ я живу и какое мое отношеніе къ окружающему меня безконечному міру? Нѣтъ ни одной религіи, отъ самой возвышенной и до самой грубой, которая не имѣла бы въ основѣ своей установленія такого отношенія человѣка къ окружающему его міру или первопричинѣ его.

2.

Ученые люди нашего времени рѣшили, что религія не нужна, что наука замѣнитъ или уже замѣнила ее, а между тѣмъ, какъ прежде, такъ и теперь, безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить ни одно человѣческое общество, ни одинъ разумный человѣкъ (я говорю *разумный человѣкъ,*—человѣкъ, такъ же какъ и животное, можетъ жить и безъ религіи).

А не можетъ жить безъ религіи разумный человѣкъ потому, что религія даетъ разумному человѣку необходимое ему руководство о томъ, что ему надо дѣлать, и что̀ надо дѣлать прежде и что̀ послѣ. Разумный человѣкъ не можетъ жить безъ религіи именно потому, что разумъ составляетъ свойство его природы.

Пчела, собирающая кормъ, не можетъ имѣть никакихъ сомнѣній о томъ, хорошо или дурно собирать его. Но человѣкъ, собирая жатву или плоды, не можетъ не думать о томъ,—не уничтожаетъ ли онъ на будущее время произрастанія хлѣба или плодовъ, и о томъ—не отнимаетъ ли онъ этимъ собираніемъ пищу у ближнихъ. Не можетъ не думать онъ и о томъ, что̀ будетъ изъ тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ кормитъ, и многое другое. Самые важные вопросы поведенія въ жизни не могутъ разумнымъ человѣкомъ быть рѣшены окончательно именно по обилію послѣдствій, которыхъ онъ не можетъ не видѣть. Всякій разумный человѣкъ, если не зна-

етъ, то чувствуетъ, что въ самыхъ важныхъ вопросахъ жизни ему нельзя руководствоваться ни личными побужденіями чувствъ, ни соображеніями о ближайшихъ послѣдствіяхъ его дѣятельности, потому что послѣдствій этихъ онъ видитъ слишкомъ много различныхъ и часто противорѣчивыхъ, т.-е. такихъ, которыя такъ же, вѣроятно, могутъ быть благодѣтельны или зловредны какъ для него, такъ и для другихъ людей.

Поэтому разумный человѣкъ не можетъ удовлетвориться тѣми соображеніями, которыя руководятъ поступками животныхъ. Человѣкъ можетъ разсматривать себя какъ животное среди животныхъ, живущихъ сегодняшнимъ днемъ, онъ можетъ разсматривать себя и какъ члена семьи, и какъ члена общества, народа, живущаго вѣками, можетъ и даже непремѣнно долженъ (потому что къ этому неудержимо влечетъ его разумъ) разсматривать себя какъ часть всего безконечнаго міра, живущаго безконечное время. И потому разумный человѣкъ долженъ былъ сдѣлать и всегда дѣлалъ по отношенію безконечно малыхъ жизненныхъ явленій, могущихъ вліять на его поступки, то, что̀ въ математикѣ называется интегрированіемъ, т.-е. установлять, кромѣ отношенія къ ближайшимъ явленіямъ жизни, свое отношеніе ко всему безконечному по времени и пространству міру, понимая его какъ одно цѣлое. И такое установленіе отношенія человѣка къ тому цѣлому, котораго онъ чувствуетъ себя частью, и изъ котораго онъ выводитъ руководство въ своихъ поступкахъ, и есть то, что̀ называлось и называется религіей.

И потому религія всегда была и не можетъ перестать быть необходимостью и неустранимымъ условіемъ жизни разумнаго человѣка и разумнаго человѣчества.

3.

Изъ той формулы, которую люди называютъ религіей, вытекаютъ ихъ правила воспитанія, ихъ политика, соціальная экономія и искусство.

Іосифъ Мадзини.

4.

Человѣкъ безъ религіи, т.-е. безъ какого-либо отношенія къ міру, такъ же невозможенъ, какъ человѣкъ безъ сердца. Онъ мо-

жетъ не знать, что у него есть религія, какъ можетъ человѣкъ не знать того, что у него есть сердце; но какъ безъ религіи, такъ и безъ сердца человѣкъ не можетъ существовать.

5.

Религіозное чувство, то, которое бываетъ въ разныхъ степеняхъ у людей и у нѣкоторыхъ доходитъ до кажущагося полнаго отсутствія, есть провидѣніе, такое ясное представленіе того, что̀ должно быть, что это представленіе служитъ руководствомъ жизни.

Не имѣющіе или въ малой степени имѣющіе это чувство руководятся, напротивъ, тѣмъ, что было,—прошедшимъ, преданіемъ, и ихъ-то, этихъ людей, толпа называетъ религіозными. Человѣкъ же, видящій законы будущаго, пренебрегаетъ прошедшимъ, и потому представляется толпѣ безбожникомъ.

6.

Если ты сознаешь, что у тебя нѣтъ вѣры, знай, что ты въ самомъ опасномъ положеніи, въ которомъ только можетъ находиться человѣкъ въ этомъ мірѣ.

7.

Плохо, если у человѣка нѣтъ чего-нибудь такого, за что онъ готовъ умереть.

8.

То, что видишь часто людей, жертвующихъ всѣмъ, даже жизнью, ради суевѣрій: дуэли, война, самоубійства, а рѣдко такихъ, которые отдавали бы жизнь за истину, происходитъ оттого, что можно безъ убѣжденія легко отдать жизнь подъ вліяніемъ гипноза и внушенія и очень трудно быть настолько твердо убѣжденнымъ въ истинѣ, чтобы быть готовымъ умереть за нее.

9.

Достаточно заткнуть себѣ уши въ залѣ, гдѣ танцуютъ, чтобы вообразить себя въ домѣ сумасшедшихъ. На человѣка, уничтожившаго въ себѣ религіозное сознаніе, всѣ религіозные поступки

человѣчества должны производить такое же впечатлѣніе. Но рисковано ставить себя внѣ закона человѣческаго рода и считать себя правѣе всѣхъ остальныхъ людей. Амiель.

10.

Часто, наблюдая одинъ кругъ людей, говорятъ, что религія утратила свою власть надъ людьми. Этого нѣтъ и не можетъ быть. Это значитъ только то, что извѣстный классъ людей лишенъ религіознаго чувства.

11.

У кого религія на второмъ планѣ, у того ея совсѣмъ нѣтъ. Богъ совмѣстимъ со многимъ въ сердцѣ человѣка, но несовмѣстимо одно,—чтобы Онъ былъ въ сердцѣ на второмъ планѣ. Тотъ, кто отводитъ Ему второстепенное мѣсто,—не отводитъ никакого.

Джонъ Рёскинъ.

Если человѣкъ живетъ бѣдственно, то причина всегда одна: отсутствіе вѣры; тоже и съ обществомъ людей.

17-е мая.

Радость совершенная, по словамъ Франциска Ассизскаго, въ томъ, чтобы перенесть незаслуженный укоръ, потерпѣть отъ него тѣлесное страданье и не испытать враждебности къ причинѣ укора и страданія, радость въ сознаніи настоящей вѣры и любви, такой, какую не можетъ нарушить ни зло людей, ни свои страданія.

1.

Смотрите, не творите милостыни вашей передъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца

вашего небеснаго. Итакъ, когда творишь милостыню, не труби передъ собой, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. Мѳ. VI, 1—2.

2.

Выше всего то, когда тебя осуждаютъ за доброе дѣло.

Маркъ Аврелій.

3.

Быть неизвѣстнымъ людямъ или непонимаемымъ ими и не печалиться объ этомъ—есть свойство истинно добродѣтельнаго человѣка. Китайская мудрость.

4.

Ругаютъ, осуждаютъ — радуйся; хвалятъ, одобряютъ — бойся, огорчайся.

5.

Юродство невольное есть лучшая школа добра.

6.

Какъ бы пріучить себя, встрѣчаясь съ людьми, ожидать и желать отъ нихъ (для испытанія себя, для уничтоженія своей гордости) не одобренія похвалы, а, напротивъ, униженія, оскорбленія и превратнаго о тебѣ мнѣнія!

То, что называется юродствомъ, т.-е. поведеніемъ, вызывающимъ осужденіе и нападки людей, несправедливо въ той мѣрѣ, въ которой оно вызываетъ дурные поступки людей, но понятно и желательно, какъ единственная повѣрка своей любви къ Богу и ближнему.

18-е мая.

Сознаніе божественности души даетъ могущество.

1.

Небо ближе, чѣмъ земля къ людямъ, очистившимъ свои души и свободнымъ отъ сомнѣнія.

Даже тѣ, которые имѣютъ все то знаніе, которое можно получить отъ пяти чувствъ, не найдутъ въ немъ выгоды, если они не знаютъ истинную природу вещей.

Истинное знаніе относительно всякой вещи есть пониманіе о томъ, что въ этой вещи есть истинное существо.

Пусть не думаютъ, что для души есть другое рожденіе помимо познанія истиннаго существа.

Тѣ, кто вступили на этотъ путь, уже не возвращаются.

Индійскій Кьюралъ.

2.

Человѣкъ есть существо могущественное, и тотъ, кто сознаетъ могущество своей души и знаетъ, что онъ слабѣетъ, когда ищетъ силу внѣ себя,—тотъ, обуздавъ тѣло и духъ, дѣлается истиннымъ властелиномъ, идетъ прямо и совершаетъ чудеса. Онъ похожъ на человѣка, который, стоя на своихъ ногахъ, естественно сильнѣе упавшаго на землю.

Эмерсонъ.

3.

У тебя спросятъ: почему ты знаешь Бога? Отвѣчай: потому, что Онъ въ моемъ сердцѣ. Если бы это была неправда, люди были бы совершенно безпомощны. Смотри на Самосущаго не этими твоими глазами, а глазами твоего сердца. Развѣ можетъ знать Бога тотъ, кто не знаетъ самъ себя? Истинное самосознаніе есть знаніе Бога.

Персидская мудрость.

4.

Кто можетъ тебѣ сдѣлать что-нибудь дурное и кто можетъ быть могущественнѣе тебя, когда ты соединишься съ Богомъ? И ты можешь сдѣлать это.

5.

Одно мы знаемъ или можемъ знать, если захотимъ, а именно, что сердце и совѣсть человѣка божественны, что въ отрицаніи зла и признаніи добра человѣкъ самъ является воплощеннымъ божествомъ; что его радость въ любви, его страданія въ гнѣвѣ, его негодованіе при видѣ несправедливости, его слава въ самопожертвованіи являются вѣчными, неоспоримыми доказательствами его единства съ верховнымъ Властелиномъ.

Джонъ Рёскинъ.

Человѣкъ, признающій божественность своей души и живущій ею, имѣетъ все то, чего можетъ желать для своего блага.

19-е мая.

Законъ Бога выраженъ во всѣхъ религіяхъ.

1.

Одно есть несомнѣнное проявленіе Божества - это законы добра, которые явлены міру и которые человѣкъ чувствуетъ въ себѣ и въ признаніи которыхъ онъ не то, что соединяется, а волею-неволею соединенъ съ другими людьми.

2.

Только кажется, что человѣчество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дѣло только для него важно и одно только дѣло оно дѣлаетъ — оно уясняетъ себѣ тѣ нравственные законы, которыми оно живетъ. И это уясненіе нравственнаго закона есть не только главное, но единственное дѣло всего человѣчества.

3.

Мудреца спросили: есть ли такое слово, которое можно бы было исполнять для своего блага до конца жизни.

Мудрецъ сказалъ: есть слово *шу*, смыслъ этого слова такой: чего мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, не надо дѣлать другимъ.

Китайская мудрость.

4.

Заповѣдь эта, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Не на небѣ она, чтобы можно было сказать: кто взошелъ бы для насъ на небо и досталъ ее намъ, и возвѣстилъ ее намъ, и мы исполнили бы ее? И не за моремъ она, чтобы можно было сказать: кто сходилъ бы для насъ за море и досталъ ее намъ, и возвѣстилъ ее намъ, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко къ тебѣ это слово: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, чтобы исполнять его.

Второзаконіе XXX, 11—14.

5.

Поступай такъ, чтобы правила твоей воли могли бы въ то же время всегда послужить принципомъ всеобщаго законодательства.

Кантъ.

6.

Источникъ нашихъ обязанностей въ Богѣ. Опредѣленіе нашихъ обязанностей заключается въ Его законѣ. Все больше раскрывать и примѣнять этотъ законъ—такова миссія человѣчества.

Іосифъ Мадзини.

7.

Разумность, наблюдаемая въ природѣ, побуждающая человѣка дѣлать должное и удерживающая отъ дурного, становится закономъ не потому, что записана въ книгахъ, но потому, что это законъ одинаково вѣчный, божественный, какъ и разумъ человѣческій. И потому истинный непреложный законъ, повелѣвающій и запрещающій, есть разумъ Высшаго Существа.

Цицеронъ.

Вспоминай при каждомъ столкновеніи съ людьми законъ взаимности: то, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой. Это можетъ сдѣлаться привычкой.

Недѣльное чтеніе.

Законъ насилія и законъ любви.

Слѣдуетъ ли одному человѣку пользоваться физическимъ или нравственнымъ насиліемъ надъ другимъ человѣкомъ не только въ цѣляхъ подчиненія злодѣя и огражденія личнаго или общественнаго благополучія, но и въ высшихъ цѣляхъ духовнаго объединенія?

Евангельская заповѣдь о непротивленіи злому рѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Христіанину не только нельзя насильничать, но „если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“— таковъ законъ Бога для христіанина. Кто бы ни сдѣлалъ насиліе и для чего бы оно ни было сдѣлано, все равно—грѣхъ, какъ грѣхъ убійства, блуда, — все равно, для чего бы онъ ни былъ сдѣланъ, и кто бы ни сдѣлалъ его, и одинъ ли человѣкъ, или милліоны людей — грѣхъ все грѣхъ, потому что передъ Богомъ всѣ люди равны, и потому что заповѣдь Божія не похожа на заповѣди человѣческія съ ихъ исключеніями, примѣчаніями и обходами по времени и мѣсту. Заповѣдь Божія простирается отъ земли до небесъ; она — какъ молнія, которая исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада. Для христіанина въ крайнемъ случаѣ лучше быть убитымъ, чѣмъ убійцей; лучше подвергнуться насилію, чѣмъ самому насильничать. Если меня люди обидятъ, то я, какъ христіанинъ, долженъ разсуждать такъ, что и я обижалъ людей, и хорошо, что Богъ посылаетъ мнѣ испытаніе для моего вразумленія и очищенія отъ грѣховъ. Если же меня люди обидятъ въ правотѣ, тогда мнѣ вдвойнѣ хорошо, потому что я черезъ это становлюсь

товарищъ тѣхъ, кто за правду страдаетъ,—товарищъ передовыхъ бойцовъ за жизнь, за свѣтъ, за свободу. Нельзя спасти душу свою грѣхомъ, нельзя придти къ добру дорогою зла, какъ нельзя придти домой, идя прочь отъ дома. Сатана сатану не изгоняетъ: зло не побѣждается зломъ, а только накладывается зло на зло и укрѣпляется. Грѣхъ и зло побѣждаются только духомъ противнаго лагеря: праведностью и добромъ. Добромъ, только добромъ и по меньшей мѣрѣ терпѣніемъ и страданіемъ можно и слѣдуетъ гасить зло.

Но люди не живутъ по закону христіанскому, закону разумѣнія, смиренія, самоотверженія, прощенія и братской любви; а живутъ по закону животному, звѣриному, по которому „кто кого можетъ, тотъ того и гложетъ". Можно допустить, что человѣкъ употребитъ насиліе надъ горячечнымъ больнымъ, надъ пьянымъ, надъ сумасшедшимъ, надъ глупымъ ребенкомъ, не съ цѣлью дѣлать ему зло, а съ цѣлью предупредить бѣду. Словомъ, можно терпѣть, простить и допустить случаи, не превышающіе естественнаго предѣла насилія, предѣла тѣлесныхъ силъ человѣка,—случаи, отъ которыхъ не нарушается царство Бога въ сердцахъ людей и люди не перестаютъ быть христіанами. Можно именно терпѣть, простить и допустить, какъ неизбѣжный грѣхъ, но не возвеличивать. Когда же законъ звѣриной жизни возводится въ дѣло общественное, какъ законъ, внѣшнимъ образомъ обязательный для всѣхъ,—возвеличивается какъ законъ будто бы божественный, то это уже для людей, какъ разумныхъ существъ, которымъ приличествуетъ возвеличивать законы духовной жизни, законы добра, — для людей, особенно для христіанъ, это становится уже дѣломъ противоестественнымъ, антихристовымъ, хулою на духъ Христовъ, духъ истины, духъ святой—это грѣхъ непростительный.

Христосъ и антихристъ живутъ отъ вѣка, какъ два противоположныя понятія о жизни. Жить по-Христу — значитъ жить почеловѣчески, любить людей, дѣлать добро и за зло воздавать добромъ. Жить по-антихристу—значитъ жить по-звѣриному, любить только себя и за зло, и за добро воздавать зломъ. Чѣмъ больше въ своей ежечасной жизни мы будемъ стараться жить по Христу, тѣмъ больше будетъ любви и счастья между людьми. Чѣмъ больше

мы будемъ придерживаться ученія антихриста, тѣмъ жизнь людей будетъ бѣдственнѣе. Заповѣдь о непротивленіи злому заканчиваетъ въ сознаніи человѣка раздѣленіе понятій совершеннаго добра и совершеннаго зла и ясно обозначаетъ два пути: путь истины, путь Христовъ, путь искренности мысли и чувства,—путь жизни; и другой путь: путь обмана, путь дьявола, путь всякаго лицемѣрія, путь смерти. И пусть страшно взять на себя крестъ заповѣди о непротивленіи злому, пусть страшно отдать себя въ жертву злодѣю, но мы знаемъ теперь, гдѣ дорога добра, дорога спасенія. Будемъ же употреблять усиліе, чтобы идти по ней, и будемъ стараться разслѣдовать и освѣщать этотъ путь свѣтомъ своего разумѣнія — не въ надеждѣ провѣдать будущее, а въ надеждѣ пріобрѣтенія вѣры въ то, что мы не упираемся въ стѣну или во тьму кромѣшную, а что впереди есть дорога и свѣтъ.

Не противиться злому силою не значитъ, что нужно отказаться и отъ охраны жизни, и трудовъ своихъ, и другихъ людей, а значитъ только, что охранять все это нужно инымъ способомъ, не противорѣчащимъ высшему разумному существу въ человѣкѣ; охранять жизнь и труды другихъ людей и свои нужно пробужденіемъ въ нападающемъ злодѣѣ жизни разумнаго существа. Способъ этотъ состоитъ преимущественно въ собственномъ духовномъ совершенствѣ, необходимомъ для пріобрѣтенія силы воздѣйствія на другихъ добромъ, любовью, разумнымъ освѣщеніемъ. Если я вижу, напримѣръ, что одинъ человѣкъ намѣренъ убить другого, то самое большее, что я могу предпринять, это поставить самого себя на мѣсто убиваемаго и сказать злодѣю: „вотъ тебѣ моя грудь, убей прежде меня, потому что я не могу выносить и не могу допустить, пока живъ, человѣкоубійства“,—и защитить, накрыть собою того человѣка и, если можно, спасти, утащить, спрятать его—все равно, какъ я сталъ бы спасать человѣка изъ пламени пожара или утопающаго: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я оказываюсь безсиленъ въ этомъ способѣ, потому что я самъ заблудшій грѣшникъ, то это мое безсиліе не даетъ мнѣ права на грѣхъ, права пробуждать въ себѣ звѣря, еще болѣе усиливать безпорядокъ въ своей душѣ и вносить безпорядокъ въ міръ зломъ насилія и его оправданіемъ.

Бука.

20-е мая.

Для человѣка, какъ животнаго существа, не можетъ быть рѣчи о свободѣ. Вся его жизнь обусловлена рядомъ причинъ. Но если человѣкъ сознаетъ себя духовнымъ существомъ, то для него не можетъ быть рѣчи о стѣсненіи. Понятіе стѣсненія непримѣнимо къ проявленію разума, сознанія, любви.

1.

Помни, что разумѣніе твое, имѣя свойство жизни въ самомъ себѣ, дѣлаетъ тебя свободнымъ, если ты не подгибаешь его служенію плоти. Душа человѣка, просвѣщенная разумѣніемъ, свободная отъ страстей, затмевающихъ этотъ свѣтъ, есть настоящая твердыня, и нѣтъ прибѣжища для человѣка, которое было бы вѣрнѣе и неприступнѣе для зла. Кто не знаетъ этого, тотъ слѣпъ, а кто, зная, не входитъ въ твердыню разумѣнія, тотъ злосчастный.

Маркъ Аврелій.

2.

Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.

Ін. VIII, 32.

3.

Зло не существуетъ для вещественной природы, но зло существуетъ для каждаго человѣка, которому дано сознаніе добра и свобода выбора между добромъ и зломъ.

Маркъ Аврелій.

4.

Свободнымъ человѣкомъ бываетъ только тотъ, съ которымъ случается все такъ, какъ онъ того хочетъ. Но значитъ ли это, что съ нимъ непремѣнно случится все то, что ему вздумается? Нисколько. Вѣдь грамота, напримѣръ, научаетъ насъ писать буквами и словами все, что мы захотимъ; но для написанія хоть своего имени я не могу писать такія буквы, какія мнѣ вздумается: этакъ я никогда не напишу своего имени. А я долженъ пожелать

писать именно такія буквы, какія нужны, и въ томъ порядкѣ, который нуженъ. И во всемъ такъ. Мы бы никогда ничему не научились, если бы дѣлали такъ, какъ только намъ вздумается. Значитъ, для того, чтобы быть свободнымъ человѣкомъ, не слѣдуетъ желать всего того, что только придетъ въ голову. Напротивъ того, свободный человѣкъ долженъ выучиться желать и соглашаться со всѣмъ тѣмъ, что съ нимъ случается, потому что то, что съ человѣкомъ случается, случается только по волѣ Того, Кто управляетъ всѣмъ міромъ. Эпиктетъ.

5.

Мы гораздо яснѣе сознаемъ, что наша воля свободна, чѣмъ то, что все совершающееся должно имѣть свою причину. Развѣ нельзя было бы обратить этотъ аргументъ и сказать: наши понятія о причинѣ и слѣдствіи должны быть очень неправильны, такъ какъ наша воля не могла бы быть свободна, если бы они были справедливы. Лихтенбергъ.

6.

Быть высоконравственнымъ значитъ быть свободнымъ душой. Люди постоянно гнѣвающіеся на кого-нибудь, безпрестанно боящіеся чего-нибудь и всецѣло предающіеся страстямъ не могутъ быть свободны душой. Кто не можетъ сосредоточиться въ себѣ или увлекается чѣмъ-нибудь, тотъ видя не увидитъ, слыша не услышитъ, вкушая не различитъ вкуса. Конфуцій.

Люди, отрицающіе свободу, подобны слѣпымъ, отрицающимъ цвѣта: они не знаютъ той области, въ которой люди свободны.

21-е мая.

Чтобы повѣрить въ добро, надо начать дѣлать его.

1.

Украшай каждый проходящій день добрымъ дѣломъ.

2.

Всего лучше начинать каждый день такъ: думать при пробужденіи о томъ, нельзя ли въ этотъ день доставить радость хоть одному человѣку. Ницше.

3.

Доброта — это наша обязанность. Тотъ, кто часто исполняетъ ее и видитъ, какъ его добрыя намѣренія осуществляются, въ концѣ концовъ начинаетъ дѣйствительно любить того, для кого сдѣлалъ добро. Слова: „Полюби ближняго своего, какъ самого себя", не значатъ то, что ты долженъ сначала его полюбить и уже затѣмъ, какъ слѣдствіе своей любви, дѣлать ему добро. Нѣтъ, ты долженъ дѣлать добро твоему ближнему, и эта твоя доброта зажжетъ въ тебѣ любовь къ человѣчеству, которая и явится результатомъ твоей наклонности дѣлать добро. Кантъ.

4.

Добрая воля хороша не тѣмъ, что̀ она причиняетъ или выполняетъ, — не своей пригодностью къ достиженію какой-нибудь намѣченной цѣли, а единственно только своимъ хотѣньемъ, т.-е. сама по себѣ; разсматриваемая сама по себѣ, безъ всякаго сравненія, она имѣетъ гораздо высшую цѣну, чѣмъ все, что посредствомъ ея могло быть когда-либо выполнено на пользу какой-нибудь склонности, если хотите, даже на пользу совокупности всѣхъ склонностей. Если бы по особой неблагосклонности судьбы или по причинѣ слишкомъ скудныхъ способностей, отпущенныхъ ей мачехой-природой, такая воля была бы совершенно лишена возможно-

сти выполнить свое намѣреніе, если бы при ся величайшемъ напряженіи все-таки ничего не было бы ею сдѣлано, и осталась бы только одна добрая воля (конечно, не какъ одно голое желаніе, а какъ примѣненіе всѣхъ средствъ, какія только въ нашей власти), то и въ такомъ случаѣ такая воля все-таки сверкала бы сама для себя, какъ драгоцѣнный алмазъ, какъ нѣчто такое, въ чемъ въ немъ самомъ заключается его полная цѣнность.

Кантъ.

5.

Что выиграетъ тотъ, кто, живя добродѣтельно въ домашней жизни, уйдетъ въ пустыню? Среди всѣхъ тѣхъ, которые трудятся для будущаго блага, выиграетъ больше всѣхъ тотъ, кто живетъ хорошо въ своей семьѣ. Индійскій Куранъ.

6.

Никто не можетъ имѣть понятія о добрѣ, пока не началъ творить его. И никто не можетъ истинно любить его, пока не дѣлалъ его часто и съ жертвой. И никто не можетъ найти успокоенія въ немъ, пока не дѣлаетъ его всегда. Мартино.

Если не можешь пріучить себя къ тому, чтобы искать случая сдѣлать добро, какъ охотникъ ищетъ своей дичи, то, по крайней мѣрѣ, не упускай случая дѣлать добро.

22-е мая.

Самыя великія измѣненія и все въ природѣ совершается незамѣтно, медленнымъ нарастаніемъ, а не взрывами.

То же самое и въ духовной жизни.

1.

Всѣ истинныя мысли—живыя мысли и проявляютъ свою жизнь въ томъ, что способны питать и измѣняться. Но измѣняются онѣ подобно дереву, а не облаку. Джонъ Рёскинъ.

2.

Все истинно великое совершается медленнымъ, незамѣтнымъ ростомъ. Сенека.

3.

Совершенство никогда не достигается на всѣ времена, ибо для каждаго времени есть свое совершенство. Люси Малори.

4.

Жизнь должна быть рожденіемъ души, выдѣленіемъ высшаго вида реальностей. Животное должно быть очеловѣчено, плоть должна быть претворена въ духъ; физіологическая дѣятельность должна быть превращена въ мысль, въ сознаніе, въ разумъ, справедливость, великодушіе, какъ свѣча въ свѣтъ и теплоту. Эта высшая алхимія оправдываетъ наше присутствіе на землѣ; въ этомъ наша миссія и наше достоинство. Аміель.

5.

Какъ нельзя разбить яйца, въ которомъ сидитъ цыпленокъ, безъ опасности для его жизни, такъ не можетъ одинъ человѣкъ освободить другого безъ опасности для его духовной жизни. Когда духъ достигнетъ извѣстнаго роста, онъ самъ разобьетъ свои оковы. Люси Малори.

6.

Жизнь есть непрекращающееся чудо. Зная, что такое ростъ, мы знаемъ сокровеннѣйшую изъ тайнъ природы.

Люси Малори.

Ничто такъ не вредно для нравственнаго совершенствованія, какъ сознаніе своего преуспѣянія.

Къ счастью, путь истиннаго нравственнаго улучшенія совершается такъ незамѣтно, что человѣкъ и не можетъ видѣть своихъ успѣховъ иначе, какъ послѣ долгихъ промежутковъ времени.

Если ты думаешь, что ты совершенствуешься, замѣчаешь это,— знай, что ты заблуждаешься, остановился или идешь назадъ.

23-е мая.

Чѣмъ къ меньшему мы привыкли, тѣмъ меньше намъ угрожаетъ лишеній.

Воздержаніе не означаетъ подавленія или неразвитія энергіи, не означаетъ пріостановки въ добрѣ, какъ, напримѣръ, въ проявленіи любви или вѣры, но, наоборотъ, силу и энергію, препятствующую дѣлать то, что человѣкъ считаетъ дурнымъ.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Какъ дымъ изгоняетъ пчелъ изъ улья, такъ обжорство изгоняетъ духовные дары и совершенства ума.

Василій Великій.

3.

Великое благо имѣть то, чего мы желаемъ; еще болѣе великое благо ничего не желать, кромѣ того, что мы имѣемъ.

Менедемъ.

4.

Ночная бабочка летитъ въ огонь лампы, не зная боли ожога; и рыба глотаетъ червяка на удочкѣ, не зная опасности; а вотъ мы не разстаемся съ чувственными наслажденіями, хотя отлично знаемъ, что они опутаны сѣтью бѣдствій. Увы! такова бездонная глубина безразсудства.

Индусская пословица.

5.

Наши желанія то же, что маленькія дѣти, которыя всегда безпокойны и всегда просятъ у матери то того, то другого, и никогда не довольны ничѣмъ. Чѣмъ болѣе имъ уступаютъ, тѣмъ болѣе они дѣлаются докучливыми.

6.

Кто мудръ?—У всѣхъ чему-нибудь научающійся.
Кто силенъ?—Себя обуздывающій.
Кто богатъ?—Довольствующійся своей участью.

Талмудъ.

7.

То, отъ чего человѣкъ отказался, не можетъ причинить ему страданія. Тотъ, кто уничтожилъ въ себѣ гордость, говорящую: „я“, „мое“, тотъ перешелъ въ высшій міръ.

Индійскій Куранъ.

8.

Чѣмъ больше торопишься, тѣмъ меньше успѣваешь.

9.

Никто никогда не раскаивался, что съѣлъ слишкомъ мало.

10.

Природа требуетъ мало, воображеніе много.

11.

Изъ наслажденія возникаетъ печаль, изъ наслажденія возникаетъ страхъ; кто свободенъ отъ наслажденій, нѣтъ для того уже ни печали, ни страха.

Буддійская мудрость.

12.

Славнѣе господства надъ землей, прекраснѣе восхожденія до небесъ, славнѣе владычества надъ мірами — святая радость первыхъ степеней освобожденія.

Буддійская мудрость.

Увеличеніе потребностей не есть усовершенствованіе, напротивъ: чѣмъ больше ограничилъ человѣкъ свои потребности, тѣмъ больше въ немъ сознанія своего человѣческаго достоинства, тѣмъ онъ свободнѣе, мужественнѣе и, главное, способнѣе служить Богу и людямъ.

24-е мая.

Любовь не есть исполненіе закона, а только сознаніе смысла своей жизни.

Богъ не есть любовь. Любовь есть только одно изъ проявленій Бога, но человѣкъ есть любовь.

1.

Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога и соблюдаемъ заповѣди Его. Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его. И заповѣди Его не тяжки. 1-е посланіе Іоанна V, 2-3.

2.

Одинъ изъ книжниковъ, слыша ихъ пренія и видя, что Іисусъ хорошо имъ отвѣчалъ, подошелъ и спросилъ Его: какая первая изъ всѣхъ заповѣдей?

Іисусъ отвѣчалъ ему: первая изъ всѣхъ заповѣдей: слушай, Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь единый.

И возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостью твоей: вотъ первая заповѣдь.

Вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Иной, бóльшей сихъ, заповѣди нѣтъ.

Мрк. XII, 28—31.

3.

Эпикурейство приводитъ къ отчаянію. Философія долга менѣе безотрадна. Но спасеніе заключается въ согласіи долга и счастія, въ соединеніи личной воли съ волей божественной, въ вѣрѣ, что эта высшая воля управляема любовью. Аміель.

4.

Можно быть справедливымъ только будучи человѣколюбивымъ.

Вовенаргъ.

5.

Мудрецъ сказалъ: мое ученіе просто, и смыслъ его легко проникнуть. Оно все состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ самого себя.

Китайская мудрость.

6.

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленій любовью, есть медленное, постепенное претвореніе злой жизни въ добрую,—есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рожденіе истинной, т.-е. любовной жизни.

7.

Доброта есть нѣчто самобытное и дѣйствительное. Сколько въ человѣкѣ доброты, столько въ немъ и жизни. Сознаніе этого закона законовъ пробуждаетъ въ душѣ чувство, которое мы называемъ религіознымъ и которое составляетъ наше высшее счастье.

Эмерсонъ.

8.

Для того, чтобы быть счастливымъ, надо одно—любить и любить съ самоотверженіемъ, любить всѣхъ и все, раскидывать на всѣ стороны паутину любви: кто попадется, того и брать.

9.

Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго и чаще всего въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще болѣе хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка.

10.

Если есть въ тебѣ силы дѣятельности, то пусть они будутъ любовныя; если нѣтъ силъ и ты слабъ, то слабость твоя пусть будетъ любовная.

11.

Добродѣтель человѣколюбія недалеко отъ насъ, стóитъ только пожелать имѣть человѣколюбіе, и оно само придетъ къ тебѣ.

12.

Величина любви есть величина дроби, которой числитель—мои пристрастія, симпатіи къ другимъ—не въ моей власти; знаменатель же, моя любовь къ себѣ, можетъ быть увеличенъ и уменьшенъ мною до безконечности, по мѣрѣ того значенія, которое я придамъ своей животной личности. Сужденіе же нашего міра о любви, о степеняхъ ея, это сужденіе о величинѣ дробей по ихъ числителямъ безъ соображенія о ихъ знаменателяхъ.

Очисти свою душу отъ всего засоряющаго ее, и останется одна любовь. И любовь эта, отыскивая для себя предметъ, не удовольствуется тобою, а изберетъ предметомъ все живое и То, что живитъ живое—Бога.

25-е мая.

Нравственность человѣка видна въ его отношеніи къ слову.

1.

Если кто изъ васъ думаетъ, что онъ благочестивъ, и не обуздываетъ своего языка, но обольщаетъ свое сердце, у того пустое благочестіе.

Посл. Іакова I, 26.

2.

Вниманіе къ чужимъ недостаткамъ происходитъ отъ нерадѣнія о себѣ. Часто, осуждая ближняго, мы впадаемъ въ тѣ же ошибки, которыя только-что порицали. Кто не занятъ спасеніемъ своей души и не старается исправиться, тотъ легко впадаетъ въ искушеніе и увлекается дурнымъ примѣромъ.

3.

Если вы узнали о слабостяхъ ближняго, не сообщайте о нихъ никому.

4.

Не пересказывайте обидныхъ и оскорбительныхъ словъ, не говорите ни другу, ни недругу о недостаткахъ ближняго и не открывайте того, что знаете дурного въ его поведенiи. Слушая осужденiе ближняго, старайтесь заглушить его,—да не послужитъ оно на вашу погибель.

5.

Скрывать недостатки другихъ и говорить объ ихъ добродѣтели есть признакъ любви и лучшiй способъ привлечь къ себѣ любовь ближнихъ.

6.

Не слушайте никогда тѣхъ, которые говорятъ дурно о другихъ и хорошо о васъ.

Не думать впередъ о томъ, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойнымъ, добрымъ и любящимъ. Но чѣмъ ты неспокойнѣе, недобродушнѣе и раздраженнѣе, тѣмъ больше берегись согрѣшить словомъ.

26-е мая.

Смертью мы называемъ и самое уничтоженiе жизни, и минуты или часы умиранiя. Первое—внѣ нашей власти, второе же, умиранiе, есть послѣднее и огромной важности дѣло жизни.

1.

Когда бываешь полонъ энергiи, то живешь и долженъ жить для этого мiра; когда же болѣешь, то умираешь, т.-е: начинаешь

жить для того послѣсмертнаго міра. Такъ что и въ томъ и въ другомъ состояніи есть работа. Оба процесса нормальны и въ обоихъ есть свойственная состоянію работа.

2.

Смерть можетъ быть согласіемъ и потому нравственнымъ поступкомъ. Животное издыхаетъ, человѣкъ долженъ вручить свою душу ея Создателю. Амiель.

3.

Величайшее слово, приписываемое Христу, это Его молитва передъ смертью о тѣхъ, которые не знаютъ, что творятъ.

4.

Слова и поступки умирающаго имѣютъ великую власть надъ людьми, и потому какъ ни важно хорошо жить, едва ли не важнѣе всего хорошо умереть. Дурная, непокорная смерть ослабляетъ вліяніе хорошей жизни; хорошая, покорная, твердая смерть искупляетъ дурную жизнь.

5.

Когда изъ одной сцены декораціи переносятся въ другую, видно, что то, что мы считали дѣйствительностью, есть только представленіе, такъ какъ мы переходимъ отъ одного представленія къ другому. *Такъ и въ моментъ смерти видна или хоть чувствуется самая настоящая реальность.* Этимъ важна и дорога минута смерти.

6.

Умирающій съ трудомъ понимаетъ все живое, но при этомъ чувствуется, что онъ не понимаетъ живого не потому, что онъ лишенъ силъ пониманія, а потому, что онъ понимаетъ что-то другое, такое, чего не понимаютъ и не могутъ понимать живые, и что поглощаетъ его всего.

7.

Въ моментъ смерти человѣка свѣча, при которой онъ читалъ исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхиваетъ

болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь свѣтомъ, освѣщаетъ ему все то, что прежде было во муракѣ, трещитъ, меркнетъ и навсегда потухаетъ.

8.

То, что умираетъ, отчасти причастно уже вѣчности. Кажется, что умирающій говоритъ съ нами изъ-за гроба. То, что онъ говоритъ намъ, кажется намъ изреченіемъ оракула, повелѣніемъ. Мы представляемъ его себѣ почти пророкомъ. Очевидно, что для того, который чувствуетъ уходящую жизнь и открывающійся гробъ, наступило время значительныхъ рѣчей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится въ немъ, не можетъ уже скрываться. Аміель.

Готовься къ смерти не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ приготовленіе, полагая эту готовность въ исполненіи обрядовъ или въ заботѣ о мірскихъ дѣлахъ, а готовься къ тому, чтобы наилучшимъ образомъ умереть, т.-е. воспользоваться тѣми торжественными минутами смерти, во время которыхъ человѣкъ уже находится какъ бы въ иномъ мірѣ, и слова и поступки его получаютъ особенную власть надъ остающимися.

Недѣльное чтеніе.

Судъ надъ Сократомъ и его защита.

По „Апологіи“ Платона.

Обвиненія, взведенныя на Сократа, состояли: 1) въ томъ, что онъ не признаетъ государственную религію и 2) въ томъ, что онъ развращаетъ юношей, научая ихъ невѣрію въ государственную религію.

Съ Сократомъ случилось то же, что потомъ случилось съ Христомъ и съ большинствомъ пророковъ и учителей человѣчества. Сократъ указывалъ людямъ открывшійся ему въ его сознаніи разумный путь жизни и, указывая этотъ путь, не могъ не отрицать тѣхъ ложныхъ ученій, на которыхъ основывалась общественная жизнь того времени. И большинство аѳинянъ, будучи не въ силахъ вступить на указываемый имъ путь, хотя и признавая его истиннымъ, не могло терпѣть осужденія всего того, что оно считало священнымъ и, чтобы избавиться отъ обличителя и разрушителя установленнаго порядка, предало Сократа суду, который долженъ былъ кончиться смертью приговореннаго. Сократъ зналъ это и потому не защищался, а только воспользовался судомъ, чтобы высказать аѳинянамъ, почему онъ поступалъ такъ, какъ поступалъ, и почему и впредь, если бы ему оставили жизнь, онъ будетъ продолжать поступать такъ же.

Судьи признали Сократа виновнымъ и приговорили его къ смертной казни. Спокойно выслушавъ приговоръ, Сократъ обратился къ судьямъ съ слѣдующею рѣчью:

„Люди скажутъ теперь,—сказалъ онъ,—что вы, граждане аѳин-

скіе, неосновательно умертвили мудреца Сократа; скажутъ, что я былъ мудрецъ, хотя я и вовсе не мудрецъ, только для того, чтобы укорить васъ; скажутъ, что вы неосновательно умертвили меня, потому что, если бы вы немного обождали, это случилось бы само собою, такъ какъ я по своему возрасту ужъ и такъ близокъ къ смерти. Еще же хочу сказать вамъ—тѣмъ, которые приговариваютъ меня—то, что вы напрасно, приговоривъ меня къ смерти, думаете, что я не знаю, чѣмъ бы я могъ спастись отъ смерти. Я знаю это, но не дѣлаю, потому что считаю это недостойнымъ себя. Я знаю, что вамъ бы пріятно было слушать, если бы я рыдалъ, стоналъ, дѣлалъ и говорилъ много другого. Но ни на судѣ, ни на войнѣ, ни мнѣ, ни кому-либо другому не слѣдуетъ стараться спасаться отъ смерти недостойнымъ образомъ. Во всѣхъ опасностяхъ есть средства избѣжать смерти, если только не уважать себя. Избѣжать смерти нетрудно, гораздо труднѣе избѣжать зла: зло быстрѣе смерти и скорѣе захватитъ. Я вотъ тяжелъ и старъ, и меня захватила смерть, а вы, мои обвинители, вы бодры и быстры, и васъ захватило нѣчто болѣе быстрое—зло. Такъ что меня, присужденнаго вами, постигнетъ смерть; васъ же, присудившихъ меня, постигнетъ зло и позоръ, къ которымъ васъ приговариваетъ истина. И я останусь при своемъ наказаніи, а вы при своемъ. Все это такъ и должно было быть и все къ лучшему.

„Кромѣ того, я хочу еще предсказать кое-что вамъ, моимъ обвинителямъ. Вѣдь передъ смертью люди яснѣе провидятъ будущее. Такъ вотъ я и предсказываю вамъ, сограждане, то, что вы будете наказаны тотчасъ же послѣ моей смерти,—наказаніемъ гораздо болѣе тяжкимъ, чѣмъ то, къ которому вы меня приговорили. А именно, что съ вами случится противное тому, что вы ожидали. Умертвивъ меня, вы возбудите противъ себя всѣхъ тѣхъ осуждающихъ васъ, которыхъ я сдерживалъ, хотя вы этого и не замѣчали, и осудители эти будутъ для васъ тѣмъ непріятны, что они моложе, и вамъ будетъ еще тяжелѣе переносить ихъ нападки. Такъ что моя смерть не избавитъ васъ отъ порицанія за вашу дурную жизнь. Нельзя избавиться отъ порицанія, умерщвляя людей. Самое простое и дѣйствительное средство для этого одно: жить лучше. Вотъ это я и хотѣлъ предсказать вамъ, моимъ осудителямъ.

„Теперь обращаюсь еще къ вамъ, къ тѣмъ, которые на судѣ не обвиняли, а оправдывали меня. Въ послѣдній разъ бесѣдуя съ вами, я хочу разсказать вамъ нѣчто удивительное, случившееся со мной нынче, и то, что я вывожу изъ этого необыкновеннаго случая. Во всей моей жизни, въ самыхъ важныхъ и самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ я всегда слышалъ таинственный голосъ въ моей душѣ, который предупреждалъ меня и удерживалъ отъ поступковъ, которые могли принести мнѣ несчастье. Нынче же, какъ вы сами видите, несмотря на то, что со мной случилось обстоятельство, которое считается обыкновенно крайнимъ бѣдствіемъ, нынче этотъ голосъ не предупреждалъ и не удерживалъ меня, ни поутру, когда я выходилъ изъ дому, ни въ то время, когда я входилъ сюда—въ судъ, ни во время моей рѣчи.

„Что же это значитъ? А то, я думаю, что то, что нынче случилось со мною, не только не зло, а благо. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: смерть есть или полное уничтоженіе и исчезновеніе сознанія, или же, согласно преданію, только перемѣна и переселеніе души изъ одного мѣста въ другое. Если смерть полное уничтоженіе сознанія и подобна глубокому сну безъ сновидѣній, то смерть несомнѣнное благо, потому что пускай каждый вспомнитъ проведенную имъ ночь въ такомъ снѣ безъ сновидѣній, и пусть сравнитъ съ этой ночью тѣ другія ночи и дни со всѣми ихъ страхами, тревогами, неудовлетворенными желаніями, которыя онъ испытывалъ и наяву и въ сновидѣніяхъ, и я увѣренъ, что всякій не много найдетъ дней и ночей счастливѣе ночи безъ сновидѣній. Такъ что если смерть такой сонъ, то я, по крайней мѣрѣ, считаю ее благомъ. Если же смерть есть переходъ изъ этого міра въ другой и если правда то, что говорятъ, будто бы тамъ находятся всѣ прежде насъ умершіе мудрые и святые люди, то развѣ можетъ быть благо больше того, чтобы жить тамъ съ этими существами? Я желалъ бы умереть не разъ, а сто разъ, только бы попасть въ это мѣсто.

„Такъ что и вамъ, судьи, и всѣмъ людямъ, я думаю, слѣдуетъ не бояться смерти и помнить одно: для добраго человѣка нѣтъ никакого зла ни въ жизни, ни въ смерти.

„И потому, хотя намѣреніе тѣхъ, которые осудили меня, было

то, чтобы сдѣлать мнѣ зло, я не сержусь ни на осудившихъ меня, ни на обвинителей.

„Однако уже время расходиться: мнѣ—съ тѣмъ, чтобы умереть, вамъ,—чтобы жить. Кому изъ насъ лучше—знаетъ только Богъ“.

Вскорѣ послѣ суда смертный приговоръ надъ Сократомъ былъ исполненъ тѣмъ, что онъ выпилъ чашу съ ядомъ и спокойно умеръ среди своихъ учениковъ.

Подробности о его кончинѣ описаны его ученикомъ Платономъ въ разговорѣ „Федонъ“.

27-е мая.

Разсудокъ часто дѣлается рабомъ грѣха—направляется на то, чтобы оправдывать его.

1.

Судъ имѣетъ цѣлью только сохраненіе общества въ настоящемъ положеніи и для этого преслѣдуетъ и казнитъ какъ тѣхъ, которые стоятъ выше общаго уровня и хотятъ поднять его, такъ и тѣхъ, которые стоятъ ниже его.

2.

Во всякомъ нравственномъ практическомъ предписаніи есть возможность противорѣчія этого предписанія съ другими предписаніями, вытекающими изъ той же основы.

Воздержаніе: что же, не ѣсть и сдѣлаться неспособнымъ служить людямъ? Не убивать животныхъ: что же, дать имъ съѣсть себя? Не пить вино: что же, не причащаться, не лѣчиться виномъ? Не противиться злу насиліемъ: что же, дать убить человѣку самого себя и другихъ?

Отыскиваніе этихъ противорѣчій показываетъ только то, что человѣкъ, занятый этимъ, не хочетъ слѣдовать нравственному правилу.

Все одна та же исторія: изъ-за одного человѣка, которому нужно лѣчиться виномъ, не противиться пьянству. Изъ-за одного воображаемаго насильника—убивать, казнить, заточать.

3.

Человѣкъ не можетъ сдѣлать всего, но долженъ дѣлать что-нибудь. То же, что онъ не можетъ всего, не доказываетъ того, чтобы онъ долженъ былъ дѣлать дурное. Торо.

4.

Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, разумныя существа, они различали добро отъ зла и пользовались тѣмъ, что до нихъ въ этомъ

различеніи сдѣлали люди,—боролись со зломъ, искали истинный, наилучшій путь, и медленно, но неотступно подвигались на этомъ пути. И всегда, заграждая этотъ путь, становились передъ людьми различные обманы, имѣющіе цѣлью показать имъ, что этого не нужно дѣлать, а нужно жить, какъ живется.

5.

Сынъ человѣческій! Не внимай нашептыванію искусителя, который тебѣ скажетъ: „Развѣ я изъ камня, развѣ плоть моя изъ мѣди, что ты взваливаешь на меня эту тяжелую ношу — исполненіе заповѣдей. Вѣдь всѣ дни мои и ночи мои недостаточны будутъ для исполненія всего этого“. Знай, что такіе помыслы суть нашептыванія злого искусителя, который представляетъ тебѣ исполненіе заповѣдей дѣломъ очень труднымъ, дабы ты совсѣмъ уклонился отъ истины и попалъ въ западню. Знай также, что большую половину заповѣдей составляютъ запреты, говорящіе человѣку только „не дѣлай“. Опять большую часть остальной половины составляютъ заповѣди объ единствѣ Бога и постоянной любви къ Нему и чтобы ты не вредилъ ближнему, удалялся отъ грабежа и т. д. Такимъ образомъ, заповѣди очень легко исполнимы, такъ какъ большая часть изъ нихъ суть пассивныя, т.-е. требующія только воздержанія отъ дѣйствія, и весьма незначительную часть составляютъ активныя, да и исполненіе этихъ не есть что-нибудь постоянное, а случайное, періодическое, какъ, напримѣръ, твореніе милостыни, защита притѣсненнаго отъ его притѣснителя, что представляется не каждый день, а иногда. По Талмуду.

6.

Удивляешься иногда, зачѣмъ человѣкъ защищаетъ такія странныя, неразумныя положенія: религіозныя, политическія, научныя. Поищи и ты найдешь, что онъ защищаетъ свое положеніе.

Какъ только поступокъ объясняется сложнымъ разсужденіемъ, будь увѣренъ, что поступокъ дурной.

Рѣшенія совѣсти прямы и просты.

28-е мая.

Послѣдствія нашихъ поступковъ никогда не могутъ быть доступны намъ, потому что послѣдствія нашихъ поступковъ въ безконечномъ мірѣ представляются намъ безконечными.

1.

Наши поступки—это наше, послѣдствія же ихъ—дѣло небесъ.

Францискъ.

2.

Ты—поденщикъ; отработай свой день и получи свою поденную плату.

3.

Тщетны усилія людей проникнуть въ тайну бытія Бога: ихъ дѣло только въ томъ, чтобы соблюдать законъ Его.

4.

Исполняй долгъ свой, а послѣдствія предоставь Возложившему его на тебя.

Талмудъ.

5.

Результаты вашихъ дѣлъ оцѣнятъ другіе; старайтесь только о томъ, чтобы сердце ваше было чисто и правдиво.

Джонъ Рёскинъ.

6.

Святой мужъ заботится о внутреннемъ, а не о внѣшнемъ; онъ пренебрегаетъ внѣшнимъ, а избираетъ внутреннее.

Лао-Тсе.

7.

Одно изъ опредѣленныхъ условій труда человѣка состоитъ въ томъ, что чѣмъ отдаленнѣе цѣль нашихъ стремленій, чѣмъ меньше мы желаемъ сами видѣть плоды нашихъ трудовъ, тѣмъ больше и обширнѣе будетъ мѣра нашего успѣха.

Джонъ Рёскинъ.

8.

Самыя важныя и нужныя для самого и для другихъ дѣла человѣка—это тѣ, послѣдствія которыхъ онъ не увидитъ.

9.

Каждый человѣческій поступокъ тѣмъ почетнѣе, лучше и великолѣпнѣе, чѣмъ отдаленнѣе его послѣдствія.

Джонъ Рёскинъ.

10.

Поступокъ же, совершонный безъ всякихъ соображеній о какихъ бы то ни было послѣдствіяхъ, въ виду только исполненія воли Бога, есть наилучшій поступокъ, который можетъ быть совершонъ человѣкомъ.

11.

Въ мірѣ, какъ порохъ въ минѣ, скрыты огромныя залежи зла и неправды. Когда намъ приходится дѣлать въ эту мину новые вклады тѣхъ же зла и лжи, то, повидимому, мы не нарушаемъ этимъ общаго спокойствія и равновѣсія людского общежитія; когда же въ видѣ вклада въ мину мы приносимъ не зло и ложь, а добро и правду, то добро и правда, какъ искры, взрываютъ порохъ зла и лжи, и зло и ложь обнаруживаются, дѣлаются явными.

Воздерживаться отъ совершенія добра людямъ и продолжать участвовать въ поддержаніи царящей неправды только во избѣжаніе взрыва пороха въ минѣ — значитъ, не понимать значенія взрыва, который лишь разряжаетъ накопившееся зло и тѣмъ не увеличиваетъ, а уменьшаетъ его количество.

Христосъ, Самъ признавшій, что принесъ Своимъ ученіемъ не миръ, но мечъ и раздѣленіе, на землю, не смущался тѣмъ зломъ, которое вызывалъ такимъ образомъ наружу, а радовался явному столкновенію добра со зломъ и свѣта съ тьмою, которое и должно доставить явное торжество свѣту и добру.

Ѳедоръ Страховъ.

12.

Жизнь Христа особенно важна, какъ образецъ невозможности для человѣка видѣть плоды своихъ трудовъ. И тѣмъ меньше,

чѣмъ важнѣе дѣло. Моисей могъ войти съ своимъ народомъ въ обѣтованную землю, но Христосъ никакъ не могъ видѣть плодовъ Своего ученія, если бы Онъ жилъ до сихъ поръ. А мы хотимъ дѣлать дѣло Божье, а награду получать людскую.

Если ты можешь видѣть всѣ послѣдствія своей дѣятельности, то знай, что эта дѣятельность ничтожна.

29-е мая.

Признаніе достоинства человѣка въ себѣ и другихъ несовмѣстимо ни съ подчиненіемъ, ни съ покровительствомъ, ни съ благодѣтельствованіемъ одного человѣка другому.

1.

Всякій человѣкъ можетъ требовать уваженія къ себѣ и точно такъ же долженъ уважать ближняго.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ ни быть орудіемъ, ни цѣлью. Въ этомъ состоитъ его достоинство. И какъ онъ не можетъ располагать собою ни за какую цѣну (что было бы противно его достоинству), такъ же не имѣетъ онъ права отступать отъ обязательнаго, равнаго уваженія ко всѣмъ людямъ, т.-е. онъ обязанъ въ дѣйствительности признавать достоинство человѣческаго званія въ каждомъ человѣкѣ, и потому долженъ выражать это уваженіе по отношенію къ каждому человѣку. Кантъ.

2.

Въ своихъ разсужденіяхъ о благѣ трудящихся, представители власти всегда впадаютъ въ тонъ снисходительнаго покровительства. Людей, сознающихъ истинное достоинство труда, этотъ тонъ

оскорбляетъ болѣе, чѣмъ могло бы ихъ оскорбить открыто выраженное презрѣніе. Во всѣхъ изъявленіяхъ ихъ сочувствія слышится признаніе, что нищета есть естественное состояніе трудящихся, въ которое они должны впадать всюду, гдѣ имъ благосклонно не покровительствуютъ. Никто и вида не показываетъ, чтобы землевладѣльцы или капиталисты нуждались въ покровительствѣ. Они, говорятъ намъ, могутъ сами позаботиться о себѣ; лишь бѣднымъ рабочимъ надо покровительствовать.

Но что же такое трудъ, что онъ такъ нуждается въ покровительствѣ? Развѣ не трудъ—творецъ капитала и производитель всякаго богатства? Развѣ не тѣ люди, которые трудятся, кормятъ и одѣваютъ всѣхъ прочихъ? Развѣ не справедливо было замѣчено, что три великія общественныя сословія суть рабочіе, нищіе и воры? Какъ же тогда могло случиться, что въ покровительствѣ оказывается надобность лишь для однихъ рабочихъ?

Генри Джорджъ.

3.

Покровительство массамъ во всѣ времена было предлогомъ къ тиранніи — оправданіемъ монархіи, аристократіи и привилегій разнаго рода... Но есть ли хотя одинъ примѣръ въ исторіи міра, когда, при монархическомъ ли, при республиканскомъ ли режимѣ, покровительство рабочимъ массамъ не означало бы ихъ угнетенія? Покровительство, какое оказывали трудящимся люди, державшіе въ своихъ рукахъ законодательную власть, въ лучшихъ случаяхъ было лишь покровительствомъ, какое человѣкъ оказываетъ скотинѣ. Онъ покровительствуетъ ей, чтобы пользоваться затѣмъ ея силой и мясомъ.

Генри Джорджъ.

4.

Самыя ничтожныя мелочи содѣйствуютъ образованію характера. Не говори, что мелочи пустяки. Только истинно нравственный человѣкъ видитъ всю значительность мелочей.

5.

Есть сектанты, которые имѣютъ обычай кланяться въ ноги передъ каждымъ человѣкомъ, съ которымъ они входятъ въ сноше-

ніе. Они говорятъ, что дѣлаютъ это потому, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ духъ Божій. Хорошее правило.

6.

Человѣкъ робокъ и все выпрашиваетъ себѣ снисхожденія. Онъ едва отваживается сказать: я есмь, я мыслю.

Эмерсонъ.

Человѣкъ, служа другому, долженъ знать, что онъ не подчиняется, не покровительствуетъ, не благодѣтельствуетъ, а исполняетъ свою обязанность.

30-е мая.

Земля такъ же мало можетъ быть предметомъ купли и продажи, какъ и личность человѣка. Продажа и покупка земли есть только скрытая продажа личности.

1.

Сущность рабства заключается въ предоставленіи одному человѣку власти брать себѣ трудъ другого, не вознаграждая его. Частная собственность на землю предоставляетъ эту власть въ такой же мѣрѣ, какъ право собственности на раба. Рабовладѣлецъ долженъ оставлять своему рабу изъ добываемаго его трудомъ столько, сколько тому требуется для жизни. И развѣ болѣе этого получаетъ огромная масса рабочихъ въ такъ называемыхъ свободныхъ странахъ?

Генри Джорджъ.

2.

Земля есть торжественный даръ, который природа сдѣлала человѣку; рожденіе каждаго есть право на владѣніе. Право это такъ же естественно, какъ право ребенка на грудь своей матери.

Мармонтель.

3.

Такъ какъ я рожденъ для земли, то земля и дана мнѣ для того, чтобы брать изъ нея, что мнѣ нужно для обработки и посадки, и я имѣю право требовать себѣ свою долю.

Эмерсонъ.

4.

Онъ не можетъ спать, не платя за то мѣсто, на которомъ онъ спитъ. Воздухъ, вода и солнечный свѣтъ принадлежатъ ему только на большой дорогѣ. Единственное право, признанное за нимъ закономъ, это ходить по этой большой дорогѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не зашатается отъ усталости, потому что онъ не можетъ остановиться, а долженъ ходить.

Грантъ Аленъ.

5.

Тѣла мужчинъ и женщинъ, а тѣмъ болѣе ихъ души, не должны быть покупаемы или продаваемы, а также и земля, вода, воздухъ, потому что эти вещи—необходимыя условія поддержанія тѣлъ и душъ людскихъ.

Джонъ Рёскинъ.

6.

Нельзя безъ большого грѣха участвовать въ продажѣ, покупкѣ, закрѣпленіи, управленіи земельной собственностью.

Люди стремятся въ жизни не къ тому, чтобы дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ, а къ тому, чтобы называть какъ можно больше вещей своими.

31-е мая.

Какъ человѣкъ, непривыкшій къ роскоши, но случайно попавшій въ нее, съ цѣлью возвысить себя въ глазахъ людей, дѣлаетъ видъ, что роскошь такъ привычна ему, что онъ не только не

удивляется ей, но пренебрегаетъ ею, такъ и неразумный человѣкъ, считая признакомъ возвышеннаго міровоззрѣнія пренебреженіе къ радостямъ жизни, дѣлаетъ видъ, что жизнь ему надоѣла, что онъ можетъ представить себѣ нѣчто гораздо лучшее.

1.

Торжество страданій, превращеніе зла въ добро—есть преимущественно божественное чудо. Вернуть посредствомъ любви свободное существо къ Богу и грѣшный міръ къ добру—это довершеніе творческаго дѣла, это вѣчная воля безконечнаго милосердія. Всякая, обращающаяся отъ зла къ добру душа, есть символъ исторіи міра. Быть счастливымъ, имѣть жизнь вѣчную, быть въ Богѣ, быть спасеннымъ — все это одно и то же: это рѣшеніе задачи, цѣль существованія. И блаженство растетъ, какъ можетъ расти и горе. Неизмѣнно мирный и вѣчный ростъ, все болѣе глубокое вникновеніе, все болѣе сильное и глубокое овладѣваніе небесной радостью—вотъ въ чемъ счастіе. Счастью нѣтъ границъ, потому что въ Богѣ нѣтъ ни дна, ни береговъ, а счастье есть овладѣваніе Богомъ черезъ любовь. Аміель.

2.

Главная причина нашего недовольства жизнью—есть ни на чемъ неоснованное предположеніе о томъ, что мы имѣемъ право на ничѣмъ ненарушаемое счастье, что мы рождены для такого счастья.

Намъ дано ни съ чѣмъ несравнимое благо жизни, со всѣми ея радостями, и мы говоримъ: мало радостей. Намъ даютъ величайшія радости жизни: общенія съ міромъ тѣлеснымъ и духовнымъ, мы говоримъ: зачѣмъ такъ мало жизни, зачѣмъ она кончается? Надо продолжить ее.

Только бы мы понимали и цѣнили все то великое благо жизни, которое даетъ намъ возможность общенія съ міромъ тѣлеснымъ и духовнымъ, — мы никогда не подумали бы о томъ, что можно желать чего-нибудь еще.

3.

Лучшее богопочитаніе есть благодарная радость.

Лессингъ.

4.

Радость духа есть признакъ его силы. Эмерсонъ.

5.

Надо вѣрить въ возможность счастья, чтобъ быть счастливымъ.

6.

Дайте величайшія блага, тѣ самыя, которыхъ онъ желалъ бы, человѣку, нарушающему законъ своей жизни, законъ Бога, и онъ будетъ несчастнымъ. Отнимите у человѣка, положившаго свое благо въ исполненіи закона, все то, что считается людьми благомъ, и онъ все-таки будетъ счастливъ.

7.

Попробуй, можетъ-быть, тебѣ удастся прожить, какъ человѣку, довольному своей судьбою, пріобрѣтшему внутренній міръ любовью и добрыми дѣлами. Маркъ Аврелій.

8.

Есть одна только врожденная всѣмъ ошибка—это убѣжденіе, будто мы рождены для счастья. Шопенгауэръ.

Мы не имѣемъ никакого права быть недовольными этой жизнью. Если намъ кажется, что мы недовольны ею, то это значитъ только то, что мы имѣемъ основаніе быть недовольными собою.

Іюнь.

1-е іюня.

Сознаніе приближенія смерти учитъ человѣка выбирать изъ предстоящихъ дѣлъ такія, которыя всегда закончены.

1.

Въ человѣкѣ особенно сильно чувство сохраненія своей жизни. Это справедливо. Но большая доля этого чувства воспитана людьми. Человѣкъ по природѣ своей заботится о сохраненіи своей жизни только въ той мѣрѣ, въ которой онъ имѣетъ для этого средства. Какъ только онъ чувствуетъ себя лишеннымъ этихъ средствъ, онъ успокаивается и перестаетъ безполезно мучиться. Средство покорности дано намъ самой природой. Дикіе, такъ же, какъ и животныя, не отбиваются отъ смерти и переносятъ ее безъ жалобъ. Когда же это средство утеряно, устанавливается другое, происходящее отъ разума, но немногіе могутъ пользоваться имъ.

Руссо.

2.

Какъ скоро тебѣ придется умереть! А все еще ты не можешь освободиться отъ притворства и страстей, не можешь отстать отъ предразсудка считать, что мірское внѣшнее можетъ вредить человѣку, не можешь сдѣлаться кроткимъ со всякимъ.

Маркъ Аврелій.

3.

Свободный человѣкъ думаетъ больше о жизни, чѣмъ о смерти.

Спиноза.

4.

Свободенъ человѣкъ только тогда, когда живетъ духовной жизнью. Для духа нѣтъ смерти, и потому живущій духовной жизнью человѣкъ свободенъ отъ смерти.

5.

Если хочешь привыкнуть безъ страха помышлять о смерти, то попробуй всмотрѣться и живо войти въ положеніе тѣхъ людей, которые изъ всѣхъ силъ привержены были къ жизни. Имъ представлялось, что смерть постигла ихъ преждевременно. Между тѣмъ самые долголѣтніе, похоронившіе многихъ, наконецъ все-таки умерли. Какъ кратокъ этотъ промежутокъ времени, какъ много вмѣщается въ немъ горя, зла, и какъ хрупокъ сосудъ жизни!

Стоитъ ли говорить объ этомъ мгновеніи! Подумай—за тобой вѣчность, впереди тоже вѣчность. Между этими двумя безднами, какую можетъ для тебя составить разницу—проживешь ли ты 3 дня или 3 вѣка.

Маркъ Аврелій.

6.

Какое бы ты ни дѣлалъ дѣло, будь готовъ всегда бросить его. Такъ и примѣривайся,—можешь ли отлѣпиться.

Ожиданіе смерти учитъ этому.

7.

Загроможденіе мѣшаетъ свободѣ, а загроможденіе происходитъ отъ откладыванія. Умѣть быть готовымъ—значитъ умѣть кончать. Ничто не сдѣлано, что не окончено. Дѣла, которыя мы оставляемъ за собой, впослѣдствіи опять возстанутъ передъ нами и затруднятъ нашъ путь. Пусть каждый нашъ день управится съ тѣмъ, что его касается, очиститъ свои дѣла, пусть бережетъ послѣдующій день, и тогда мы всегда будемъ готовы. Умѣть быть готовымъ—въ сущности, значитъ умѣть умереть.

Аміель.

8.

Часто говорятъ: „Мнѣ уже не къ чему, мнѣ уже помирать пора“. Все, что не къ чему, потому что помирать пора, не къ чему было и когда-либо дѣлать. А есть дѣло, которое всегда нужно, и чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ нужнѣе,—дѣло души: растить, воспитывать душу.

9.

При каждомъ разрѣшеніи вопроса: поступить такъ или этакъ? спросите себя, какъ бы вы поступили, если бы вы знали, что вы умрете къ вечеру, и притомъ никто никогда не узнаетъ о томъ, какъ вы поступили.

Смерть учитъ людей умѣнію кончать свои дѣла. Изъ всѣхъ же дѣлъ есть только одинъ рядъ дѣлъ, которыя всегда вполнѣ закончены—это дѣла любви.

2-е іюня.

Назначеніе женщины и мужчины одно и то же: служеніе Богу. Но способы служенія того и другого пола различны и точно опредѣлены. И потому каждый полъ долженъ служить Богу своимъ опредѣленнымъ для него способомъ. Главное, исключительное дѣло женщины, — ей только одной предоставленное и необходимое для жизни и совершенствованія человѣчества,— это рожденіе и первое воспитаніе дѣтей. И потому на это дѣло и на то, что прикасается съ нимъ, должны быть направлены всѣ силы и вниманіе женщины. Женщина можетъ дѣлать все то, что дѣлаетъ мужчина, но мужчина не можетъ дѣлать того, что дѣлаетъ женщина (дѣторожденіе и первое воспитаніе). И потому женщина должна полагать всѣ силы на то, чтобы хорошо дѣлать то дѣло (дѣторожденія и перваго воспитанія), которое она одна можетъ дѣлать.

1.

Женщина, которая не улучшаетъ положенія семьи, никогда не будетъ счастлива дома, а если не будетъ счастлива дома, не будетъ счастлива нигдѣ.

2.

Служеніе человѣчеству само собою раздѣляется на двѣ части: одно — увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое — продолженіе самого человѣчества. Къ первому призваны преимущественно мужчины; ко второму призваны преимущественно женщины.

3.

Мужчина и женщина тѣ двѣ ноты, безъ которыхъ струны человѣческой души не даютъ правильнаго и полнаго аккорда.

Іосифъ Мадзини.

4.

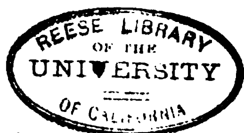
Существуетъ странное, укоренившееся заблужденіе о томъ, что стряпня, шитье, стирка, няньчанье составляютъ исключительно женское дѣло, и что дѣлать это мужчинѣ — даже стыдно. А между тѣмъ стыдно обратное: стыдно мужчинѣ, часто незанятому, проводить время за пустяками или ничего не дѣлать въ то время, какъ усталая, часто слабая, беременная женщина черезъ силу стряпаетъ, стираетъ или няньчитъ.

5.

Весь міръ и все въ немъ прекрасно, но самое прекрасное въ мірѣ — это добродѣтельная женщина. Магометъ.

Пока ты не замужемъ и съ тѣхъ поръ, какъ ты освободилась отъ дѣторожденія, дѣлай все то, что дѣлаетъ мужчина; но знай, что дѣло, въ которомъ ничто не можетъ замѣнить женщины, это дѣторожденіе и первое воспитаніе.

Недѣльное чтеніе.



Душечка.

Оленька, дочь отставного коллежскаго асессора Племянникова, сидѣла у себя во дворѣ на крылечкѣ, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было такъ пріятно думать, что скоро уже вечеръ. Съ востока надвигались темныя дождевыя тучи, и оттуда изрѣдка потягивало влагой.

Среди двора стоялъ Кукинъ, антрепренеръ и содержатель увеселительнаго сада „Тиволи", квартировавшій тутъ же во дворѣ, во флигелѣ, и глядѣлъ на небо.

— Опять!—говорилъ онъ съ отчаяніемъ.—Опять будетъ дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди—точно нарочно! Вѣдь это петля! Это разоренье! Каждый день страшные убытки!

Онъ всплеснулъ руками и продолжалъ, обращаясь къ Оленькѣ:

— Вотъ вамъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хоть плачь! Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, все думаешь, какъ бы лучше,—и что же? Съ одной стороны, публика—невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерію, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что-нибудь? Ей нуженъ балаганъ! Ей подавай пошлость! Съ другой стороны, взгляните на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ зарядило съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и іюнь, просто ужасъ! Публика не ходитъ, но вѣдь я за аренду плачу? Артистамъ плачу?

На другой день подъ вечеръ опять надвигались тучи, и Кукинъ говорилъ съ истерическимъ хохотомъ:

— Ну что жъ? И пускай! Пускай хоть весь садъ зальетъ, хоть меня самого! Чтобъ мнѣ не было счастья ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ! Пускай артисты подаютъ на меня въ судъ! Что судъ? Хоть на каторгу въ Сибирь! Хоть на эшафотъ! Ха-ха-ха!

И на третій день то же...

Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нея на глазахъ. Въ концѣ концовъ несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Онъ былъ малъ ростомъ, тощъ, съ желтымъ лицомъ, съ зачесанными височками, говорилъ жидкимъ теноркомъ, и на лицѣ у него всегда было написано отчаяніе, но все же онъ возбудилъ въ ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла безъ этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидѣлъ больной, въ темной комнатѣ, въ креслѣ и тяжело дышалъ; любила свою тетю, которая иногда, разъ въ два года, пріѣзжала изъ Брянска; а еще раньше, когда училась въ прогимназіи, любила своего учителя французскаго языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня съ кроткимъ, мягкимъ взглядомъ, очень здоровая. Глядя на ея полныя розовыя щеки, на мягкую бѣлую шею съ темной родинкой, на добрую наивную улыбку, которая бывала на ея лицѣ, когда она слушала что-нибудь пріятное, мужчины тоже улыбались, а гостьи-дамы не могли удержаться, чтобы вдругъ среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить въ порывѣ удовольствія:

— Душечка!

Домъ, въ которомъ она жила со дня рожденія и который въ завѣщаніи былъ записанъ на ея имя, находился на окраинѣ города, въ Цыганской Слободкѣ, недалеко отъ сада „Тиволи“; по вечерамъ и по ночамъ ей слышно было, какъ въ саду играла музыка, какъ лопались съ трескомъ ракеты, и ей казалось, что это Кукинъ воюетъ со своей судьбой и беретъ приступомъ своего главнаго врага—равнодушную публику; сердце у нея сладко замирало, спать совсѣмъ не хотѣлось, и когда подъ утро онъ возвращался домой, она тихо стучала въ окошко изъ своей спальни и, показывая ему сквозь занавѣски только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...

Онъ сдѣлалъ предложеніе, и они повѣнчались.

Онъ былъ счастливъ, но такъ какъ въ день свадьбы и потомъ ночью шелъ дождь, то съ его лица не сходило выраженіе отчаянія.

Послѣ свадьбы жили хорошо. Она сидѣла у него въ кассѣ, смотрѣла за порядками въ саду, записывала расходы, выдавала жалованье, и ея розовыя щеки, милая, наивная, похожая на сіяніе улыбка мелькали то въ окошечкѣ кассы, то за кулисами, то въ буфетѣ. И она уже говорила своимъ знакомымъ, что самое замѣчательное, самое важное и нужное на свѣтѣ — это театръ и что получить истинное наслажденіе и стать образованнымъ и гуманнымъ можно только въ театрѣ.

— Но развѣ публика понимаетъ это?—говорила она. — Ей нуженъ балаганъ! Вчера у насъ шелъ „Фаустъ на изнанку", и почти всѣ ложи были пустыя, а если бы мы съ Ваничкой поставили какую-нибудь пошлость, то, повѣрьте, театръ былъ бы биткомъ набитъ. Завтра мы съ Ваничкой ставимъ „Орфея въ аду", приходите.

И что говорилъ о театрѣ и объ актерахъ Кукинъ, то повторяла и она. Публику она такъ же, какъ и онъ, презирала за равнодушіе къ искусству и за невѣжество, на репетиціяхъ вмѣшивалась, поправляла актеровъ, смотрѣла за поведеніемъ музыкантовъ, и когда въ мѣстной газетѣ неодобрительно отзывались о театрѣ, то она плакала и потомъ ходила въ редакцію объясняться.

Актеры любили ее и называли „мы съ Ваничкой" и „душечкой"; она жалѣла ихъ и давала имъ понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.

И зимой жили хорошо. Сняли городской театръ на всю зиму и сдавали его на короткіе сроки то малороссійской труппѣ, то фокуснику, то мѣстнымъ любителямъ. Оленька полнѣла и вся сіяла отъ удовольствія, а Кукинъ худѣлъ и желтѣлъ и жаловался на страшные убытки, хотя всю зиму дѣла шли недурно. По ночамъ онъ кашлялъ, а она поила его малиной и липовымъ цвѣтомъ, натирала одеколономъ, кутала въ свои мягкія шали.

— Какой ты у меня славненькій! — говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. — Какой ты у меня хорошенькій!

Въ Великомъ посту онъ уѣхалъ въ Москву набирать труппу, а она безъ него не могла спать, все сидѣла у окна и смотрѣла на звѣзды. И въ это время она сравнивала себя съ курами, которыя тоже всю ночь не спятъ и испытываютъ безпокойство, когда въ курятникѣ нѣтъ пѣтуха. Кукинъ задержался въ Москвѣ и писалъ, что вернется къ Святой, и въ письмахъ уже дѣлалъ распоряженія насчетъ „Тиволи". Но подъ Страстной понедѣльникъ, поздно вечеромъ, вдругъ раздался зловѣщій стукъ въ ворота; кто-то билъ въ калитку, какъ въ бочку: бумъ! бумъ! бумъ! Сонная кухарка, шлепая босыми ногами по лужамъ, побѣжала отворять.

— Отворите, сдѣлайте милость!—говорилъ кто-то за воротами глухимъ басомъ.—Вамъ телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы отъ мужа, но теперь почему-то такъ и обомлѣла. Дрожащими руками она распечатала телеграмму и прочла слѣдующее:

„Иванъ Петровичъ скончался сегодня скоропостижно сючала ждемъ распоряженій хохороны вторникъ".

Такъ и было напечатано въ телеграммѣ „хохороны" и какое-то еще непонятное слово „сючала"; подпись была режиссера опереточной труппы.

— Голубчикъ мой!—зарыдала Оленька.—Ваничка мой миленькій, голубчикъ мой! Зачѣмъ же я съ тобой повстрѣчалася? Зачѣмъ я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинулъ свою бѣдную Оленьку, бѣдную, несчастную?..

Кукина похоронили во вторникъ, въ Москвѣ, на Ваганьковѣ; Оленька вернулась домой въ среду и, какъ только вошла къ себѣ, то повалилась на постель и зарыдала такъ громко, что слышно было на улицѣ и въ сосѣднихъ дворахъ.

— Душечка!—говорили сосѣдки, крестясь.—Душечка Ольга Семеновна, матушка, какъ убивается!

Три мѣсяца спустя, какъ-то Оленька возвращалась отъ обѣдни, печальная, въ глубокомъ траурѣ. Случилось, что съ нею шелъ рядомъ, тоже возвращавшійся изъ церкви, одинъ изъ ея сосѣдей,

Василій Андреичъ Пустоваловъ, управляющій лѣснымъ складомъ купца Бабакаева. Онъ былъ въ соломенной шляпѣ и въ бѣломъ жилетѣ съ золотой цѣпочкой и походилъ больше на помѣщика, чѣмъ на торговца.

— Всякая вещь имѣетъ свой порядокъ, Ольга Семеновна,—говорилъ онъ степенно, съ сочувствіемъ въ голосѣ,—и если кто изъ нашихъ ближнихъ умираетъ, то, значитъ, такъ Богу угодно, и въ этомъ случаѣ мы должны себя помнить и переносить съ покорностью.

Доведя Оленьку до калитки, онъ простился и пошелъ далѣе. Послѣ этого весь день слышался ей его степенный голосъ и, едва она закрывала глаза, как мерещилась его темная борода. Онъ ей очень понравился. И, повидимому, она тоже произвела на него впечатлѣніе, потому что, немного погодя, къ ней пришла пить кофе одна пожилая дама, мало ей знакомая, которая, какъ только сѣла за столъ, то немедля заговорила о Пустоваловѣ, о томъ, что онъ хорошій, солидный человѣкъ, и что за него съ удовольствіемъ пойдетъ всякая невѣста. Черезъ три дня пришелъ съ визитомъ и самъ Пустоваловъ; онъ сидѣлъ не долго, минутъ десять, и говорилъ мало, но Оленька его полюбила, такъ полюбила, что всю ночь не спала и горѣла, какъ въ лихорадкѣ, а утромъ послала за пожилой дамой. Скоро ее просватали, потомъ была свадьба.

Пустоваловъ и Оленька, поженившись, жили хорошо. Обыкновенно онъ сидѣлъ въ лѣсномъ складѣ до обѣда, потомъ уходилъ по дѣламъ, и его смѣняла Оленька, которая сидѣла въ конторѣ до вечера и писала тамъ счета и отпускала товаръ.

— Теперь лѣсъ съ каждымъ годомъ дорожаетъ на двадцать процентовъ,—говорила она покупателямъ и знакомымъ. — Помилуйте, прежде мы торговали мѣстнымъ лѣсомъ, теперь же Васичка долженъ каждый годъ ѣздить за лѣсомъ въ Могилевскую губернію. А какой тарифъ! — говорила она, въ ужасѣ закрывая обѣ щеки руками.—Какой тарифъ!

Ей казалось, что она торгуетъ лѣсомъ уже давно-давно, что въ жизни самое важное и нужное—это лѣсъ, и что-то родное, трогательное слышалось ей въ словахъ: балка, кругляк, тесъ, шелевка, безымянка, рѣшетникъ, лафетъ, горбыль...

Какія мысли были у мужа, такія и у нея. Если онъ думалъ, что въ комнатѣ жарко, и что дѣла теперь стали тихія, то такъ думала и она. Мужъ ея не любилъ никакихъ развлеченій и въ праздники сидѣлъ дома, и она тоже.

— И все вы дома или въ конторѣ, — говорили знакомые.—Вы бы сходили въ театръ, душечка, или въ циркъ.

— Намъ съ Васичкой некогда по театрамъ ходить, — отвѣчала она степенно.—Мы люди труда, намъ не до пустяковъ. Въ театрахъ этихъ что хорошаго?

По субботамъ Пустоваловъ и она ходили ко всенощной, въ праздники къ ранней обѣднѣ, и, возвращаясь изъ церкви, шли рядышкомъ, съ умиленными лицами, отъ обоихъ хорошо пахло, и ея шелковое платье пріятно шумѣло; а дома пили чай со сдобнымъ хлѣбомъ и съ разными вареньями, потомъ кушали пирогъ. Каждый день въ полдень во дворѣ и за воротами на улицѣ вкусно пахло борщомъ и жареной бараниной или уткой, а въ постные дни—рыбой, и мимо воротъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не захотѣлось ѣсть. Въ конторѣ всегда кипѣлъ самоваръ, и покупателей угощали чаемъ съ бубликами. Разъ въ недѣлю супруги ходили въ баню и возвращались оттуда рядышкомъ, оба красные.

— Ничего, живемъ хорошо,—говорила Оленька знакомымъ, — славу Богу! Дай Богъ всякому жить, какъ мы съ Васичкой.

Когда Пустоваловъ уѣзжалъ въ Могилевскую губернію за лѣсомъ, она сильно скучала и по ночамъ не спала, плакала. Иногда по вечерамъ приходилъ къ ней полковой ветеринарный врачъ Смирнинъ, молодой человѣкъ, квартировавшій у нея во флигелѣ. Онъ разсказывалъ ей что-нибудь или игралъ съ нею въ карты, и это ее развлекало. Особенно интересны были разсказы изъ его собственной семейной жизни; онъ былъ женатъ и имѣлъ сына, но съ женой разошелся, такъ какъ она ему измѣнила, и теперь онъ ее ненавидѣлъ и высылалъ ей ежемѣсячно по сорока рублей на содержаніе сына. И, слушая объ этомъ, Оленька вздыхала и покачивала головой, и ей было жаль его.

— Ну, спаси васъ Господи,—говорила она, прощаясь съ нимъ и провожая его со свѣчой до лѣстницы.—Спасибо, что поскучали со мной, дай Богъ вамъ здоровья, Царица Небесная...

И все она выражалась такъ степенно, такъ разсудительно, подражая мужу; ветеринаръ уже скрывался внизу за дверью, а она окликала его и говорила:

— Знаете, Владиміръ Платонычъ, вы бы помирились съ вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына!.. Мальчишечка-то, небось, все понимаетъ.

А когда возвращался Пустоваловъ, она разсказывала ему вполголоса про ветеринара и его несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами и говорили о мальчикѣ, который, вѣроятно, скучаетъ по отцѣ, потомъ, по какому-то странному теченію мыслей, оба становились передъ образами, клали земные поклоны и молились, чтобы Богъ послалъ имъ дѣтей.

И такъ прожили Пустоваловы тихо и смирно, въ любви и полномъ согласіи шесть лѣтъ. Но вотъ какъ-то зимой Василій Андреичъ въ складѣ, напившись горячаго чаю, вышелъ безъ шапки отпускать лѣсъ, простудился и занемогъ. Его лѣчили лучшіе доктора, но болѣзнь взяла свое, и онъ умеръ, проболѣвъ четыре мѣсяца. И Оленька опять овдовѣла.

— На кого же ты меня покинулъ, голубчикъ мой? — рыдала она, похоронивъ мужа.—Какъ же я теперь буду жить безъ тебя, горькая я и несчастная! Люди добрые, пожалѣйте меня, сироту круглую...

Она ходила въ черномъ платьѣ съ плерезами и уже отказалась навсегда отъ шляпки и перчатокъ, выходила изъ дому рѣдко, только въ церковь или на могилку мужа, и жила дома, какъ монашенка. И только когда прошло шесть мѣсяцевъ, она сняла плерезы и стала открывать на окнахъ ставни. Иногда уже видѣли по утрамъ, какъ она ходила за провизіей на базаръ со своей кухаркой, но о томъ, какъ она жила у себя теперь, и что дѣлалось у нея въ домѣ, можно было только догадываться. По тому, напримѣръ, догадывались, что видѣли, какъ она въ своемъ садикѣ пила чай съ ветеринаромъ, а онъ читалъ ей вслухъ газету, и еще по тому, что, встрѣтясь на почтѣ съ одной знакомой дамой, она сказала:

— У насъ въ городѣ нѣтъ правильнаго ветеринарнаго надзора и отъ этого много болѣзней. То и дѣло, слышишь, люди заболѣ-

ваютъ отъ молока и заражаются отъ лошадей и коровъ. О здоровьѣ домашнихъ животныхъ, въ сущности, надо заботиться такъ же, какъ о здоровьѣ людей.

Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всемъ такого же мнѣнія, какъ онъ. Было ясно, что она не могла прожить безъ привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигелѣ. Другую бы осудили за это, но объ Оленькѣ никто не могъ подумать дурно, и все было такъ понятно въ ея жизни. Она и ветеринаръ никому не говорили о перемѣнѣ, какая произошла въ ихъ отношеніяхъ, и старались скрыть, но это имъ не удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайнъ. Когда къ нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она, наливая имъ чай или подавая ужинать, начинала говорить о чумѣ на рогатомъ скотѣ, о жемчужной болѣзни, о городскихъ бойняхъ, а онъ страшно конфузился и, когда уходили гости, хваталъ ее за руку и шипѣлъ сердито:

— Я вѣдь просилъ тебя не говорить о томъ, чего ты не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говоримъ между собой, то, пожалуйста, не вмѣшивайся. Это, наконецъ, скучно!

А она смотрѣла на него съ изумленіемъ и съ тревогой и спрашивала:

— Володичка, о чемъ же мнѣ говорить?!

И она со слезами на глазахъ обнимала его, умоляла не сердиться, и оба были счастливы.

Но, однако, это счастье продолжалось не долго. Ветеринаръ уѣхалъ вмѣстѣ съ полкомъ, уѣхалъ навсегда, такъ какъ полкъ перевели куда-то очень далеко, чуть ли не въ Сибирь. И Оленька осталась одна.

Теперь уже она была совершенно одна. Отецъ давно уже умеръ, и кресло его валялось на чердакѣ, запыленное, безъ одной ножки. Она похудѣла и подурнѣла, и на улицѣ встрѣчные уже не глядѣли на нее, какъ прежде, и не улыбались ей; очевидно, лучшіе годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвѣстная, о которой лучше не думать. По вечерамъ Оленька сидѣла на крылечкѣ, и ей слышно было, какъ въ „Тиволи“ играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вы-

зывало никакихъ мыслей. Глядѣла она безучастно на свой пустой дворъ, ни о чемъ не думала, ничего не хотѣла; ѣла и пила она точно поневолѣ.

А главное, что хуже всего, у нея уже не было никакихъ мнѣній. Она видѣла кругомъ себя предметы и понимала все, что происходило кругомъ, но ни о чемъ не могла составить мнѣнія и не знала, о чемъ ей говорить. Видитъ, напримѣръ, какъ стоитъ бутылка, или идетъ дождь, или ѣдетъ мужикъ на телѣгѣ, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужикъ, какой въ нихъ смыслъ, сказать не можетъ. При Кукинѣ и Пустоваловѣ, и потомъ при ветеринарѣ Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнѣніе, о чемъ угодно, теперь же и среди мыслей и въ сердцѣ у нея была такая же пустота, какъ и на дворѣ.

Городъ мало-по-малу расширялся во всѣ стороны; Цыганскую Слободку уже называли улицей, и тамъ, гдѣ были садъ „Тиволи" и лѣсные склады, выросли уже дома, и образовался рядъ переулковъ. Какъ быстро бѣжитъ время! Домъ у Оленьки потемнѣлъ, крыша заржавѣла, сарай покосился, и весь дворъ поросъ бурьяномъ и колючей крапивой. Сама Оленька постарѣла, подурнѣла; лѣтомъ она сидитъ на крылечкѣ, а зимой сидитъ у окна и глядитъ на снѣгъ. Повѣетъ ли весной, донесетъ ли вѣтеръ звонъ соборныхъ колоколовъ, и вдругъ нахлынутъ воспоминанія о прошломъ, сладко сожмется сердце, и изъ глазъ польются обильныя слезы, но это только на минуту, а тамъ опять пустота, и неизвѣстно, зачѣмъ живешь. Черная кошечка Брыска ласкается и мягко мурлычитъ, но не трогаютъ Оленьку эти кошачьи ласки. Это ли ей нужно? Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ея существо, всю душу, разумъ, дала бы ей мысли, направленіе жизни, согрѣла бы ея старѣющую кровь. И она стряхиваетъ съ подола черную Брыску и говоритъ ей съ досадой:

— Поди, поди... Нечего тутъ!

И такъ день за днемъ, годъ за годомъ,—и ни одной радости, и нѣтъ никакого мнѣнія. Что сказала Мавра кухарка, то и хорошо.

Въ одинъ жаркій іюльскій день, подъ вечеръ, когда по улицѣ гнали городское стадо и весь дворъ наполнился облаками пыли,

вдругъ кто-то постучалъ въ калитку. Оленька пошла сама отворять и, какъ взглянула, такъ и обомлѣла: за воротами стоялъ ветеринаръ Смирнинъ, уже сѣдой и въ штатскомъ платьѣ. Ей вдругъ вспомнилось все, она не удержалась, заплакала и положила ему голову на грудь, не сказавши ни одного слова, и въ сильномъ волненіи не замѣтила, какъ оба потомъ вошли въ домъ, какъ сѣли чай пить.

— Голубчикъ мой!—бормотала она, дрожа отъ радости.—Владиміръ Платонычъ! Откуда Богъ принесъ?

— Хочу здѣсь совсѣмъ поселиться,—разсказывалъ онъ. — Подалъ въ отставку и вотъ пріѣхалъ попробовать счастья на волѣ, пожить осѣдлой жизнью. Да и сына пора ужъ отдавать въ гимназію. Выросъ. Я-то, знаете ли, помирился съ женой.

— А гдѣ же она?—спросила Оленька.

— Она съ сыномъ въ гостиницѣ, а я вотъ хожу и квартиру ищу.

— Господи, батюшка, да возьмите у меня домъ! Чѣмъ не квартира? Ахъ, Господи, да я съ васъ ничего и не возьму,—заволновалась Оленька и опять заплакала.—Живите тутъ, а съ меня и флигеля довольно. Радость-то, Господи!

На другой день уже красили на домѣ крышу и бѣлили стѣны, и Оленька, подбоченясь, ходила по двору и распоряжалась. На лицѣ ея засвѣтилась прежняя улыбка, и вся она ожила, посвѣжѣла, точно очнулась отъ долгаго сна. Пріѣхала жена ветеринара, худая, некрасивая дама съ короткими волосами и съ капризнымъ выраженіемъ, и съ нею мальчикъ, Саша, маленькій не по лѣтамъ (ему шелъ уже десятый годъ), полный, съ ясными голубыми глазами и съ ямочками на щекахъ. И едва мальчикъ вошелъ во дворъ, какъ побѣжалъ за кошкой, и тотчасъ же послышался его веселый, радостный смѣхъ.

— Тетенька, это ваша кошка? — спросилъ онъ у Оленьки.— Когда она у васъ ощенится, то, пожалуйста, подарите намъ одного котеночка. Мама очень боится мышей.

Оленька поговорила съ нимъ, напоила его чаемъ, и сердце у нея въ груди стало вдругъ теплымъ и сладко сжалось, точно этотъ мальчикъ былъ ея родной сынъ. И когда вечеромъ онъ,

сидя въ столовой, повторялъ уроки, она смотрѣла на него съ умиленіемъ и съ жалостью и шептала:

— Голубчикъ мой, красавчикъ... Дѣточка моя, и уродился же ты такой умненькій, такой бѣленькій!

— Островомъ называется,—прочелъ онъ,—часть суши, со всѣхъ сторонъ окруженная водою.

— Островомъ называется часть суши...—повторила она, и это было ея первое мнѣніе, которое она высказала съ увѣренностью послѣ стольких лѣтъ молчанія и пустоты въ мысляхъ.

И она уже имѣла свои мнѣнія и за ужиномъ говорила съ родителями Саши о томъ, какъ теперь дѣтямъ трудно учиться въ гимназіяхъ, но что все-таки классическое образованіе лучше реальнаго, такъ какъ изъ гимназіи всюду открыта дорога: хочешь—иди въ доктора, хочешь—въ инженеры.

Саша сталъ ходить въ гимназію. Его мать уѣхала въ Харьковъ къ сестрѣ и не возвращалась; отецъ его каждый день уѣзжалъ куда-то осматривать гурты и, случалось, не живалъ дома дня по три, и Оленькѣ казалось, что Сашу совсѣмъ забросили, что онъ лишній въ домѣ, что онъ умираетъ съ голоду; и она перевела его къ себѣ во флигель и устроила его тамъ въ маленькой комнатѣ.

И вотъ уже прошло полгода, какъ Саша живетъ у нея во флигелѣ. Каждое утро Оленька входитъ въ его комнату; онъ крѣпко спитъ, подложивъ руку подъ щеку, не дышитъ. Ей жаль будить его.

— Сашенька,—говоритъ она печально,—вставай, голубчикъ! Въ гимназію пора.

Онъ встаетъ, одѣвается, молится Богу, потомъ садится чай пить; выпиваетъ три стакана чаю и съѣдаетъ два большихъ бублика и полъ-французскаго хлѣба съ масломъ. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ сна и потому не въ духѣ.

— А ты, Сашенька, не твердо выучилъ басню, — говоритъ Оленька и глядитъ на него такъ, будто провожаетъ его въ дальнюю дорогу.—Забота мнѣ съ тобой. Ужъ ты старайся, голубчикъ, учись... Слушайся учителей.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста!—говоритъ Саша.

Затѣмъ онъ идетъ по улицѣ въ гимназію, самъ маленькій, но въ большомъ картузѣ, съ ранцемъ на спинѣ. За нимъ безшумно идетъ Оленька.

— Сашенька-а!—окликаетъ она.

Онъ оглядывается, а она суетъ ему въ руку финикъ или карамельку. Когда поворачиваютъ въ тотъ переулокъ, гдѣ стоитъ гимназія, ему становится совѣстно, что за нимъ идетъ высокая, полная женщина; онъ оглядывается и говоритъ:

— Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я самъ дойду.

Она останавливается и смотритъ ему вслѣдъ, не мигая, пока онъ не скрывается въ подъѣздѣ гимназіи. Ахъ, какъ она его любитъ! Изъ ея прежнихъ привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ея душа не покорялась такъ беззавѣтно, безкорыстно и съ такой отрадой, какъ теперь, когда въ ней все болѣе и болѣе разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щекахъ, за картузъ, она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы съ радостью, со слезами умиленія. Почему? А кто жъ его знаетъ—почему?

Проводивъ Сашу въ гимназію, она возвращается домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ея лицо, помолодѣвшее за послѣдніе полгода, улыбается, сіяетъ; встрѣчные, глядя на нее, испытываютъ удовольствіе и говорятъ ей:

— Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Какъ поживаете, душечка?

— Трудно теперь стало въ гимназіи учиться,—разсказываетъ она на базарѣ. — Шутка ли, вчера въ первомъ классѣ задали басню наизусть, да переводъ латинскій, да задачу... Ну, гдѣ тутъ маленькому?

И она начинаетъ говорить объ учителяхъ, объ урокахъ, объ учебникахъ,—то же самое, что говоритъ о нихъ Саша.

Въ третьемъ часу вмѣстѣ обѣдаютъ, вечеромъ вмѣстѣ готовятъ уроки и плачутъ. Укладывая его въ постель, она долго креститъ его и шепчетъ молитву, потомъ, ложась спать, грезитъ о томъ будущемъ, далекомъ и туманномъ, когда Саша, кончивъ курсъ, станетъ докторомъ или инженеромъ, будетъ имѣть собственный большой домъ, лошадей, коляску, женится, и у него родятся

дѣти... Она засыпаетъ и все думаетъ о томъ же, и слезы текутъ у нея по щекамъ изъ закрытыхъ глазъ. И черная кошечка лежитъ у нея подъ бокомъ и мурлычитъ:

— Мур... мур... мур...

Вдругъ сильный стукъ въ калитку. Оленька просыпается и не дышитъ отъ страха; сердце у нея сильно бьется. Проходитъ полминуты, и опять стукъ.

„Это телеграмма изъ Харькова, — думаетъ она, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.—Мать требуетъ Сашу къ себѣ въ Харьковъ... О, Господи!“

Она въ отчаяніи; у нея холодѣютъ голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнѣе ея нѣтъ человѣка во всемъ свѣтѣ. Но проходитъ еще минута, слышатся голоса: это ветеринаръ вернулся домой изъ клуба.

„Ну, слава Богу!“—думаетъ она.

Отъ сердца мало-по-малу отстаетъ тяжесть, опять становится легко: она ложится и думаетъ о Сашѣ, который спитъ крѣпко въ сосѣдней комнатѣ и изрѣдка говоритъ въ бреду:

— Я ттебѣ! Пошелъ вонъ! Не дерись!

Антонъ Чеховъ.

Послѣсловіе къ разсказу Чехова „Душечка".

Есть глубокій по смыслу разсказъ въ „Книгѣ Числъ" о томъ, какъ Валакъ, царь Моавитскій, пригласилъ къ себѣ Валаама для того, чтобы проклясть прибывшій къ его предѣламъ народъ израильскій. Валакъ обѣщалъ Валааму за это много даровъ, и Валаамъ, соблазнившись, поѣхалъ къ Валаку, но на пути былъ остановленъ ангеломъ, котораго видѣла ослица, но не видѣлъ Валаамъ. Несмотря на эту остановку, Валаамъ пріѣхалъ къ Валаку и взошелъ съ нимъ на гору, гдѣ былъ приготовленъ жертвенникъ съ убитыми тельцами и овцами для проклятія. Валакъ ждалъ проклятія, но Валаамъ вмѣсто проклятія благословилъ народъ израильскій.

23 гл. (11) „И сказалъ Валакъ Валааму: что̀ ты со мной дѣлаешь? Я взялъ тебя, чтобы проклясть враговъ моихъ, а ты вотъ благословляешь?

(12) И отвѣчалъ Валаамъ и сказалъ: не долженъ ли я въ полности сказать то, что влагаетъ Господь въ уста мои?

(13) И сказалъ ему Валакъ: пойди со мной на другое мѣсто... и прокляни его оттуда".

И взялъ его на другое мѣсто, гдѣ тоже были приготовлены жертвы".

Но Валаамъ опять вмѣсто проклятья благословилъ.

Такъ было и на третьемъ мѣстѣ.

24 гл. (10) „И воспламенился гнѣвъ Валака на Валаама, и всплеснулъ онъ руками своими, и сказалъ Валакъ Валааму: я призвалъ тебя проклясть враговъ моихъ, а ты благословляешь ихъ вотъ ужъ третій разъ.

(11) Итакъ, ступай на свое мѣсто; я хотѣлъ почтить тебя, но вотъ Господь лишаетъ тебя чести".

И такъ и ушелъ Валаамъ, не получивъ даровъ, потому что вмѣсто проклятья благословилъ враговъ Валака.

То, что случилось съ Валаамомъ, очень часто случается съ настоящими поэтами-художниками. Соблазняясь обѣщаніями Валака — популярностью или своимъ ложнымъ, навѣяннымъ взглядомъ, поэтъ не видитъ даже того ангела, который останавливаетъ его и котораго видитъ ослица, и хочетъ проклинать, и вотъ благословляетъ.

Это самое случилось съ настоящимъ поэтомъ-художникомъ Чеховымъ, когда онъ писалъ этотъ прелестный разсказъ „Душечка".

Авторъ, очевидно, хочетъ посмѣяться надъ жалкимъ по его разсужденію (но не по чувству) существомъ „Душечки", то раздѣляющей заботы Кукина съ его театромъ, то ушедшей въ интересы лѣсной торговли, то подъ вліяніемъ ветеринара считающей самымъ важнымъ дѣломъ борьбу съ жемчужной болѣзнью, то, наконецъ, поглощенной вопросами грамматики и интересами гимназистика въ большой фуражкѣ. Смѣшна и фамилія Кукина, смѣшна даже его болѣзнь и телеграмма, извѣщающая о его смерти, смѣшенъ лѣсоторговецъ съ своимъ степенствомъ, смѣшенъ ветеринаръ, смѣшенъ и мальчикъ, но не смѣшна, а свята, удивительна душа „Душечки" съ своей способностью отдаваться всѣмъ существомъ своимъ тому, кого она любитъ.

Я думаю, что въ разсужденіи, не въ чувствѣ автора, когда онъ писалъ „Душечку", носилось неясное представленіе о новой женщинѣ, объ ея равноправности съ мужчиной, развитой, ученой, самостоятельно работающей не хуже, если не лучше мужчины на пользу обществу, о той самой женщинѣ, которая подняла и поддерживаетъ женскій вопросъ, и онъ, начавъ писать „Душечку", хотѣлъ показать, какою не должна быть женщина. Валакъ общественнаго мнѣнія приглашалъ Чехова проклясть слабую, покоряющуюся, преданную мужчинѣ, неразвитую женщину, и Чеховъ пошелъ на гору, и были возложены тельцы и овцы, но, начавъ говорить, поэтъ благословилъ то, что хотѣлъ проклинать. Я по крайней мѣрѣ, несмотря на чудный, веселый комизмъ всего произведенія, не могу безъ слезъ читать нѣкоторыя

мѣста этого удивительнаго разсказа. Меня трогаетъ и разсказъ о томъ, какъ она съ полнымъ самоотверженіемъ любитъ Кукина и все, что любитъ Кукинъ, и также лѣсоторговца, и также ветеринара, и еще больше о томъ, какъ она страдаетъ, оставшись одна, когда ей некого любить, и какъ она наконецъ со всей силой женскаго и материнскаго чувства (котораго непосредственно не испытала) отдалась безграничной любви къ будущему человѣку, гимназистику въ большомъ картузѣ.

Авторъ заставляетъ ее любить смѣлаго Кукина, ничтожнаго лѣсоторговца и непріятнаго ветеринара, но любовь не менѣе свята, будетъ ли ея предметомъ Кукинъ, или Спиноза, Паскаль, Шиллеръ и будутъ ли предметы ея смѣняться такъ же быстро, какъ у „Душечки“, или предметъ будетъ одинъ во всю жизнь.

Давно какъ-то мнѣ случилось прочесть въ „Новомъ Времени“ прекрасный фельетонъ господина Ата о женщинахъ. Авторъ высказалъ въ этомъ фельетонѣ замѣчательно умную и глубокую мысль о женщинахъ. „Женщины,—говоритъ онъ,—стараются намъ доказать, что онѣ могутъ дѣлать все то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю съ этимъ, — говоритъ авторъ,— но готовъ согласиться, что женщины могутъ дѣлать все то, что дѣлаютъ мужчины, и даже, можетъ-быть, и лучше, но горе въ томъ, что мужчины не могутъ дѣлать ничего, близко подходящаго къ тому, что могутъ дѣлать женщины“.

Да, это несомнѣнно такъ, и это касается не одного рожденія, кормленія и перваго воспитанія дѣтей, но мужчины не могутъ дѣлать того высшаго, лучшаго и наиболѣе приближающаго человѣка къ Богу дѣла,—дѣла любви, дѣла полнаго отданія себя тому, кого любишь, которое такъ хорошо и естественно дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать хорошія женщины. Что бы было съ міромъ, что бы было съ нами, мужчинами, если бы у женщинъ не было этого свойства и онѣ не проявляли бы его. Безъ женщинъ-врачей, телеграфистовъ, адвокатовъ, ученыхъ, сочинительницъ мы обойдемся, но безъ матерей, помощницъ, подругъ, утѣшительницъ, любящихъ въ мужчинѣ все то лучшее, что есть въ немъ, и незамѣтнымъ внушеніемъ вызывающихъ и поддерживающихъ въ немъ все это лучшее,—безъ такихъ женщинъ плохо бы было жить на свѣтѣ. Не

было бы Маріи и Магдалины у Христа, не было бы Клары у Франциска Ассизскаго, не было бы на каторгѣ женъ декабристовъ, но было бы у духоборовъ ихъ женъ, которыя не удерживали мужей, а поддерживали ихъ въ ихъ мученичествѣ за правду, не было бы тысячъ и тысячъ безвѣстныхъ, самыхъ лучшихъ, какъ все безвѣстное, женщинъ, утѣшительницъ пьяныхъ, слабыхъ, развратныхъ людей, тѣхъ, для которыхъ нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь, утѣшенія любви. Въ этой любви, обращена ли она къ Кукину или къ Христу, главная, великая, ничѣмъ не замѣнимая сила женщины.

Какое удивительное недоразумѣніе—весь, такъ называемый, женскій вопросъ, охватившій, какъ это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщинъ и даже мужчинъ!

„Женщина хочетъ совершенствоваться", — что можетъ быть законнѣе и справедливѣе этого?

Но вѣдь дѣло женщины по самому ея назначенію другое, чѣмъ дѣло мужчины. И потому идеалъ совершенства женщины не можетъ быть тотъ же, какъ идеалъ мужчины. Допустимъ, что мы не знаемъ, въ чемъ этотъ идеалъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что не идеалъ совершенства мужчины. А между тѣмъ къ достиженію этого мужского идеала направлена теперь вся та смѣшная и недобрая дѣятельность моднаго женскаго движенія, которое теперь такъ путаетъ женщинъ.

Боюсь, что Чеховъ, писавшій „Душечку", находился подъ вліяніемъ этого недоразумѣнія.

Онъ, какъ Валаамъ, намѣревался проклясть, но богъ поэзіи запретилъ ему и велѣлъ благословить, и онъ благословилъ и невольно одѣлъ такимъ чуднымъ свѣтомъ это милое существо, что оно навсегда останется образцомъ того, чѣмъ можетъ быть женщина и для того, чтобы быть счастливой самой и дѣлать счастливыми тѣхъ, съ кѣмъ сводитъ ее судьба.

Разсказъ этотъ оттого такой прекрасный, что онъ вышелъ безсознательно.

Я учился ѣздить на велосипедѣ въ манежѣ, въ которомъ дѣлаются смотры дивизіямъ. На другомъ концѣ манежа училась ѣздить дама. Я подумалъ о томъ, какъ бы мнѣ не помѣшать этой дамѣ, и сталъ смотрѣть на нее. И, глядя на нее, я сталъ невольно все

больше и больше приближаться къ ней и, несмотря на то, что она, замѣтивъ опасность, спѣшила удалиться, я наѣхалъ на нее и свалилъ, т.-е. сдѣлалъ совершенно противоположное тому, что хотѣлъ, только потому, что направилъ на нее усиленное вниманіе.

То же самое, только обратное, случилось съ Чеховымъ: онъ хотѣлъ свалить Душечку и обратилъ на нее усиленное вниманіе поэта, и вознесъ ее.

Л. Толстой.

3-е іюня.

Вѣра въ безсмертіе влечетъ къ доброй жизни.

1.

Человѣкъ, преступившій законъ, думаетъ, что со смертью вполнѣ уже кончится его жизнь; такой человѣкъ способенъ склоняться ко всему злому.

Буддійская мудрость.

2.

Въ душѣ нашей лежитъ зародышъ истины, безсмертія. Онъ лежитъ въ совѣсти, одно изъ требованій которой состоитъ въ предчувствіи возмездія. Онъ лежитъ въ разумѣ, который видитъ неполноту нашего существованія въ этомъ мірѣ, требующую продолженія для достиженія своей цѣли. Зародышъ этотъ — въ нашей жаждѣ къ счастью, столь сильной, что она никогда не можетъ быть удовлетворена въ этомъ мірѣ. Зародышъ этотъ—въ любви къ нравственному, добру, которая по мѣрѣ того, какъ мы воспитываемъ ее, пробуждаетъ въ насъ идеалъ полнаго совершенства и единенія съ совершеннымъ.

Чаннингъ.

3.

Если душа безтѣлесна, то она можетъ переживать тѣло, а если она переживаетъ его, то Провидѣніе оправдано. Если бы у меня не было другого доказательства безтѣлесности души, какъ торжество злого и угнетенія добраго въ этомъ мірѣ, это одно уничтожило бы всѣ сомнѣнія. Такое поразительное противорѣчіе въ порядкѣ міра заставило бы меня искать его разрѣшенія, и я сказалъ бы себѣ: нѣтъ, все не кончается со смертью и не все упорядочивается смертью. Да, я чувствую это своими пороками. Человѣкъ только наполовину живетъ въ этой жизни, и высшая жизнь души начинается со смертью.

Но въ чемъ эта жизнь? Не знаю. Мой разумъ ограниченъ и не можетъ понять ничего безпредѣльнаго. Что я могу утверждать, что

отрицать? Знаю, что душа переживаетъ тѣло, но будетъ ли она жить вѣчно, не знаю. Знаю, что тѣло тратится и разрушается частями, но я не могу представить себѣ такого разрушенія мыслящаго существа. И не понимая, какъ оно можетъ умереть, предполагаю, что оно не умираетъ. Руссо.

4.

Ежели есть Богъ и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродѣтель; и высшее счастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ достиженію ихъ. Надо жить, надо любить, надо вѣрить, что живемъ не нынче только на этомъ клочкѣ земли, а жили и будемъ жить вѣчно, во всемъ.

5.

Человѣкъ познаетъ, что онъ не умретъ, только тогда, когда онъ познаетъ то, что онъ никогда не рождался, а всегда былъ, есть и будетъ.

Человѣкъ повѣритъ въ свое безсмертіе только тогда, когда онъ пойметъ, что его жизнь не есть волна, а есть то вѣчное движеніе, которое въ этой жизни проявляется только волною.

6.

Думать о смерти нечего, но надо жить въ виду ея. Вся жизнь становится торжественна, значительна, истинно плодотворна и радостна. Въ виду смерти мы не можемъ не работать усердно: и потому, что она всякую минуту можетъ прервать работу, и потому, что въ виду смерти нельзя не работать то, что нужно для всей жизни, т.-е. для Бога. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостной, и нѣтъ того пугала-страха смерти, который отравляетъ жизнь не живущихъ въ виду смерти людей. Страхъ смерти обратно пропорціоналенъ хорошей жизни. При святой жизни этотъ страхъ— нуль.

Тому, кто вѣритъ въ то, что жизнь не началась съ рожденія и не кончится со смертью, легче жить доброй жизнью, чѣмъ тому, кто не понимаетъ этого и не вѣритъ этому.

4-е іюня.

Благодаря обманамъ вѣры, извращенію христіанства жизнь наша стала хуже языческой.

1.

За послѣднія два столѣтія господства атеизма мы, я полагаю, исчерпали довольно хорошо все, что имѣлось прочнаго подъ нашими ногами, и теперь стоимъ у самой пропасти; да это и понятно, такъ какъ этотъ атеизмъ, породивъ много другихъ „измовъ", изъ которыхъ каждый съ своей ложью и обманомъ, принесъ за собою новыя бѣдствія и язвы и завершается, въ концѣ концовъ, неизбѣжнымъ валетизмомъ, т.-е. холопствомъ, какъ противоположностью героизма. И дѣйствительно, что̀ еще, кромѣ холопства, остается при отрицаніи сущности всякой вѣры, т.-е. при отрицаніи присутствія Невидимаго Божества во всемъ, что мы видимъ, дѣлаемъ и отъ чего мы страдаемъ? Мы же или явно отрицаемъ Его, или, что еще хуже, признаемъ Его только на словахъ и въ нашихъ молитвенникахъ, а не въ жизни. Оттого-то этотъ безбожный міръ, начиная съ Вестминстерскаго дворца и кончая самыми грязными подвалами съ ихъ голодными притонами, представляетъ очень грязное зрѣлище. Карлейль.

2.

Жестокость въ наше время еще больше развивается вслѣдствіе тонкаго поощренія себялюбія ученіемъ, гласящимъ, что все, считаемое зломъ, приводитъ къ благому концу; ученіе это практически ведетъ къ тому, что мы, хотя и употребляемъ тѣ же серьезныя усилія, чтобы избѣжать всего непосредственно для насъ непріятнаго, однако самодовольно и спокойно слѣдимъ за конечными результатами зла, когда его испытываютъ другіе.

Джонъ Рёскинъ.

3.

„Нищихъ вы всегда имѣете съ собой". Если какія слова въ писаніи перетолковывались съ дьявольскими цѣлями, такъ это имен-

но эти слова. Если, несмотря на всѣ наши успѣхи, мы до сего времени еще имѣемъ у себя нищихъ людей, которые не по своей винѣ не могутъ встать въ здоровыя и нормальныя жизненныя условія, то совершается это по *нашей* винѣ и къ *нашему* стыду. Всякій, кто посмотритъ вокругъ себя, увидитъ, что только неправда, отнимающая естественныя удобства у трудящихся и лишающая ихъ плодовъ ихъ трудовъ, что только она мѣшаетъ намъ всѣмъ быть богатыми. Генри Джорджъ.

4.

Большая часть преступленій и зла міра совершается по недомыслію: „Вѣрь, или будь проклятъ".—Въ этомъ главная причина зла. Принимая безъ разсужденія то, что онъ долженъ бы былъ разбирать своимъ разумомъ, человѣкъ въ концѣ концовъ отвыкаетъ отъ разсужденія и дѣйствительно подпадаетъ проклятію самъ и вводитъ въ грѣхъ своихъ ближнихъ. Спасеніе людей лишь въ томъ, чтобы научиться мыслить самостоятельно для того, чтобы вѣрно направлять свою мысль. Эмерсонъ.

5.

Чѣмъ бóльшимъ уваженіемъ окружены предметы, обычаи, законы, тѣмъ внимательнѣе надо изслѣдовать ихъ право на уваженіе.

Исправленіе существующаго зла жизни не можетъ начаться ни съ чего другого, какъ только съ обличенія религіозной лжи и установленія религіозной истины въ себѣ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

5-е іюня.

Весь внѣшній міръ, какимъ мы его видимъ, таковъ только для насъ. Сказать, что этотъ міръ дѣйствительно такой, какимъ мы его видимъ, это все равно, что сказать, что не можетъ быть существъ съ иными, чѣмъ мы, внѣшними чувствами.

1.

Люди никакъ не могутъ согласиться съ нереальностью всего матеріальнаго. Все-таки столъ есть, и всегда... И уйду изъ комнаты, онъ есть, и для всѣхъ онъ есть, такой же, какой и для меня,—говорятъ обыкновенно. Ну, а когда закрутишь два пальца и катаешь одинъ шарикъ, чувствуешь несомнѣнно два? Вѣдь точно такъ же всякій разъ, какъ я такъ возьму шарикъ, будетъ два, и для всякаго, кто возьметъ такой шарикъ, будетъ два, а между тѣмъ двухъ шариковъ нѣтъ. Точно такъ же и столъ только для закрученныхъ пальцевъ моихъ чувствъ — столъ, а онъ можетъ быть полъ-стола, одна сотая стола, совсѣмъ даже не часть стола, а нѣчто совсѣмъ другое.

2.

Я смотрю и видимыя линіи пригоняю къ формѣ, живущей въ моемъ представленіи. Вижу бѣлое на горизонтѣ и невольно даю этому бѣлому форму церкви. Не такъ ли и все то, что мы видимъ въ этомъ мірѣ, получаетъ ту форму, которая уже живетъ въ нашемъ представленіи (сознаніе), вынесенномъ изъ прежней жизни (идеи)?

3.

Я думаю, что вопросъ—имѣютъ ли предметы внѣ насъ объективную реальность, поистинѣ лишенъ разумнаго смысла. Мы по нашей природѣ вынуждены объ извѣстныхъ предметахъ нашего воспріятія говорить: они находятся внѣ насъ; мы не можемъ иначе. Этотъ вопросъ такъ же нелѣпъ, какъ такой, напримѣръ: дѣйствительно ли синяя краска *синяя.* Мы выйти изъ этого вопроса не можемъ. Я говорю, что вещи суть внѣ меня, такъ какъ я вынужденъ ихъ такъ разсматривать; впрочемъ, это *внѣ меня сущее* можетъ имѣть какое угодно устройство; объ этомъ судить мы не въ состояніи.

Лихтенбергъ.

4.

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь—послѣдствіе, а не причина. Причина любви—сознаніе въ себѣ Божескаго, духовнаго начала. Это сознаніе требуетъ любви, производитъ любовь.

5.

Двумя способами представляемъ мы себѣ вещи дѣйствительно существующими: или поскольку мы ихъ наблюдаемъ въ ихъ соотношеніи съ извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ, или поскольку мы думаемъ, что онѣ содержатся въ Богѣ и вытекаютъ изъ необходимости божественной природы. Разумѣется, вѣчную и безконечную сущность Бога содержатъ въ себѣ только тѣ вещи, — а слѣдовательно и идеи ихъ,—которыя этимъ вторымъ способомъ представляются какъ истинныя или реальныя. Спиноза.

Внѣшній міръ въ дѣйствительности, самъ по себѣ, не такой, какимъ мы его познаемъ. И потому все, что вещественно въ этомъ мірѣ, неважно. Что же важно? То, что навѣрное такое же вездѣ, всегда одно и то же для всѣхъ существъ: добро.

6-е іюня.

Зло, совершонное человѣкомъ, не только умаляетъ его душу и лишаетъ его истиннаго блага, но чаще всего возвращается и въ этомъ мірѣ на совершившаго его.

1.

Зло, совершонное въ этомъ мірѣ, не тотчасъ даетъ плоды, но, какъ земля, въ свое время и понемногу уничтожаетъ человѣка злого.

Единственно вѣрный другъ человѣка послѣ его смерти—это правда. Все остальное уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ.

Индійскія Ману.

2.

Совершенные боятся дѣлать зло. Отъ зла родится зло, и потому надо бояться его больше огня.

Не дѣлать зла даже врагамъ есть главная добродѣтель.

Справедливость погубитъ того, кто обдумываетъ погибель другого.

Не дѣлай зла. Даже бѣдность твоя да не служитъ оправданіемъ совершаемаго тобою зла. Если будешь дѣлать зло, станешь еще бѣднѣе.

Пусть не дѣлаетъ зла другому тотъ, кто не хочетъ того, чтобы печали преслѣдовали его.

Люди могутъ жить среди многихъ враговъ, но они никогда не избѣгнутъ вражды своихъ собственныхъ грѣховъ. Эта тѣнь ихъ будетъ слѣдовать по пятамъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не погубитъ ихъ.

Если человѣкъ любитъ себя, пусть онъ не дѣлаетъ зла, какъ бы мало оно ни было. Индійскій Куранъ.

3.

Какъ вѣрно то, что камень, брошенный кверху, не остается тамъ, но возвращается на землю, такъ же вѣрно и то, что, смотря по добрымъ или злымъ дѣламъ твоимъ, будетъ отмѣрено тебѣ исполненіе желанія твоего сердца, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы міръ ты ни вступилъ бы.

Сингамзское буддійское.

4.

Злой человѣкъ счастливъ, пока сдѣланное имъ зло не созрѣло; но когда оно созрѣло, тогда злой человѣкъ познаетъ зло.

Пусть никто не думаетъ о злѣ, что оно не коснется его.

Капля за каплей наполняется ведро; такъ и безумецъ становится полонъ зла, хотя бы онъ собиралъ его понемногу. Зло возвращается на того, кто его сдѣлалъ, такъ же, какъ пыль, брошенная противъ вѣтра.

Ни на небѣ, ни въ морѣ, ни въ глубинѣ горъ, нѣтъ во всемъ мірѣ мѣста, въ которомъ человѣкъ могъ бы освободиться отъ злого дѣла. Джамапада.

5.

Обдумывающій месть поддерживаетъ свои раны. Онѣ бы зажили, если бы онъ этого не дѣлалъ. Бэконъ.

Дѣлать зло такъ же опасно, какъ дразнить дикаго звѣря.

Большей частью, въ этомъ мірѣ, и въ самой грубой формѣ, зло возвращается на того, кто его сдѣлалъ.

7-е іюня.

Смиреніе даетъ такія радости, которыя никогда не узнаетъ самодовольный и гордый.

1.

Всегда надо быть готовымъ всѣмъ пожертвовать, только бы былъ миръ; главное же препятствіе для мира — наша гордость; только смиреніе, готовность перенести униженіе, быть оклеветаннымъ, ложно понятымъ, только при такой готовности человѣкъ можетъ вносить миръ въ отношеніе свое къ другимъ людямъ и людей между собой.

2.

Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня; ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко. Мѳ. XI, 28—30.

3.

Когда свѣтъ осуждаетъ насъ, клевещетъ на насъ, мы не должны сердиться, а скорѣе разсмотрѣть, нѣтъ ли въ осужденіяхъ этихъ какого основанія. Юмъ.

4.

Если твое самолюбіе страдаетъ при воспоминаніи о томъ, что въ былое время ты пренебрегалъ мудростью, не жилъ, какъ живутъ мудрецы, и едва ли стяжаешь себѣ славу мудреца, то не тужи объ этомъ. Если ты не прослывешь за мудреца, тѣмъ лучше. Будь доволенъ, если можешь теперь, сейчасъ же, начать жить такъ какъ того требуетъ твоя совѣсть. Маркъ Аврелій.

5.

Первый урокъ духовнаго развитія, который человѣкъ долженъ выучить раньше, чѣмъ онъ можетъ успѣвать на пути къ постоянному счастью, есть смиреніе. Надменность, властность и тщеславіе должны уступить мѣсто кротости и мягкости. Надменность ничего не можетъ пріобрѣсти, такъ какъ предполагаетъ, что уже все знаетъ.

Изъ „Передовой мысли міра".

6.

Гордость защищаетъ не только себя, но и всѣ другіе грѣхи человѣка, потому что она ненавидитъ укоризну и отталкиваетъ лѣченіе, она прячетъ и оправдываетъ грѣхъ. Сознаніе грѣха, смиряющее человѣка, полезнѣе, чѣмъ доброе дѣло, раздувающее его гордость.

Н. Бакстеръ.

7.

Будьте строги къ самимъ себѣ и снисходительны къ другимъ, и вы не будете имѣть враговъ.

Китайская мудрость.

Не бойся униженія, связаннаго съ смиреніемъ; оно во много разъ окупится тѣми духовными благами, которыя оно влечетъ за собой.

8-е іюня.

Безъ правдивости не можетъ быть добра, безъ доброты не можетъ быть передаваема истина.

1.

Добро и истина—это одно и то же.

Джусти.

2.

Иногда выростаетъ стебель, но не даетъ цвѣта. Иногда цвѣтетъ и не даетъ плода.

Тѣ, кто знаютъ истину, равны тѣмъ, которые любятъ ее; а тѣ, которые любятъ ее, не равны тѣмъ, которые съ любовью творятъ ее.

Конфуцій.

3.

Чтò вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, чтò Я говорю?

Всякій, приходящій ко Мнѣ и слушающій слова Мои и исполняющій ихъ, скажу вамъ, кому подобенъ.

Онъ подобенъ человѣку, строющему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось наводненіе, и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ.

А слушающій и неисполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ же обрушился; и разрушеніе дома сего было великое.

Лк. VI, 46—49.

4.

Отвѣчайте добротою на ненависть. Разсматривайте трудность, когда она еще легка. Обращайтесь съ большой вещью, когда она еще мала. Самыя трудныя предпріятія міра возникаютъ, когда они легки.

Самыя великія предпріятія возникаютъ, когда они еще малы

Лао-Тсе.

5.

Есть два пути, ведущіе къ совершенной добродѣтели: быть справедливымъ и не дѣлать зла живымъ существамъ.

Книга Ману.

Нѣтъ ничего хуже притворства доброты. Притворство доброты отталкиваетъ больше, чѣмъ откровенная злоба.

9-е іюня.

Существующее устройство міра безумно.

1.

Всѣ почти усилія человѣческаго ума направляются не на то, чтобы облегчить трудъ трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующихъ.

2.

Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и физической природѣ человѣка, и всѣ силы своего ума напрягаемъ на то, чтобы увѣрить человѣка, что это-то и есть самая настоящая жизнь. Все, что мы называемъ культурой: наши науки, искусства, усовершенствованія пріятностей жизни, — это попытки обмануть нравственныя требованія человѣка; все, что мы называемъ гигіеной и медициной,—это попытка обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы.

3.

Есть, было и всегда будетъ дѣло и только одно дѣло, на которое стоитъ положить всю жизнь, какая есть въ человѣкѣ. Дѣло это есть любовное общеніе съ людьми и разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя воздвигли люди между собой для того, чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и стонами безпомощнаго голода, холода и болѣзней.

4.

Если бы кто взглянулъ на весь міръ, — подумай: сколько увидѣлъ бы онъ безразсудства, сколько пролилъ бы слезъ, какимъ посмѣялся бы смѣхомъ, сколько почувствовалъ бы ненависти! Мы, дѣйствительно, поступаемъ такъ, что наши дѣла и смѣшны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вотъ одинъ кормитъ собакъ, чтобы

ловить дикихъ звѣрей, а самъ впадаетъ въ звѣрство; другой—воловъ и ословъ, чтобы возить камни, а презираетъ людей, истаявающихъ отъ голода; — тратитъ бездну золота, чтобы соорудить каменныхъ людей, а настоящихъ, которые отъ бѣдствій сдѣлались каменными, оставляетъ въ небреженіи. Иной собираетъ драгоцѣнные камешки и съ большимъ трудомъ убираетъ ими стѣны, а видя нагіе члены нищихъ, нисколько не трогается. Одни къ своимъ одеждамъ придумываютъ еще одежды, а между тѣмъ другіе не имѣютъ, чѣмъ покрыть и нагого тѣла.

Иной расточаетъ все на блудницъ и тунеядцевъ, другой на комедіантовъ и плясуновъ; иной на пышныя постройки, на покупку селъ и домовъ... Опять: одинъ вычисляетъ проценты, другой проценты на проценты, иной сочиняетъ бумаги, наполненныя многими убійствами, даже ночью не имѣетъ отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу другихъ. Едва насталъ день, одинъ бѣжитъ на прибыль неправедную, другой на трату распутную, а иные на кражу государственную. Вообще, объ излишнемъ и запрещенномъ много заботы, а о необходимомъ нѣтъ и мысли.

Іоаннъ Златоустъ.

5.

Такъ же, какъ противно закону природы то, чтобы дитя управляло взрослыми, или безумный мудрымъ человѣкомъ, такъ же противно закону природы и то, чтобы горсть людей была пресыщена излишествами, въ то время какъ голодная толпа не имѣетъ необходимаго.

Руссо.

6.

Въ вѣка людоѣдства сильные пожирали слабыхъ, попросту поѣдали ихъ тѣла. Но, несмотря на всѣ установленные людьми законы, несмотря на успѣхи наукъ, сильные, безсердечные люди до сихъ поръ продолжаютъ жить на счетъ слабыхъ, несчастныхъ или глупыхъ. Правда, они не ѣдятъ ихъ мяса, не пьютъ ихъ крови, но они все равно живутъ отъ ихъ лишеній и нужды. Бѣдняки, калѣчащіе себя работой и проводящіе всю свою жизнь лишь въ заботахъ о прокормленіи себя и своихъ семей, въ сущности, поѣдаются своими собратьями. Видя агонію цивилизованнаго міра, его безпокойство и слезы, разбитыя надежды и жалкую дѣйстви-

тельность, голодовки и преступленія, униженіе и позоръ, какъ-то невольно приходишь къ заключенію, что людоѣдство было не болѣе жестокой формой существованія на чужой счетъ.

Люси Малори.

7.

Всѣ наши благотворительныя учрежденія, всѣ наши карательные законы, всѣ наши ограниченія и запрещенія, которыми мы стараемся предупредить и пресѣчь преступленія—что такое они, въ лучшемъ случаѣ, какъ не выдумки дурака, который, взваливъ весь грузъ въ корзинку съ одной стороны осла, рѣшилъ помочь несчастному животному, наваливъ столько же камней въ корзинку съ другой его стороны?

Генри Джорджъ.

8.

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить, пока большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы — для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ,—міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину—и тогда она ихъ не тѣснитъ. Но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ,— дѣло кончено. Тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человѣкъ считаетъ нелѣпымъ.

Герценъ.

9.

Отвратительная бѣдность, кишащая въ самыхъ центрахъ нашей цивилизаціи, порокъ, преступленія, развращенность и хищничество, порождаемые ею, являются слѣдствіемъ нашихъ законовъ о землѣ, не желающихъ знать простого закона справедливости, настолько простого и яснаго, что его признаютъ даже наиболѣе грубые изъ дикарей. То, что по самой природѣ своей является нашимъ правомъ отъ рожденія, сдѣлано исключительной собственностью нѣкоторыхъ лицъ, и то, что въ силу естественнаго закона должно бы быть общимъ фондомъ, изъ котораго покрывались бы всѣ наши общественныя нужды, мы отдаемъ немногимъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они господствовали надъ своими собратіями. И вотъ, одни

обжираются, въ то время какъ другіе голодаютъ, и средствъ расточается болѣе, чѣмъ сколько нужно бы ихъ было, чтобы содержать всѣхъ въ роскоши.

Генри Джорджъ.

10.

Мудрое потребленіе гораздо труднѣе мудраго производства. Что двадцать человѣкъ съ трудомъ произведутъ, то одинъ легко можетъ потребить, и вопросъ жизни какъ для каждаго отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго народа состоитъ не въ томъ, сколько онъ произведетъ, а въ томъ, на что эти продукты тратятся.

Люди обыкновенно утверждаютъ, что личная практическая дѣятельность безсильна сколько-нибудь повліять на измѣненіе или задержку обширной системы современной промышленности или способовъ производства и торговли.

Я же, вдумываясь въ ту же массу умныхъ разговоровъ, которая входитъ въ одно длинное ухо міра и выходитъ изъ другого, не производя ни малѣйшаго впечатлѣнія на его умъ, испытываю иногда непреодолимое желаніе попытаться весь остатокъ жизни употребить на то, чтобы молча дѣлать то дѣло, которое я считаю разумнымъ, и никогда ни о чемъ больше не говорить.

Джонъ Рёскинъ.

11.

Если государство управляется на началахъ разума, то надо стыдиться, если есть бѣдность и нищета; если же государство управляется не на началахъ разума, то надо стыдиться богатства и почестей.

Китайская мудрость.

12.

Не должны ли мы стремиться къ такому идеалу народной жизни, при которомъ возвышеніе по ступенямъ общественной лѣстницы будетъ не столько плѣнять, сколько страшить лучшихъ людей?

Джонъ Рёскинъ.

Нельзя приводить существующій порядокъ въ оправданіе своихъ поступковъ. Существующій порядокъ не есть что-либо постоянное; онъ подлежитъ постоянному измѣненію, переходу отъ худшаго къ лучшему. И переходъ этотъ можетъ совершиться только благодаря нашему недовольству, несогласію съ существующимъ устройствомъ.

Недѣльное чтеніе.

Неужели такъ надо?

Стоитъ среди полей обнесенный стѣною чугуннолитейный заводъ съ непереставая дымящимися огромными трубами, съ гремящими цѣпями, домнами, съ подъѣздной желѣзной дорогой и раскинутыми домиками завѣдующихъ и рабочихъ. На заводѣ этомъ и въ шахтахъ его, какъ муравьи, копаются рабочіе люди: одни на 100 аршинъ подъ землею, въ темныхъ, узкихъ, душныхъ, сырыхъ, постоянно угрожающихъ смертью проходахъ, съ утра до ночи или съ ночи до утра выбиваютъ руду; другіе въ темнотѣ, согнувшись, подвозятъ эту руду или глину къ дудкѣ и везутъ назадъ пустые вагончики и опять наполняютъ ихъ, и такъ работаютъ по двѣнадцати, четырнадцати часовъ въ день всю недѣлю.

Такъ работаютъ въ шахтахъ. На самой домнѣ работаютъ одни у печей при удушающей жарѣ, другіе у спуска растопленной руды и шлака. Третьи — машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники—въ мастерскихъ, также по двѣнадцати, четырнадцати часовъ всю недѣлю.

По воскресеньямъ всѣ эти люди получаютъ расчетъ, моются, а иногда и немытые, напиваются въ трактирахъ и кабакахъ, со всѣхъ сторонъ окружающіе заводъ и заманивающихъ рабочихъ, и съ ранняго утра въ понедѣльникъ опять становятся на ту же работу.

Тутъ же около завода мужики пашутъ на измученныхъ, захудалыхъ лошадяхъ чужое поле. Мужики эти встали на зарѣ, если они не провели ночь въ ночномъ, т.-е. не ночевали у болота,—единственное мѣсто, гдѣ они могутъ накормить лошадь,—встали

они на зарѣ, пріѣхали домой, запрягли лошадь и, захвативъ краюху хлѣба, поѣхали пахать чужое поле.

Другіе же мужики тутъ же, недалеко отъ завода, сидятъ на шоссейной дорогѣ, пригородивъ себѣ изъ рогожки защиту, и бьютъ шоссейный камень. Ноги у этихъ людей избиты, руки въ мозоляхъ, все тѣло грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкія ихъ пропитаны известковой пылью.

Взявъ изъ неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми въ лапти и обмотанными ветошками, ступнями ногъ, бьютъ по камню тяжелымъ молотомъ до тѣхъ поръ, пока камень разсядется; а когда разсядется, берутъ разбитые куски и бьютъ по нимъ до тѣхъ поръ, пока и эти не разобьются на мелкій щобень; и опять берутъ цѣлые камни и опять сначала... И такъ работаютъ эти люди отъ утренней лѣтней зари до ночи—15, 16 часовъ, отдыхая только часа два послѣ обѣда, и два раза, въ завтракъ и въ полдень, подкрѣпляютъ себя хлѣбомъ и водою.

И такъ живутъ всѣ эти люди и въ шахтахъ, и на заводѣ, и пахари, и каменнобойцы, съ молодыхъ лѣтъ и до старости; и такъ же живутъ въ непосильныхъ трудахъ ихъ жены и матери, наживая маточныя болѣзни; и такъ же живутъ ихъ отцы и дѣти, плохо накормленные, плохо одѣтые въ сверхсильной, губящей здоровье работѣ, съ утра и до вечера, съ молодости и до старости.

А вотъ мимо завода, мимо каменнобойцевъ, мимо пашущихъ мужиковъ, встрѣчая и обгоняя оборванныхъ мужчинъ и женщинъ съ котомками, бредущихъ изъ мѣста въ мѣсто и кормящихся Христовымъ именемъ, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной, гнѣдой четверней пятивершковыхъ коней, изъ которыхъ худшій стоитъ всего двора каждаго изъ любующихся на эту четверню мужиковъ. Въ коляскѣ сидятъ двѣ барышни, блестя яркими цвѣтами зонтиковъ и лентъ и перьевъ шляпъ, стоящихъ каждая дороже той лошади, на которой пашетъ мужикъ свое поле; на переднемъ мѣстѣ сидитъ блестящій на солнцѣ галунами и пуговицами офицеръ въ свѣжевымытомъ кителѣ; на козлахъ грузный кучеръ въ шелковыхъ синихъ рукавахъ рубахи и бархатной поддевкѣ. Онъ чуть не задавилъ богомолокъ и не сбилъ въ канаву

проѣзжавшаго порожнемъ мужика, въ его испачканной рудой рубахѣ, трясущагося на телѣгѣ.

— А это не видишь?—говоритъ кучеръ, показывая кнутъ недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужикъ одной рукой дергаетъ за вожжу, а другой—испуганно снимаетъ шапку съ головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнцѣ никелированными частями машинъ, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смѣются, перегоняя и пугая крестящихся богомолокъ.

Стороной же отъ шоссе ѣдутъ два верховыхъ: мужчина на англійскомъ жеребцѣ и дама на иноходцѣ. Не говоря о цѣнѣ лошадей и сѣдлѣ, одна черная шляпа съ лиловымъ вуалемъ стоитъ два мѣсяца работы каменнобойцевъ, а за стикъ-хлыстъ модный англійскій заплачено столько, сколько получитъ въ недѣлю подземной работы тотъ малый, который идетъ довольный тѣмъ, что нанялся въ шахты, и сторонится, любуясь на гладкія фигуры лошадей и всадниковъ и на жирную, иноземную, огромную собаку въ дорогомъ ошейникѣ, бѣгущую съ высунутымъ языкомъ за ними.

Неподалеку за этой компаніей ѣдутъ на телѣгѣ улыбающаяся, съ завитыми кудряшками, нарядная дѣвица въ бѣломъ фартукѣ, и толстый румяный мужчина съ расчесанными бакенбардами, съ папиросой въ зубахъ, что-то нашептывающій дѣвицѣ. Въ телѣгѣ видны самоваръ, узлы въ салфеткахъ, мороженица.

Это—прислуга людей, ѣдущихъ въ коляскѣ, верхомъ и на велосипедахъ. Нынѣшній день не представляетъ для нихъ ничего исключительнаго. Они живутъ такъ все лѣто и почти каждый день дѣлаютъ прогулки, а иногда, какъ нынче,—съ чаемъ, напитками и сладостями, съ тѣмъ, чтобы ѣсть и пить не въ одномъ и томъ же, а въ новомъ мѣстѣ.

Господа эти—три семьи, живущія въ деревнѣ и на дачѣ. Одна семья помѣщика—владѣльца 2.000 десятинъ земли, другая чиновника, получающаго 3.000 р. жалованья, третья—самая богатая семья—дѣти фабриканта.

Всѣ эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видомъ всей той нищеты и каторжнаго труда, которые окружаютъ ихъ. Они считаютъ, что все это такъ и должно быть. Занимаетъ ихъ совсѣмъ другое.

— Нѣтъ, это невозможно,—говоритъ дама верхомъ, оглядываясь на собаку,—я не могу видѣть этого. И она останавливаетъ коляску. Всѣ говорятъ вмѣстѣ по-французски, смѣются и сажаютъ собаку въ коляску, и ѣдутъ дальше, застилая облаками известковой пыли каменнобойцевъ и прохожихъ по дорогѣ.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули какъ существа изъ другого міра; а заводскіе, каменнобойцы, мужики-пахари продолжаютъ свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

„Живутъ же люди“,—думаютъ они, провожая глазами проѣхавшихъ. И еще мучительнѣе представляется имъ ихъ мучительное существованіе.

Неужели это такъ надо?

Л. Толстой.

10-е іюня.

Состраданіе къ животнымъ такъ естественно намъ, что мы только внушеніемъ можемъ быть доведены до безжалостности къ страданію и смерти животныхъ.

1.

Состраданіе къ животнымъ такъ тѣсно связано съ добротой характера, что можно съ увѣренностью утверждать, что не можетъ быть добрымъ человѣкомъ тотъ, кто жестокъ съ животными. Состраданіе къ животнымъ проистекаетъ изъ одного источника съ добродѣтельнымъ отношеніемъ къ человѣку. Такъ, напримѣръ, человѣкъ чуткій, при напоминаніи, что онъ, находясь въ скверномъ расположеніи духа, въ гнѣвѣ, или разгорячившись отъ вина, побилъ свою собаку, лошадь, обезьяну — незаслуженно, или напрасно, или черезчуръ больно,—почувствуетъ такое же недовольство собой, какъ и при напоминаніи объ обидѣ, нанесенной человѣку, которую мы въ этомъ случаѣ называемъ карающимъ голосомъ совѣсти. Шопенгауэръ.

2.

Бойтесь Бога, не мучьте животныхъ. Пользуйтесь ими, пока они служатъ охотно, и отпускайте ихъ, когда они устали, и давайте вволю пищи и питья безсловеснымъ. Магометъ.

3.

Мясная пища не можетъ быть добыта безъ вреда животнымъ, а убійство животныхъ затрудняетъ путь къ блаженству. Пусть поэтому человѣкъ воздерживается отъ мясоѣденія.

Изъ браминскаго закона Ману.

4.

Не потому человѣкъ выше другихъ существъ, что безсердечно мучаетъ ихъ, но потому, что онъ сострадателенъ ко всему живому. Буддійская мудрость.

Тѣ радости, которыя дадутъ человѣку чувство жалости и состраданія къ животнымъ, окупятъ ему въ сто кратъ тѣ удовольствія, которыхъ онъ лишится отказомъ отъ охоты и употребленія мяса.

11-е іюня.

Всѣ внѣшнія измѣненія нашей жизни ничтожны въ сравненіи съ тѣми измѣненіями, которыя совершаются въ нашихъ мысляхъ.

1.

Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка или всего человѣчества начинаются и совершаются только въ мысли. Для того, чтобы могла произойти перемѣна чувствъ и поступковъ, должна произойти прежде всего перемѣна мысли. Для того же, чтобы могла произойти перемѣна мысли, человѣку необходимо остановиться и обратить вниманіе на то, что ему нужно понять.

2.

Эпохи нашей жизни опредѣляются не замѣтными намъ, совершаемыми по нашей волѣ поступками: бракомъ, полученіемъ мѣста и т. п., но мыслями, которыя приходятъ во время прогулки, среди ночи, за ѣдою, въ особенности тѣми мыслями, которыя, охватывая все наше прошедшее, говорятъ намъ: ты поступилъ такъ, но лучше было бы поступить иначе. И всѣ наши дальнѣйшіе поступки, какъ рабы, служатъ этимъ мыслямъ: исполняютъ ихъ волю.

Торо.

3.

Каждая мысль, на которой останавливается человѣкъ, все равно, выражаетъ онъ ее или нѣтъ, непремѣнно или вредитъ, или помогаетъ его жизни.

Люси Малори.

4.

Чтобы избѣгать грѣховъ и побѣждать ихъ, прежде всего надо признать то, что корень каждаго грѣха въ дурныхъ мысляхъ.

Мы всѣ только послѣдствія того, что мы думали.

Будда.

5.

Опредѣляетъ судьбу человѣка то, какъ онъ понимаетъ себя.

Торо.

6.

Великія мысли исходятъ изъ сердца. Вовенаргъ.

7.

Безпорядочная мысль дѣлаетъ съ нашимъ умомъ то же, что сдѣлалъ бы съ нашимъ домомъ безпорядочный человѣкъ, приглашенный нами пожить у насъ. Люси Малори.

8.

Мы ясно видимъ измѣненія (прогрессъ), совершающіяся въ области вещественной жизни: ѣздили и возили гужемъ,—теперь паромъ, жгли лучину, сало,—теперь газъ, электричество; но мы не видимъ тѣхъ соотвѣтствующихъ измѣненій прогресса духовнаго, совершившагося въ людяхъ.

Мы жалѣемъ о потерянномъ кошелькѣ съ деньгами, но добрую мысль, которая пришла намъ, или которую мы услыхали или прочли,—мысль, которая, если бы мы запомнили ее, приложили къ жизни, могла бы сдѣлать много добра,—мы теряемъ, забывая, и не жалѣемъ о томъ, что дороже милліоновъ.

12-е іюня.

Частная земельная собственность есть жестокость.

1.

Вы всѣ странники въ этомъ мірѣ. Иди на сѣверъ, югъ, западъ или востокъ, — вездѣ, гдѣ ты остановишься, найдется человѣкъ, который прогонитъ тебя, говоря: „это моя земля". И обойдя всѣ страны міра, вы вернетесь, узнавъ, что нигдѣ нѣтъ несчастнаго куска земли, гдѣ бы ваша жена могла бы родить, и гдѣ бы вы могли остановиться, воздѣлывать землю, и гдѣ ваши дѣти могли бы похоронить ваши кости. Ламенэ.

2.

Бросить человѣка посреди Атлантическаго океана, сказавъ ему, что онъ воленъ идти на берегъ, было бы не бо̀льшимъ издѣвательствомъ надъ нимъ, чѣмъ помѣщеніе его на землѣ, сплошь захваченной въ частную собственность, сказавъ ему при этомъ, что онъ свободный человѣкъ, воленъ работать на себя и пользоваться своимъ заработкомъ. Генри Джорджъ.

3.

Земельная монополія лишила больше, чѣмъ половину людей каждаго народа, ихъ естественнаго наслѣдія.

Томасъ Пэнъ.

4.

Помѣстите сто человѣкъ на островѣ, изъ котораго нѣтъ выхода, и сдѣлаете ли вы одного изъ этихъ людей полнымъ властелиномъ надъ остальными 99, или полнымъ властелиномъ земли всего острова, не будетъ никакой разницы. Генри Джорджъ.

5.

И развѣ это не рабство, что хотя въ Англіи и довольно земли, чтобы содержать въ десять разъ больше людей, чѣмъ теперь, все-таки нѣкоторые должны просить милостыню у своихъ братьевъ,

или тяжело работать за поденную плату, или умирать съ голода, воровать, или быть повѣшенными, какъ люди недостойные жить на землѣ.

Жирардъ Вистанлей.

6.

Земельный вопросъ означаетъ голодъ, жажду, отсутствіе одеждъ, заявленіе объ оставленіи мѣстъ, трудъ, потраченный даромъ, захватъ произведеній годового труда, уничтоженіе домовъ, нищета, болѣзни, смерть родителей, дѣтей, женъ, отчаяніе и одичаніе въ сердцахъ бѣдныхъ, когда законная сила поражаетъ ихъ въ самыя чувствительныя и жизненныя права человѣчества. Все это заключается въ земельномъ вопросѣ.

Кардиналъ Маннингъ.

Тотъ, кто владѣетъ земельной собственностью въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ то, что нужно ему для пропитанія своего и своей семьи, не только участникъ, но и виновникъ той нужды, тѣхъ бѣдствій и того развращенія, отъ которыхъ страдаютъ народныя массы.

13-е іюня.

Разумъ есть одинаковое и общее достояніе всѣхъ людей.

1.

Будда говорилъ: въ размышленіяхъ, въ жизни, въ разговорѣ, въ изученіи я никогда не забываю главнаго: требованія Разума.

2.

Разумное и нравственное всегда совпадаютъ.

3.

Кто хочетъ сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, тотъ долженъ отбросить угожденіе міру; кто хочетъ жить истинной жизнью, тотъ

пусть не руководится тѣмъ, что принято считать добромъ, а пусть тщательно доискивается, гдѣ и что есть истинное добро. Нѣтъ ничего святѣе и производительнѣе самостоятельной душевной пытливости. Прежде всего установите въ себѣ такое отношеніе къ явленіямъ жизни, а потомъ уже рѣшайте сами для себя всѣ возникающіе вопросы.

Эмерсонъ.

4.

Безумецъ, знающій свое безуміе, мудръ; но безумецъ, считающій себя мудрымъ, истинно безумецъ.

Если безумецъ будетъ общаться съ мудрымъ человѣкомъ всю свою жизнь, онъ такъ же мало познастъ истину, какъ ложка познаетъ вкусъ того, что она передаетъ въ ротъ.

5.

То, что мы признаемъ достоинство въ самомъ званіи „человѣкъ", обязываетъ насъ уважать въ человѣкѣ и то, какъ онъ пользуется логикой въ дѣлѣ употребленія своего разума. Человѣкъ долженъ не упрекать другого за его несообразности, не называть ихъ глупостями, не говорить, что они нелѣпы, но, наоборотъ, долженъ предположить, что въ основѣ ихъ должно быть что-нибудь разумное, и стараться найти это. Къ этому присоединятся еще дальнѣйшія обязанности: раскрыть тѣ ложныя представленія, которыя его обманули, и такимъ образомъ, объяснивъ причину его заблужденія, поддержать его довѣріе къ своему разуму. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можемъ мы убѣдить человѣка, когда мы не признали въ немъ разума. То же самое относится и къ упрекамъ въ порокахъ; эти упреки никогда не должны доходить до полнаго презрѣнія порочнаго человѣка. Не должно отрицать въ человѣкѣ его нравственное достоинство, не должно предполагать невозможность возстановленія его нравственнаго характера, такъ какъ такое предположеніе противно понятію человѣка, какъ нравственнаго существа, не могущаго никогда потерять способности доброй воли.

Кантъ.

6.

Я не могу никого сдѣлать лучше иначе, какъ только посредствомъ остатковъ добра, заключающихся въ немъ самомъ. Я не

могу никого сдѣлать умнѣе иначе, какъ только посредствомъ остатковъ благоразумія, заключающихся въ немъ.

Кантъ.

7.

Люди, увѣряющіе другихъ, что разумъ не можетъ быть руководителемъ жизни, это тѣ, разумъ которыхъ такъ извращенъ, что они ясно видятъ, что заведены въ болото.

Разумъ одинъ во всѣхъ людяхъ. Общеніе людей, воздѣйствіе ихъ другъ на друга, основано на разумѣ. Для каждаго человѣка обязательно требованье единаго во всѣхъ разума.

14-е іюня.

Въ житіяхъ святыхъ есть разсказъ про то, какъ старецъ, увидавъ во снѣ умершаго, слабаго по жизни, монаха въ лучшемъ мѣстѣ рая и спросивъ, за что удостоился этотъ не стоящій, со многими слабостями монахъ такого великаго блага, получилъ отвѣтъ: за то, что онъ въ жизни своей не осудилъ никого.

1.

Итакъ неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другого, ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, дѣлаешь то же.

Римлян. II, I.

2.

Не осуждайте чужихъ поступковъ. Осуждая другихъ, мы себя напрасно тревожимъ и впадаемъ въ большія ошибки. Вникайте въ самихъ себя, и трудъ вашъ не останется тщетнымъ.

3.

Чѣмъ строже и безжалостнѣе ты осудишь себя, тѣмъ справедливѣе и снисходительнѣе будешь судить другихъ.

Кунгъ Фау Дзи.

4.

Не ищи славы въ безславіи другихъ.

Человѣку развитому подобаетъ скрывать позоръ другихъ, даже тѣхъ, которые нанесли ему вредъ.

Не напоминай кающемуся про его прежнія прегрѣшенія.

Талмудъ.

5.

Скрой чужой грѣхъ—Богъ два проститъ.

6.

Легко замѣчать заблужденія другихъ, но трудно замѣтить свои; любятъ разбираться въ ошибкахъ своихъ ближнихъ, но скрываютъ свои, какъ плутъ старается спрятать свою фальшивую игральную кость.

Человѣкъ склоненъ постоянно порицать другихъ; онъ взираетъ только на ихъ ошибки, но его собственныя страсти разрастаются все болѣе и болѣе, удаляя его отъ улучшенія.

Буддійская мудрость.

Отучи себя отъ осужденія на словахъ, и ты почувствуешь въ своей душѣ увеличеніе способности любви, почувствуешь увеличеніе жизни и блага.

15-е іюня.

Любовь къ Богу значитъ любовь къ добру.

1.

Истинная любовь къ Богу есть нравственное чувство, основанное на ясномъ пониманіи идеала высшаго совершенства. Такъ что

любовь къ Богу совпадаетъ вполнѣ съ любовью къ добродѣтели, справедливости, добротѣ. Чаннингъ.

2.

Часто говорятъ: я не понимаю любви къ Богу. Вѣрнѣе сказать: я не понимаю никакой любви безъ любви къ Богу.

3.

Человѣкъ, усвоившій себѣ знаніе закона, но чуждый любви къ Богу, подобенъ тому казначею, коему вручены внутренніе ключи безъ внѣшнихъ. Талмудъ.

4.

Люби Предвѣчнаго, Бога твоего, такъ, чтобы черезъ тебя и другіе полюбили Его. Талмудъ.

5.

Исполняй Божьи заповѣди съ любовью. Не одно и то же — исполнять ихъ изъ любви къ Богу, или же изъ страха передъ Нимъ. Тамъ же.

6.

Какимъ чувствуетъ себя въ душѣ человѣкъ, такимъ, въ сущности, бываетъ и его Богъ; или онъ добрый, любящій, справедливый, или мстительный, гнѣвный и злобный.

Люси Малори.

7.

Если любишь человѣка, не любя въ немъ Бога, т.-е. добро, то такою любовью готовишь разочарованіе и страданіе.

8.

Всею душою твоею люби Бога и тогда, когда Онъ отнимаетъ у тебя душу твою, когда для прославленія святого имени Его тебѣ приходится жертвовать жизнью твоею. Талмудъ.

9.

Бойтесь Предвѣчнаго, Бога отцовъ нашихъ, и служите Ему изъ любви, ибо страхъ ведетъ къ стремленію избѣгать грѣха, а любовь — къ усердному исполненію заповѣдей Божіихъ. Талмудъ.

Вполнѣ достойно любви только совершенство.

Для того, чтобы испытывать совершенную любовь, мы должны или приписать совершенство несовершенному предмету нашей любви или любить совершенство—Бога.

16-е іюня.

Улучшить устройство жизни можетъ только нравственное совершенствованіе людей.

1.

У вселенной свои законы. Если мы живемъ сообразно съ ними, то законодатель благоволитъ къ намъ; если же нѣтъ, то наоборотъ. Скажите: какими законами и баллотировками разрѣшите вы, напримѣръ, такую задачу: „получить благородное дѣло, какъ продуктъ совмѣстной дѣятельности подлецовъ". Очевидно, что это неразрѣшимая дилемма. И сквозь какіе перегонные кубы вы бы ни пропускали ее, въ итогѣ получится все-таки подлость, хотя бы, можетъ-быть, и въ новомъ одѣяніи, въ новой окраскѣ. Пока мы продолжаемъ холопствовать, какъ можетъ руководителемъ нашимъ быть герой? Конечно, нами будетъ править, но не настоящій, а мнимый герой, имя которому сумасбродство; и оно подъ маской благовидности будетъ полно лицемѣрія и лжи, на которую природа отвѣтитъ всегда: нѣтъ и нѣтъ. Карлейль.

2.

Если государство достигнетъ своей цѣли, то установитъ такое же состояніе, какъ если бы повсюду воцарилась полная справедливость въ складѣ мыслей. Но внутренняя сущность и происхожденіе этихъ двухъ состояній прямо противоположны. Именно: въ послѣднемъ случаѣ состояніе было бы такое, что никто не хотѣлъ бы *творить* несправедливостей; въ первомъ же случаѣ такое, что никто

не хотѣлъ бы *терпѣть* несправедливостей, и избранныя средства совершенно отвѣчали бы этой цѣли. Такъ—одну и ту же миссію можно провести въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Такъ хищный звѣрь въ намордникѣ столь же безвреденъ, какъ и травоядное. Дальше же этого предѣла государство не можетъ вести: стало-быть, оно не можетъ развернуть передъ нами картину, какая сложилась бы при взаимной благожелательности и любви между всѣми.

Шопенгауэръ.

3.

Противъ окна, у котораго я пишу, огромный быкъ привязанъ за кольцо, продѣтое сквозь ноздри. Пощипывая траву, онъ обмоталъ свою веревку вокругъ столба и, какъ узникъ, стоитъ теперь, томимый голодомъ въ виду роскошной травы, лишенный возможности даже вскинуть голову, чтобы отогнать мухъ, которыя кусаютъ его плечи. Онъ много разъ дѣлалъ тщетныя усилія, чтобы освободиться, но всякій разъ, жалобно промычавъ, затихалъ, чтобы молча страдать.

Этотъ быкъ, обладающій мощной силой, но не имѣющій достаточнаго соображенія, чтобы понять, какъ ему можно освободиться, страдающій отъ голода посреди изобилія и дѣлающійся безпомощной жертвой слабѣйшихъ созданій,—представляется мнѣ какъ бы эмблемою рабочихъ классовъ.

Во всѣхъ странахъ люди, трудомъ которыхъ создается изобиліе богатства, бьются въ бѣдности. Въ то время, какъ прогрессирующая цивилизація расширяетъ горизонтъ мысли и пробуждаетъ новыя желанія, эти люди опускаются, ради удовлетворенія своихъ животныхъ потребностей, до уровня скотскаго существованія. Сознавая всю горечь неправды, чувствуя въ тайникахъ души, что они созданы совсѣмъ не для такой несчастной жизни,—люди эти тоже по временамъ борятся и протестуютъ. Но до тѣхъ поръ, пока они не научатся связывать слѣдствіе съ причиной; до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ, какимъ образомъ они спутаны и какъ они могутъ освободиться,—до тѣхъ поръ ихъ усилія и протесты будутъ столь же тщетными, какъ усилія и жалобныя мычанія запутавшагося быка,—будутъ даже болѣе тщетными. Я выйду изъ комнаты и отгоню быка, направляя его такъ, чтобы развернулась

веревка, тогда какъ людей никто не направитъ къ свободѣ. До тѣхъ поръ, пока они не станутъ пользоваться разумомъ, которымъ они одарены, никто не поможетъ имъ, никто не сдѣлаетъ ихъ свободными.

Конечная политическая власть, при всевозможныхъ формахъ правленія, всегда находится въ рукахъ массы. И въ дѣйствительности совсѣмъ не короли или аристократы, совсѣмъ не землевладѣльцы или капиталисты порабощаютъ повсюду народъ. Его порабощаетъ его невѣжество.

Генри Джорджъ.

4.

Рабочіе и капиталисты прежде, чѣмъ упорядочить свои отношенія, должны оставить древній Моисеевъ законъ „око за око и зубъ за зубъ“ и провести въ жизнь законъ любви,—поступать съ другими такъ, какъ желаешь, чтобы другіе поступали съ тобой.

Люси Малори.

5.

Нельзя бороться противъ дурной организаціи не только насиліемъ, но даже хорошей организаціей.

Отчего не организовать трудъ!

Можно заняться и этимъ. Но не надо забывать, что, организуя трудъ, мы достигаемъ не благополучія человѣчества, а лишь успѣшности и производительности самаго труда.

Благополучіе же человѣчества можетъ быть достигнуто только самостоятельнымъ нравственно-религіознымъ путемъ.

Вѣдь досадно и возмутительно не столько то, что существуетъ дурное общественное устройство, сколько то, что человѣкъ породилъ его, терпитъ его и даже пользуется имъ ради своихъ корыстныхъ цѣлей.

А что болѣе возмущаетъ, съ тѣмъ и надо начинать бороться.

Ѳедоръ Страховъ.

6.

Мы живемъ въ эпоху дисциплины, культуры и цивилизаціи, но далеко еще не въ эпоху морали. При настоящемъ состояніи людей можно сказать, что счастье государствъ растетъ вмѣстѣ съ несчастіемъ людей. И еще вопросъ, не счастливѣе ли мы были бы въ

первобытномъ состояніи, когда у насъ не было бы этой культуры, чѣмъ въ нашемъ настоящемъ состояніи.

Ибо какъ можно сдѣлать людей счастливыми, когда ихъ не дѣлаютъ нравственными и мудрыми! Кантъ.

Побороть общее зло жизни можно только однимъ средствомъ: нравственнымъ усовершенствованіемъ своей жизни.

Недѣльное чтеніе.

Первое горе.

(Разсказъ.)

Когда Гриша выходилъ на балконъ, ему стоило только прищурить свои большіе синіе глаза, чтобы видѣть за открытыми воротами конюшни круглый свѣтлый задъ Ловкаго въ его стойлѣ, рядъ уздечекъ на перегородкѣ и кучера Игната въ его старой безрукавкѣ. Обыкновенно Гриша не долго противился искушенію: онъ засовывалъ обѣ руки въ карманы своихъ коротенькихъ штанишекъ, спускался съ лѣсенки балкона и шелъ черезъ большой заросшій дворъ прямо въ конюшню.

— Ну, что?—спрашивалъ онъ Игната, оглядывая знакомую и милую ему обстановку каретнаго сарая, — лѣвая все еще хромаетъ?

— Хромаетъ еще, хромаетъ!—съ полной готовностью поддержать разговоръ отвѣчалъ Игнатъ.

— А хомутъ починилъ?

— Да вотъ починяю.

— Смотри: сегодня моего Королька никому не давать!

— Да развѣ моя воля? Скажутъ: „надо на станцію ѣхать, либо въ село, запрягай Королька“... Я и запрягу.

— Что это, право! все мою лошадь, все мою...—ворчливо замѣчалъ мальчикъ.—А овса ей всыпалъ?

— Откуда же я возьму, ежели мнѣ не приказано?— отвѣчалъ Игнатъ, и бородатое, обыкновенно хмурое лицо его принимало лукавое выраженіе.—Папенька не велѣлъ.

— Безъ овса! — отчаянно вскрикивалъ Гриша, и гнѣвныя слезы навертывались у него на глазахъ.

Игнатъ весело и ласково смѣялся.

— Ишь, порохъ какой! право, порохъ,—успокоительно говорилъ онъ.—Да ужъ будьте покойны: не обижу я вашего Королька. У другихъ отниму, а Королекъ у меня всегда въ полномъ удовольствіи.

Онъ ласково заглядывалъ въ глаза мальчику и проводилъ по его головѣ своей корявой, грубой рукой. Гриша успокоивался и начиналъ свой обычный обходъ. Онъ садился поочередно во всѣ экипажи, влѣзалъ на козлы и дѣлалъ попутно свои замѣчанія.

— Хо-орошая телѣжка!—говорилъ онъ тономъ знатока.

— Дурного въ ней нѣтъ! — сочувственно отзывался Игнатъ.

— И прочная?

— Дегтемъ вымажешься, баловникъ!—предостерегалъ кучеръ.— Нянюшка будетъ браниться.

Игнатъ служилъ въ усадьбѣ первый годъ, но очень быстро сошелся съ маленькимъ бариномъ, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба.

— Вотъ какъ я у Луховскихъ господъ жилъ, — начиналъ Игнатъ.—Была у нихъ лошадь...

— Ты у нихъ до насъ жилъ?

— Нѣтъ. До васъ жилъ я тутъ у одного купца... Конечно, нужда... Безъ нужды дня бы у него не прожилъ!.. Тоже въ судъ!.. А за что меня въ судъ? Развѣ я чужое бралъ?

— А развѣ тебя купецъ хотѣлъ судить?

— Чего ужъ тамъ хотѣлъ! прямо, значитъ, подалъ жалобу. Будто я у него лошадь и телѣгу увелъ. Жалованья не платилъ цѣлый годъ, а отпустить тоже не отпускаетъ. Живи! Мы съ бабой и такъ и этакъ. Пользуется, значитъ, что пачпорта не было. Что ты тутъ дѣлать будешь? Взяли мы съ Матреной, съ бабой моей, ночью лошадь въ телѣгу запрягли, да и... домой. Не пѣшкомъ же намъ было идти, да еще съ ребенкомъ малымъ, до дому-то верстъ 60 будетъ. Хватился купецъ, а насъ и слѣдъ простылъ. Лошадь я бы ему вернулъ. Неужто взялъ бы? А онъ, вишь, разсвирѣпѣлъ, что даровой работникъ ушелъ, да въ судъ, да жалобу: такъ, молъ, и такъ, обокрали.

— И судили тебя?

— Говорятъ,— судили.

— Ну, какъ же?

— А вотъ и такъ же!—неопредѣленно отвѣчалъ Игнатъ, и густыя брови его озабоченно хмурились и все лицо надолго принимало угрюмое, почти страдальческое выраженіе.

— А ты бы сказалъ, что не виноватъ, — совѣтовалъ Гриша серьезно.

— Да развѣ меня спрашивали? У насъ суды-то какіе? Гдѣ она, соколикъ, правда-то? Судили, судили, да воромъ меня и сдѣлали. Вотъ какъ!

— Какъ сдѣлали?—жадно допытывался мальчикъ.

— А вотъ такъ! — хмурясь и горько усмѣхаясь, отвѣчалъ Игнатъ.

Иногда разговоръ принималъ другое направленіе.

— Развѣ Матрена твоя жена?—спрашивалъ Гриша.

— А то чья же!—добродушно отзывался Игнатъ.

— Чего же она не съ тобой, а все въ землянкѣ хлѣбы печетъ?

Игнатъ улыбался.

— А чего ей тутъ со мной? Сказки мнѣ, что ли, сказывать?

— Зачѣмъ сказки?—горячо возражалъ мальчикъ.—Мама сказки папѣ не разсказываетъ, такъ живетъ... А Полька, значитъ, твоя дочь?

— Значитъ, дочь.

— А еще у васъ дѣти были?

— Нѣтъ, только и всего.

— Отчего у васъ больше не было?

Игнатъ смѣялся и крутилъ головой.

— Ну, ужъ и ребенокъ!—говорилъ онъ.

— Чего смѣешься?—слегка обижаясь и объясняя свою мысль, продолжалъ Гриша.—Вотъ у папы съ мамой трое дѣтей... Игнатъ!—ласково просилъ онъ тутъ же, заглядывая въ глаза своего пріятеля,—когда уѣдемъ въ городъ, ты ужъ побереги моего Королька.

— Уберегу! уберегу!—обѣщалъ Игнатъ.—Да только, милый, какъ бы мнѣ раньше вашего не уѣхать.

— А куда?—удивленно спрашивалъ мальчикъ.

— А вотъ... туда!—съ своей обычной загадочной манерой отвѣчалъ Игнатъ.

Нерѣдко задушевную бесѣду друзей прерывала старуха няня.

— Гришенька! здѣсь, что ли?—спрашивала она, заглядывая въ сарай.—И что это, право, — ворчливо продолжала она, — господское дитё, а въ конюшнѣ живмя живетъ. Вотъ, пожалуюсь мамѣ! Скажите на милость: пріятеля себѣ нашелъ. Иди сейчасъ, иди! А ты, непутевый,—обращалась она къ Игнату,—чѣмъ тебѣ ребенка образумить, ты его пуще заманиваешь.

— Да я что же, Анна Герасимовна? я ничего,—сконфуженно оправдывался Игнатъ.—Если бы я его дурному училъ...

— Еще бы тебя въ учителя! — презрительно замѣчала няня.— Иди, баловникъ, иди!

Отца и мать Гриша видѣлъ большей частью только за столомъ. Отецъ всегда былъ занятъ, мать цѣлыми днями сидѣла у себя въ спальнѣ и считалась нездоровой. Когда у нея не болѣла голова, то болѣло что-нибудь другое, что не позволяло ей переносить шумнаго общества дѣтей и даже яркаго свѣта дня. Когда Гришѣ приходила въ голову мысль забѣжать къ ней, она ласкала его, порывисто цѣловала несчетное число разъ и сейчасъ же просила уйти и не безпокоить ее.

Иногда Гриша сопротивлялся.

— Мама,—говорилъ онъ,—я буду сидѣть тихо, очень тихо.

Онъ садился въ кресло и складывалъ руки на колѣняхъ.

— Ты здоровъ?—съ безпокойствомъ спрашивала мать.

— Да,—разсѣянно отвѣчалъ онъ, занятый какой-нибудь посторонней мыслью, и сейчасъ же переходилъ на интересующій его вопросъ.

Говорилъ онъ шопотомъ, чтобы не нарушать общаго настроенія тишины и спокойствія.

— Мама,—шепталъ онъ,—отчего, когда жарко, непремѣнно вспотѣешь?

— А тебѣ жарко?—спрашивала мать.

— Жарко... А ты думаешь я въ двухъ рубашкахъ?

— Развѣ въ одной?

— Конечно, въ одной! Вотъ!—звонко вскрикивалъ Гриша и, разстегнувъ воротъ ситцевой косоворотки, показывалъ свою голую грудь.

Мать болѣзненно морщилась.

— Зачѣмъ ты кричишь?—упрекала она.

— Ахъ, я забылъ!—виновато говорилъ мальчикъ и умолкалъ.— Мама!—шепталъ онъ опять минуту спустя,—скажи: зачѣмъ хвостъ?

— Какой хвостъ?

— А у лошадей, у собакъ?

— Какъ, зачѣмъ? Такъ, просто хвостъ. Такъ ужъ устроено.

— Анъ не просто! а мухъ махать. Чѣмъ бы имъ мухъ-то махать?

Болтовня мальчика начинала раздражать нервную женщину, но она еще терпѣла молча, въ полной увѣренности, что Гришѣ самому надоѣстъ полумракъ комнаты, и онъ уйдетъ. Но Гриша скользилъ по спинкѣ кресла, укладывался спиной на сидѣньѣ и задиралъ ноги, закладывая ихъ одну на другую.

— Мама!—говорилъ онъ опять,—а ты знаешь, гдѣ заводятся блохи?

Мать брезгливо морщилась и закрывала глаза.

— Ну ужъ, Гриша! Что это за разговоръ!

— Въ гужахъ. Если заведутся блохи, надо гужи выбросить и ужъ новые...

— Вотъ что значитъ, что ты все по конюшнямъ! Съ осени найму тебѣ гувернантку. Мнѣ стыдно за тебя!

— Отчего стыдно-то?—спрашивалъ мальчикъ.

— Ну, хорошо. Ну, иди! Иди къ нянѣ и сестрамъ. Все ты или одинъ, или съ мужиками.

Гриша глубоко вздыхалъ, нехотя подымался съ кресла и опять вздыхалъ: ему еще не хотѣлось уходить изъ прохладной комнаты, отъ своей грустной, больной, но все же нѣжно-любимой мамы.

— Поцѣлуй меня!—тихо говорила мать.

Онъ цѣловалъ, терся лицомъ объ ея лицо, а она нащупывала подъ рубашкой его острыя плечики и впадала въ жалобный тонъ:

— Худой ты у меня! блѣдненькій! Гриша, отчего ты такой?

— Шалю!—отвѣчалъ по привычкѣ мальчикъ, но сострадательная нѣжность матери дѣйствовала на его нервы и жалобила его.

— Ты у меня плохонькій! И тебѣ не легко! И у тебя часто невесело на душонкѣ, мой мальчикъ!

И случалось, что, тронутый ея жалостью и непонятными еще для него словами, Гриша вдругъ начиналъ рыдать на ея плечѣ.

— Что ты? о чемъ ты? — испуганно допрашивала его мать и трогала его голову, чтобъ узнать, нѣтъ ли жару.

Но Гриша сейчасъ же успокаивался и уходилъ. И не успѣвалъ онъ дойти до двери, какъ уже забывалъ о своихъ безпричинныхъ слезахъ, занятый какой-нибудь новой интересной мыслью. Что-то еще вздрагивало и всхлипывало въ груди, а онъ уже радостно нащупывалъ въ карманѣ забытую веревку и соображалъ, какое бы сдѣлать изъ нея наилучшее употребленіе.

А между тѣмъ первое серьезное горе уже висѣло надъ его головой.

Въ одно утро отецъ, не отрываясь отъ газеты, сказалъ мамѣ черезъ столъ:

— Да... ты знаешь? За Игнатомъ пріѣхали!

— Пріѣхали? уже? — испуганно переспросила мама и, словно обдумывая что-то, опустила на столъ недопитую чашку.

— Неужели ничего нельзя было сдѣлать? вѣдь у нихъ дѣти,— тихо сказала она.

— Что жъ прикажешь?—сказалъ отецъ, пожавъ плечами.—Не связываться же съ этимъ мерзавцемъ... ну, какъ его тамъ? съ купцомъ, этимъ... Я его немного знаю: кулакъ и мошенникъ.

— Ну, вотъ видишь, тѣмъ болѣе,—сказала мама.

— Чего же, тѣмъ болѣе? Увелъ лошадь да еще замокъ сломалъ, ну, значитъ, воровство со взломомъ... Дѣло ясно.

— Но что же имъ было дѣлать?—спросила мама.—Вѣдь этотъ человѣкъ воспользовался какой-то задержкой съ паспортомъ, не платилъ жалованья, вымогалъ даровую работу... Вѣдь Игнатъ просто убѣжалъ изъ рабства...

— А уводить лошадь все-таки не слѣдовало! Ну, будетъ, что теперь толковать!—съ досадой отвѣтилъ отецъ и опять углубился въ газету.

Гриша жадно слушалъ и ничего не понималъ.

— Мама, куда везутъ Игната?—спросилъ онъ, широко раскрывая глаза.

Мать разсѣянно поглядѣла на него, но вдругъ вспомнила о дружбѣ мальчика съ кучеромъ, чуть-чуть нахмурилась и отвела глаза.

— Кто пріѣхалъ за Игнатомъ, мама?—продолжалъ допытываться Гриша.

— Отчего не сказать ему?—недовольнымъ тономъ заговорилъ отецъ.—Что это за вѣчная боязнь огорчить, повліять на нервы? И выйдетъ какая-то мокрая курица, тряпка, а не человѣкъ...

— Боже мой, да говори самъ, развѣ я мѣшаю!—со слезами на глазахъ вскрикнула мама, подняла руки къ вискамъ и вышла изъ-за стола.

— Вѣчныя сцены! вѣчныя сцены!—закричалъ ей вслѣдъ отецъ.

— Твоего Игната везутъ въ острогъ за кражу со взломомъ. Понимаешь? — сказалъ онъ жестко. Гриша поблѣднѣлъ.— Игната за кражу, а его жену Матрену за пособничество. Его на три года, а ее на полтора.

— А Польку?—спросилъ Гриша.

— А Польку... Ну, что жъ Польку? Конечно, ее не въ острогъ... Я ужъ не знаю, куда ее... Польку.

Гриша въ упоръ глядѣлъ на отца, и глаза его дѣлались блестящими и злыми. Онъ блѣднѣлъ все сильнѣе, но онъ боялся отца и сдерживался, насколько могъ.

— Это за что же?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— Онъ укралъ, тебѣ говорятъ. Или все равно, что укралъ.

— Совсѣмъ не все равно!.. И самъ же ты сказалъ, что купецъ мошенникъ.

— Ну, сказалъ.

— Такъ что же это? Какъ же это? Развѣ это можно?

Отецъ вдругъ разсердился.

— Пожалуйста, пожалуйста, безъ исторій! Разбаловали такъ, что силъ нѣтъ никакихъ.

Сдерживаясь, насколько могъ, Гриша всталъ и вышелъ изъ комнаты. Но только онъ очутился за дверью, какъ гнѣвъ и обида

на кого-то словно стиснули ему горло. Онъ побѣжалъ по коридору и выскочилъ на балконъ. Его первой мыслью было повидать Игната, но ворота конюшни были заперты, и это означало, что Игната тамъ нѣтъ. Гриша побѣжалъ въ дѣвичью. Тамъ у стола сидѣла няня и пила чай, а противъ нея сидѣлъ какой-то незнакомый Гришѣ мужчина въ военной формѣ. Военный, манерно отставляя локоть, доставалъ изъ банки варенье и ѣлъ, запивая его чаемъ. Гриша сейчасъ же узналъ нянину банку и понялъ, что няня угощаетъ военнаго, но онъ былъ такъ занятъ неожиданной вѣстью объ отъѣздѣ Игната, что не обратилъ вниманія на присутствіе нянинаго гостя.

— Няня, кто пріѣхалъ за Игнатомъ?—дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

Няня отвѣтила не сразу.

— Да, отвезутъ теперь твоего голубчика; не будешь больше отъ няньки бѣгать.

— Кто пріѣхалъ, няня?

— Теперь ужъ не отвертится... Кто пріѣхалъ-то? да вотъ кто пріѣхалъ.

Гриша понялъ не сразу. Тотъ, кто долженъ былъ везти Игната и Матрену въ тюрьму, представлялся ему огромнымъ, страшнымъ и отвратительнымъ на видъ, а на него глядѣло загорѣлое, добродушное лицо нянинаго гостя и улыбалось не то смущенной, не то просто глупой улыбкой. Кромѣ него и няни, никого больше въ комнатѣ не было. Наконецъ, Гриша понялъ.

— Ты?—удивленно и недовѣрчиво спросилъ онъ, глядя въ упоръ на военнаго.

— Я-съ!—осклабляясь въ широкую улыбку, отвѣтилъ тотъ, видимо колеблясь, встать ли ему передъ барченкомъ, или продолжать сидѣть.

—Ты? Ты... ты негодный!.. я тебя... я тебя расколочу!—взвизгнулъ онъ и бросился впередъ.

Но вдругъ лицо его передернулось, углы рта задрожали, и онъ заплакалъ громко и жалобно, какъ плачутъ безпомощныя, огорченныя дѣти. Урядникъ смущенно смѣялся и оглядывался по сторонамъ, разводя руками...

Гриша убѣжалъ въ дѣтскую, забился въ уголъ около своей кровати и прижался къ стѣнѣ, держась обѣими руками за грудь. Безсильное негодованіе все еще клокотало въ немъ и искало себѣ исхода. Онъ увидалъ на полу сестрину куклу, сталъ топтать ее ногами и, наконецъ, отшвырнулъ ее въ другой конецъ комнаты. На стѣнѣ висѣла его собственная картинка; онъ сорвалъ ее и бросилъ на полъ. Отъ такой усиленной дѣятельности нервная напряженность его нѣсколько ослабла: онъ сѣлъ, прислонился лбомъ къ желѣзу кроватки, затихъ и сталъ мечтать... Онъ мечталъ о силѣ...

Ему нужна была сила, чтобы мстить, чтобы покарать всѣхъ этихъ жестокихъ и виноватыхъ людей: судей, которые осудили Игната, урядника, который долженъ былъ увезти его; няню за то, что она угощала урядника вареньемъ, и даже отца... На отца Гриша негодовалъ за его видимое равнодушіе къ судьбѣ Игната. Онъ долженъ былъ заступиться, долженъ былъ прогнать урядника, а онъ оставался спокойнымъ, читалъ свои газеты и даже сказалъ, что Игнатъ „все равно, что воръ“.

Гришѣ хотѣлось отомстить всѣмъ этимъ людямъ, такъ жестоко обижавшимъ его друга.

Онъ думалъ о томъ, какъ онъ накажетъ отца, няню, урядника и, придумывая наказанія, ковырялъ ногтемъ отставшую краску на желѣзѣ. Вдругъ онъ насторожился: ему послышался громкій говоръ отца и въ отвѣтъ ему робкій голосъ Игната. Мигомъ онъ вскочилъ и выбѣжалъ въ дѣвичью. Среди комнаты, низко опустивъ голову, стояли Игнатъ и Матрена и переминались съ ноги на ногу. Около Матрены, уткнувшись носомъ въ сборки ея платья, стояла Полька, а мать глядѣла на нее сверху, и на лицѣ ея было больше тупого недоумѣнія, чѣмъ страха и горя. Сзади нихъ, изъ-за дверей выглядывали любопытныя лица дворни.

— Ну, ладно,—громко говорилъ Гришинъ отецъ,—теперь ужъ поздно и ничего не подѣлаешь. Насчетъ Польки не безпокойтесь. Худо ей не будетъ, а въ животѣ и смерти одинъ Богъ воленъ. Обѣщаемся ее беречь. Съ Богомъ, Игнатъ! Что жъ дѣлать?!

Отецъ махнулъ рукой, какъ бы давая понять, что прощаніе кончено, но никто не трогался съ мѣста. Игнатъ молчалъ и тупо глядѣлъ себѣ подъ ноги.

— Да, мы обѣщаемся,—дрожащимъ голосомъ прибавила мама, протянула руку къ Полькѣ, но сейчасъ же опустила ее и отвернулась.

— Дѣла теперь уже не поправишь!—опять заговорилъ отецъ, видимо начинавшій тяготиться нѣмой сценой отчаянія этихъ людей. — Ужъ надо какъ-нибудь... Срокъ не такъ великъ, переживешь. Что же дѣлать?

Матрена тихо отстранила Польку, сдѣлала шагъ впередъ и молча повалилась барынѣ въ ноги, касаясь лбомъ пола.

— Матрена!—вскрикнула та, и слезы сразу брызнули у нея изъ глазъ.—Не кланяйся мнѣ, Матрена! Повѣрь ты мнѣ: я уберегу твою дѣвочку. Я тебѣ клянусь... Не кланяйся въ ноги!

Она наклонилась, дотронулась дрожащей рукой до плеча Матрены и сама опустилась на полъ рядомъ съ ней.

— Надо терпѣть... Всѣмъ надо терпѣть!—торопливо шептала она.—Всѣмъ надо...

— Ну, довольно, довольно!—не скрывая своего нетерпѣнія, заговорилъ отецъ. — Я очень огорченъ. Я былъ доволенъ тобой, Игнатъ. Отбудешь срокъ, приходи опять. Возьму. И не безпокойся за дочь. Съ Богомъ теперь!

Онъ взялъ за руку жену и хотѣлъ увести ее съ собой, но та освободила руку и еще разъ крѣпко обняла Матрену.

— Надо терпѣть!—шепнула она еще разъ.

Матрена встала. Она обвела комнату недоумѣвающимъ взглядомъ и остановилась на Гришѣ. Одинъ мигъ женщина и мальчикъ глядѣли другъ другу въ глаза, потомъ Гриша робко опустилъ рѣсницы и двинулся впередъ.

— Прощай!—сказалъ онъ очень тихо и очень ласково. Но Матрена продолжала глядѣть на него молча, все еще недомѣвая надъ чѣмъ-то. Тогда Гриша направился къ Игнату. Онъ протянулъ руку, Игнатъ взялъ ее и вдругъ наклонился къ самому лицу ребенка.

— Польку... будешь жалѣть?—спросилъ онъ.

— Буду!—серьезно и торжественно отвѣтилъ Гриша и смѣлымъ, блестящимъ взоромъ взглянулъ въ печальные глаза своего друга. Игнатъ провелъ рукой по головѣ мальчика, истово перекрестился на образъ и направился къ двери.

— Матрена!—позвалъ кто-то изъ дворни.—Матрена! Игнатъ-то вышолъ. Ждутъ тебя, поди! Телѣга у крыльца.

Молодая женщина встрепенулась, тупое выраженіе недоумѣнія смѣнилось испугомъ. Рядомъ съ ней, попрежнему уткнувшись лицомъ въ складки платья, стояла Полька и дрожала всѣмъ тѣломъ. Она медленно повернулась и вышла.

Мальчикъ, сдерживая рыданія, сначала шагомъ, потомъ бѣгомъ вбѣжалъ въ дѣтскую и сѣлъ опять за кровать, мрачно смотря передъ собой. Въ коридорѣ послышались шаги отца. Онъ вошелъ въ дѣтскую и остановился передъ Гришей.

— Что ты тутъ сидишь? Иди къ нянькѣ,—сказалъ онъ.

Мальчикъ молчалъ и не трогался съ мѣста.

— Гриша!—строго крикнулъ отецъ,—тебѣ я говорю, или нѣтъ?

Ребенокъ поднялъ голову и остановилъ на немъ серьезный, непріязненный и пристальный взглядъ.

— Послушай,—невольно смягчаясь, заговорилъ отецъ,—ты, кажется, сердишься на меня? Я-то тутъ при чемъ? Развѣ я виноватъ? Это мнѣ тебя слѣдовало бы хорошенько отчитать: какъ ты смѣлъ кричать на урядника? Да говори же!—нетерпѣливо крикнулъ онъ, чувствуя, что упорный взглядъ сына раздражаетъ и какъ будто стѣсняетъ его.

— Пусть...—тихо и спокойно сказалъ Гриша.

— Что пусть?

— Пусть ты меня бранишь. Мнѣ теперь все равно.

Отецъ немного растерялся.

— Ну, прекрасно!—сказалъ онъ.—А я съ тобой теперь и говорить не хочу.

Онъ повернулся и направился къ двери.

— По-твоему,—крикнулъ ему вслѣдъ Гриша,—по-твоему, его вареньемъ кормить, какъ няня?

Отецъ остановился.

— Всякій дѣлаетъ свое дѣло,—замѣтилъ онъ,—исполняетъ свой долгъ. Уряднику приказано было ѣхать за Игнатомъ, онъ поѣхалъ. Онъ хорошій, добрый человѣкъ, а ты обидѣлъ его. И ты обидѣлъ меня, няньку... За что?

Гриша медленно опустилъ глаза, и на лицѣ его ясно выразились недоумѣніе и боль.

— Нехорошо, братъ!—укоризненно заключилъ отецъ и вышелъ изъ комнаты.

Гриша сидѣлъ неподвижно.

„Нехорошо, братъ!—вспомнился ему укоризненный, почти ласковый голосъ отца.—Нехорошо?.. Обидѣлъ?..—мучительно раздумывалъ мальчикъ.—Я обидѣлъ... А они всѣ... Игната... за что?"

Гриша опустилъ голову и по дѣтски нахмурился.

„Всякій дѣлаетъ свое дѣло... А какъ же вышло такое нехорошее, злое дѣло?.."

Онъ поднялъ глаза, и въ его остановившемся взглядѣ застылъ мучительно-тяжелый вопросъ.

Л. Авилова.

17-е іюня.

Бѣдствія войнъ и военныхъ приготовленій не только не соотвѣтствуютъ тѣмъ причинамъ, которыя выставляются въ ихъ оправданіе, но причины ихъ, большей частью, такъ ничтожны, что не стоятъ обсужденія и совершенно неизвѣстны тѣмъ, которые гибнутъ въ войнахъ.

1.

Безуміе современныхъ войнъ оправдывается династическимъ интересомъ, національностью, европейскимъ равновѣсіемъ, честью. Оправданіе войнъ честью самое странное, потому что нѣтъ ни одного народа, который не осквернилъ бы себя во имя чести всѣми преступленіями и постыдными поступками. Нѣтъ ни одного, который во имя чести не испыталъ бы всевозможныхъ униженій. Ежели же и существуетъ честь въ народахъ, то какой же странный способъ поддерживать ее войной, т.-е. всѣми тѣми преступленіями, которыми безчеститъ себя частный человѣкъ: поджигательствомъ, грабежами, убійствомъ?..

Анатоль Франсъ.

2.

Вы спрашиваете: необходима ли еще война между цивилизованными народами? Я отвѣчаю: не только „уже" не необходима, но никогда не была необходима. Не иногда, но всегда она нарушала правильное историческое развитіе человѣчества, нарушала право, задерживала прогрессъ.

Если послѣдствія войнъ иногда и бывали выгодны для общей цивилизаціи, то вредныхъ послѣдствій было гораздо больше. Мы обманываемся потому, что только часть вредныхъ послѣдствій тотчасъ же очевидна. Большая часть ихъ, и самыхъ важныхъ, незамѣтна намъ. И потому мы не можемъ допустить слово „еще". Допущеніе этого слова даетъ право защитникамъ войны утверждать, что споръ между нами есть дѣло только временного соотвѣтствія и личной оцѣнки, и разногласіе наше тогда сведется къ тому, что мы считаемъ войну безполезной, тогда какъ они считаютъ ее еще

полезной. Они охотно согласятся съ нами, съ такой постановкой вопроса, и скажутъ, что война дѣйствительно можетъ сдѣлаться безполезной и даже вредной, но только завтра, но не нынче. Нынче же они считаютъ нужнымъ произвести надъ народомъ тѣ страшныя кровопусканія, называемыя войнами, которыя совершаются только для удовлетворенія личныхъ честолюбій самаго малаго меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войнъ: власть, почести, богатства малаго числа людей въ ущербъ массамъ, естественное легковѣріе которыхъ и предразсудки, вызываемые и поддерживаемые этимъ меньшинствомъ, дѣлаютъ войны возможными.

Гастонъ Мохъ.

3.

Удивительно, до какой степени самое ничтожное несогласіе можетъ превратиться въ священную войну. Когда Англія и Франція объявили войну Россіи въ 1855 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться въ дипломатическихъ архивахъ, чтобы понять эту причину. А вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдствіями этого страннаго недоразумѣнія была смерть 500 тысячъ добрыхъ людей и израсходованіе отъ 5 до 6 милліардовъ.

Въ сущности, причины были, но такія, въ которыхъ не признаются. Наполеонъ III хотѣлъ посредствомъ союза съ Англіей и счастливой войны утвердить свою, преступнаго происхожденія, власть; русскіе хотѣли захватить Константинополь; англичане хотѣли утвердить могущество своей торговли и помѣшать вліянію русскихъ на Востокѣ. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ, это всегда тотъ же духъ завоеванія и насилія.

Рише.

4.

Иногда одинъ властитель нападаетъ на другого изъ страха, чтобы тотъ не напалъ на него. Иногда начинаютъ войну, потому что непріятель слишкомъ силенъ, а иногда потому, что онъ слишкомъ слабъ; иногда наши сосѣди желаютъ того, чѣмъ мы владѣемъ, или владѣютъ тѣмъ, чего намъ недостаетъ. Тогда начинается война до тѣхъ поръ, покуда они захватятъ то, что имъ нужно, или отдадутъ то, что нужно намъ.

Джонатанъ Свифтъ.

5.

Ни на какомъ изъ поступковъ людей не видна съ такой ясностью сила внушенія, какъ на войнѣ. Люди, милліоны людей дѣлаютъ съ восторгомъ, съ гордостью дѣло, признаваемое ими всѣми глупымъ, гадкимъ, вреднымъ, опаснымъ, разорительнымъ, мучительнымъ, злодѣйскимъ и ни на что не нужнымъ, знаютъ и повторяютъ всѣ доводы противъ этого дѣла и продолжаютъ дѣлать его.

6.

Сколько бы людей ни собралось вмѣстѣ, чтобы совершить убійство, и какъ бы они себя ни называли, убійство все же самый худшій грѣхъ въ мірѣ.

Поводы, выставляемые правительствомъ къ войнамъ и содержанію войскъ, всегда ширмы, за которыми скрываются злыя побужденія войнъ.

18-е іюня.

Сознаніе долга даетъ намъ сознаніе божественности нашей души, и наоборотъ, сознаніе божественности нашей души даетъ намъ сознаніе долга.

1.

Въ нашей душѣ есть нѣчто такое, что мы, если мы обратимъ на него какъ слѣдуетъ вниманіе, будемъ всегда наблюдать съ величайшимъ удивленіемъ (а гдѣ удивленіе законно, тамъ оно въ то же время дѣйствуетъ на нашу душу возвышающе),—это нѣчто—первоначальныя нравственныя наклонности, заложенныя въ насъ.

Кантъ.

2.

Достоинство человѣка—въ томъ духовномъ началѣ, которое называется иногда разумомъ, иногда совѣстью. Начало это, поднимаясь выше мѣстнаго и временного, содержитъ несомнѣнную истину и вѣч-

ную правду. Въ средѣ несовершеннаго оно видитъ совершенство. Оно всеобще, безпристрастно и всегда въ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что пристрастно и себялюбиво въ человѣческой природѣ. Это начало властно говоритъ каждому изъ насъ, что ближній нашъ столь же драгоцѣненъ, какъ и мы, и что его права столь же священны, какъ и наши. Оно велитъ мнѣ воспринимать истину, какъ бы она ни противна была моей гордости, и быть справедливымъ, какъ бы это ни было невыгодно мнѣ. Оно же, это начало, призываетъ меня къ тому, чтобы любовно радоваться всему тому, что прекрасно, свято и счастливо, въ комъ бы я ни встрѣтилъ эти свойства. Начало это есть лучъ Божества въ человѣкѣ. Чаннингъ.

3.

Люди достигаютъ небесной радости въ человѣческой формѣ: достигаютъ блаженства. Такіе люди поглощены желаніемъ доброй жизни; для нихъ нѣтъ препятствій, они чисты. Когда же умъ и сердце чисты, то имъ открывается Божество.

Браминская мудрость.

4.

Новая, тайная, радостная и сверхъестественная красота представляется человѣку, когда сердце его открывается добродѣтели. Онъ познаетъ тогда то, что выше его. Онъ знаетъ тогда, что существо его безпредѣльно, узнаётъ, что какъ ни низокъ онъ теперь, онъ рожденъ для добра, для совершенства... То, что онъ почитаетъ, теперь уже принадлежитъ ему, хотя онъ еще не ощущаетъ его. *Онъ долженъ,* онъ знаетъ теперь значеніе этого великаго слова. Эмерсонъ.

Голосъ совѣсти—голосъ Бога.

19-е іюня.

Совѣсть есть сознаніе своего духовнаго начала. И только тогда, когда она есть такое сознаніе, она—вѣрный руководитель жизни людей.

1.

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно—слѣпое, чувственное, и другое—зрячее, духовное. Слѣпое животное ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее, духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее это—духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчіи мы называемъ совѣстью,—можно сравнить съ стрѣлкою компаса, которая всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ, противоположнымъ, на зло, и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью.

2.

Богъ далъ вамъ преданіе, или сознаніе всего человѣчества, и ваше личное сознаніе, т.-е. вашу совѣсть, какъ тѣ два крыла, при помощи которыхъ вы можете приближаться и возноситься къ Нему и познавать истину. Зачѣмъ же вы хотите подрѣзать одно изъ этихъ крыльевъ? Зачѣмъ уединяться отъ міра или поглощаться міромъ? Зачѣмъ заглушать или голосъ своей совѣсти, или голосъ человѣчества? Оба они священны. Богъ говоритъ вамъ и тѣмъ и другимъ. Каждый разъ, какъ они совпадаютъ, когда голосъ вашего сознанія или совѣсти подтверждается сознаніемъ человѣче-

ства, вы находитесь въ присутствіи Бога и можете быть увѣрены, что нашли истину, или прочли, по крайней мѣрѣ, часть закона Бога, такъ какъ одинъ голосъ служитъ провѣркой другого.

Іосифъ Мадзини.

3.

Люди говорятъ о преданіи нравственнаго ученія, или религіи, и о совѣсти, какъ о двухъ раздѣльныхъ руководителяхъ человѣка. Въ дѣйствительности же есть только одинъ руководитель—совѣсть. Совѣсть признаетъ или не признаетъ преданія, нравственнаго ученія, или религіи.

4.

Совѣсть! Ты божественный, безсмертный и небесный голосъ, ты единственный вѣрный руководитель невѣжественнаго и ограниченнаго, но разумнаго и свободнаго существа, ты непогрѣшимый судья добра, ты одинъ дѣлаешь человѣка подобнымъ Богу! Отъ тебя превосходство его природы и нравственность его поступковъ. Безъ тебя нѣтъ во мнѣ ничего, возвышающаго меня надъ животнымъ, кромѣ печальнаго преимущества путаться въ заблужденіяхъ вслѣдствіе безпорядочнаго разсудка и разума безъ руководства.

Руссо.

5.

Ты молодъ и переживаешь время увлеченія, страстей. Тѣмъ болѣе въ этой порѣ слушай голосъ своей совѣсти, почитай его выше всего. Не отступай отъ него ни ради похоти, ни ради страсти, ни ради подчиненія людскимъ внушеніямъ, обычаямъ, даже если бы ихъ называли закономъ. Всегда спрашивай себя: согласно ли это съ моей совѣстью? Будь мужественъ и самоотверженъ ради требованій совѣсти. Не бойся того, что разойдешься съ мнѣніемъ людей.

Паркеръ.

6.

Человѣкъ какъ будто всегда слышитъ за собой голосъ, но не можетъ повернуть голову и увидать говорящаго. Голосъ этотъ говоритъ на всѣхъ языкахъ, управляетъ всѣми людьми, но никто никогда не видалъ говорящаго. Если только человѣкъ станетъ точно повиноваться этому голосу, приметъ его въ себя такъ, что

не будетъ болѣе въ мысляхъ отдѣлять себя отъ него, ему будетъ казаться, что онъ самъ есть этотъ голосъ, онъ сольется съ нимъ. И чѣмъ ненасытнѣе онъ будетъ слушать этотъ голосъ, тѣмъ большая мудрость сообщится ему, и голосъ этотъ разрастется въ величественный и торжественный звукъ, который откроетъ ему блаженную жизнь. Но если онъ занятъ вещами, которыя надо сдѣлать, а не той истиной, ради которой вещи должны быть дѣлаемы, тогда голосъ этотъ становится слабъ и слышится только какъ слабое жужжаніе.

Эмерсонъ.

7.

Отъ насъ зависитъ, заглушить ли нашу совѣсть или озариться отъ нея свѣтомъ, прислушиваясь къ ней: если она повелѣваетъ намъ сдѣлать что-нибудь, и мы этого не исполняемъ, если она продолжаетъ насъ предупреждать, и мы все-таки не внимаемъ ей, то голосъ ея начинаетъ мало-по-малу ослабѣвать и, наконецъ, совершенно замолкаетъ. Поэтому постоянно прислушивайтесь къ ней. Не обращая вниманія на ничтожные проступки, мы легко можемъ впасть въ большія прегрѣшенія. Незначительныя погрѣшности чаще всего прививаютъ намъ опасныя привычки. Постараемся пресѣчь зло, пока оно еще не пустило въ насъ глубокихъ корней. Зло и добро возрастаютъ въ насъ по мѣрѣ того, какъ мы допускаемъ ихъ въ наше сердце.

Берегись всего того, что внушается тебѣ безъ повѣрки твоего внутренняго сознанія.

Когда тебѣ говорятъ: „не вѣрь своей совѣсти“, будь увѣренъ, что тебя хотятъ обмануть, и не поддавайся.

20-е іюня.

Разумъ есть то начало, которое соединяетъ людей. Любовь влечетъ къ этому единенію, разумъ совершаетъ его.

1.

Человѣкъ мыслитъ—такъ онъ созданъ. Ясно, что онъ долженъ мыслить разумно. Разумно мыслящій человѣкъ прежде всего думаетъ о томъ, для какой цѣли онъ долженъ жить: онъ думаетъ о своей душѣ, о Богѣ. Посмотрите же, о чемъ думаютъ мірскіе люди? О чемъ угодно, только не объ этомъ. Они думаютъ о плясках, о музыкѣ, о пѣніи и тому подобныхъ удовольствіяхъ; они думаютъ о постройкахъ, о богатствѣ, о власти; они завидуютъ положенію богачей и царей. Но они вовсе не думаютъ о томъ, что значитъ быть человѣкомъ. Паскаль.

2.

Одна изъ главныхъ обязанностей человѣка состоитъ въ томъ, чтобы заставить свѣтить во всю силу то свѣтлое начало разума, которое мы получаемъ отъ неба.

Китайская мудрость.

3.

Только то, что признаютъ и не могутъ не признавать всѣ люди, только то есть проявленіе истиннаго разума.

4.

Разумъ, который можно уразумѣть, не есть вѣчный разумъ. Имя, которое можно назвать, не есть вѣчное имя. Лао-Тсе.

5.

Есть существо, содержащее въ себѣ все и которое предшествуетъ существованію неба и земли; оно спокойно, оно безтѣлесно; свойства его называютъ разумомъ. Если нужно назвать его, я называю его Великимъ, Непостижимымъ, Удаленнымъ и Возвращающимся. Лао-Тсе.

6.

Не имѣющій разумѣнія найдетъ его, не думающій о немъ совершаетъ его дѣло. Конфуцій.

Ничто не можетъ измѣнить рѣшенія разума. Все, что мы знаемъ, мы знаемъ черезъ разумъ. И потому не вѣрь тѣмъ, которые го-

ворятъ, что не надо слѣдовать разуму. Тѣ, которые говорятъ такъ, подобны людямъ, которые совѣтовали бы затушить свѣтъ единственнаго фонаря, руководящаго нами во мракѣ.

21-е іюня.

Страданія жизни неразумной приводятъ къ сознанію необходимости разумной жизни.

1.

Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живетъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ, зналъ, что я несчастливъ и страдаю, и что вокругъ меня люди такъ же несчастливы и страдаютъ, и не видалъ никакого выхода, кромѣ смерти, изъ этого положенія. Я такъ же, какъ разбойникъ къ кресту, былъ пригвожденъ какой-то силой къ этой жизни страданій и зла. И какъ разбойникъ ожидалъ страшный мракъ смерти послѣ безсмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же.

Во всемъ этомъ я былъ совершенно подобенъ разбойнику, но различіе мое отъ разбойника было въ томъ, что онъ умиралъ уже, а я еще жилъ. Разбойникъ могъ повѣрить тому, что спасеніе его будетъ тамъ, за гробомъ, а я не могъ повѣрить этому, потому что, кромѣ жизни за гробомъ, мнѣ предстояла еще и жизнь здѣсь. А я не понималъ этой жизни. Она мнѣ казалась ужасною. И вдругъ я услыхалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастіе жизни, ненарушимыя смертью.

2.

Міръ, говоря вообще, состоитъ изъ блудныхъ сыновей и дочерей, которые растрачиваютъ свои жизненныя силы и средства на то, что не имѣетъ никакой цѣны. Они отходятъ все дальше и

дальше отъ „отчаго дома", питаясь, какъ блудный сынъ, рожками; наконецъ духовная бѣдность заставляетъ ихъ вернуться къ „отчему дому", и имъ приходится тогда, какъ младенцамъ, съ самаго начала изучать путь истинной жизни.

Люси Малори.

3.

Тремя путями мы познаемъ мудрость: *размышленіемъ*, — самый благородный путь; *подражаніемъ*, — это самый легкій, и третій— *опытный*,—это самый тяжелый.

Всѣ бѣдствія и всего человѣчества и отдѣльныхъ людей не безполезны и ведутъ человѣчество и людей, хотя и окольнымъ путемъ, все къ той же одной цѣли—совершенствованію, которая поставлена людямъ.

22-е іюня.

Истинная религія одна.

1.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но хуже всего то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Лактанцій.

2.

Различіе религій — какое странное выраженіе! Конечно, могутъ быть различныя *вѣры* въ историческія событія, употреблявшіяся не въ религіи, а въ исторіи, для укрѣпленія религіи, и относящіяся къ области учености средства, а точно такъ же могутъ быть различныя религіозныя книги (Зендавеста, Веды, Коранъ и т. д.). Но можетъ быть только одна дѣйствительная для всѣхъ временъ *религія*. Всѣ же различныя вѣры не могутъ содержать въ себѣ ничего иного, какъ только вспомогательное средство

для религіи, которое является случайно и можетъ быть различнымъ, смотря по различію времени и мѣста. **Кантъ.**

3.

Вѣрить можно только въ то, что несомнѣнно есть, но чего мы не можемъ обнять разумомъ.

4.

Большинству людей мы оказываемъ слишкомъ много чести, когда говоримъ про нихъ, что они исповѣдуютъ ту или иную религію. Ибо они не знаютъ и не ищутъ никакой религіи; уставная церковная вѣра — вотъ все, что они подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ. И такъ называемыя религіозныя войны, которыя такъ часто потрясали міръ и заливали его кровью, никогда не были ничѣмъ инымъ, какъ только препирательствами изъ-за церковной вѣры; и угнетенный жаловался, въ сущности, не на то, что ему препятствовали принадлежать къ его религіи, ибо этого не можетъ сдѣлать никакая внѣшняя сила, а на то, что ему не позволяли слѣдовать публично его церковной вѣрѣ. **Кантъ.**

5.

Утвержденіе о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ одинъ человѣкъ сказать другому.

6.

Различіе достоинства въ язычествѣ состоитъ въ той ступени, которая достигнута человѣкомъ; въ христіанствѣ достоинство состоитъ только въ процессѣ достиженія, въ большей или меньшей скорости движенія. Ни одинъ христіанинъ не можетъ считаться ни выше, ни ниже другого въ нравственномъ значеніи.

7.

Если ты мусульманинъ, иди и живи съ франками; если христіанинъ—живи съ евреями; если католикъ — живи съ схизматиками. Какая бы то ни была твоя религія, общайся съ людьми другихъ

вѣрованій. Если рѣчи ихъ не возмущаютъ тебя и ты можешь свободно общаться съ ними, ты достигъ мира.

Гафисъ сказалъ: предметъ всѣхъ религій одинъ и тотъ же; всѣ люди ищутъ любви и весь міръ есть обиталище любви, зачѣмъ же говорить о мечети или церкви! Суфи и Парси.

8.

Истинно вѣрующій человѣкъ—не тотъ, который слѣдуетъ извѣстному священнику, извѣстному ученію или библіи, а тотъ, который полагаетъ свою вѣру въ чистой совѣсти и ясной мысли—вѣрнѣйшихъ выразителяхъ воли Бога.

Гербертъ Бигеловъ.

Не бойтесь сомнѣній — смѣло изслѣдуйте разумомъ положенія вѣры.

23-е іюня.

Покорность Богу даетъ свободу передъ людьми.

1.

Рабъ, довольный своимъ положеніемъ, вдвойнѣ рабъ, потому что не одно его тѣло въ рабствѣ, но и душа его.

Бурке.

2.

Если люди дѣлаютъ зло, они дѣлаютъ зло самимъ себѣ; тебѣ же они не могутъ сдѣлать зла. Ты рожденъ не для того, чтобы творить зло и грѣшить вмѣстѣ съ людьми, но для того, чтобы помогать имъ въ добрыхъ дѣлахъ и въ этомъ находить свое счастье.

Знай и помни, что если человѣкъ несчастенъ, то онъ самъ въ этомъ виноватъ, потому что Богъ создалъ всѣхъ людей для ихъ счастья, а не для того, чтобы они были несчастны.

Изъ всего того, что Богъ предоставляетъ намъ въ этой жизни, Онъ одну часть отдалъ въ наше полное распоряженіе: она составляетъ какъ бы нашу собственность; другая же часть находится внѣ нашей власти, такъ сказать, не принадлежитъ намъ: все, что другіе могутъ связать, насиловать, отнять у насъ, не принадлежитъ намъ, а все то, чему никто и ничто не можетъ помѣшать и повредить, составляетъ нашу собственность. И Богъ по Своей благости далъ намъ въ нашу собственность какъ разъ то, что и есть настоящее благо. Значитъ, Богъ не врагъ намъ; Онъ поступилъ съ нами какъ добрый отецъ: Онъ не далъ намъ только того, что не можетъ дать намъ блага.

И потому мудрый человѣкъ заботится только о томъ, чтобы исполнять волю Божію, и размышляетъ въ глубинѣ своей души такъ: если Ты желаешь, Господи, чтобы я еще жилъ, то я буду жить такъ, какъ Ты велишь, буду распоряжаться тою свободой, которую Ты далъ мнѣ во всемъ, что принадлежитъ мнѣ.

Но если я Тебѣ больше не нуженъ, то пусть будетъ по-Твоему.

Я до сихъ поръ жилъ на землѣ единственно для того, чтобы служить Тебѣ; если же Ты пошлешь мнѣ смерть, то я уйду изъ міра, повинуясь Тебѣ, какъ служитель, понимающій приказанія и запрещенія своего хозяина. А пока я остаюсь на землѣ, я хочу быть тѣмъ, чѣмъ Ты хочешь, чтобы я былъ. Эпиктетъ.

3.

Человѣкъ, позволяющій нарушать его свободу, измѣняетъ своей природѣ и возстаетъ противъ велѣній Бога. Мадзини.

4.

Миръ прекрасенъ во всякой формѣ, но между миромъ и рабствомъ большая разница. Миръ—это свобода, ничѣмъ не нарушимая, рабство—это самое пагубное изъ золъ, противъ котораго нужно бороться всѣми силами до самой смерти. Цицеронъ.

5.

Помни, что измѣнить свое мнѣніе и слѣдовать тому, что исправляетъ твою ошибку,—болѣе соотвѣтствуетъ свободѣ, чѣмъ настойчивость въ своей ошибкѣ. Маркъ Аврелій.

6.

Я назову только ту душу свободной, которая дѣйствуетъ по внутреннимъ мотивамъ неизмѣнныхъ началъ, свободно воспринятыхъ ею. Я назову свободной ту душу, которая не подчиняется рабству обычая, которая не довольствуется старыми пріобрѣтенными добродѣтелями, которая не замыкается въ опредѣленныя правила, которая забываетъ то, что позади, а прислушивается къ призваніямъ совѣсти и радуется тому, что можетъ стремиться къ новымъ и высшимъ задачамъ.

Чаннингъ.

7.

Только та есть дѣйствительная обязанность, которая не имѣетъ цѣлью наше рабство. Только то есть знаніе, которое содѣйствуетъ нашей свободѣ. Всякая другая обязанность есть только новая усталость.

Всякое другое знаніе есть только праздное искусство.

Вишну Пурана.

Нѣтъ середины: будь рабомъ Бога или людей.

Недѣльное чтеніе.

Добровольное рабство *).

Врачи совѣтуютъ не заниматься неизлѣчимыми ранами; и я боюсь, что я поступаю глупо, желая давать совѣты народу, который давно потерялъ всякое пониманіе и который тѣмъ, что не замѣчаетъ уже своей болѣзни, показываетъ, что болѣзнь его смертельна.

Прежде всего несомнѣнно то, что если бы мы жили тѣми правилами и поученіями, которыя дала намъ природа, то мы были бы покорны своимъ родителямъ, подчинялись бы разуму и не были бы ничьими рабами. О повиновеніи каждаго своему отцу и матери свидѣтельствуютъ всѣ люди,—каждый самъ въ себѣ и для себя. О разумѣ же я думаю, что онъ есть естественное свойство души, и если онъ поддерживаемъ свѣтомъ и обычаемъ, то расцвѣтаетъ въ добродѣтель.

Но въ чемъ нельзя сомнѣваться и что вполнѣ ясно и очевидно, это то, что природа сдѣлала насъ всѣхъ одинаковыми,—какъ бы вылила въ одну форму, — съ тѣмъ, чтобы мы считали другъ друга товарищами или, скорѣе, братьями, и если при дѣ-

*) Этьенъ де-ла-Боэти родился въ 1530 г. и 16-ти лѣтъ написалъ рѣчь о добровольномъ рабствѣ, выдержка изъ которой здѣсь приводится. Де-ла-Боэти былъ членомъ суда въ Бордо и близкимъ другомъ Монтаня. Монтань высоко цѣнилъ его какъ писателя и какъ человѣка и составилъ описаніе его болѣзни и смерти. Де-ла-Боэти умеръ въ 1563 году. Издатель его рѣчи прекрасно говоритъ о ней, что чтеніе такихъ рѣчей есть питаніе тѣмъ мозгомъ костей львовъ (moëlle de lion), котораго, къ несчастію, лишены современныя поколѣнія.

лежѣ нашихъ способностей она дала нѣкоторымъ тѣлесныя и духовныя преимущества, то она все-таки не хотѣла посѣять вражды между нами, не хотѣла, чтобы болѣе сильные и умные, какъ разбойники въ лѣсу, нападали бы на слабыхъ; но скорѣе, надо думать, что, надѣливъ однихъ большими способностями въ сравненіи съ другими, она дала тѣмъ самымъ возможность братской любви, въ силу которой болѣе сильные помогали бы тѣмъ, которые нуждаются въ ихъ помощи.

И если эта добрая мать-природа дала намъ одинъ и тотъ же внѣшній видъ для того, чтобы каждый могъ видѣть и узнавать себя въ другомъ; если она всѣмъ намъ вообще дала великій даръ слова, для того, чтобы мы, сдѣлавъ обычай изъ взаимнаго обмѣна мыслей и общенія нашихъ воль, узнавали другъ друга и сближались все болѣе и болѣе; если она старалась всѣми средствами объединить и сплотить наше общество, связавъ его при помощи общенія какъ бы въ крѣпкій узелъ, и такъ какъ, наконецъ, это ея стремленіе къ объединенію подтверждается и природой всѣхъ вещей въ мірѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что мы должны быть сотоварищами, и что никто не можетъ думать, чтобы природа однимъ опредѣлила быть рабами, а другимъ господами.

И поистинѣ излишне разбирать, естественна ли свобода, такъ какъ никто не можетъ находиться въ рабствѣ, не чувствуя страданія, и нѣтъ на свѣтѣ ничего столь невыносимаго, какъ обида. Слѣдовательно, нужно признать, что свобода естественна и что намъ отъ рожденія свойственна не только свобода, но и потребность защищать ее. Но если бы случилось, что мы усомнились бы въ этомъ или до такой степени загрубѣли бы, что утеряли бы способность познанія нашего блага и естественныхъ нашихъ стремленій, то тѣмъ самымъ удостоились бы чести поучиться этому самому у грубыхъ животныхъ. Животныя, если люди окажутся не слишкомъ глухи, будутъ кричать имъ: „да здраствуетъ свобода!“ Въ самомъ дѣлѣ, многія изъ нихъ умираютъ, лишь только ихъ лишаютъ свободы. Другія,—и большія и малыя,—когда ихъ ловятъ, отбиваются всѣми силами: и клювомъ, и когтями, и рогами, показывая этимъ, какъ они дорожатъ тѣмъ, что теряютъ; когда же они пойманы, показываютъ весьма недвусмысленно, на-

сколько они сознаютъ свое несчастіе, и продолжаютъ свою жизнь больше для того, чтобы сокрушаться о потерянномъ, чѣмъ для того, чтобы довольствоваться своимъ рабствомъ. Мы пріучаемъ коня къ службѣ чуть не съ самаго его рожденія; но сколько бы мы ни ласкали его, когда дѣло приходитъ къ тому, чтобы смирить его, онъ начнетъ кусать удила и рваться какъ бы для того, чтобы хоть этимъ показать, что служитъ онъ не по собственному желанію, но по нашему принужденію. Такъ что всѣ существа, которыя имѣютъ чувства, сознаютъ зло подчиненія и стремятся къ свободѣ. Животныя, которыя ниже человѣка, не могутъ привыкнуть покоряться иначе, какъ противъ воли. Что же за странное явленіе, что одинъ только человѣкъ до такой степени измѣнилъ своей природѣ, что, рожденный для того, чтобы жить свободно, потерялъ даже воспоминаніе о свободѣ и желаніе возвратить ее!

Есть три рода тирановъ (я говорю о злыхъ государяхъ): одни властвуютъ по выбору народа, другіе — по силѣ оружія, третьи— по наслѣдству. Тѣ, которые властвуютъ по праву войны, держатъ себя такъ, что видно, что они властвуютъ по праву побѣды. Тѣ, которые рождены государями, не лучше первыхъ: будучи воспитаны въ преданіяхъ тиранніи, они съ молокомъ матери всасываютъ природу тирановъ, пользуются подчиненными имъ народами какъ унаслѣдованными рабами, смотря по своему расположенію,— корыстолюбивы ли они или расточительны,— они распоряжаются государствомъ, какъ своимъ наслѣдствомъ. Тотъ же, который получилъ свое право отъ народа, казалось, долженъ бы былъ быть болѣе сносенъ; и я думаю, онъ былъ бы такимъ, если бы онъ не чувствовалъ себя превознесеннымъ надъ другими, если бы не былъ окруженъ лестью и тѣмъ, что называютъ величіемъ, съ которыми онъ не хочетъ разстаться, если бы онъ не пользовался своей властью для того, чтобы передать ее своимъ дѣтямъ. И странное дѣло, эти самые государи, властвующіе по выбору народа, превосходятъ всѣхъ другихъ тирановъ всякаго рода пороками и даже жестокостью. Помимо усиленія рабства,—урѣзываніе свободы у своихъ подданныхъ—той свободы, которой и безъ того такъ мало у нихъ осталось, — они не видятъ иныхъ средствъ утвержденія своей власти. Такъ что, говоря по правдѣ, хотя я и

вижу нѣкоторое различіе между указанными мною тремя родами тирановъ, однако, въ сущности, они всѣ одинаковы, и хотя достигаютъ власти различными путями, однако способъ властвованія у нихъ всегда одинъ и тотъ же. Что же касается завоевателей, то они считаютъ, что на завоеванныхъ они имѣютъ такое же право, какъ на свою добычу. Наслѣдники же ихъ поступаютъ съ подданными, какъ съ своими естественными рабами.

По если бы въ наше время родились люди совсѣмъ новые, не привыкшіе ни къ подчиненію, ни къ свободѣ,—люди, которые не знали бы ни того, ни другого, и если бы этимъ людямъ предложили одно изъ двухъ: или быть подданными, или жить свободно, что бы они выбрали? Не трудно рѣшить, что они предпочли бы повиноваться лучше одному разуму, чѣмъ служить одному человѣку. Но это только въ томъ случаѣ, если бы они не были похожи на тѣхъ израильтянъ, которые безъ принужденія и безъ всякой надобности создали себѣ тирана. Исторію этого народа я никогда не читаю безъ чувства досады, которое доводитъ меня до того, что я дѣлаюсь безчеловѣченъ и радуюсь тѣмъ бѣдствіямъ, которыя израильтяне сами на себя накликали. Что же касается до всѣхъ людей, то въ той мѣрѣ, въ которой они—люди, нужно одно изъ двухъ для того, чтобы ихъ подчинить,—нужно или принудить, или обмануть ихъ.

Удивительно, какъ народъ, какъ скоро онъ подчиненъ, впадаетъ тотчасъ же въ такое забвеніе свободы, что ему трудно проснуться, чтобы возвратить ее. Онъ служитъ такъ охотно, что, глядя на него, думаешь, что онъ потерялъ не свободу свою, а свое рабство. Правда, что сначала люди бываютъ принуждаемы и побѣждаемы силой; но слѣдующее поколѣніе, никогда не видавшее свободы и не знающее, что это такое, служитъ уже безъ сожалѣнія и добровольно дѣлаетъ то, что его предшественники дѣлали по принужденію. Отъ этого люди, рожденные подъ игомъ и потому воспитанные въ рабствѣ, принимаютъ за естественное состояніе то, въ которомъ они родились, принимаютъ его, не заглядывая впередъ, а довольствуясь жизнью въ томъ положеніи, въ какомъ они родились, и не думая добиваться ни иныхъ правъ, ни иныхъ благъ, кромѣ тѣхъ, которыя они находятъ. Вѣдь какъ

бы ни былъ расточителенъ и небреженъ наслѣдникъ, онъ все же когда-нибудь да просмотритъ свои акты наслѣдства, чтобы узнать, всѣми ли своими правами онъ пользуется, не отняли ли чего-нибудь у него или у его предшественника. Но привычка, которая вообще имѣетъ надъ нами великую власть, ни въ чемъ не имѣетъ надъ нами такой силы, какъ въ томъ, чтобы научить насъ быть рабами и пріучить съ легкостью проглатывать горькій ядъ рабства, подобно Митридату, понемногу пріучившему себя къ самоотравленію.

. . . .

Во всѣхъ странахъ и во всякомъ воздухѣ противно рабство и пріятна свобода, и потому надо жалѣть тѣхъ, которые родились съ игомъ на шеѣ. Но надо и извинять такихъ людей, такъ какъ они никогда не видали даже тѣни свободы и потому не замѣчаютъ всего зла рабства. Вѣдь никто не сожалѣетъ о томъ, чего никогда не имѣлъ, и приходитъ сожалѣніе только послѣ потеряннаго удовольствія.

Для человѣка естественно быть свободнымъ и желать быть имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его природа такова, что онъ привыкаетъ ко всему.

Итакъ, мы скажемъ, что (человѣку естественны всѣ вещи, къ которымъ онъ привыкаетъ. Такъ что) первая причина добровольнаго рабства есть привычка, — та привычка, по которой самые лучшіе кони сначала грызутъ свои удила, а потомъ играютъ ими, сначала рвутся изъ-подъ сѣдла, а подъ конецъ какъ бы съ гордостью гарцуютъ въ своей сбруѣ. Люди говорятъ, что они всегда были подданными, что ихъ отцы жили таковыми,— думаютъ, что должны переносить неволю, заставляютъ себя вѣрить въ это и на основаніи давности оправдываютъ власть тѣхъ, которые ихъ тиранятъ. Но среди такихъ покорныхъ встрѣчаются и благородные люди, которые, чувствуя тяжесть ига, желаютъ свергнуть его и никогда не привыкаютъ къ подчиненію. Эти люди, какъ Улисъ, который на морѣ и на землѣ желалъ видѣть дымъ своего родного очага, помнятъ о своихъ естественныхъ правахъ и о свободныхъ своихъ предкахъ; обладая яснымъ пониманіемъ и проницательнымъ умомъ, они не довольствуются, подобно грубой толпѣ, только тѣмъ,

что у нихъ подъ ногами, но имѣютъ голову на плечахъ,—головы, воспитанныя образованіемъ и наукой. И эти люди, если бы свобода совсѣмъ покинула міръ; если бы навсегда была потеряна для людей, все-таки чувствовали бы въ своемъ духѣ и любили бы ее, такъ какъ рабство имъ всегда противно, какъ бы его ни наряжали.

Турецкій султанъ догадался объ этомъ. Онъ рѣшилъ, что книги и ученье болѣе всего пробуждаютъ въ людяхъ сознаніе самихъ себя и ненависть къ тиранніи. Говорятъ, что въ его владѣніяхъ есть только такіе ученые, которые ему нужны. И отъ этого какъ бы ни были многочисленны люди, сохранившіе въ себѣ, несмотря ни на что, преданность свободѣ, они при всемъ ихъ желаніи и рвеніи не имѣютъ никакого вліянія; и это потому, что, при полномъ отсутствіи свободы говорить и даже думать, они не могутъ знать другъ друга. Итакъ, главная причина, по которой люди добровольно отдаются въ рабство,—въ томъ, что они рождаются и воспитываются въ этомъ положеніи. Отъ этой причины происходитъ и другая,—та, что подъ властью тирановъ люди легко дѣлаются трусливыми и женственными. Тиранъ никогда не думаетъ, чтобы его власть была прочна, и потому старается, чтобы подъ его властью не было ни одного достойнаго человѣка.

Эта хитрость, при помощи которой тираны одуряютъ своихъ подданныхъ, ни на чемъ такъ ясно не обнаруживается, какъ на томъ, что сдѣлалъ Киръ съ лидійцами послѣ того, какъ онъ завладѣлъ ихъ главнымъ городомъ Лидіей и взялъ въ плѣнъ Креза, этого богатаго государя, и увелъ его съ собой. Когда ему объявили, что лидійцы возмутились, онъ скоро вновь покорилъ ихъ; но не желая разрушать такой прекрасный городъ и постоянно держать тамъ армію, чтобы сохранять его за собой, онъ придумалъ другое средство: онъ устроилъ тамъ увеселительныя мѣста, трактиры, публичные дома, зрѣлища и сдѣлалъ предписаніе, чтобы всѣ жители пользовались всѣмъ этимъ. И этотъ способъ оказался столь дѣйствительнымъ, что послѣ этого ему уже не нужно было воевать съ лидійцами. Эти несчастные люди забавлялись тѣмъ, что придумывали разныя новыя игры; такъ что римляне отъ нихъ заимствовали слово, которое мы называемъ провожденіемъ времени: „ludi“.

Тираны не признаютъ открыто того, что они хотятъ развратить своихъ подданныхъ, но то, что Киръ откровенно примѣнилъ, то въ дѣйствительности дѣлаютъ всѣ, такъ какъ свойство простого народа въ городахъ таково, что онъ бываетъ подозрителенъ лишь къ тѣмъ, которые его любятъ, и простъ и податливъ по отношенію къ тѣмъ, которые его обманываютъ. Не думаю, чтобы нашлась какая-либо птица, которая бы лучше ловилась на приманку, или рыба, которая лучше попадала на крючокъ, чѣмъ всѣ народы попадаются въ рабство изъ-за малѣйшаго перышка, которымъ имъ, какъ говорится, помажутъ по губамъ (такъ что надо удивляться, какъ они легко поддаются, лишь только пощекочутъ ихъ). Театры, игры, представленія, шутовства, гладіаторы, странныя животныя, картины и другія подобныя глупости составляли для древнихъ приманку рабства, цѣну ихъ свободы и оружіе тиранніи. Таковы были пріемы приманокъ древнихъ тирановъ, употреблявшіеся ими съ цѣлью усыпленія ихъ подданныхъ подъ ихъ игомъ. Такимъ образомъ, одуренные этими забавами, увеселяемые пустыми зрѣлищами, устраиваемыми передъ ихъ глазами, народы привыкали рабствовать не хуже, чѣмъ малыя дѣти, которыя выучиваются читать лишь для того, чтобы знать содержаніе блестящихъ картинокъ въ книжкахъ.

Ассирійскіе цари, и послѣ нихъ мидійскіе, показывались народу по возможности рѣже, чтобы народъ думалъ, что они представляютъ изъ себя нѣчто необычайно великое, и чтобы такъ и оставался въ этомъ заблужденіи, ибо людямъ свойственно преувеличивать въ своемъ воображеніи то, чего они не могутъ видѣть. Такимъ образомъ народы, находившіеся подъ властью ассирійскаго владычества, были пріучены рабствовать при помощи этой тайны и тѣмъ охотнѣе рабствовали, чѣмъ меньше знали своего господина; а иногда и совсѣмъ не знали, есть ли онъ, и всѣ по довѣрію боялись того, кого никто не видалъ. Первые цари Египта показывались не иначе, какъ имѣя иногда вѣтку, а иногда огонь на головѣ, и выходили въ маскахъ и этимъ возбуждали въ своихъ подданныхъ уваженіе и удивленіе; тогда какъ люди, не слишкомъ раболѣпные и глупые, мнѣ кажется, сочли бы ихъ только забавными и смѣшными. Прямо жалки и ничтожны тѣ уловки, которыми поль-

зовались тираны древности ради утвержденія своей тираніи въ народѣ, столь податливомъ на ихъ обманы. Не было такой сѣти, въ которую не попадался бы народъ; и никогда тираны легче не обманывали народъ, легче не подчиняли его, какъ когда сами смѣялись надъ нимъ. Итакъ, было ли такое время, когда бы тираны, ради утвержденія своей власти, не пріучали бы народъ не только къ повиновенію и рабству, но и къ обожанію?

Все, что я сказалъ до сихъ поръ о томъ, какъ тираны учатъ людей повиноваться имъ, касается простого и грубаго народа.

Теперь же я подхожу къ вопросу, который составляетъ секретъ и главное оружіе тираніи. Тотъ, кто думаетъ, что тираны охраняютъ себя оружіемъ стражи и орудіями крѣпости, тотъ очень заблуждается: правда, они пользуются этимъ, но больше для формы и для страха, чѣмъ на самомъ дѣлѣ полагаются на нихъ. Тѣлохранители не допускаютъ во дворцы не тѣхъ людей, которые опасны, а лишь тѣхъ ничтожныхъ людей, которые не могутъ причинить тирану никакого вреда.

Если мы подсчитаемъ римскихъ императоровъ, то увидимъ, что ихъ тѣлохранители не столько избавляли ихъ отъ опасностей, сколько убивали ихъ. Не оружіе и не вооруженные люди,—конные и пѣшіе,—защищаютъ тирановъ, но, какъ ни трудно этому повѣрить, три или четыре человѣка поддерживаютъ тирана и держатъ для него всю страну въ рабствѣ. Всегда кругъ приближенныхъ тирана состоялъ изъ пяти или шести человѣкъ; эти люди или сами вкрадывались къ нему въ довѣріе, или были приближаемы имъ, чтобы быть соучастниками его жестокостей, товарищами его удовольствій, устроителями его наслажденій и сообщниками его грабительствъ. Эти шестеро заставляютъ своего начальника быть злымъ не только его собственной, но еще и ихъ злостью. Эти шестеро имѣютъ шестьсотъ, находящихся подъ ихъ властью и относящихся къ шестерымъ такъ же, какъ шестеро относятся къ тиранамъ. Шестьсотъ же имѣютъ подъ собой шесть тысячъ, которыхъ они возвысили, которымъ дали управленіе провинціями или денежными дѣлами, — съ тѣмъ, чтобы они служили ихъ корыстолюбію и жестокости и чтобы дѣлали зло, которое можетъ продолжаться только при нихъ и только ими избавляется отъ законной кары. За этими слѣдуетъ еще боль-

шая свита. И тотъ, кому охота забавляться, — распутывать эту сѣть, увидитъ, что не только шесть тысячъ, но сотни тысячъ, милліоны скованы этой цѣпью съ тираномъ. Ради этого умножаются должности, которыя всѣ суть поддержка тиранніи. И всѣ занимающіе эти должности люди имѣютъ тутъ свои выгоды и этими выгодами они связаны съ тиранами, и людей, которымъ тираннія выгодна, такое множество, что ихъ наберется почти столько же, сколько тѣхъ, которымъ свобода была бы радостна. И какъ доктора говорятъ, что если есть въ нашемъ тѣлѣ что-нибудь испорченное, то тотчасъ же къ этому больному мѣсту приливаютъ всѣ дурные соки, такъ же точно и къ государю, какъ скоро онъ дѣлается тираномъ, собирается все дурное,— всѣ подонки государства, куча воровъ и негодяевъ, неспособныхъ ни на что,— ни на хорошее, ни на плохое въ республикѣ,—но корыстолюбивыхъ и алчныхъ,—собираются, чтобы участвовать въ добычѣ, чтобы быть подъ большимъ тираномъ маленькими тиранятами. Такъ дѣлаютъ большіе грабители и знаменитые корсары. Одни дѣлаютъ развѣдки, другіе останавливаютъ путешественниковъ; одни караулятъ, другіе въ засадѣ; одни убиваютъ, другіе грабятъ, и,—хотя между ними есть различіе, ибо одни—слуги, а другіе—начальники,—всѣ они участники въ добычѣ.

Такъ что тиранъ подчиняетъ однихъ подданныхъ посредствомъ другихъ и бываетъ охраняемъ тѣми, которыхъ если бы они не были негодяи, онъ бы долженъ былъ опасаться. Но, какъ говорится, „чтобы колоть дрова, дѣлаютъ клинья изъ того же дерева“, такъ и его тѣлохранители таковы же, какъ и онъ. Бываетъ, что и они страдаютъ отъ него; но эти, оставленные Богомъ, потерянные люди готовы переносить зло, только бы имъ быть въ состояніи дѣлать его не тому, кто дѣлаетъ зло имъ, но тѣмъ, которые переносятъ его и не могутъ иначе.

Ла-Боэти.

Орелъ.

Проживалъ у насъ тоже нѣкоторое время въ острогѣ орелъ (Карагушъ), изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь.

Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью, но, видимо, боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ.

— „Звѣрь!—говорили они:—не дается!“

Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчался хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изо всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили и забыли, и однакожъ каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ

сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ.

Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль паль, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ.

Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромая и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ощетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально, пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ.

Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла.

— Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ,—говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то,—поддакивали другіе.

— Знать, онъ не такъ, какъ мы,—прибавилъ кто-то.

— Вишь, сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ...—началъ краснобай Скуратовъ,—но его на этотъ разъ не стали слушать.

Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога.

Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а онъ все кусается! — говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему, знать, чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ валу въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая больнымъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ.

Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его!—задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется!—прибавилъ другой.

— Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжитъ себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится?—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло, воля! Волю почуялъ.

— Слобода, значитъ.

— И не видать ужъ, братцы...

— Чего стоять-то? Маршъ!—закричали конвойные,—и всѣ молча поплелись на работу.

Ѳ. М. Достоевскій.

24-е іюня.

Люди, гордящіеся своимъ трудолюбіемъ, часто бываютъ жестоки.

1.

Гораздо лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать ничего.

2.

Какъ часто встрѣчаются занятые люди, съ гордостью отказывающіеся отъ всякихъ игръ, говоря, что имъ некогда, потому что у нихъ есть дѣло. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что добродушная, веселая игра нужнѣе и важнѣе многихъ дѣлъ, то дѣло, которымъ часто хвастаются занятые люди, бываетъ такое, что лучше бы его никогда не дѣлать.

3.

Занимаясь дѣломъ — не дурнымъ (дурнымъ никакъ и никогда не надо заниматься), но безразличнымъ и даже добрымъ и предаваясь хорошимъ удовольствіямъ, надо помнить, что есть требованія души (совѣсть), которыя важнѣе всякихъ удовольствій и дѣлъ; и всѣ такія дѣла должны быть сейчасъ же оставлены, какъ скоро совѣсть призываетъ къ другому дѣлу или къ оставленію начатаго. А между тѣмъ дѣла и удовольствія имѣютъ свойства такъ поглощать людей, что добрые, нравственные люди на нравственныя требованія отвѣчаютъ: „мнѣ некогда, мнѣ надо испытать купленныхъ воловъ, надо похоронить умершаго отца“.

Надо помнить значеніе словъ: пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ.

4.

Люди большею частью такъ относятся къ своимъ удовольствіямъ, что огорчаются, если теряютъ ихъ. Но правъ только тотъ человѣкъ, который умѣетъ радоваться и вмѣстѣ съ тѣмъ не огорчаться, когда проходитъ причина его радости. Паскаль.

5.

Какъ лошадь на колесѣ не можетъ не идти, такъ и человѣкъ не можетъ ничего не дѣлать. И потому въ томъ, что человѣкъ работаетъ, заслуги столько же, какъ и въ томъ, что человѣкъ дышитъ; важно то, что̀ человѣкъ дѣлаетъ.

6.

Обычное заблужденіе человѣка—въ томъ, чтобы считать удовольствія, увеселенія не важнымъ и даже дурнымъ дѣломъ (магометанство, старинное православіе, пуританство). Удовольствіе такъ же важно, какъ и трудъ; оно—награда. Трудъ не можетъ продолжаться безпрерывно. Необходимый отдыхъ естественно украшается удовольствіями.

Удовольствія только тогда не хороши, когда для нихъ, во-первыхъ, нуженъ трудъ (для приготовленія тенниса, театра, скачекъ и т. п.) другихъ людей. Во-вторыхъ, когда удовольствія переходятъ въ острую борьбу соревнованія, какъ это часто бываетъ въ играхъ ловкости, и, въ-третьихъ, когда удовольствія устраиваются только для немногихъ. Если этого нѣтъ, то удовольствіе полезное, важное дѣло.

Дѣло и удовольствіе, правильно чередуясь, дѣлаютъ жизнь радостной. Но не всякое дѣло и не всякія удовольствія.

25-е іюня.

Чѣмъ больше человѣкъ озабоченъ угожденіемъ Богу, тѣмъ свободнѣе онъ отъ угожденія людямъ, отъ тщеславія.

1.

Живи не такъ, чтобы другіе думали о тебѣ извѣстнымъ образомъ, а чтобы ты самъ думалъ о себѣ хорошо. Боязнь, что другіе подумаютъ о тебѣ дурно, есть тщеславіе.

Люси Малори.

2.

Тѣ самые недостатки, которые въ другихъ тяжелы и несносны, въ насъ самихъ точно и ничего не вѣсятъ: ихъ не чувствуешь; нѣкоторые, говоря о другомъ и представляя его въ ужасномъ видѣ, не замѣчаютъ, что рисуютъ самихъ себя.

Ничто быстрѣе не исправляло бы насъ отъ нашихъ недостатковъ, какъ если бы мы были въ силахъ признаться въ нихъ и видѣть въ другихъ самихъ себя. На такомъ разстояніи увидавъ наши недостатки, каковы они въ дѣйствительности, мы возненавидѣли бы ихъ, какъ они того стоятъ. Ла-Брюйеръ.

3.

Слава добрыхъ въ ихъ совѣсти, а не въ устахъ людей.

4.

Интересуйся не количествомъ, а качествомъ твоихъ почитателей: не нравиться дурнымъ—для человѣка похвально. Сенека.

5.

Горе вамъ, если всѣ будутъ говорить о васъ хорошо,—сказалъ Христосъ.

Смыслъ этихъ словъ тотъ, что не слѣдуетъ намъ ставить себѣ внѣшнюю цѣль: угождать людямъ, подлаживаясь и приноравливаясь къ множеству ихъ несовершенныхъ и разнорѣчивыхъ вкусовъ, хотѣній и капризовъ, а что слѣдуетъ поставить себѣ внутреннюю цѣль угождать Богу, прислушиваясь и приноравливаясь къ Его одиной и совершенной волѣ.

И какъ каменщики могли бы построить зданіе не тогда, когда вытесывали бы камни, прилаживая ихъ формы къ неровностямъ и особенностямъ формъ другихъ камней, а лишь тогда, когда приноравливали бы ихъ формы къ прямоугольнику, такъ и людямъ удастся установить царство Божіе на землѣ не тогда, когда они будутъ воспитывать себя и дѣтей своихъ сообразно разнорѣчивымъ, измѣнчивымъ требованіямъ молвы людской, а лишь

тогда, когда будутъ совершенствоваться по общимъ для всѣхъ законамъ добра и правды, узнаваемымъ при помощи совѣсти и разума. Ѳедоръ А. Страховъ.

6.

Льстецъ льститъ только потому, что онъ не высокаго мнѣнія ни о себѣ, ни о другихъ. Ла-Брюйеръ.

7.

Человѣкъ обладаетъ непреодолимымъ стремленіемъ вѣрить, что его не видятъ, когда онъ ничего не видитъ,—какъ дѣти, которыя закрываютъ глаза, чтобы ихъ не увидали.

Очень полезно представить себѣ то впечатлѣніе, которое наша жизнь, наши поступки производятъ на другихъ.

8.

Самое быстрое и вѣрное средство прослыть добродѣтельнымъ человѣкомъ—это работать надъ собой съ тѣмъ, чтобы быть имъ. Разсмотрите всѣ добродѣтели, и вы увидите, что всѣ онѣ увеличиваются трудомъ и упражненіемъ. Бесѣды Сократа.

9.

Тотъ, кто слушаетъ то, что люди говорятъ про него, никогда не будетъ спокоенъ.

10.

Кто стыдится непостыднаго и не стыдится безстыднаго, тотъ, слѣдуя ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели.

Буддійская мудрость

11.

Похвальная черта въ человѣкѣ—это стыдливость: стыдливый не скоро согрѣшитъ. Талмудъ.

12.

Никогда не оправдывайтесь.

13.

Предпочитай чужого человѣка, любящаго правду, своимъ ближнимъ, не уважающимъ ее.

14.

Дѣлай то, что ты считаешь честнымъ, не ожидая за это никакой славы; помни, что глупый человѣкъ — плохой судья добрыхъ поступковъ.

15.

Назовете ли вы счастливымъ того человѣка, который полагаетъ свое счастье въ дѣтяхъ своихъ, въ друзьяхъ, въ вещахъ непрочныхъ и гибнущихъ? Въ одно мгновенье можетъ рухнуть все его благополучіе. Не признавайте другой опоры себѣ, кромѣ васъ самихъ и божества.

Демофилъ.

16.

Тщеславіе есть чувство самое несообразное съ истинною горестью, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его.

Тщеславіе въ горести выражается желаніемъ казаться или огорченнымъ, или несчастнымъ, или твердымъ; и эти низкія желанія, въ которыхъ мы не признаемся, но которыя почти никогда—даже въ самой сильной печали — не оставляютъ насъ, лишаютъ насъ того состраданія, которое обыкновенно вызываетъ въ людяхъ горе ближняго.

Къ самымъ добрымъ поступкамъ примѣшивается доля тщеславія, желанія похвалы людской. Это желаніе безвредно только тогда, когда человѣкъ можетъ сказать себѣ, что, заслужи онъ за свое поведеніе порицаніе вмѣсто похвалы, онъ не измѣнилъ бы его.

26-е іюня.

Разумъ открываетъ человѣку смыслъ и назначеніе его жизни

1.

Солнце непрестанно изливаетъ свой свѣтъ на весь міръ, но свѣтъ его не исчерпывается этимъ; точно такъ же долженъ свѣтить твой разумъ, разливаясь по всѣмъ направленіямъ. Онъ льется всюду не исчерпываясь, и когда встрѣчаетъ препятствіе, не долженъ проявлять ни раздражительности, ни гнѣва, а освѣщать спокойно все то, что жаждетъ принять его, не падая, не утомляясь, покрывая все обращенное къ свѣту и оставляя въ тѣни только то, что само отвращается отъ лица его. Маркъ Аврелій.

2.

Высшее благо тѣхъ, которые слѣдуютъ указаніямъ разума,— обще для всѣхъ, и всѣ одинаково могутъ имъ наслаждаться. Если путь, ведущій къ этому благу, и кажется весьма труднымъ, то все же его можно найти. Да онъ и долженъ быть труденъ, ибо его такъ рѣдко находятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы спасеніе было у всѣхъ подъ руками и могло бы быть найдено безъ особеннаго труда, то какъ же могли бы почти всѣ пренебрегать имъ? Но все прекрасное такъ же трудно, какъ и рѣдко. Спиноза.

3.

Въ сравненіи съ окружающимъ его міромъ человѣкъ не болѣе, какъ слабый тростникъ; но онъ — тростникъ, одаренный разумѣніемъ.

Какого-нибудь пустяка достаточно, чтобы убить человѣка. И все-таки человѣкъ выше всякихъ тварей, выше всего земного, потому что онъ и умирая будетъ разумомъ своимъ сознавать, что онъ умираетъ. Человѣкъ можетъ сознать ничтожество своего тѣла передъ природою. Природа же ничего не сознаетъ.

Все наше преимущество заключается въ нашей способности разумѣть. Одно только разумѣніе возвышаетъ насъ надъ остальнымъ міромъ. Будемъ же цѣнить и поддерживать наше разумѣніе, и оно освѣтитъ намъ всю нашу жизнь, укажетъ намъ, въ чемъ добро, въ чемъ зло.

Паскаль.

4.

Человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ лишь своимъ разумомъ. Иные развиваютъ его, но многіе пренебрегаютъ имъ: они словно хотятъ отречься отъ того, что отличаетъ ихъ отъ скотовъ.

Восточная мудрость.

5.

Я прославляю христіанство потому, что оно расширяетъ, усиливаетъ и возвышаетъ мою разумную природу. Если бы я не могъ оставаться разумнымъ, будучи христіаниномъ, то я не колебался бы въ выборѣ. Я чувствую себя обязаннымъ пожертвовать ради христіанства собственностью, славой и жизнью, но ни для какой религіи я не долженъ жертвовать тѣмъ разумомъ, который возвышаетъ меня надъ животнымъ и дѣлаетъ меня человѣкомъ. Я не знаю большаго святотатства, какъ отреченіе отъ высшей способности, полученной отъ Бога. Поступая такъ, мы противопоставляемъ насиліе тому божественному началу, которое живетъ въ насъ... Разумъ есть высшее выраженіе нашей мыслящей природы. Онъ соотвѣтствуетъ единству Бога и вселенной и стремится сдѣлать душу отраженіемъ, зеркаломъ высшаго единства.

Чаннингъ.

Если бы у человѣка не было разума, онъ бы не понималъ назначенія своей жизни. Не понимая назначенія своей жизни, не могъ бы отличать хорошее отъ дурного, не могъ бы искать истиннаго блага и обладать имъ.

27-е іюня.

Тотъ, кто живетъ для исполненія дѣла Божія, не можетъ не быть равнодушнымъ къ сужденіямъ людей.

1.

Надо думать такъ, какъ будто всякій можетъ видѣть то, что дѣлается въ нашей душѣ. Сенека.

2.

Живи открыто. Огюстъ Контъ.

3.

Не хорошо скрывать дурныя дѣла, но еще хуже дѣлать ихъ открыто, гордиться ими.

4.

Стыдъ передъ людьми—хорошее чувство, но лучше всего стыдъ передъ самимъ собой.

5.

Ничто вѣрнѣе стыда, того, чего человѣкъ стыдится и чего не стыдится, не показываетъ ту степень нравственнаго совершенства, на которой находится человѣкъ.

6.

Мысли, не высказанныя и не перешедшія въ дѣло, получаютъ несвойственное значеніе отъ ихъ выраженія.

7.

Разсказы о постыдныхъ дѣлахъ, раскаяніе и искупленіе которыхъ не могутъ быть разсказаны, могутъ служить примѣромъ и оправданіемъ такихъ же дѣлъ. Не скрывайте ничего, когда васъ спрашиваютъ, но не разсказывайте про свои дурныя дѣла безъ надобности.

8.

Пусть будетъ въ людяхъ страхъ передъ Небомъ такъ же силенъ, какъ страхъ передъ людьми. О, если бы такъ было! Вѣдь когда человѣкъ совершаетъ преступленіе, онъ только и думаетъ: „какъ бы не увидали меня люди". **Талмудъ.**

9.

Передъ людьми утаишь, а передъ Богомъ не утаишь.

10.

Почти всегда дурно то, что люди стараются скрыть.

Хорошо скрывать только свои добрыя дѣла.

11.

Ибо нѣтъ ничего тайнаго, что̀ не сдѣлалось бы явнымъ, ни сокровеннаго, что̀ не сдѣлалось бы извѣстнымъ и не обнаружилось бы. Лк. VIII, 17.

12.

Все мельчайшее обнаружится; все скрывающееся рано или поздно выйдетъ наружу. **Конфуцій.**

Живи такъ, чтобы тебѣ не было нужды скрывать, а также и не было охоты являть передъ людьми дѣла твоей жизни.

28-е іюня.

Семейная связь только тогда тверда и даетъ благо людямъ, когда она не только семейная, но и религіозная, когда всѣ члены семьи вѣруютъ одному Богу и закону Его.

Безъ этого семья источникъ не радости, но страданія.

1.

Эгоизмъ семейный жесточе эгоизма личнаго. Человѣкъ, который устыдится пожертвовать благами другого для себя одного, считаетъ своей обязанностью пользоваться несчастіемъ, нуждою людей для блага семьи.

2.

Самыя обычныя и несправедливыя оправданія своихъ дурныхъ поступковъ—это благо семьи.

3.

Скаредность, взяточничество, угнетеніе рабочихъ, нечестные промыслы—все это оправдывается любовью къ семьѣ.

4.

Связи семьи и отечества не могутъ и не должны ограничивать душу. Человѣкъ со дня рожденія окруженъ малымъ числомъ людей съ тѣмъ, чтобы нѣжность этихъ людей вызывала въ немъ чувство любви къ человѣку. Но когда привязанности семейныя и народныя становятся исключительными, кастовыми и благодаря этому исключаютъ всеобщія требованія человѣческаго рода, тогда, вмѣсто того, чтобы быть воспитательницами сердца, онѣ становятся его могилой. Чаннингъ.

5.

Любовь къ семьѣ есть чувство себялюбивое и потому можетъ быть причиной, но не оправданіемъ несправедливыхъ, недобрыхъ поступковъ.

6.

И дали знать Ему: Мать и братья Твои стоятъ внѣ, желая видѣть Тебя. Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: мать Моя и братья Мои суть слушающіе слово Божіе и исполняющіе его.

Лк. VIII, 20—21.

7.

Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня. Мѳ. X, 37.

8.

Если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены и дѣтей, и братьевъ и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ (Ев. Лк. XIV, 26). „Возненавидитъ“—въ этомъ стихѣ не значитъ то, чтобы Христосъ отвергалъ семью или училъ ненависти къ ней, а значитъ только то, что сказано въ стихѣ 21, XII гл. Луки,—то, что Христу и ученикамъ, и подражателямъ Его близки и любимы люди не по семейнымъ связямъ, а по связи ихъ съ Богомъ и потому другъ съ другомъ.

Стихи эти обыкновенно соблазняютъ людей, имѣющихъ въ виду состояніе человѣка распутнаго и болѣе нравственно высокое состояніе человѣка семейнаго, но не имѣющихъ въ виду состоянія человѣка религіознаго, для котораго состояніе семьи не есть уже высшее состояніе, а напротивъ, большей частью представляетъ преграду для достиженія этого высшаго состоянія.

9.

Одни люди ищутъ блага во власти, другіе въ любознательности, въ наукахъ, третьи въ наслажденіяхъ. Эти три рода вожделѣній образовали три различныхъ школы, и всѣ философы слѣдовали какой-либо изъ трехъ. Тѣ же, которые болѣе другихъ приблизились къ истинной философіи, поняли, что всеобщее благо,—предметъ стремленія всѣхъ людей,—не должно заключаться ни въ одной изъ частныхъ вещей, которыми могутъ владѣть только одни и которыя, будучи раздѣлены, скорѣе огорчаютъ ихъ обладателя отсутствіемъ недостающей части, чѣмъ доставляютъ наслажденіе тою частью, которая ему принадлежитъ. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы имъ могли обладать всѣ сразу, безъ убыли его и безъ зависти, и чтобы никто не могъ потерять его помимо своей воли.

Паскаль.

Въ любви къ семьѣ нѣтъ, въ нравственномъ смыслѣ, ничего ни хорошаго, ни дурного, какъ и въ любви къ своей личности: и то, и другое естественныя явленія. Любовь къ семьѣ, такъ же, какъ и къ своей личности, переходя свойственныя ей границы, можетъ быть порокомъ, но никогда не можетъ быть добродѣтелью.

29-е іюня.

Уныніе есть такое состояніе души, при которомъ человѣкъ не видитъ смысла ни въ своей, ни во всей жизни міра.

1.

Есть люди, которые, находясь въ уныніи или раздраженіи, любуются на свое состояніе, даже гордятся имъ. Это все равно, какъ, выпустивъ вожжи отъ лошади, которая несетъ тебя подъ гору, ты еще хлещешь ее кнутомъ.

2.

Уныніе и дурное расположеніе духа не только мучительно для окружающихъ, но и заразительно, и потому порядочный человѣкъ, какъ онъ дѣлаетъ всѣ непріятныя для другихъ дѣла въ уединеніи, также въ уединеніи предается и своему унынію и раздраженію.

3.

Думать, что внѣшнія причины вліяютъ на душевное состояніе человѣка, есть вредное и очень обычное заблужденіе. Состояніе тѣла, усталость, голодъ, болѣзнь вліяютъ на душевное состояніе человѣка, сознающаго духовную основу своей жизни, только въ томъ смыслѣ, что ослабляютъ его дѣятельность, но не измѣняютъ ея направленія. Только люди, живущіе одной внѣшней жизнью (дѣти, нерелигіозные люди) измѣняютъ вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ все свое отношеніе къ жизни: впадаютъ въ уныніе или раздраженіе и осуждаютъ и ненавидятъ то, что прежде хвалили и любили.

4.

Не вѣрь себѣ, когда все представляется тебѣ въ мрачномъ свѣтѣ, всѣ кажутся виноватыми, всѣмъ хочется сказать и даже сдѣлать злое. Смотри на себя въ такомъ состояніи какъ на пьянаго,

ничего не предпринимай и дожидайся, когда пройдетъ это состояніе. Чѣмъ меньше будешь дѣлать, находясь въ этомъ состояніи, тѣмъ скорѣе оно пройдетъ, это такъ же нужно, какъ для пьянаго сонъ.

5.

Большинство людей, которыхъ называютъ злыми, сдѣлались такими только отъ того, что они принимали свое дурное расположеніе духа за свое законное состояніе и отдавались ему.

6.

Когда міръ кажется некрасивымъ, люди непріятными и недобрыми и всѣ дѣла ихъ глупыми и гадкими, спѣши воспользоваться этимъ состояніемъ, обративъ вниманіе на себя, и ты увидишь въ себѣ то, чего не видалъ прежде, и это признаніе своей гадости будетъ на пользу тебѣ.

7.

Мало бываетъ несчастій безысходныхъ; отчаяніе болѣе обманчиво, чѣмъ надежда. Вевенаргъ.

8.

Никогда не унывай.

9.

Человѣкъ обязанъ быть счастливъ; если онъ несчастливъ, то онъ виноватъ.

10.

Мнѣ кажется, что человѣкъ долженъ за первое правило себѣ поставить—быть счастливымъ и довольнымъ. Надо стыдиться, какъ дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мнѣ что-нибудь не ладится, то мнѣ не разсказывать надо объ этомъ другимъ, а поскорѣе постараться поправить то, что не ладится.

11.

Отецъ! помоги мнѣ, не переставая, радоваться, исполняя въ чистотѣ, смиреніи и любви волю Твою.

12.

И физическія страданія и періоды упадка духа—удѣлъ здѣшней жизни, и надо дожидаться, пока пройдетъ и то и другое или сама жизнь эта.

Когда испытываешь чувство недовольства всѣмъ окружающимъ и своимъ положеніемъ, уйди, какъ улитка въ свою раковину, въ сознаніе своего назначенія въ мірѣ и выжидай времени, когда пройдутъ тѣ условія, которыя ввели тебя въ это положеніе, и ты будешь опять въ состояніи дѣлать свое дѣло жизни.

30-е іюня.

Стоитъ человѣку отвернуться отъ разрѣшенія внѣшнихъ вопросовъ и поставить себѣ единый, истинный, свойственный человѣку внутренній вопросъ, какъ ему лучше прожить свою жизнь, чтобы всѣ внѣшніе вопросы получили наилучшее разрѣшеніе.

1.

Мы не знаемъ, не можемъ знать, въ чемъ состоитъ общее благо, но твердо знаемъ, что достиженіе этого общаго блага возможно только при исполненіи того закона добра, который открытъ каждому человѣку.

2.

Истинная жизнь происходитъ не тамъ, гдѣ совершаются большія внѣшнія измѣненія, гдѣ передвигаются, сталкиваются, дерутся убиваютъ другъ друга, а она происходитъ только тамъ, гдѣ совершаются чуть-чуточныя, дифференціальныя измѣненія.

3.

Маѳа! Маѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только на потребу. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея. Лк. X, 41—42.

4.

Народы земли трепещутъ и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа силъ, какъ бы подготовляющая землетрясеніе. Никогда еще человѣкъ не имѣлъ за собой такой огромной отвѣтственности. Каждый моментъ приноситъ съ собой все болѣе и болѣе важныя заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но предъ явленіемъ Христа міръ ждалъ великихъ событій, и однако не принялъ Его, когда Онъ пришелъ. Такъ и теперь міръ можетъ испытывать *муки родовъ* предъ его *новымъ пришествіемъ* и все не понимать того, что происходитъ.

Люси Малори.

5.

Существуетъ два рода соціализма. Оба они преслѣдуютъ наибольшее благосостояніе всѣхъ.

Одинъ стремится достигнуть всеобщаго счастья; другой—дать возможность всякому быть счастливымъ по-своему.

Одинъ признаетъ власть государства; другой не признаетъ никакой власти.

Одинъ требуетъ монополіи для государства; другой желаетъ уничтоженія всѣхъ монополій.

Одинъ желаетъ, чтобы управляемый классъ сталъ правящимъ; другой желаетъ уничтоженія классовъ.

Одинъ вѣритъ въ соціальную войну; другой вѣритъ только въ дѣла мира.

Существуютъ только эти два соціализма. Одинъ въ возрастѣ дѣтства; другой — возмужалости. Одинъ уже прошлое; другой— будущее. Одинъ долженъ дать мѣсто другому. И каждый изъ насъ долженъ выбрать между этими двумя соціализмами или же совсѣмъ не признавать себя соціалистомъ.

Эрнестъ Лесинь.

6.

„Когда среди 100 человѣкъ одинъ властвуетъ надъ 90—это несправедливо, это деспотизмъ; когда 10 властвуютъ надъ 90—это также несправедливо, это олигархія; когда же 51 властвуютъ надъ 49 (и то только въ воображеніи — въ сущности же опять 10 или

11 изъ этихъ 51) – тогда это совершенно справедливо, — это свобода!“

Можетъ ли быть что-нибудь смѣшнѣе, по своей очевидной нелѣпости, такого разсужденія, а, между тѣмъ, это самое разсужденіе служитъ основой дѣятельности всѣхъ улучшателей государственнаго устройства.

7.

Трудно различить голосъ истины среди криковъ возбужденныхъ партій.

Шиллеръ.

8.

Человѣкъ, желающій служить правдѣ и справедливости, долженъ быть готовымъ остаться въ одиночествѣ. Онъ въ иные дни и найдетъ сочувствіе, но не въ дни междоусобной борьбы и не въ то время, когда онъ особенно будетъ нуждаться въ этомъ сочувствіи.

Берсье.

9.

Никакая насильственная реформа не исправитъ зла, пока люди остаются таковы, каковы они есть, и потому мудрость не имѣетъ нужды въ насиліи.

10.

Нѣтъ такой политической алхиміи, посредствомъ которой можно бы было получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ.

Гербертъ Спенсеръ.

11.

Когда бы люди захотѣли, вмѣсто того, чтобы спасать міръ, спасать себя; вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать,—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣчества!

Герценъ.

Чѣмъ больше будутъ вѣрить люди въ то, что они могутъ быть приведены чѣмъ-то внѣшнимъ, дѣйствующимъ само собою, помимо ихъ воли, къ измѣненію и улучшенію своей жизни, тѣмъ труднѣе совершится это измѣненіе и улучшеніе.

Недѣльное чтенiе.

Ягоды.

Были жаркiе, безвѣтренные iюньскiе дни. Листъ въ лѣсу сочень, густъ и зеленъ; только кое-гдѣ срываются пожелтѣвшiе березовые и липовые листы. Кусты шиповника осыпаны душистыми цвѣтами; въ лѣсныхъ лугахъ сплошной медовый клеверъ; рожь густая, рослая, темнѣетъ и волнуется, до половины налилась. Въ низахъ перекликаются коростели; въ овсахъ и ржахъ то хрипятъ, то щелкаютъ перепела; соловей въ лѣсахъ только изрѣдка сдѣлаетъ колѣно и замолкнетъ. Сухой жаръ печетъ. По дорогамъ лежитъ неподвижно на палецъ сухая пыль и поднимается густымъ облакомъ, уносимымъ то вправо, то влѣво случайнымъ, слабымъ дуновенiемъ.

Крестьяне додѣлываютъ постройки, возятъ навозъ. Скотина голодаетъ на высохшемъ пару, ожидая атавы. Коровы и телята зыкаются съ поднятыми крючковато хвостами, бѣгаютъ отъ пастуховъ со стойла. Ребята стерегутъ лошадей по дорогамъ и обрѣзамъ. Бабы таскаютъ изъ лѣсу мѣшки травы; дѣвки и дѣвочки въ перегонку другъ за другомъ ползаютъ между кустовъ по срубленному лѣсу, собирая ягоды, и носятъ продавать дачникамъ.

Дачники, въ разукрашенныхъ архитектурно вычурныхъ лѣтнихъ домикахъ, или гуляютъ подъ зонтиками въ легкихъ, чистыхъ, дорогихъ одеждахъ по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, или сидятъ въ тѣни деревъ, бесѣдокъ, украшенныхъ столиковъ, и, томясь отъ жары, пьютъ чай или прохладительные напитки.

У великолѣпной дачи Николая Семеновича съ башней, верандой,

балкончиками, галлереями — все свѣженькое, новенькое, чистенькое — стоитъ ямская съ бубенцами тройка въ коляскѣ, привезшая изъ города за 15 „взадъ-назадъ", какъ говоритъ ямщикъ, петербургскаго барина.

Баринъ этотъ — извѣстный либеральный дѣятель, участвовавшій во всѣхъ комитетахъ, комиссіяхъ, подношеніяхъ, хитро составленныхъ, какъ будто вѣрноподданническихъ, а въ сущности самыхъ либеральныхъ адресахъ. Онъ пріѣхалъ изъ города (въ которомъ онъ, какъ всегда страшно занятый человѣкъ, пробудетъ только сутки) къ своему другу, товарищу дѣтства и почти единомышленнику.

Они немного только расходятся въ способахъ примѣненія конституціонныхъ началъ. Петербуржецъ больше европеецъ, съ маленькимъ пристрастіемъ даже къ соціализму, — получаетъ очень большое жалованье по мѣстамъ, которыя онъ занимаетъ. Николай же Семеновичъ, — чисто русскій человѣкъ, православный, съ оттѣнками славянофильства, владѣетъ многими тысячами десятинъ земли.

Они пообѣдали въ саду обѣдомъ изъ 5 кушаній; отъ жару почти ничего не ѣли, такъ что труды 40-рублеваго повара и его помощниковъ, особенно усердно работавшихъ для гостя, пропали почти даромъ. Покушали только ботвинью ледяную съ свѣжей бѣлорыбицей и разноцвѣтное мороженое въ красивой формѣ и разукрашенное разными сахарными волосами и бисквитами. Обѣдалъ гость, либеральный врачъ, учитель дѣтей студентъ — отчаянный соціалистъ-революціонеръ, — котораго Николай Семеновичъ умѣлъ держать въ уздѣ, Мари, жена Николая Семеновича, и трое дѣтей, изъ которыхъ меньшой только приходилъ къ пирожному.

Обѣдъ былъ немножко натянутъ, потому что Мари, сама очень нервная женщина, была озабочена разстройствомъ желудка Гоги, — такъ (какъ водится у порядочныхъ людей) называли меньшого мальчика, Николая, — и еще отъ того, что какъ только начинался политическій разговоръ между гостями и Николаемъ Семеновичемъ, отчаянный студентъ, желая показать, что онъ ни передъ кѣмъ не стѣсняется высказывать свои убѣжденія, врывался въ разговоръ, и гость замолкалъ, Николай же Семеновичъ утишалъ революціонера.

Обѣдали въ 7 часовъ. Послѣ обѣда пріятели сидѣли на верандѣ, прохлаждаясь холоднымъ нарзаномъ со льдомъ и бѣлымъ виномъ, и бесѣдовали.

Разногласіе ихъ прежде всего выразилось въ вопросѣ о томъ, какіе должны быть выборы: двухстепенные или одностепенные, и они горячо начали было спорить, когда ихъ позвали къ чаю въ защищенную сѣтками отъ мухъ столовую. За чаемъ шелъ общій разговоръ съ Мари, которую разговоръ этотъ не могъ занимать, такъ какъ она вся была поглощена мыслью о признакахъ разстройства желудка Гоги. Разговоръ шелъ о живописи, и Мари доказывала, что въ декадентской живописи есть un je n'sais quoi, которое нельзя отрицать. Она въ эту минуту вовсе не думала о декадентской живописи, но говорила то, что говорила много разъ. Гостю уже совсѣмъ это было ненужно, но онъ слыхалъ, что говорятъ противъ декадентства, и онъ говорилъ все это такъ похоже, что никто не догадывался о томъ, что ему не было никакого дѣла до декадентства или недекадентства. Николай же Семеновичъ, глядя на жену, чувствовалъ, что она чѣмъ-то недовольна и что будетъ, пожалуй, какая-нибудь непріятность; кромѣ того, ему было очень скучно слушать то, что она говорила и что онъ слышалъ, какъ ему казалось, больше чѣмъ сто разъ.

Зажгли дорогія бронзовыя лампы и фонари на дворѣ. Дѣтей уложили спать, подвергнувъ больного Гогу лѣчебнымъ операціямъ.

Гость съ Николаемъ Семеновичемъ и докторомъ вышли на веранду. Лакей подалъ свѣчи съ колпаками и еще нарзану, и начался около 12 часовъ уже настоящій, оживленный разговоръ о томъ, какія должны были быть приняты государственныя мѣры въ настоящее, важное для Россіи время. Оба, не переставая, курили и разговаривали.

Снаружи, за воротами побрякивали бубенчики ямщицкихъ лошадей, стоявшихъ безъ корма, и то зѣвалъ, то храпѣлъ сидѣвшій въ коляскѣ старикъ-ямщикъ, 20 лѣтъ жившій у одного хозяина и все свое жалованье, за исключеніемъ 3 или 5 рублей, которые онъ пропивалъ, отсылавшій домой брату. Когда же съ разныхъ дачъ стали перекликаться пѣтухи, и особенно громкій, тонкій въ сосѣдней дачѣ, ямщикъ усомнился, не забыли ли его, сошелъ съ

коляски и вошелъ въ дачу. Онъ видѣлъ, что его сѣдокъ сидѣлъ и ѣлъ что-то и въ промежуткахъ что-то говорилъ. Онъ забоялся и пошелъ отыскивать лакея. Лакей, въ ливрейномъ пиджакѣ, сидя спалъ въ передней. Ямщикъ разбудилъ его. Лакей, бывшій дворовый, кормившій своей службой (служба была выгодная — 15 руб. жалованья и отъ господъ на чай иногда рублей на сто) свою большую семью—пять дѣвокъ и двухъ мальчиковъ, вскочилъ и, оправившись и отряхнувшись, пошелъ къ господамъ сказать, что ямщикъ безпокоится, проситъ отпустить.

Когда лакей вошелъ, споръ былъ въ самомъ разгарѣ. Подошедшій къ нимъ докторъ участвовалъ въ немъ.

— Не могу допустить, чтобы русскій народъ,—говорилъ гость,— долженъ бы былъ идти по какимъ-то инымъ путямъ развитія. Прежде всего нужна свобода – свобода политическая – та свобода,.. какъ это всѣмъ извѣстно, наибольшая свобода... при соблюденіи наибольшихъ правъ другихъ людей.

Гость чувствовалъ, что онъ запутался и что не такъ говоритъ, но въ горячкѣ спора онъ не могъ хорошенько вспомнить, какъ надо говорить.

— Это такъ,—отвѣчалъ Николай Семеновичъ, не слушая гостя и только желая высказать свою мысль, которая ему особенно нравилась.—Это такъ, но достигается это другимъ путемъ, не большинствомъ голосовъ, а всеобщимъ согласіемъ. Посмотрите на рѣшенія міра.

— Ахъ, этотъ міръ!..

— Нельзя отрицать,—сказалъ докторъ,—что у славянскихъ народовъ свой особенный взглядъ. Напримѣръ, польское право veto. Я не утверждаю, чтобы это было лучше...

— Позвольте, я доскажу всю мою мысль,—началъ Николай Семеновичъ.—Русскій народъ имѣетъ особенныя свойства. Свойства эти...

Но пришедшій съ заспанными глазами Иванъ въ своей ливреѣ прервалъ его.

— Ямщикъ безпокоится...

— Скажите ему (петербургскій гость всегда лакеямъ говорилъ вы и гордился этимъ), что я поѣду скоро, а за лишнее заплачу.

— Слушаю-съ.

Лакей ушелъ. И Николай Семеновичъ могъ досказать всю свою мысль. Но и гость и докторъ слышали ее 20 разъ (или, по крайней мѣрѣ, имъ такъ казалось) и стали опровергать ее, особенно гость—примѣрами исторіи. Онъ отлично зналъ исторію.

Докторъ былъ на сторонѣ гостя и любовался его эрудиціей и былъ радъ случаю знакомства съ нимъ.

Разговоръ такъ затянулся, что было свѣтло за лѣсомъ на другой сторонѣ дороги, и соловьи проснулись, но собесѣдники все курили и разговаривали, разговаривали и курили.

Можетъ-быть, разговоръ продолжался бы еще, но изъ двери вышла горничная.

Горничная эта была сирота, которая, чтобы кормиться, должна была поступить въ услуженіе. Сначала она жила у купцовъ, гдѣ приказчикъ соблазнилъ ее, и она родила. Ребенокъ ея умеръ, она поступила къ чиновнику, гдѣ сынъ гимназистъ не давалъ ей покоя; потомъ поступила помощницей горничной къ Николаю Семеновичу и считала себя счастливой, — ея не преслѣдовали больше господа своей похотью и платили исправно жалованье. Она вошла доложить, что барыня зовутъ доктора и Николая Семеновича.

„Ну,—подумалъ Николай Семеновичъ,—вѣрно съ Гогой что-нибудь“.

— А что?—спросилъ онъ.

— Николай Николаевичъ что-то нездоровы,- сказала горничная. (Николай Николаевичъ, „они“,—это былъ одержимый поносомъ, объѣвшійся Гога.)

— Ну и пора!—сказалъ гость.—Смотрите, какъ свѣтло, какъ мы засидѣлись!—сказалъ онъ, улыбаясь, какъ бы хваля себя и своихъ собесѣдниковъ за то, что они такъ долго и много говорили, и простился.

Иванъ долго бѣгалъ усталыми ногами за шляпой и зонтикомъ гостя, которые самъ гость засунулъ въ самыя неподходящія мѣста. Иванъ надѣялся получить на чай, но гость, всегда щедрый и никакъ не пожалѣвшій бы дать ему рубль, увлеченный разговоромъ, совсѣмъ забылъ про это и вспомнилъ только дорогой, что онъ ничего не далъ лакею. „Ну, нечего дѣлать!“

Ямщикъ влѣзъ на козлы, подобралъ вожжи, сѣлъ бочкомъ и тронулъ. Бубенчики зазвенѣли, и петербуржецъ, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, ѣхалъ и думалъ объ ограниченности и предвзятости мыслей своего пріятеля.

То же самое думалъ Николай Семеновичъ, не сразу пошедшій къ женѣ. „Ужасна эта петербургская ограниченная узость. Не могутъ они выйти изъ этого“, думалъ онъ.

Къ женѣ онъ медлилъ входить, потому что отъ этого свиданія теперь не ожидалъ ничего хорошаго. Дѣло было въ ягодахъ. Мальчики вчера принесли ягоды. Николай Семеновичъ купилъ, не торговавшись, двѣ тарелки не совсѣмъ спѣлыхъ ягодъ. Дѣти прибѣжали, прося себѣ, и начали ѣсть прямо съ тарелки. Мари еще не выходила, и когда вышла и узнала, что Гогѣ дано было ягодъ, ужасно разсердилась, такъ какъ у него желудокъ уже былъ разстроенъ. Она стала упрекать мужа. Онъ ее. И вышелъ непріятный разговоръ, почти ссора. Къ вечеру точно Гога нехорошо сходилъ. Николай Семеновичъ думалъ, что этимъ кончится, но призывъ доктора обозначалъ, что дѣло приняло дурной оборотъ.

Когда онъ вошелъ къ женѣ, она въ пестромъ шелковомъ халатѣ, который ей очень нравился, но о которомъ она теперь не думала, стояла въ дѣтской съ докторомъ надъ горшкомъ и свѣтила ему туда текущей свѣчкой.

Докторъ, съ внимательнымъ видомъ, въ пенснэ смотрѣлъ туда, палочкой ворочая вонючее содержимое.

— Да,—сказала она значительно.—Все эти проклятыя ягоды.

— Да отчего же ягоды?—робко сказалъ Николай Семеновичъ.

— Отчего ягоды? Ты вотъ накормилъ его, а я ночь не сплю, и ребенокъ умретъ.

— Ну, не умретъ,—улыбаясь, сказалъ докторъ: — маленькій пріемъ висмута и осторожность. Дадимъ сейчасъ.

— Онъ заснулъ,—сказала она.

— Ну, лучше не тревожить. Завтра я зайду.

— Пожалуйста.

Докторъ ушелъ, и Николай Семеновичъ остался одинъ и еще долго не могъ успокоить жену. Когда онъ заснулъ, было уже совсѣмъ свѣтло.

Въ сосѣдней деревнѣ въ это самое время возвращались изъ ночного мужики и ребята. Нѣкоторые были на одной, у нѣкоторыхъ были лошади въ поводу и позади бѣжали стригуны и двухлѣтки.

Тараска Рѣзуновъ, малый лѣтъ 12, въ полушубкѣ, но босой, въ картузѣ, на пѣгой кобылѣ съ мериномъ въ поводу и такимъ же пѣгимъ, какъ мать, стригуномъ, обогналъ всѣхъ и поскакалъ въ гору къ деревнѣ. Черная собака весело бѣжала впереди лошадей, оглядываясь на нихъ. Пѣгій сытый стригунъ сзади взбрыкивалъ то въ ту, то въ другую сторону бѣлыми въ чулкахъ ногами. Тараска подъѣхалъ къ избѣ, привязалъ лошадей у воротъ и вошелъ въ сѣни.

— Эй вы, заспалися! – закричалъ онъ на сестеръ и брата, спавшихъ въ сѣняхъ на дерюжкѣ.

Мать, спавшая рядомъ съ ними, встала уже доить корову.

Ольгушка вскочила, оправляя обѣими руками взлохмаченные свѣтлые волосы. Ѳедька же, спавшій съ ней, все еще лежалъ, уткнувшись головой въ шубу, и только потиралъ заскорузлой пяткой высунувшуюся изъ-подъ кафтана стройную дѣтскую ножку.

Ребята съ вечера собирались за ягодами, и Тараска обѣщалъ разбудить сестру и малаго, какъ только вернется изъ ночного.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ ночномъ, сидя подъ кустомъ, онъ падалъ отъ сна; теперь же разгулялся и рѣшилъ совсѣмъ не ложиться спать, а идти съ дѣвками за ягодами. Мать дала ему кружку молока. Ломоть хлѣба онъ самъ отрѣзалъ себѣ и усѣлся за столъ на высокой лавкѣ и сталъ ѣсть.

Когда онъ въ одной рубашкѣ и порткахъ, быстрыми шагами прокладывая отчетливые слѣды босыхъ ногъ по пыли, пошелъ по дорогѣ, по которой лежали уже нѣсколько такихъ же, однихъ побольше, другихъ поменьше, босыхъ слѣдовъ, съ четко отпечатанными пальчиками, дѣвки уже красными и бѣлыми пятнышками виднѣлись далеко впереди на темной зелени рощи. (Онѣ съ вечера приготовили себѣ горшочекъ и кружечку и, не завтракая и не запасшись хлѣбомъ, перекрестились раза два на передній уголъ и побѣжали на улицу.) Тараска догналъ ихъ за большимъ лѣсомъ, только-что онѣ свернули съ дороги.

Роса лежала на травѣ, на кустахъ, даже на нижнихъ вѣтвяхъ

деревъ. Голыя ножонки дѣвочекъ тотчасъ намокли и сначала захолодѣли, а потомъ разогрѣлись, ступая то по мягкой травѣ, то по неровностямъ сухой земли. Ягодное мѣсто было по сведенному лѣсу. Дѣвчонки вошли прежде въ прошлогоднюю вырубку. Молодая поросль только-что поднималась и между сочныхъ молодыхъ кустовъ выдавались мѣста съ невысокой травой, въ которой зрѣли и прятались розовато-бѣлыя еще и кое-гдѣ красныя ягоды.

Дѣвчонки, перегнувшись вдвое, ягодку за ягодкой выбирали своими маленькими загорѣлыми ручонками и клали какую похуже въ ротъ, какую получше въ кружку.

— Ольгушка, сюда иди! Тутъ бѣда сколько!

— Ну, вре! Ау!—перекликались онѣ, далеко не расходясь, когда заходили за кусты.

Тараска ушелъ отъ нихъ дальше за оврагъ въ прежде, за годъ, срубленный лѣсъ, на которомъ молодая поросль, особенно орѣховая и кленовая, была выше человѣческаго роста. Трава была сочнѣе и гуще, и когда попадались мѣста съ земляникой, ягоды были крупнѣе и сочнѣе подъ защитой травы.

— Грушка!

— Ась!

— А какъ волкъ?

— Ну, что жъ волкъ? Ты что жъ пужаешь. А я, не бойсь, не боюсь, — говорила Грушка, и, забывшись, она, думая о волкѣ, клала ягоду за ягодой, и самыя лучшія не въ кружку, а въ ротъ.

— А Тараска-то нашъ ушелъ за оврагъ. Тараска! Ау!..

— Я-о!—отвѣчалъ Тараска изъ-за оврага.—Идите сюда.

— А и то пойдемъ, тамъ больше.

И дѣвчата полѣзли внизъ въ оврагъ, держась за кусты, и изъ оврага отвершками на другую сторону, и тутъ, на припекѣ солнца, сразу напали на полянку съ мелкой травой, сплошь усыпанную ягодами. Обѣ молчали и, не переставая, работали и руками и губами.

Вдругъ что-то шарахнулось, и среди тишины съ страшнымъ, какъ имъ показалось, грохотомъ затрещало по травѣ и кустамъ.

Грушка упала отъ страха и разсыпала до половины кружки набранныя ягоды.—Мамушка!—завизжала она и заплакала.

— Заяцъ, это заяцъ. Тараска! Заяцъ. Вонъ онъ!—кричала Ольгушка, указывая на сѣро-бурую спинку съ ушами, мелькавшую между кустовъ. — Ты чего? — обратилась Ольгушка къ Грушкѣ, когда заяцъ скрылся.

— Я думала, волкъ, — отвѣчала Грушка и вдругъ тотчасъ же послѣ ужаса и слезъ отчаянія расхохоталась.

— Вотъ дура-то!

— Страсть испугалась!—говорила Грушка, заливаясь звонкимъ, какъ колокольчикъ, хохотомъ.

Подобрали ягоды и пошли дальше. Солнце уже взошло и свѣтлыми яркими пятнами и тѣнями расцвѣтило зелень и блестѣло въ капляхъ росы, о которую вымокли дѣвчонки теперь по самый поясъ.

Дѣвчата были уже почти на концѣ лѣса, все уходя дальше и дальше въ надеждѣ, что чѣмъ дальше, то больше будетъ ягодъ, когда въ разныхъ мѣстахъ пошли звонкія ауканія дѣвокъ и бабъ, вышедшихъ позднѣе и также собиравшихъ ягоды. Въ завтракъ кружка и горшочекъ были уже наполовину полны, когда дѣвчата сошлись съ теткой Акулиной, тоже вышедшей по ягоды. За теткой Акулиной ковылялъ на толстыхъ, кривыхъ ножонкахъ крошечный толстопузый мальчикъ въ одной рубашонкѣ и безъ шапки.

— Увязался за мной,—сказала Акулина дѣвчатамъ, взявъ мальчика на руки.—И оставить не съ кѣмъ.

— А мы сейчасъ зайца здороваго выпугнули. Какъ затрещитъ — жуть!

— Вишь ты!—сказала Акулина и спустила опять съ рукъ малаго.

Переговорившись такъ, дѣвчонки разошлись съ Акулиной и продолжали свое дѣло.

— Знать, посидимъ теперича,—сказала Ольгушка, садясь подъ густую тѣнь орѣховаго куста:—уморилась. Эхъ! хлѣбушка не взяли, поѣсть бы теперь.

— И мнѣ хочется,—сказала Грушка.

— Что это тетка Акулина кричитъ больно чего-то. Чуешь? Ау, тетка Акулина!

— Ольгушка-а!—отозвалась Акулина.

— Чаго?

— Малый не съ вами?—кричала Акулина изъ-за отвершка.

— Нѣту.

Но вотъ зашелестѣли кусты, и изъ-за отвершка показалась сама тетка Акулина съ подобранной выше колѣнъ юбкой и съ кошелкой на рукѣ.

— Малаго не видали?

— Нѣту.

— Вотъ грѣхъ какой! Мишка-а!

— Мишка-а!

Никто не отозвался.

— Охъ, горюшко, заплутается онъ! Въ большой лѣсъ забредетъ.

Ольгушка вскочила и пошла съ Грушкой искать въ одну сторону, тетка Акулина въ другую. Не переставая, звонкими голосами онѣ кликали Мишку, но никто не откликался.

— Уморилась, — говорила Грушка, отставая, но Ольгушка не переставая аукалась и шла то вправо, то влѣво, оглядываясь по сторонамъ.

Акулининъ отчаянный голосъ слышался далеко къ большому лѣсу. Ольгушка уже хотѣла бросить искать и идти домой, когда въ одномъ сочномъ кустѣ, около пня липовой молодой поросли, она услыхала упорный и сердитый, отчаянный пискъ какой-то птицы, вѣроятно съ птенцами, чѣмъ-то недовольной; птица, очевидно, чего-то боялась и на что-то сердилась. Ольгушка оглянулась на кустъ, обросшій густой и высокой съ бѣлыми цвѣтами травой, и подъ самимъ имъ увидала синенькую, непохожую ни на какія лѣсныя травы, кучку. Она остановилась, приглядѣлась. Это былъ Мишка. И его-то боялась и на него сердилась птица.

Мишка лежалъ на толстомъ брюхѣ, подложивъ ручонки подъ голову, вытянувши пухлыя, кривыя ножонки, и сладко спалъ.

Ольгушка покликала мать и, разбудивши малаго, дала ему ягодъ.

И долго потомъ Ольгушка всѣмъ, кого встрѣчала, и дома матери, и отцу, и сосѣдямъ, разсказывала, какъ она искала и какъ нашла Акулининова малаго.

Солнце уже совсѣмъ вышло изъ-за лѣса и жарко пекло землю и все, что было на ней.

— Ольгушка, купаться!—пригласили Ольгу сошедшіяся съ ней дѣвочки. И всѣ большимъ хороводомъ пошли съ пѣснями къ рѣкѣ. Барахтаясь, визжа и болтая ногами, дѣвчата не замѣтили, какъ съ запада заходила черная низкая туча, какъ солнце стало скрываться и открываться, и какъ запахло цвѣтами и березовымъ листомъ, и стало погромыхивать. Не успѣли дѣвки одѣться, какъ пошелъ дождь и измочилъ ихъ до нитки.

Въ прилипшихъ къ тѣлу и потемнѣвшихъ рубашонкахъ дѣвчонки прибѣжали домой, поѣли и понесли на поле, гдѣ отецъ перепахивалъ картофель, обѣдать.

Когда онѣ вернулись и пообѣдали, рубашонки уже высохли. Перебравъ землянику и уложивъ ее въ чашки, онѣ понесли ее на дачу къ Николаю Семеновичу, гдѣ хорошо платили; но на этотъ разъ имъ отказали.

Мари, сидѣвшая подъ зонтикомъ въ большомъ креслѣ и томившаяся отъ жара, увидала дѣвочекъ съ ягодами и замахала на нихъ вѣеромъ.

— Не надо, не надо!

Но Валя, старшій, 12-лѣтній мальчикъ, отдыхавшій отъ переутомленія классической гимназіи и игравшій въ крокетъ съ сосѣдями, увидалъ ягоды, подбѣжалъ къ Ольгушкѣ и спросилъ:

— Сколько?

Она сказала:

— 30 копеекъ.

— Много,—сказалъ онъ. Онъ потому сказалъ много, что такъ всегда говорили большіе.—Подожди, только зайди за уголъ,—сказалъ онъ и побѣжалъ къ нянѣ.

Ольгушка съ Грушкой между тѣмъ любовались на зеркальный шаръ, въ которомъ виднѣлись какіе-то маленькіе дома, лѣса, сады. И этотъ шаръ и многое другое было для нихъ неудивительно, потому что онѣ ожидали всего самаго чудеснаго отъ таинственнаго и непонятнаго для нихъ міра людей-господъ.

Валя побѣжалъ къ нянѣ и сталъ просить у нея 30 копеекъ. Няня сказала, что довольно 20, и достала ему изъ сундучка деньги,

и онъ, обходя отца, который только-что всталъ послѣ вчерашней тяжелой ночи, курилъ и читалъ газеты, отдалъ двугривенный дѣвочкамъ и, пересыпавъ ягоды въ тарелку, напустился на нихъ.

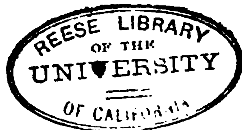
Вернувшись домой, Ольгушка развязала зубами узелокъ въ платкѣ, въ которомъ былъ завязанъ двугривенный, и отдала его матери. Мать спрятала деньги и собрала бѣлье на рѣчку.

Тараска же, съ завтрака пропахивавшій съ отцомъ картофель, спалъ въ это время въ тѣни густого, темнаго дуба, тутъ же сидѣлъ и отецъ его, поглядывая на спутанную отпряженную лошадь, которая паслась на рубежѣ чужой земли и всякую минуту могла зайти въ овесъ или чужіе луга.

Все въ семьѣ Николая Семеновича было нынче такъ, какъ обыкновенно. Все было исправно. Завтракъ изъ трехъ блюдъ былъ готовъ, мухи давно ѣли его, но никто не шелъ, потому что никому не хотѣлось ѣсть.

Николай Семеновичъ былъ доволенъ справедливостью своихъ сужденій, которая выяснилась изъ того, что онъ прочелъ нынче въ газетахъ. Мари была спокойна, потому что Гога сходилъ хорошо. Докторъ былъ доволенъ тѣмъ, что предложенныя имъ средства принесли пользу. Валя былъ доволенъ тѣмъ, что съѣлъ цѣлую тарелку земляники.

Л. Н. Толстой.



U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043147099